

МИР СТРУГАЦКИХ ПОЛДЕНЬ И ПОЛНОЧЬ

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ • БОРИС СТРУГАЦКИЙ •
ОЛЕГ ДИВОВ • РОМАН ЗЛОТНИКОВ • ЕВГЕНИЙ
ЛУКИН • МАЙК ГЕЛПРИН • ИГОРЬ МИНАКОВ •
ДАРЬЯ ЗАРУБИНА

МИР СТРУГАЦКИХ. ПОЛДЕНЬ И ПОЛНОЧЬ

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ • БОРИС СТРУГАЦКИЙ • ОЛЕГ ДИВОВ • РОМАН ЗЛОТНИКОВ •
ЕВГЕНИЙ ЛУКИН • МАЙК ГЕЛПРИН • ИГОРЬ МИНАКОВ • ДАРЬЯ ЗАРУБИНА

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

МИР СТРУГАЦКИХ ПОЛДЕНЬ И ПОЛНОЧЬ

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ

БОРИС СТРУГАЦКИЙ

ОЛЕГ ДИВОВ

РОМАН ЗЛОТНИКОВ

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН

МАЙК ГЕЛПРИН

ВЛАДИМИР ВЕНГЛОВСКИЙ

ГРИГОРИЙ ПАНЧЕНКО

ДАРЬЯ ЗАРУБИНА

ЕЛЕНА ПЕРВУШИНА

ИГОРЬ МИНАКОВ

МИХАИЛ САВЕЛИЧЕВ

ВЛАДИМИР МАРЫШЕВ

и другие

МИР СТРУГАЦКИХ ПОЛДЕНЬ И ПОЛНОЧЬ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
М63

Разработка серийного оформления
художника *Е. Савченко*

Серия основана в 1996 году

Составители сборника
М. Гелприн, Г. Панченко, И. Минаков

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

М63 Мир Стругацких. Полдень и Полночь. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 512 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-84824-9

Что произошло у рифа Октопус? Откуда взялся на Марсе канал имени Москвы? Чем закончилась история тринадцати поджидышей, которых так опасался Рудольф Сикорски? Что связывает катастрофу на Далекой Радуге и таинственную планету Пандора?

Аркадий и Борис Стругацкие, Олег Дивов, Роман Злотников, Евгений Лукин и другие в сборнике, посвященном миру далекого будущего, легендарного «Полдень, XXII век»!

Произведения братьев Стругацких, включенные в сборник, публикуются впервые!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алиев Т., Бариста А., Батхен Н., Богданов Б., Венгловский В., Гелприн М., Громов А., Дивов О., Зарубина Д., Звонарёв С., Злотников Р., Клещенко Е., Ковешников С., Лукин Е., Марышев В., Минаков И., Московит И., Никитин Д., О'Рэйн, Панченко Г., Первушина Е., Савеличев М., Стругацкий А., Стругацкая М. (наследники), Тихомиров М., Удалин С., Халь Е., Халь И., Шатохина О., 2016

© Состав и оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-84824-9

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

 ообще-то я не люблю историй из области «я и великие». Не слишком активно, но... не люблю. Нет, кое-какие жертвы в виде «фотографий с» и «автографов от» я на этот алтарь положил. Грешен. Но считаю, что это были, так сказать, минуты слабости. Однако когда мне предложили написать что-то по этому поводу в мемориальный сборник, посвященный памяти несомненных кумиров моего поколения — братьев Стругацких, отказаться я не смог. Так что «я и великие», внимлите ☺...

Когда я прочитал их первую книжку — я уже и не помню. В третьем классе или четвертом... Вряд ли позже. Прочитал и пропал. «Страна багровых туч», «Полдень, XXII век», «Стажеры», «Трудно быть богом», «Понедельник начинается в субботу», «Обитаемый остров», «Парень из преисподней»... ой как меня начинало корезить, когда заканчивалась очередная книга. Мне хотелось, чтобы продолжение было сейчас, немедленно, тут же. Я, как мне представляется, и писать-то сам в конце концов начал потому, что ну не было мочи терпеть, пока появится продолжение какой-нибудь полюбившейся мне книги. Вот и принялся сначала додумывать, представлять, воображать, как оно там должно быть дальше, а потом и сам вляпался...

В 1977 году я, будучи вполне себе стеснительным мальчиком (как минимум в обращении со взрослыми), неожиданно для себя умудрился написать братьям Стругацким письмо. Вот так — взял и написал. Мол, за-

думал книгу, хочу посоветоваться... Если честно — врал. Всегда ненавидел писать, так что даже представить себе не мог, что способен не то что придумать (воображение-то было), а вот просто записать на бумаге объем, равный книге. Поэтому то, что я как-то в конце концов после всех наездов преподавателей на слишком скудные записи лекций и семинаров и проверяющих из вышестоящего штаба на слишком «тощие» конспекты и планы занятий с личным составом и т. п. умудрился-таки стать писателем, — меня до сих пор удивляет до крайности. Но — письмо написал. И принялся ждать ответ. А он все никак не приходил... Прошел месяц, потом второй, потом третий. И я понял, что ждать бессмысленно. Ну не общаются великие с такими, как я... Не скажу, что так уж сильно расстроился, но некоторое разочарование — было. А потом, месяца уже через четыре, меня позвонил отец и торжественно вручил конверт с листком, на котором были напечатанные на машинке несколько строчек и закорючка подписи Бориса Стругацкого... Короче — ответ пришел, но так испугал моих родителей, что они почти два месяца не решались мне его отдать. Ну как же — письмо от самого Стругацкого! Мои родители были, как это тогда называлось, — ИТР, и Стругацких читали и сами. А тут письмо мальчику-школьнику. А ну как это плохо отразится на его психике? Но все-таки отдали. И оно и сейчас хранится у меня...

Не скажу, что я был на седьмом небе. Нет, письмо было добрым и каким-то... отеческим, что ли. Мол, это хорошо, Рома, что ты задумал книгу, а еще нарисуй рисунки космических кораблей, которые у тебя будут по сюжету, и следи за орфографией. А то слово «...» пишется через «е», а не «и»... Так что я, конечно, обрадовался, но и подосадовал на себя по поводу того, что, блин, не проверил письмо на ошибки. И что с того, что я так никогда не делал? То есть ни на диктантах, ни на сочинениях, ни на изложениях. Школа — это школа, там — мож-

но, а тут письмо самим Стругацким... То есть к реально ощущаемому внутри восторгу примешивалась и досада на самого себя. Возможно, именно в тот момент я и начал серьезно заниматься собственной грамотностью.

И еще — книжку я не написал. Даже не начал. Так все и осталось в воображении. Ну лентяй был — что делаешь...

Второй мой личный, так сказать, контакт со Стругацкими состоялся уже гораздо позже. В начале «нулевых». И был он уже именно личным. Лицом, так сказать, к лицу.

Это произошло на Санкт-Петербургском конвенте «Интерпресскон».

Дело в том, что до того как вышла моя первая книга, я ничего не знал о жизни фэндома. я рос, учился, служил, получал звания, переходил на более вышестоящие должности, после распада Советского Союза и резкого сокращения армии уже в звании капитана перешел на службу из спецчастей внутренних войск МВД в учебное заведение милиции, начав преподавать единственное, что знал из всей сложной и многогранной милицейской работы, — боевую подготовку. И параллельно начал пытаться писать. Фантастику. Но о том, что существует некая и весьма многочисленная общность людей, объединенных именно любовью к моему любимому жанру... ну или направлению литературы, — я ничего не знал. И узнал, только когда стал «молодым, но перспективным автором», которого творческий дуэт Димы Громова и Олега Ладыженского, творящих под псевдонимом Генри Лайон Олди, пригласил на свой конвент.

Помню, я тогда еще не понял и уточнил как-то вроде: «Куда-куда сбегать?» Тем более что Дима и Олег к тому моменту уже были вполне себе маститыми, а я, повторюсь, всего лишь «молодым и перспективным». Ну они мне и объяснили, есть в фантастике такое явление, как конвенты, что существует это везде и в любой стране мира, что даже в маленькой Болгарии в год прово-

дятся два конвента, вот и они затеяли нечто подобное в Харькове и желают меня там видеть. Вот после этого я и начал потихоньку кататься. «Звездный мост» в Харькове (ныне усопший, к сожалению, но будем все же надеяться, что не навсегда), «Роскон» и «Басткон» в Москве, «Интерпресскон» и «Странник» в Питере, «Аэли-та» в Екатеринбурге... На самом деле конвентов в нашей стране куда больше, но сейчас речь не о них.

Так вот, на «Интерпресскон» меня тогда пригласил Саша Сидорович, один из главных его организаторов. Опять же как «молодого, но перспективного автора». А я тогда возьми и закинь удочку насчет встречи с Борисом Натановичем (старшего из братьев — Аркадия, к тому времени уже, к сожалению, не было в живых). На что Саша ответил:

— Да без проблем. Он на нашем конвенте вручает свои премии (АБС-премия и «Бронзовая улитка»). Так что непременно будет. И мы тебя ему представим.

И он таки был!

После вручения премий я не утерпел и не стал дожидаться того, чтобы меня представили Борису Натановичу лично, а «внедрился» в толпу, окружившую его. К тому моменту уже вышло несколько моих книг, и парочку из них я засунул в пакет, который держал в руках, собираясь вручить их «легенде» с соответствующей прочувственной речью. Но вокруг стояла целая толпа таких же поклонников их творчества, как и я, поэтому обратить на себя внимание «мэтра» все никак не получалось... И тогда я начал «работать бедром», потихоньку отодвигая других претендентов на внимание «мэтра». Паренек я был дюжий, и мои усилия через некоторое время увенчались некоторым успехом. Так что я наконец улучил момент:

— Борис Натанович, — проникновенно начал я, — должен сказать, вы, не подозревая об этом, приняли заметное участие в моей судьбе.

— Как это? — слегка озадачился «легенда».

— Дело в том, что, когда мне было четырнадцать лет, я написал вам с братом письмо, — сообщил я. — И вы мне на него ответили. Причем именно вы.

— И что? я всем отвечаю, — не понял «мэтр».

— Так вот, — не дал я сбить себя с мысли. — После этого я учился, служил, а потом начал писать. Фантастику. И вот теперь... — Тут я потянулся к своему пакету, в котором явственно просматривалось нечто весьма толстое. Борис Натаныча слегка перекосило.

— Понимаете, молодой человек, — начал он мне, — дело в том, что я очень, просто чрезвычайно загружен. Я за год прочитываю до трехсот рукописей и просто физически не в состоянии...

Но было поздно. я уже достал из пакета свои книги. Борис Натанович запнулся, блеснул очками и продолжил уже совершенно другим тоном:

— А-а-а, так вы их уже издали? Тогда давайте-давайте, с удовольствием прочитаю...

Вот так и произошла наша первая встреча лицом, так сказать, к лицу.

Потом мы встречались еще несколько раз. Как-то так получалось, что, когда я появлялся на «Интерпресс-коне», мы с ним всегда вместе обедали. Если я шел на обед — то заходил за ним, а если он приходил первым — то всегда оставлял мне место за своим столом. Один раз даже мне удалось его «освободить». Потому что у него сломался замок, и, когда я зашел за ним, он уже минут десять пытался выбраться из запертой комнаты. Но его никто не слышал. Было и такое ☺.

Нет, особенно близкими мы не стали. Даже переписки не зародилось. Но при встречах общались с удовольствием. Так что общение с живым «великим» принесло мне только радость. А ведь мы знаем, что бывает и по-другому. И потому известие о его смерти я принял с искренней грустью и... светлая им память.

Этот сборник — как раз и есть эта память. Он во многом уникален и вовсе не тем, что мемориальный и из-

дан к годовщине смерти последнего из покинувшего нас братьев — Бориса Натановича Стругацкого, а тем, что часть опубликованных в нем рассказов — победители сетевого конкурса, посвященного мирам, созданным Аркадием и Борисом Стругацкими. Миру Полдня и миру Полночи. Миру светлого будущего, в котором, однако, есть и свои проблемы, и свои победы и поражения, и миру будущего... нет, не столько темного, сколько обычного для цивилизации Земли — трудного, требующего для выживания в нем воли, стойкости и упорства. Ну так мы же в таком будущем сейчас и живем, не так ли? Хотя продолжаем мечтать о другом.

А еще в нем опубликованы два текста АБС, которые пока не публиковались нигде и никогда. Вот такой мы получили от них прощальный привет...

ПОЛДЕНЬ

ГРИГОРИЙ ПАНЧЕНКО

О СТРАНСТВУЮЩИХ И ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ — КАКИМИ ВЫ НЕ БУДЕТЕ

*Предисловие к неизвестным ранее
произведениям Аркадия и Бориса Стругацких,
впервые опубликованным в этом сборнике*

«Погружение у рифа Октопус»

Рассказ «Погружение у рифа Октопус» написан на рубеже 1959 и 1960 гг. Хронологически он, видимо, второй из текстов, впоследствии составивших «полуденный» мир: «Белый конус Алаида» уже рожден, но в главу «Поражение» еще не превратился. Впрочем, ведь пока нет вообще никаких глав, как и Полудня нет — хотя зачатки его уже намечены. Причем в «Октопусе» куда больше, чем в «Конусе»: налицо и Костылин (тогда как герой «Конуса» — не Атос-Сидоров), и океанолог Званцев, и астероид «Бамберга» («Стажеров» еще нет даже как замысла!), и термин «оверсан» (в рассказе «Путь на Амальтею» он уже явлен, но сам этот рассказ будет явлен читателям лишь через несколько месяцев)... Любопытно, что антураж этого предПолудня скорее соответствует первым главам грядущей повести, «Ночь на Марсе» и «Почти такие же», относящимся к XXI в. (а действие «Ночи на Марсе» вообще должно в конце XX в. происходить), да уж и «производственным» главам «Стажеров». Но при этом рассказ перенесен в куда более позднее время: при взгляде на потопленный во время *Последней Войны* японский

или американский авианосец Костылин вспоминает, что ему не раз приходилось наткаться на такие обломки *трехвековой давности*.

Кажется, у Братьев иногда возникало сознательное или подсознательное желание передвинуть Полдень на столетие вперед. Ведь и в «Попытке к бегству» дата открытия планеты Саула, «юлианский день двадцать пять сорок два девятьсот шестьдесят семь», относится к середине XXIII в.

Считать ли «Погружение» эпизодом взрослой молодости Лина, бортинженера и охотника (правда, потом охотничью стезю избрал Польш), из аныюдинской четверки мушкетеров? Если так, рассказ хорошо вписывается в соответствующую нишу: ведь Капитана, Атоса и Либера Полли мы в этом качестве видим именно как главных героев соответствующих глав, а Лину отведена роль второго плана (правда, дважды, причем оба раза на фоне Поля — однако последнее его появление приходится уже на время старости бывших обитателей 18-й комнаты). Но, пожалуй, этот вывод верен «с точностью до наоборот»: Стругацкие, сформировав своих героев порознь, вскоре начинают создавать для них общий мир. А для четверки из аныюдинского интерната — и общее детство.

Мир, где найдется место и Жене Славину (только готовящемуся появиться на свет в «Ночи на Марсе»), и Горбовскому, и Званцеву... И Охотнику из «Свидания», который потом станет Полем, но пока носит совершенно иное имя — как и его друг, в дальнейшем сделавшийся Лином. И герою «Белого конуса Алаида», еще не Атосу (он в рассказе, опубликованном на страницах «Знание — сила» № 12, 1959, получил очень тяжелую, возможно, даже смертельную травму — и, кажется, тень этого ранения продолжает витать над ним даже после совмещения с Атосом: в «Десантниках», в «Улитке на склоне», в «Волны гасят ветер»...).

Александра Костылина это касается тоже. Все они — «почти такие же», как были в ранних новеллах. Но не-

которые изменились довольно заметно — и миры рассказов изменились вместе с ними, чтобы соответствовать миру Полудня.

Почему все-таки эта глава не вошла в «Полдень», будь то повесть 1962 г. или роман 1967-го и всех последующих лет? На то может быть несколько причин. Скорее всего, они действовали все вместе.

Прежде всего Братья, видимо, решили не переотягочать цикл «океанскими» главами, так что даже из двух гораздо более зрелых новелл, «Глубокий поиск» и «Моби Дик», выбрали лишь одну — а уж о третьей и речь не шла. Об этом еще скажем позже. Помимо всего прочего, все эти главы-новеллы отмечены влиянием знаменитого романа А. Кларка «Большая глубина» (он на многих наших фантастов оказал влияние: Жемайтис, Ларионова, Кир Булычев — не только «Узники «Ямагири-мару», но и «Агент КФ») — причем для каждой из них в отдельности переключка с Кларком не была чрезмерной, а вот вместе... но вместе, под одной обложкой, они никогда и не появлялись.

Наконец «Погружение у рифа Октопус» отражает тот этап творчества Братьев, который сами они с неудовольствием называли «ранние Стругацкие». Гораздо в большей степени ранние, чем то характерно для ряда других новелл «полуденного» цикла, даже всего на год-два позже написанных.

Это действительно так. Однако пускай ранние Стругацкие, но все равно — СТРУГАЦКИЕ! Так что новелла эта имеет отнюдь не только историческую ценность.

Добавим, что тема рифа Октопус у Стругацких поднимается неоднократно, даже название это иной раз звучало. Ну и часть реалий была использована в том же «Глубоком поиске», правда, оставшись почти за кадром: помните, о чем имела сведения Океанская охрана? Среди прочего — о драконах и «об океанском гнусе — маленьких хищных рыбках, многотысячными стаями идущих на глубине полутора-двух километров и истребляющих все на своем пути».

А еще в планах Братьев был такой пункт: «Вставить в главу «Риф Октопус» дрессированных кальмаров, уничтожающих косаток». Будь эта переделка реализована — новелла, похоже, вобрала бы в себя некоторые мотивы «Глубокого поиска»... и не только их. Между прочим, поди угадай, каких именно косаток Стругацкие имели в виду: совершенно реальных «китов-убийц» — или тех абсолютно фантастических рыб, которые появляются только на страницах «Погружения», чтобы стать жертвами стаи белых драконов. Лично мне кажется, что второй вариант больше похож на правду.

(Откуда вообще взялись эти рыбы-косатки? Опять же поди угадай. Возможно, перед нами увеличенные «двойники» таких совершенно реальных обитателей моря, как рыбы-дельфины: это дорада, она же корифена, с дельфином у нее нет ничего общего, кроме рыбацкого названия.)

«Современная зарубежная научная фантастика»

Статья была написана в начале июля 1965 года, вероятно, для Детской энциклопедии: как раз тогда стартовало второе, 12-томное издание, том 11 которого был зарезервирован за языком и литературой. Выпуск энциклопедии затянулся до 1968 г., и в конце концов тему зарубежной фантастики выделить уже не рискнули, а главу об НФ как таковой написал академик Л. И. Тимофеев, неплохой литературовед, положительно относившийся к Стругацким, но...

Может быть, самое правильное — это попробовать хотя бы выборочно ознакомиться с теми произведениями, которые упомянуты в рецензии. Благо теперь это легче, чем во времена АБС.

Честно говоря, в том-то и дело. Когда осознаешь, НАСКОЛЬКО такое легче сейчас, — становится ясно, что проблема была не только в доинтернетной эпохе. Про-

сто Стругацким приходилось просматривать все эти образцы американской фантастики, что называется, «без права выноса»: на столе в редакции, в квартире у кого-то из выездных друзей... Читать наспех, без возможности копирования (опять-таки дело не только в отсутствии ксероксов и сканеров), делать выписки буквально «на коленке»... И — невольно упускать важные подробности, ошибаться. А иногда, наоборот, прибегать ко вполне осознанной маскировке.

Это, кстати, хорошее напоминание для тех, кто сейчас абсолютно не представляет, о какой эпохе идет речь — и ностальгирует по ней без осознания того, какие проблемы там возникали буквально на каждом шагу. Безусловно, не только у Стругацких. Но вот возьмем как раз их. Уже ясно, что ведущих фантастов страны (налицо не только «Полдень, XXII век», но и «Попытка к бегству», «Далекая Радуга», «Трудно быть богом», «Понедельник начинается в субботу»; «Хищные вещи века» уже стоят в издательских планах, хотя из-за начальственных придилок застряли еще на несколько месяцев). На тот момент — не диссидентов, во всяком случае, явных и вообще покамест гораздо меньше разошедшихся с окружающей действительностью, чем всего пяток лет спустя. Вот эти ведущие писатели, свободомыслящие, но все еще считающиеся лояльными, знающие установленные *правила игры* и в данном случае готовые соблюдать их, решают поработать над достаточно безобидной с точки зрения идеологии темой. Тем не менее на их пути постоянно встают серьезные препятствия.

...На самом деле так бывало не всегда: не будем демонизировать эпоху, и так-то много желающих. В других случаях, достоверно знаем, Стругацкие (то есть преимущественно АН: в руки БНа сборники и журналы иностранной фантастики начали попадать позже и менее систематически) имели возможность работать с такой литературой в куда более благоприятных условиях. Без

цейтнота «на коленке», не часами, но днями и неделями, с возможностью брать домой.

Да, в других случаях бывало иначе. А вот на сей раз, похоже, получилось именно так, в режиме цейтнота. Почему? Да, собственно, нипочему: приукрашивать эпоху столь же незачем, как и демонизировать. Просто потому, что «так уж вышло» в данный конкретный момент. И вот надо готовить статью — а материалов под руками нет: ни новые получить иначе чем «на коленке», ни освежить в памяти ранее прочитанные. Повторно добраться до них, как правило, не невозможно — но это отдельный серьезный труд. Который потребует немало времени и усилий, а к тому же не факт, что увенчается успехом...

«Поражающая научная фантастика» — это «Astounding Science Fiction»; кстати, самый славный журнал (не англо-, а просто американский) за всю историю фантастики: трижды сменив название, но сохранив сущность, он продолжает существовать до сих пор, теперь под именем «Analog». Описание обложки, правда, соответствует не майскому, а февральскому номеру за 1959 г. (сказывается ситуация «без права выноса»). Итак, какие же произведения опубликованы в нем?

Автор «Пиратов Эрзаца» (именно Эрзаца, без «т», в том самом смысле: «эрзац-пираты») — Мюррей Лейнстер, один из классиков. Нашим читателям эта его вещь, добротная и неплохо читаемая, знакома под более поздним названием «Пираты Зана». Чем история про космопиратов могла резать глаз в 1960-е гг. — вопросов не вызывает: тогдашние читатели в прогресс, научный и социальный, верили крепко. Скажи им кто-нибудь, что человек к 2015 г. так и не ступит на поверхность Марса, — это было бы воспринято как крайне антинаучная фантастика. Сейчас-то анахронизмом выглядит скорее логарифмическая линейка, чем пиратский колорит, за которым, увы, даже в космос нет нужды удаляться...

(Тут самое время вспомнить, что Стругацкие планировали поднять космопиратскую тему еще в том замысле, итогом которого стал «Путь на Амальтею», — но отказались от этого плана из-за его абсолютной цензурной непроходимости. Наверно, потому они о «Пиратах Эрзаца» высказались осторожно: так, чтобы это при большом желании могло быть истолковано как неприятие «космопиратства»... но на самом деле таковым не являлось.)

Рассказ «Кочегар и звезды» принадлежит некому Джону А. Сентри. К счастью, в тогдашнем СССР, видимо, не было известно, кто скрывается под этим псевдонимом, иначе у Братьев, будь эта статья подана на публикацию, могли возникнуть... проблемы. Нет, скорее всего ничего страшного не произошло бы: Стругацкие регулярно конфликтовали с властью по гораздо более серьезным поводам, чем мелькнувшая в литературном обзоре фамилия (а тем более псевдоним) зарубежного фантаста. Но, наверно, именно с учетом такой возможности в обзоре почти всегда упомянуты лишь названия рассказов, а не их авторы: мало ли что...

В случае с Сентри предосторожность оправдана: никакой он не Сентри, а Альгирдас Йонас Будрис, сын генерального консула досоветской Литвы в Нью-Йорке, на момент написания статьи уже и сам считавшийся официальным представителем литовского правительства в изгнании; вдобавок, словно этого мало, — еще и активный сайентолог. Тем не менее фантастику Будрис писал совершенно без оглядки на подобные детали своей биографии — и делал это хорошо. «Межзвездный кочегар» (назовем его так) — рассказ пронзительный, горький и мужественный. Но слишком пессимистичный для того, чтобы открыто похвалить его в советском фантастиковедении 60-х: события происходят после глобальной космической войны, человечеством проигранной...

Текст, который следует в журнале дальше, даже не упомянут: Calvin M. Knox «Hi Diddle Diddle!». Похоже,

АБС или АН не хватило времени его внимательно, с выписками прочесть, а при беглом просмотре название перевести затруднительно. На деле это всего лишь зачин детского стихотворения-нонсенса, в котором корова прыгнула выше луны. Сюжет же без всякого нонсенса повествует о том, как получить молоко на лунной базе. Кто автор? Под личиной Кэлвина Нокса он тут скрывался последний раз, далее уже публиковался под своим собственным именем — Роберт Силверберг... Рассказ этот хорошо известен любителям фантастики, на русский он переведен (в 1990 г.) под названием «Тру-ру-ру», что поделать, алгебра абсурдистских фраз не повернется гармонией.

Далее — «Случайная смерть» Питера Бейли. У нас он не переводился, а в англоязычной фантастике довольно известен (как и его автор). Рассказ... пожалуй, хорош и уж точно неожидан; сюжет его немного сродни той истории о гигантской флюктуации, которую Жилин излагает в «Стажерах», поэтому похвалить его тоже было затруднительно: Жилин-то шутил, а у Бейли все всерьез, с нарушением логики «жесткой» НФ, с привязкой категории везучести/невезучести к галактическим расам, с трагическим исходом...

Следующий рассказ в перечне — «Недостающее звено». Его написал Фрэнк Герберт: ранний, еще не овеянный славой «Дюны», но уже тогда создававший незаурядную фантастику. Если поискать аналогии у самих АБС, то это словно бы «Попытка к бегству» и «Благоустроенная планета» в одном флаконе. Потому и «недостающее звено»: как там в «Попытке» сказано о цивилизации Саулы — «родной брат человечества — очень юный, очень незрелый и очень жестокий...». В данном случае не такой уж незрелый, но по-прежнему столь жестокий, что Герберт при первой же возможности ставит его под контроль со всей американской решительностью.

Ну и последний из рассказов того «майско-февральского» номера: Леонард Локхард (опять псевдоним,

причем эпизодический: обычно автор писал под своим реальным именем Чарлз Леонард Харнесс) «The Professional Touch», что в данном случае означает скорее «Профессиональная ошибка», или даже попросту «Тушэ». Почему он тоже не упомянут? Можно предположить — потому, что и его вот так «на коленке» не просмотришь, не осознаешь: сюжет посвящен злоключениям юриста, помогающего оформлять патенты на фантастические изобретения. Хорош ли рассказ? Бывали и получше (у «Локхарда» их целый цикл), этот чуть переотягощен патентоведческими подробностями, интересными скорее бармену Джойсу, чем Юре Бородину или даже Ивану Жилину... но все-таки неплох. То же и об авторе скажем, ни разу не получившем «Хьюго» и «Небьюлу», но неоднократно на них номинировавшемся.

Анализировать состав японского журнала не возьмемся: тут надо обладать квалификацией Аркадия Натановича! Но третий из упомянутых журналов, «Изумляющие рассказы», — это, безусловно, «Amazing Stories»: по сравнению с «Analog» во всех его аватарах и в самом деле не самое притягательное чтиво, однако...

Номер, на обложке которого «запечатлен грустный момент из биографии некой прекрасной блондинки, повстречавшейся с чудовищным муравьем слоновьих размеров», на сей раз указан точно: ноябрь 1958 года; вот только девица все-таки брюнетка. Вроде бы мелочь — но характерная: снова, уже в который раз, срabатывает знакомая ситуация. Братья (или даже только старший из них) успевают прочесть и законспектировать один рассказ, однако к тому моменту, когда берутся за статью, журнала перед ними уже нет.

Итак, рассказ «Ужас в наследство». Автор его — Генри Слезар, такой вот полупсевдоним (у него и настоящих псевдонимов хватало в основном для работы в межавторских проектах — бок о бок с тем же Силвербергом, Робертом Блохом и Харланом Эллисоном), американци-

зированной версия фамилии: по разным источникам то ли Шлоссер, то ли Слесарь... Что, впрочем, одно и то же: Слезар — почти ровесник старшего из Братьев, а мог бы оказаться и соотечественником, вот только его родители в отличие от Натана Стругацкого подались не в революцию, а в эмиграцию. Верна ли характеристика рассказа? Пожалуй, да, хотя и чуть слишком безжалостна: Слезар как писатель и сценарист успешно работал в хорроре, особенно детективном, но именно «Ужас в наследство» — дежурная вещичка, как раз чтобы не пропустить журнальную публикацию. При этом сделана она с достаточным профессионализмом, и, честно говоря, едва ли от нее отказался бы любой из наших журналов фантастики в ту пору, когда они у нас появились... а вот эта пора уже и миновала... Но не будем о грустном.

А какие еще рассказы скрываются под обложкой того номера? Их четыре: два принадлежат фантастам, которых хорошо знает современный читатель по обе стороны океана, один сохраняет известность только на англоязычных берегах, и еще один малоизвестен даже там.

Начнем с именитых. Бертрам Чандлер, рассказ «Clear View» — что в данном случае, пожалуй, правильной перевести как «Идеальная видимость», или «Открытый горизонт»: у Чандлера терминология флотская, он как в юности всей душой возлюбил море, так до старости и писал только о нем. Даже когда действие, как в этом случае, происходит не на океанских просторах, но в космических глубинах.

Далее — Мэрион Циммер (ну ладно, пусть будет Зиммер, раз уж так повелось у теперешних переводчиков) Брэдли «Спасатели планеты». Этот текст, принадлежащий циклу «Дарковер», в 1992 г. переведен на русский, так что читатели могут оценить его сами... Ан нет, не совсем так: перевод 1992 г. сделан по поздней версии, дотянутой (чтобы не сказать — раздутой) до романного объема, а в «Amazing Stories» № 11.58 опубликован исходный, журнальный вариант, не выходящий за преде-

лы короткой повести. Поэтому доступная нам переводная версия — довольно неплоха, но та, с которой могли (если успели) ознакомиться Стругацкие, — много лучше.

Один рассказ «Мир за Плутоном», как уже говорилось, принадлежит автору, известному лишь в англоязычной галактике, в журнальной публикации он не указан, но это, как выяснилось впоследствии, некто С. Н. Thames, реальное имя — Милтон Лессер. Тоже один из типичных «многостаночников», работавший, в зависимости от жанра, под кучей псевдонимов, среди которых и... Эллери Куин! (Не будем путать собственное творчество создателей этого коллективного псевдонима, знаменитых кузенов Даннея и Ли — тоже, кстати, псевдонимы! — и некоторое количество приличных профессионалов, которым вышеназванные кузены иногда разрешали поработать под брендом «Эллери Куин».) «Мир за Плутоном» — очередной эпизод приключений Джонни Майхема, супергероя отнюдь не без страха и упрека, около десяти лет остававшегося знаковой фигурой американской фантастики. Можно ли назвать эту историю бульварным чтивом? Ну... Не в большей степени, чем рассказ Слезара. Сюжет достаточно драматичен, а автор вправду умелый профессионал, так что, несмотря на определенный архаизм, «Мир за Плутоном» неплохо смотрелся бы и на страницах наших журналов фантастики. Тогда, когда они появились. А это отнюдь не 1958-й и даже не 1964-й.

Ну и наконец-то по-настоящему неизвестный фантаст Дж. Л. Вандербург, чья короткая известность как мастера иронической фантастики приходится на 1950-е годы, а потом он сгинул без следа. Очень может статься, что это тоже чей-то псевдоним, так и оставшийся не раскрытым. Его рассказ «Moon Glow» (в данном случае — скорее «Лунный удар», чем «Лунный свет») уж точно не является бульварным чтивом: юмор искрометен, ирония едка и гораздо в большей степени направлена на амери-

канскую, чем на советскую сторону участников пресловутой «лунной гонки». К сожалению, Братья, даже если успели его прочитать, вряд ли могли похвалить открыто: сюжет, в котором ее величество Русская Водка оказывается на Луне раньше, чем Кентуккийское Виски, точно не сникал бы одобрения тогдашнего литературного начальства.

Экскурс на страницы американских журналов завершен. Мы видим, что обзор Стругацких неизбежно включает элементы политеса, а зачастую его возможности ограничены и чисто техническими проблемами. Однако... что можно возразить против этой основной мысли: «О литературе судят по ее лучшим образцам, а не по неудачам и халтуре... Но мы все время помним, что умные, честные и талантливые произведения Брэдли, Азимова и других зарубежных фантастов, известные советскому читателю и получившие заслуженно высокую его оценку, появились впервые именно в этих «поражающих, подлинных, изумляющих» журналах и приложениях, сплошь и рядом в неприятном и диком соседстве с макулатурой, халтурой и спекуляцией на низком художественном вкусе».

Дальше уже пошли книжные персоналии: на тот момент новинки, переведенные совсем недавно, а то даже еще не переведенные (признаемся, как-то не сразу удастся представить мир, в котором таковыми являются «451 градус по Фаренгейту», «Солярис», «Конец Вечности»). Все они сейчас более чем известны, так что анализировать тут как будто нечего. Хотя...

Интересно, «День триффидов» Уиндема упомянут потому, что старший из Братьев уже взялся его переводить — или эта работа началась чуть позже? Как бы там ни было, «С. Бережкову» через год предстоит защищать Уиндема от неизбежного гнева литературного начальства — для чего ему придется затушевать недвусмысленное указание на то, что триффиды являются продуктом лысенковской биологии, а погубивший человечество

«звездопад», судя по всему, был не осколками кометы, но результатом спонтанного срабатывания советских боевых спутников... Впрочем, во времена Уиндема и сам термин «спутник» еще не вошел в обиход: вот как давно все это было!

Повесть Шекли «Странствия Джона» — безусловно, «Хождение Джоэниса»; имена John и Joenes при обычных обстоятельствах спутать трудно, но продолжаем помнить о ситуации «без права выноса». Судя по контексту, Стругацкие полагают, что перевод ее вот-вот будет разрешен (уж не «С. Бережков» ли им планировал заняться?), — но этого пришлось ждать четверть века плюс еще год для совсем уж не поддающейся маскировке главы «Джоэнис в Москве», из которой становится ясно, что не одна лишь американская военщина виновна в гибели человечества...

Вообще же Шекли, по счастливой случайности закрепившемуся в имидже «прогрессивного-американского-писателя-бичующего-буржуазную-действительность», конечно, повезло: советские переводчики (пусть и не Бережков) ухитрились сделать конфетку из любого его произведения. Даже из «Хождения Джоэниса», вещи не просто скучнейшей, но и, так сказать, экспериментальной — в том смысле, что автор во время работы над ней по-крупному экспериментировал с ЛСД. Поэтому не следует удивляться его популярности у нас при почти полном забвении в оригинале: Шекли — фантаст достаточно неплохой, но переводили-то его настоящие мастера, не ему чета...

И совсем уж напоследок несколько слов о романе А. Кларка, который пришел к нам под названием не «Бездна», а «Большая глубина». Специально для тех, кому до сих пор кажется, будто Братья «прячут», «избегают выдавать» переключку своего творчества с этой книгой. Да ничего и никогда они не прятали — как сам Кларк не прятал свои многочисленные отсылки к мелвилловскому «Моби Дику»! Наоборот, Стругацкие при-

лагают максимум усилий, чтобы «Большая глубина», а также другие новые (на тот момент!) романы Кларка, Азимова, Уиндема, Брэдбери и Шекли дошли к нам как можно раньше.

Как правило, им удавалось ускорить этот процесс. Когда на годы, а когда и на десятилетия. В те же годы и десятилетия создавая собственные шедевры, сплошь и рядом по принципу — «когда б вы знали, из какого сора...». Да вот хотя бы пример этой статьи, как будто проходной, не опубликованной — но на формулировку насчет «мутантов-выродков» все обратили внимание? До «Обитаемого острова» еще почти пять лет.

А «Понеделник» состоялся несколько месяцев назад — и впечатления от визита Привалова за Железную Стену, как видим, совсем свежи.

Автор выражает глубокую благодарность группе «Людены» в целом и Светлане Бондаренко в частности: без ее помощи не состоялась бы ни эта статья, ни сам раздел в сборнике, посвященный творчеству «неизвестных Стругацких».

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ,
БОРИС СТРУГАЦКИЙ

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Мы — на берегу великого бумажного океана современной зарубежной фантастики. Миллионы квадратных метров бумаги, хорошей и газетной, тысячи книг и журналов, толстых и тонких, иллюстрированных и без картинок, в твердых солидных обложках и в обложках мягких. На обложках рисунки — либо красивые и точные, как цветные фотографии; либо гру-

бые и аляповатые, как дешевый лубок; нарочито наивные, как детские неумелые каракули, и совсем уж абстрактные — просто искусные наборы ярких цветных пятен.

Заголовки книг: «Человек, перевернувший Вселенную», «Изотопный человек», «Человек, продавший Луну», «Разрушенный человек», «Человек-парадокс», «Четверо с пятой планеты», «Запрещенная планета», «Скрытая планета», «Гибель на затерянной планете», «Саргассы Космоса», «Антимир», «Привет из Космоса»... Названия журналов и газетных приложений: «Фантастические рассказы», «Научно-фантастические приключения», «Космическая пыль», «Чудеса космических путей», «Галактика», «Научная фантазия», «Журнал фантазии и научной фантастики», «Журнал научной фантастики», «Поражающая научная фантастика», «Подлинная научная фантастика»...

Берем наугад один из журналов. На обложке — космический пират карабкается по трапу на борт космического лайнера; в правой руке у него лучевой (не иначе) пистолет, в зубах — логарифмическая линейка. В левом верхнем углу обложки — «Веселый Роджер», черный череп со скрещенными костями. Содержание: повесть с продолжением «Пираты Эрзатца», рассказы «Кочегар и звезды», «Случайная смерть», «Недостающее звено». Это номер журнала «Поражающая научная фантастика» за май 1959 года, издание англо-американское...

Берем другой журнал. Красивая, но — увы! — совершенно абстрактная обложка: кучки красно-желтых зерен на синем фоне. Рассказы и повести американских фантастов Хайнлайна, Тенна, Гамильтона; рассказ французского писателя Андре Моруа; рассказ японского фантаста Мицусэ; рассказ братьев Стругацких. Открытое письмо японского фантаста Комацу Ивану Ефремову. Большая статья Артура Кларка «Облик грядущего» (печатается с продолжением) ...Это японский «Журнал научной фантастики» за ноябрь 1963 года.

Обратимся к книгам. Как правило, это «покетбуки» — небольшие книжечки, легко помещающиеся в кармане пиджака или в дамской сумочке. Обложки у них яркие, гляцевитые, но сшиты они (вернее, склеены) на живую нитку и быстро разваливаются по листочку. Каждый томик — это либо отдельное крупное произведение, либо сборник рассказов и маленьких повестей, либо даже (в издании «Эйс-бук») два отдельных романа разных авторов, помещенные друг по отношению к другу вверх ногами и соединенные последними страницами (так, как правило, объединяются произведения популярного писателя и произведение писателя нового, еще мало известного).

Почти все романы, повести и рассказы, изданные отдельными томиками, впервые увидели свет в периодической печати. Составление сборников поручается известным писателям-фантастам, известным критикам или известным любителям — энтузиастам фантастики. Большею частью это сборники произведений, удостоенных специальных литературных премий или победивших на каком-либо конкурсе; это также сборники произведений, которые кажутся составителю лучшими из опубликованных в журналах за какой-то отрезок времени. Бывают и тематические сборники, объединяющие, например, лучшие рассказы о «мыслящих машинах», о Венере, о чудовищах и так далее.

О литературе судят по ее лучшим образцам, а не по неудачам и халтуре, поэтому в нашем обзоре мы стараемся держаться отдельных книг, а не журнальных изданий. Но мы все время помним, что умные, честные и талантливые произведения Брэзбери, Азимова и других зарубежных фантастов, известные советскому читателю и получившие заслуженно высокую его оценку, появились впервые именно в этих «поражающих, подлинных, изумляющих» журналах и приложениях, сплошь и рядом в неприятном и диком соседстве с макулатурой, халтурой и спекуляцией на низком художе-

ственном вкусе. И прежде чем приступить к разговору о «большой» зарубежной фантастике, хочется привести хотя бы один пример типичного фантастического чтива, которого много и очень много за рубежом.

Вот номер журнала «Изумляющие рассказы» за ноябрь 1958 года. На обложке запечатлен грустный момент из биографии некой прекрасной блондинки, повстречавшейся с чудовищным муравьем слоновьих размеров. Это иллюстрация к рассказу «Ужас в наследство». Героиня рассказа очаровательная Холли Кендэл мчалась на своем роскошном авто через вермонтскую пустыню, чтобы посетить лабораторию своего отца, скончавшегося недавно при загадочных обстоятельствах. Муравей обращает ее в бегство, она бежит, обезумев от ужаса, и попадает в объятия красивого молодого человека, который, оказывается, уже целый месяц ищет этих самых ужасных жуков. «Я вообще-то работаю помощником профессора в университете. Мое ремесло — английская литература, но в свое время я на всякий случай снабдился еще и дипломчиком по энтомологии. И как только я подцепил слухок о том, что в этих местах водятся громадные пауки и прочая дрянь, я немедленно бросился сюда». Не сходя с места молодой человек предлагает Холли пожениться, упомянув, что зарабатывает 5120 долларов в год. Ознакомившись в отцовской лаборатории с записками покойника, Холли узнает, что отец нашел способ произвольно перемещать души из одного тела в другое. Не исключена поэтому возможность, что муравей так разросся из-за того, что в него вселили душу лошади. Потом выясняется, что молодой человек на самом-то деле — отец Холли, переселившийся в чужое тело. В глазах этого составного джентльмена появляется маниакальный блеск, он пытается убить Холли, но тут его зажаливает до смерти гигантская пчела. Безутешная девушка порывается сжечь отцовские записи, однако вовремя появившийся добрый священник разъясняет ей, что работу покойного ученого надлежит продол-

жизнь, ибо всякое открытие приближает людей к богу. На этом рассказ и заканчивается.

Подобных рассказов много. На тысячах хрупких страниц третьесортной бумаги профессора-одиночки, обезумевшие от ненависти к человечеству и поразительно безграмотные, создают ужасные средства разрушения; агенты галактических империй, мускулистые парни со стальными глазами и интеллектом овчарки разоблачают заговоры злоумышляющих мутантов-выродков; девы с длинными стройными ногами и густо покрашенными губками отчаянно отбиваются от жадных щупальцев и клешней инопланетных чудовищ; гремят атомные пистолеты, обугливаются тела, рвутся ядерные бомбы, перерезаются глотки из-за сокровищ, оставленных исчезнувшей цивилизацией; несутся в однообразной карусели отважные космические капитаны в обнимку с кровожадными ведьмами, кибернетическими вампирами и роботами-бунтовщиками. И все это — макулатура, тонны растроченной бумаги, дорожное чтиво, слишком беспомощное, чтобы быть литературой, и слишком злокозненное, чтобы казаться детской забавой, написанное натужно-крикливым языком провинциальных газет, беспрерывно повторяющее самое себя, словно заигранная пластинка. Соответствие этому есть в любом виде литературы, не только в фантастике, оно было, есть и будет, пока существует читатель, готовый выложить медный пятак за часок мозговых сумерек, а такой читатель будет существовать, пока есть социальное устройство, которому выгодно, чтобы мозг человеческий пребывал в сумерках.

Мы не будем больше говорить здесь о макулатуре и дряни, о глупой лживой пропаганде и литературных поделках, потому что настоящая фантастика — это литература в самом полном смысле этого слова — вид творчества, отражающий действительность, идеи, проблемы в художественных образах, и такая фантастика за рубежом есть и имеет представителей с мировым

именем, людей, безусловно, честных, прогрессивно мыслящих, талантливых. О них дальше и пойдет речь.

Голд, издатель «Галактики», одного из самых популярных и самых разборчивых журналов научной фантастики в США, утверждает, что по старым фантастическим произведениям можно составить сегодня гораздо более ясное представление о времени, когда они писались, чем по старым же произведениям обычной литературы. По мнению Голда, именно НФ, а не обычная литература дает наиболее четкое представление о чаяниях, надеждах, страхах, тенденциях, недостатках и устремлениях своей эпохи.

Это, конечно, преувеличение, простительное, впрочем, для такого энтузиаста, каким является Голд. Однако рациональное зерно в его утверждении все-таки есть. Это рациональное зерно заключается в фундаментальной идее, дающей ключ к пониманию сути фантастической литературы: фантастика не есть литература пророчеств и предсказаний, фантастика — это прежде всего литература о настоящем. Перенесение действия в будущее, более или менее отдаленное, не есть самоцель для фантаста, а только лишь прием, позволяющий ему выделить объект рассмотрения в чистом виде. Это своего рода увеличительное стекло для рассмотрения намечающихся в обществе сдвигов, течений мысли, направлений, могущих иметь для человечества первостепенное значение. Фантастика — это не загляд в будущее, а зеркало настоящего. Разумеется, не обыкновенное плоское зеркало. Как и у сатирической литературы, у фантастики свои законы отражения мира, она подчеркивает что-то одно и приглушает другое, чтобы несущественное не закрывало, не маскировало главного, но действительность она изображает верно, и недаром видный английский критик и писатель Кингсли Эмис советует марсианским разведгруппам, высадившимся на Земле, приниматься за составление отчетного докла-

да только после основательного ознакомления с хорошими научно-фантастическими произведениями.

Из такого понимания смысла зарубежной фантастики вытекает и ее главное содержание: сомнение и протест. Большинство современных авторов-фантастов — передовые люди своего времени. Фантастическая литература несет на себе отчетливый отпечаток прогрессивности, непримиримости к установившемуся положению вещей, ко всему реакционному, тупому, жестокому, античеловеческому. Вот почему можно смело сказать, что зарубежная фантастика в лучших своих книгах неустанно борется за изменение действительности, снова и снова атакует то, что называется западным образом жизни: милитаризм, политиканство, индивидуализм, пошлость, мещанство.

Весьма характерно в этом отношении творчество молодого американского фантаста Роберта Шекли. Он получил признание после опубликования первых же рассказов. Критика отмечала, что за последние годы никому еще не удавалось так стремительно вырваться в первые ряды литературы. Этим возвышением Шекли обязан своему яркому и живому воображению, способности создавать острые сюжеты, да и сильному литературному дарованию. Но главное, пожалуй, было в том, что самые неправдоподобные положения, в которые Шекли ставил своих героев, всегда, так или иначе, напоминали читателю реальные, привычные до незаметности явления окружающей действительности. В фантастическом мире Шекли переселенцы на подержанных ракетах улетают на необжитые астероиды; закон разрешает свободную охоту на людей; в увеселительном тире мишенями для стрельбы из автомата работают живые веселые девушки; колонисты на далекой, всеми забытой планетке связывают цивилизацию исключительно с представлениями о тюрьме, полиции, преступниках; и практические люди, деловые люди крайне озабочены тем, чтобы даже в мире без войн находили себе удовлет-

ворение самые темные, самые зверские инстинкты человеческой натуры. Перевернув последнюю страницу, читатель с новой болезненной отчетливостью видит то, что уже примелькалось, забылось: безработного, путешествующего по стране в стареньком «фордике»; гангстеров, торгующих наркотиками и смертью; и конечно, практических людей, деловых людей, озабоченных обеспечить молодежи заморские прогулки с автоматом наперевес... Почти каждый рассказ Шекли — это воззвание: «Думай! Оглянись во гневе!» Последняя фантастическая повесть Шекли «Странствия Джона» является уже прямой, неприкрытой сатирой на современную Америку. Простодушный наивный юноша Джон, провинциал, островитянин с Южных морей, духовный потомок вольтеровского Кандида, приезжает в США искать высшие истины. Ему пришлось многое пережить. Его обвиняют в коммунистическом шпионаже и чуть не казнят. Он встречается с полицейским, бывшим гангстером, который расстреливает прохожих за нарушение правил уличного движения. Он попадает к ученым-утопистам, создавшим счастливую колонию, нечто вроде сельской общины, однако вскоре выясняется, что для того, чтобы эта колония, эта пасторальная идиллия могла существовать, необходимо кибернетическое чудовище, которое несколько раз в год совершает нападение на деревни и убивает колонистов. В конце концов Джон попадает в лапы американской военщины и совершенно случайно становится причиной военного столкновения, погубившего человечество.

Вообще следует заметить, что у лучших зарубежных фантастов, при всем разнообразии характеристик прочих персонажей, политикан и генерал — всегда фигуры отрицательные, внушающие ненависть, презрение и отвращение. В рассказах и повестях мир или страну ставят на грань катастрофы продажные сенаторы, корыстные политические боссы, тупицы военные, презирающие народ, ненавидящие ученых, преследующие свои эгоистические цели.

Большое место занимает в зарубежной фантастике и философская проблематика. Фантасты увлеченно рассматривают вопросы о соотношениях между судьбами человечества и индивидуальным пониманием того, что для людей хорошо и что плохо; между современной моралью и этикой и новыми, неожиданными поворотами истории; между присущим человечеству стремлением к открытиям и постижению природы и устоявшимся буржуазным мировоззрением. Они строят разнообразные модели социальных систем и прослеживают поведение в этих системах человека, наделенного лучшими моральными и этическими качествами нашего времени. Разумеется, поскольку и эти модели не могут не нести на себе отпечаток окружающей автора действительности — мы уже говорили об этом, — автор зачастую приходит к довольно мрачным выводам. Вот как объясняет это один из гигантов американской фантастики Айзек Азимов: «...советская фантастика... описывает общество, совершенно отличное от нашего... Но для человека, привыкшего смотреть на вещи с американской точки зрения, оптимистическое видение современного общества неприемлемо. я использую фантастику для критики общества. Так же поступают, в общем, и все другие американские фантасты. Мы считаем, что поразительные достижения современной науки могут привести к уничтожению человечества. А вот советская фантастика оптимистична. Она полагает, будто прогресс науки рано или поздно приведет человечество к огромному расцвету. Мы думали так лет пятьдесят назад. я тоже раньше был таким же оптимистом. Но сейчас я познал ужас перед тем, что создает наука».

Заметим в скобках, что, совершенно правильно определив оптимизм как отличительную черту советской фантастики, Азимов ошибся в истоках этого оптимизма. Советская фантастика никогда не полагала, будто прогресс науки сам по себе приведет человечество к процветанию. Советская фантастика всегда утверждала,

что все дело в том, в чьих руках наука находится. Но это между прочим. Проблеме соотношения между человеческой историей и свободой человеческой воли посвящен наиболее значительный роман А. Азимова «Конец Вечности».

Группа ученых, открыв способ выходить за пределы трехмерного мира и свободно передвигаться по времени, основывает организацию «Вечность», которая ставит перед собой задачу «организовывать» историю грядущих поколений. «Вечность» различными способами препятствует возникновению в будущей истории — ведь работникам организации всегда известно будущее — страшных и мучительных эпизодов: атомных и космических войн, эпидемий, фашистских диктатур и пр. Она сотни и тысячи раз перекраивает будущую историю, вызывает к жизни, изменяет и истребляет без следа мириады судеб, событий и явлений. И вот герой романа вдруг осознает, что «Вечность» сама, по сути дела, является тираном, худшим из возможных диктаторов, ибо самочинно, ни с кем не считаясь, ворочает судьбами миллиардов людей в сотнях тысяч поколений. Организация, призванная благодетельствовать человечество, оказалась в положении худшего из его врагов. И герой романа восстает против организации. Решившись, он отправляется в прошлое и уничтожает лабораторию, в которой создавалась аппаратура для выхода из пространства-времени. «Вечность» исчезает. Человек снова сам распоряжается судьбой планеты. На это имеет право только все человечество целиком и ни на человека меньше, — таков вывод романа.

Азимов — один из наиболее известных и плодотворных писателей-фантастов США. Диапазон его литературных интересов огромен. Он и автор превосходных научно-популярных книг по биохимии, и автор замечательного цикла рассказов о роботах, где в гротескном стиле анализируется современный мир человеческих отношений, и автор рассказов о научных парадоксах; и даже автор

«космическо-ковбойских» романов, которые — что уж греха таить — отделяемы от макулатурного чтива лишь юмором и блестящей фантазией.

Огромными фигурами, имеющими непреходящее значение не только для мировой фантастики, но и для литературы в целом, выступают американец Рэй Брэдбери и поляк Станислав Лем.

Несколько лет назад американский писатель и критик Ирвинг Стоун заметил, что сейчас, после смерти Т. Вулфа, У. Фолкнера и Э. Хемингуэя, в США осталось всего двое «почти гениальных» писателей: Сэлинджер и Брэдбери. То, что имя фантаста ставится в один ряд с именами великанов современной большой литературы, не случайно. В большой мере это определяется творческой позицией самого Брэдбери. «Хороший писатель, — заявил он, давая интервью американскому журналу «Шоу», — строит свои произведения из чувства. Называйте его, как хотите: чувством необходимости, ощущением голода, возбуждением, высоким наслаждением, радостью, которая зарождается на дне души, переполняющим сердце очарованием. Он живет, вернее, должен жить жаром своего сердца... Лучшую фантастику пишет тот, кого при виде отвратительных проявлений в нашем обществе охватывают беспокойство и гнев». Беспокойством и гневом пронизаны произведения «надежды и славы Америки», и недаром фашистские организации посылают ему анонимные смертные приговоры, угрожая расправой, и недаром фашисты в разгар последней предвыборной кампании, когда рвался к власти Голдуотер, сожгли его дом.

Брэдбери написал шесть сборников рассказов, роман-утопию «451 градус по Фаренгейту», биографическую повесть о детстве «Вино из одуванчиков» и повесть-сказку «Надвигается беда». Своеобразен и неповторим литературный стиль Брэдбери, как и своеобразно и неповторимо он использует в своих произведениях фан-

тастический прием. Страшные рассказы о современной Америке чередуются с исступленными мечтами о счастье грядущих поколений, за мрачными фантазиями-предостережениями следуют странные, полные очарования грезы об освобожденном человеке. Наука, научные данные играют для него очень небольшую роль. Иногда не играют никакой роли. Вот, например, что пишет о его цикле «Марсианские хроники» известный советский исследователь мировой фантастики и писатель Кирилл Андреев: «Марс Брэдбери — не астрономический, поэтому ему и не так важно, что сведения об этой планете, которые мы можем получить в «Марсианских хрониках», не всегда совпадают с данными современной науки. Больше того, в одних рассказах каналы заполнены кристально чистой водой, в других они давно высохли, иногда в городах живут марсиане, иногда — это мертвые города, где жители погибли много тысяч лет назад. Да и сами марсиане каждый раз совсем другие: то похожие на кузнечиков и пьющие огонь, то совсем похожие на людей, то странные существа, способные принимать любой облик».

Вероятно, самым значительным произведением Брэдбери является утопия «451 градус по Фаренгейту». Правда, если понимать под утопией мечту о будущем, то слово это в данном случае не годится. Во-первых, эта повесть явно выражает не мечту, а опасение писателя. Во-вторых, речь в ней идет не столько об ужасном будущем, сколько о зловещих тенденциях настоящего. «451 градус по Фаренгейту» — зеркало настоящего, в гиперболизированном виде отражающее отвратительные явления в современном американском обществе, которые вызывают у автора беспокойство и гнев.

Название повести символично: 451 градус по Фаренгейту — это температура, при которой воспламеняется бумага. Температура, при которой вспыхивают книги. Температура, при которой уничтожаются без следа все

искания ума и чувств, накопленные за тысячелетия долгой и тяжелой истории человечества. «451» — это своеобразный символ общества, созданного воображением и беспокойством талантливого писателя. Если в этом обществе у кого-нибудь обнаруживается книга, в дом этого человека немедленно вламываются «пожарники», быстрые и умелые люди в касках, на которых выведено «451», с топориками, крючьями и огнеметами и уничтожают огнем эту книгу вместе с домом, а при случае — и вместе с владельцем книги. Брэдбери описывает общество людей без мысли, людей-роботов, людей, не знающих ни идей, ни любви, ни искусства. Они с безумной скоростью носятся в автомобилях по великолепным автострадам, они проводят часы перед экранами чудовищных телевизоров, они неграмотны, они живут рефлексами, они стандартны и чудовищно одинаковы. Устойчивость, сохранность этого общества зиждется именно на этой стандартности, на неспособности его членов думать и чувствовать. Книга для такого общества — смертельная опасность. Книга — это мысль, а мысль — это критическое отношение к действительности. Книга — это поэзия, а поэзия — это чувства, эмоции, нетерпимость к стандарту, тоска по любви и по искусству и опять же критическое отношение к действительности. Вот почему днем и ночью бодрствуют страшные пожарники, носятся по городам с ужасающим воем сирен их жуткие машины, плюются жидким пламенем огнеметы и сжигают, сжигают, сжигают бумагу, рукописи, книги до последнего клочка. Этому обществу противопоказана культура, противопоказано творчество, противопоказан Человек. За Человеком гонятся по улицам с чудовищным Механическим Псом: настигнув несчастного, Механический Пес погружает в него жало-шприц, наполненный новокаином... Но несмотря на преследования, несмотря ни на что, даже в этом обществе есть настоящие люди. Они скрываются в лесах. Они заучива-

ют наизусть гениальные творения прошлого, они ждут и надеются, что придет время и их знания понадобятся возрожденному человечеству. А когда в пламени новой атомной войны взлетают в воздух и рассыпаются в прах города, они знают, что это не конец, а начало возрождения.

«Брэдбери близок нам тем, что он всегда вместе с лучшими людьми Америки в ее прошлом, настоящем и великом будущем. Он верит в демократию, верит в то, что свет победит тьму, добро сокрушит зло и подлинная наука победит изуверов от науки, готовящих термоядерную смерть всему человечеству. Огнеметам пожарников, уничтожающих книги, Брэдбери противопоставляет пламя человеческой мысли, подобное словам, сказанным Латимером Николасу Ридли, когда их, борцов за свободу человеческой мысли, сжигали заживо в Оксфорде в 1555 году: «Мы зажгли сегодня в Англии такой факел, который, я верю, им не погасить никогда!»¹

Вторым гигантом современной зарубежной фантастики является польский писатель-коммунист Станислав Лем.

Лем — профессиональный писатель, профессиональный ученый и философ, человек с широкой эрудицией и широким кругозором, с богатейшей фантазией и незаурядным писательским дарованием. И кроме того, Лем — человек, глубоко и искренне заинтересованный судьбами мира, будущим человечества. Он пишет много и хорошо, и разнообразно. Из-под его пера выходят большие серьезные повести и романы, трактующие большие и серьезнейшие философские проблемы; блестящие рассказы-юморески; рассказы-парадоксы, воплощающие в странных гротескных образах отвлеченнейшие научные и философские понятия; диковинные сказки; остроумные и веселые телевизионные сценарии; философские и социологические трактаты; сати-

¹ К. Андреев «Фантастика Рэя Брэдбери». (Прим. авт.)

рические и памфлетные произведения. Лем неожидан. Он озадачивает читателя, вступает в ожесточенную борьбу с его установившимися представлениями, на страницах его книг незначительные, далекие — казалось бы! — от жизненных интересов вопросы вырастают в гигантские проблемы, от решения которых зависит судьба мира, с ним можно не соглашаться, против его утверждений и выводов можно протестовать, но не задуматься над ними невозможно. Лем воспитывает мысль, стремление к анализу, порыв к непознанному, и вместе с тем картины лучших страниц его вещей невероятно достоверны, зримы, почти ощутимы. И не потому ли советские космонавты Феокистов и Егоров называют его в числе любимых своих авторов?

Впервые в фантастике Лем выступил в 1950 году с повестью «Астронавты», где описывается экспедиция международного экипажа на Венеру. Уже в этой повести выявились некоторые характерные особенности творчества Лема: способность мастерски описывать гротескные, невероятные детали фантастических миров, стремление к философским и социологическим обобщениям, склонность к высокому трагизму и к утверждению бесконечности непознанного. В 1955 году вышел его большой роман «Магелланово Облако», в котором он попытался дать широкую красочную картину коммунистической Земли XXIII века и описал первую звездную экспедицию к Проксиме Центавра. Любопытно, что почти одновременно в Советском Союзе вышел ныне всемирно известный роман-утопия И. Ефремова «Туманность Андромеды». Оба романа посвящены описанию коммунистического общества, но если книга Ефремова является воплощением в образах идей философии марксизма-ленинизма, художественной системой глубоко продуманных и доведенных до логического завершения современных представлений научного коммунизма, то «Магелланово Облако» обращено скорее к психоло-

гии людей будущего и построено еще по канонам старой фантастики, сильно злоупотреблявшей сюжетной, приключенческой стороной дела.

Наиболее сильными произведениями, выдвинувшими Лема в первые ряды мировой фантастики, явились «Звездные дневники Ийона Тихого», «Солярис» и «Возвращение со звезд».

«Звездные дневники» — это цикл юмористических и сатирических рассказов, написанных в виде записок и откровений «космического барона Мюнхаузена», «знаменитого звездoproходца, капитана дальнего галактического плавания, охотника за метеорами и кометами, неутомимого исследователя, открывшего восемьдесят тысяч три мира, почетного доктора Университетов Обеих Медведиц, члена Общества по опеке над малыми планетами». Памфлет и веселая юмореска, пародия и политическая сатира, насмешка над глупостью и косностью и похвальное слово острому уму, и все это на общем фундаменте блестящей богатейшей фантазии, поразительной способности к словотворчеству, смелого отрицания литературных канонов — вот что представляют собой «Звездные дневники», и не даром имя Ийона Тихого стало у нашего читателя фантастики чуть ли не нарицательным.

«Солярис» является большой повестью и посвящен одному только тяжелому эпизоду работы станции-обсерватории на Солярисе, странной планете двойной звезды. Солярис покрыт Океаном, слоем желеобразной материи со странными свойствами. Выясняется, что Океан — это исполинская масса живой разумной материи, единый разумный организм, и проявления его разумной деятельности при попытке людей войти с ним в контакт оказались столь ужасны, что поставили экипаж станции на грань сумасшествия. Только огромная сила воли, выдержка и душевное здоровье героев позволили им сохранить разум. Контакт оказался невозможным, слиш-

ком чуждыми оказались друг другу люди Земли и чудовищный Океан. Вселенная бесконечна в своем разнообразии, люди в своей экспансии к звездам столкнутся с явлениями, психологически чуждыми и безразличными к ним, и целью экспансии тогда станет не приспособление чуждых миров к человеческой психике, а самоутверждение человечества — такова главная мысль этой великолепной повести. Она сложна философски, и не во всем ее идеи могут быть понятны для неподготовленного читателя, но даже внешний ее сюжет не может не захватить и не поразить воображения.

Что же касается «Возвращения со звезд», то в этой повести Лем выразил свои опасения за будущее человечества, если оно пойдет по американскому пути развития, по пути, отодвигающему на третий план духовный рост членов общества и принимающему во внимание лишь материальное благополучие человека. Этот путь непременно заведет человечество в тупик, утверждает Лем. Не будет у такого человечества ни героев, ни мыслителей, ни подлинного искусства. И настоящему человеку, попавшему в такой мир, не будет там места. Ему останется только либо покинуть его, либо приспособиться, стать нищим духом. Интересны и другие произведения Лема: например, «Непобедимый», повесть о мужестве и высоком духе людей, столкнувшихся с небывалым (эта повесть в какой-то мере, но упрощенно повторяет мотивы «Соляриса»); цикл рассказов о космонавте Пирксе, сначала курсанте школы космолетчиков, затем пилоте патрульного корабля, затем работнике лунной базы, простодушном увальне, обнаруживающем необычайную силу воли и сообразительность только в минуты смертельной опасности; превосходные пьесы о профессоре Тарантоге, друге Ийона Тихого, неугомонном изобретателе невероятных приборов и механизмов. Неистощимая фантазия и огромное беспокойство мысли Станислава Лема подарят литературе еще немало замечательных произведений.

Обзор зарубежной фантастики был бы неполным, если не остановиться, хотя бы бегло, еще на трех авторах. Речь идет о японце Кобо Абэ и англичанах Джоне Уиндеме и Артуре Кларке.

Научной фантастики до Второй мировой войны в Японии не существовало. В пятидесятых годах появились первые фантастические повести для детей молодого астронома Сэгавы, но при всей своей прогрессивной направленности они были очень литературно несовершенны. Любители фантастики в Японии пробавлялись американской литературой и случайными подражаниями американцам своих авторов. Датой рождения, собственно, японской, национальной фантастики следует считать 1958 год, когда в одном из солидных литературных журналов появилась повесть известного японского прозаика Кобо Абэ «Четвертый ледниковый период». Видимо, это произведение будет считаться в Японии классическим, а Абэ удостоится звания «отца японской фантастики».

Крупный специалист по электронно-счетной технике профессор Кацуми создает машину-предсказатель, способную на основании введенных в нее данных о состоянии какого-либо объекта или целого мира предсказывать состояние этого объекта или целого мира на любой момент времени в будущем. Между тем на нашу планету надвигается катастрофа: кончается четвертый ледниковый период, начинается эпоха чудовищных геологических потрясений, на дне Тихого океана лопается земная кора, и массы сжатого водяного пара устремляются наружу, медленно и неуклонно повышая уровень мирового океана. Об этом знают только правительства, но, кроме того, о предстоящем затоплении суши знает и одна тайная организация в Японии, которая, стремясь сохранить человечество, готовится перевести его под воду: создает людей-амфибий, направляя, соответственно, развитие человеческих зародышей. Чтобы узнать судьбу этого исполинского предприятия, организация обраща-

ется к помощи машины-предсказателя. Машина демонстрирует им удивительные картины будущего планеты. Огромные города на дне океанов, новая, совершенно иная культура, новая психология, новые, чуждые современному человеку интересы. Профессор Кацуми, талантливый ученый, но безнадёжный мещанин и обыватель по натуре, убежденный, что капиталистическая действительность его времени непоколебима, не выдерживает критики. Не приняв иного будущего, чем пассивное продолжение настоящего, он вынужден уйти из жизни. В такой гротескной форме Абэ утверждает неминуемую гибель буржуазной культуры и наступление нового, совершенно иного образа жизни. Характерно, что в повести всемирный потоп заливают все материки, за исключением Советского Союза: СССР, подразумевает Кобо, уже и без внешних воздействий вступил на другой путь развития.

В Англии большой известностью и огромным успехом пользуются писатели-фантасты Джон Уиндем и Артур Кларк. Джона Уиндема критика называет современным Уэллсом. Действительно, яркая образность, огромная эмоциональная насыщенность и великолепная фантазия Уиндема вполне сравнимы с литературными достоинствами великого английского фантаста. И хотя Уиндем в отношении философской и социологической проблематики ничего нового по сравнению с Уэллсом не внес, его великолепные и мрачные утопии «Кракен пробуждается» (о войне между человечеством и неизвестными пришельцами из космоса, поселившимися на дне океанов), «День триффидов» (о катастрофе, постигшей человечество — все люди внезапно ослепли, — и о борьбе против жутких движущихся растений) и другие получили заслуженную известность как в самой Англии, так и за ее пределами. Пафос произведений Уиндема состоит в утверждении того, что даже находясь на гра-

ни гибели, даже оказавшись в самом отчаянном положении, человек будет бороться и, несомненно, победит.

Артура Кларка можно без натяжек назвать современным Жюлем Верном. Он единственный из зарубежных фантастов сознательно ставит перед собой задачу добросовестно, не отклоняясь ни на йоту от духа и буквы современных научных знаний, рисовать правдоподобные картины ближайшего будущего человечества. Особенно интересуют его ближайшие перспективы завоевания космического пространства и освоения планет Солнечной системы: на эту тему он написал серию научно-фантастических очерков, а также отличные повести «Пески Марса», «Прелюдия к космосу», «Лунная пыль». Изучает он средствами фантастики и проблеме дальнейшего освоения нашей собственной планеты. В романе «Бездна» он описывает деятельность предприятий, занятых океанским животноводством и океанской агрономией. Отважные «пастухи» на подводных лодках пасут китов, перегоняют их с одного планктонного пастбища на другое, охраняют их от хищников; а грандиозные предприятия, объединяющие в себе бойни и мясокомбинаты, непрерывно перерабатывают поступающие к ним китовые стада на мясо, костную муку, различные виды жиров и выделанные кожи. Роман «Бездна», пожалуй, является самым удачным произведением Артура Кларка.

В современной зарубежной фантастике много хороших имен, и нет возможности перечислить всех заслуженных авторов. К фантастике обращаются и крупные писатели-нефантасты, как, например, Говард Фаст, Веркор, Джон Пристли, Э. Триоле. Зарубежный да и наш читатель знаком с именами американцев Саймака, Лейнстера, Оливера, Брауна, Пола, Корнблата, Нортон, англичан Тенна и Кристофера, японцев Комацу, Мицусэ, Хоси, поляков Боруна и Фиалковского, француза Карсака, румынов Штефана и Нора, чехов Несвадьбы и Бабулы и других.

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ,
БОРИС СТРУГАЦКИЙ

«ПОГРУЖЕНИЕ У РИФА ОКТОПУС»¹

Они явились рано утром, на седьмой день после того, как «Онекотан» вышел из Шанхая. В дверь постучали, Александр натянул халат и сказал: «Можно», и они втиснулись в каюту: сначала высокий худощавый, очень загорелый человек в белом тропическом костюме, за ним румяный, плохо выбритый толстяк в мятом плаще.

— Здравствуйте, — сказал худощавый.

— Товарищ Костиков? — осведомился толстяк, двигаясь из-за плеча худощавого.

— Костылин, — поправил Александр. — Здравствуйте.

— Командир отряда батискафов? — уточнил толстяк.

— Да, — сказал Александр. — А вы, вероятно, представители?

— Инженер Дудник Виктор Андреевич, — сказал худощавый. — ЦНИИ Гидромаш.

Александр пожал руку Дуднику.

— Планетолог Царев, — сказал толстяк. — Позвольте. — Он отодвинул инженера. — Геннадий Васильевич Царев. ИПИП. Институт Планетографии и Планетологии.

Александр пожал руку и Цареву.

— Мы прилетели на турболете, — сообщил толстяк и плюхнулся на койку. — Это ничего, что я так бесцеремонно?

Александр сказал, что это ничего, усадил инженера в откидное кресло и сел рядом с толстяком. Толстяк пыхтел и вытирал лицо огромным белым платком. Инженер сидел очень прямо, глядя перед собой и выпятив

¹ Новелла входила в первоначальный состав цикла «Полдень, XXII век».

челюсть. Кресло было низкое, и колени инженера, обтянутые узкими брюками, угрожающе торчали вверх и вперед, как стартовые штоки турбоскаутов.

— Слушаю вас, — сказал Александр. Он еще не успел умыться и почистить зубы.

— Видите ли... Э-э-э... — сказал толстяк.

— Костылин Александр Сергеевич.

— Да-да, простите. Так вот, Александр... э-э... Сергеевич. Мы, собственно, должны вами руководить. Но это пустяки. Вы не отчаивайтесь. Мы в ваших подводных делах ничего не понимаем. Во всяком случае, я ничего не понимаю. Так что вмешиваться в вашу работу мы не собираемся. Только вы уж помогите нам. Вы ведь в курсе дела?

— Почти, — сказал Александр.

— Коротко говоря, речь идет о том, чтобы исправить просчет неких инженеров из Гидромаша...

— Или планетографов из ИПИПа, — сказал громко инженер, глядя перед собой.

— Э-э... из Гидромаша и спасти плоды четырехлетней работы.

Он стал рассказывать. В связи с тем, что Совет Мира перебросил большую часть межпланетного флота на обслуживание периферийных станций, подвижные планетологические базы ИПИПа остались без пилотируемых транспортных средств. В спешном порядке были разработаны системы автоматической транспортировки. Три декады назад база «Бамберга» отправила в сторону Земли фотонный автомат с образцами рудных и самородных ископаемых. Автомат благополучно прошел по заданной траектории около миллиарда километров («в сложнейших условиях, Александр... э-э-э... Степанович! Оверсаном!...»), достиг зоны, контролируемой постами телеуправления, был выведен на возлеземную орбиту в первой зоне и в точно заданный момент сбросил грузовой контейнер. Контейнер упал в точно заданном месте — в ста милях к северу от рифа Октопус, куда

за ним своевременно вышли спецсуда. Но спецсуда не нашли контейнер. Он затонул. Он затонул, потому что не сработали надувные понтоны, которые должны были обеспечить ему плавучесть, а понтоны конструировал ЦНИИ Гидромаш (инженер Дудник попытался было сказать что-то про «товарищей из ИПИПа», но толстяк не остановился). Потеря двухсот тонн руды и самородков — иридий, осмий, уникальные образцы кристаллического никеля необычного изотопного состава — означает, что четыре года работы планетологической базы «Бамберга» затрачены впустую, что срывается глобальный план научно-исследовательских работ целого отделения Института Планетологии и Планетографии, и поставлен под угрозу авторитет всех трансмарсианских планетологических баз. («Александр... э-э-э... Софронович понимает, что Комитет Межпланетных Сообщений не станет выделять даже беспилотные средства для перелетов с э-э-э... неопределенным финишем».)

— Что я... э-э... хочу сказать? — сказал толстяк. — Что было бы хорошо, если бы контейнер удалось разыскать и... э-э-э... разыскав, поднять.

В общих чертах все это было уже известно Александру. Дело это ему не нравилось, хотя он понимал, что помочь межпланетникам совершенно необходимо. Самым скверным было то, что контейнер упал севернее рифа Октопус. Межпланетники могли бы выбрать место и лучше. Район севернее рифа Октопус представляет собой подводное нагорье, покрытое километровой толщей глобигеринового ила и почти неизученное. Ущелья, пропасти, отвесные кручи, и все это под мощными пластами белесого ила, зыбкими и ноздреватыми, как манный пудинг. И все это на глубине от трех с половиной до четырех километров. У злосчастного контейнера были все шансы остаться там, где он сейчас находился.

— В Хабаровске нас заверили, — сказал толстяк, — что глубоководники сделают все возможное. Заверил лично товарищ... э-э-э... Зазывалов.

— Званцев, — сердито поправил инженер Дудник.

— Да-да, Званцев. Милейший человек. Николай... э-э... Да. Да.

Александр промолчал.

— Люди четыре года работали, — жалобно сказал толстяк, заглядывая ему в лицо. — За миллиард километров от Земли...

— Да нет, мы попробуем, конечно, — сказал Александр.

— Пожалуйста, — сказал толстяк. — Будьте добры. Все, что можно.

— Что представляет собой контейнер? — спросил Александр.

— Керамический бак, — сказал инженер. — Форма цилиндрическая. Длина — пятнадцать метров, диаметр — шесть метров.

— Керамический? Что значит — керамический?

— Огнеупорный керамик, — сказал инженер, — с маленьким удельным весом.

— Это плохо.

— Почему? — Они оба уставились на Александра.

— Давайте посмотрим, чем я располагаю, — сказал Александр. — Три БПГ. Восемь ТА. Один ТРР...

— Простите, — сказал толстяк. — Что это такое — бэпэгэ, атээр?

— БПГ — это батискаф предельных глубин. В отряде три батискафа предельных глубин...

— Вот оно что, — сказал толстяк.

— ТА — это тральщик-автомат. В отряде восемь тральщиков-автоматов. И один телевизионный робот-разведчик — ТРР. Оборудованы они очень хорошо, но чем искать огнеупорный керамик — я просто не знаю. Тем более что он наверняка зарылся в ил.

— А какое у вас оборудование? — спросил инженер. Александр пожал плечами.

— Обычное. Прожектора — ультрафиолетовые и ультразвуковые. Магнитные искатели...

— Ну и прекрасно, — сказал инженер. Толстяк посмотрел на него с надеждой. — Там несколько десятков тонн никеля.

— Ага, — сказал Александр. — Это другое дело.

— Кроме того, много металла в системе управления понтонами. — Инженер посмотрел на толстяка и сказал ядовито: — Если только планетологи на Бамберге не забыли установить ее перед стартом.

— Не забыли, будьте покойны, — сказал толстяк.

— Ну еще бы, — сказал инженер. — У планетологов вообще превосходная память. Не правда ли, Александр... э-э-э... (он протянул это «э-э» с необычайным ехидством) ... Серапионович?

Толстяк взбеленился.

— Александр... э-э-э... товарищ Коростылев... э-э-э, простите — Костенко...

— Ладно, — недовольно сказал Александр. — Меня все-таки зовут Костылин Александр Сергеевич, и пойдемте завтракать. Только подождите — я умоюсь и оденусь.

Он умывался и одевался, а они все шипели друг на друга, деликатно понизив голоса до шепота. До Александра доносилось: «Почему-то раньше они всегда всплывали...», «... не разработали до конца, так нечего было предлагать...», «Моя фамилия Дудник, а не Дудкин!»

В столовой Александр представил их личному составу отряда. Кажется, инженер и планетолог произвели на ребят отличное впечатление. Инженер то и дело обращался к толстяку с разными просьбами, каждый раз называя его по-новому. В столовой раздавалось: «Будьте любезны, Геннадий Власович, передайте соусник», «Горчицу, пожалуйста, Влас... э-э-э Гермогенович», «Спасибо большое, Василий... э-э-э... Власович». Толстяк наливался кровью, а ребята развлекались вовсю. Наконец планетолог, чтобы отвлечь от себя внимание (инженер только что назвал его товарищем Водкиным), спросил штурмана Ахмета Баратбекова, правда ли, что глубоко-

водникам постоянно приходится сталкиваться в океанских глубинах с необычайными чудовищами. За столом моментально стало тихо, и у Александра екнуло сердце.

— Приходится, — осторожно сказал Ахмет. — Бывает всякое.

— Куда ты дел панцирь того кальмара, Ахмет? — спросил Зайцев, оператор робота-разведчика

На лице инженера появилась недобрая улыбка — он понял.

— Ба! — сказано Баратбеков. — Как! Ты не знаешь? Я, понимаешь, отвез панцирь к себе на дачу и устроил в нем, понимаешь, гараж для вертолета. У меня вертолет небольшой, четырехместный ВЛ-02. И понимаешь, какая неприятность. Его обгрызли кролики. Насквозь, понимаешь, проели.

Александр стиснул зубы и пнул Ахмета под столом ногой, но попал, кажется, в инженера, потому что инженер подскочил на месте и изумленно огляделся. А Ахмет продолжал с увлечением:

— Вот это было чудовище, понимаешь. Помнишь, Зайцев? Двумя громадными лапами захватил наш батискаф, понимаешь, и потянул, понимаешь, в пещеру. я даю всплытие! Но, понимаешь, корпус-поплавок конструировали в ЦНИИ Гидромаша, и всплытия, понимаешь, как всегда, нет...

Александр поглядел на окаменевшее лицо инженера и поспешно приказал заканчивать завтрак.

— Продолжайте, продолжайте! — сказал толстяк мстительно.

— В другой раз, — с сожалением сказал Баратбеков. — Служба, понимаешь...

Все поднялись из-за стола. Александр задержал Ахмета и, когда все вышли из столовой, дал ему пинка.

— За что? — осведомился он.

— За дискредитацию, — сказал Александр.

— Понимаешь, — проникновенно сказал Ахмет, — я просто не мог удержаться. Это было бы пятном на

всей моей беспорочной биографии, если бы я удержался.

Весь день отряд готовил батискафы к погружению, а «Онекотан» со скоростью сорок узлов шел к рифу Октопус.

По-латыни «октопус» значит «осьминог», и риф Октопус вполне оправдывает свое название. В водах вокруг рифа водится много осьминогов — бородавчатых цирра таурна с телескопическими глазами и мясистой перепонкой между щупальцами. Но к северу от рифа, в районе, где упал контейнер, их оказалось еще больше. Осьминоги вообще любопытны, а цирра таурна дает в этом отношении сто очков вперед любому головному. Иногда казалось, что робот-разведчик плывет в супе с клецками — на телеэкране были видны только цирра таурна, десятки цирра таурна разных размеров и степеней упитанности. ТРР является полукибернетическим вертоплавом с двумя вертикальными винтами. Он оборудован телепередатчиком, магнитным искателем, системой манипуляторов и прожекторами — ультрафиолетовым и ультразвуковым. Вероятно, шум винтов и «крик» ультразвукового прожектора ассоциировался у цирра таурна с чем-нибудь съестным. Они надоедливо липли к роботу-разведчику, оглаживали его щупальцами и пробовали на зуб. Наконец Зайцев разочлился и ударил их электрическим током. Только тогда они потеряли интерес к вертоплаву и обиженно разбрелись в разные стороны. ТРР доставил на «Онекотан» несколько небольших экземпляров. Экземпляры часа два ползали по доковой палубе, злобно хватая людей за ноги, и возбуждали нездоровый восторг у толстого планетолога, который до сих пор видел осьминогов только на тарелках в китайских кафе. К счастью, у цирра таурна нет чернильного мешка.

Предварительная разведка подтвердила опасения Костылина. Визуальные и ультразвуковые средства были бессильны в сугробах полужидкого ила. Контей-

нер, увлекаемый скоростью падения, конечно, глубоко вонзился в ил, где его могли обнаружить только магнитные искатели. Им предстояло обследовать около тридцати квадратных километров сильно пересеченного дна, и Александр предложил капитану и представителям разделить район поисков на три концентрических участка. Центральным участком займутся два БПГ. Третий БПГ с тральщиками-автоматами будут искать в среднем участке, а внешний участок обследует с борта «Онекотана» телевизионный робот-разведчик. Такая расстановка средств давала значительную экономию во времени и, кроме того, обеспечивала непрерывную связь батискафов с «Онекотаном», так как дальность действия ультразвуковых передатчиков не превышала шести-семи километров.

Капитан не возражал, а представители были согласны на все. Костылин сейчас же вызвал в салон экипажи БПГ и операторов автоматических систем, объяснил задачу и приказал готовность к выходу из доков через пятнадцать минут. Экипажи разбежались переодеваться. Александр тоже переоделся и спустился на доковую палубу. У трапа его ожидал неприятный сюрприз. У трапа стояли с видом деловым и решительным планетолог Царев Геннадий Васильевич и инженер Дудник Виктор Андреевич. Они были в одинаковых синих шерстяных свитерах, черных шерстяных брюках и красных шерстяных колпаках. На них были одинаковые тяжелые ботинки на толстой микропористой подошве. Александр сразу все понял, и ему захотелось запереть их в якорный ящик. Стараясь быть очень любезным, Александр сообщил им:

— На дворе двадцать четыре градуса в тени.

Толстяк решительно хлопнул себя ладонями по круглому животу, обтянутому синей шерстью, и объявил:

— Прибыли в ваше распоряжение, Александр... Э... Сергеевич.

— Свободны, — сказал Александр. Ему оставалось только действовать решительно.

— Что? — не понял инженер.

— Вольно, — объяснил Александр. — Можно разойтись и переодеться.

— Но позвольте, — сказал планетолог. — Мы считали, что поскольку груз послан в наш адрес, а в том, что он затонул, виноват Гидромаш...

Инженер с видом брезгливого сожаления пожал плечами.

— ... и таким образом, мы оба в той или иной степени крайне заинтересованы в том, чтобы... э... принять, так сказать... э...

И тут Костылина осенило.

— Все это прекрасно, — сказал он по возможности мягко. — Но кто будет контролировать здесь, на «Онекотане» работу робота-разведчика?

— Робота-разведчика? — сказал планетолог.

— Да, телевизионного робота-разведчика, ТРР. Зайцев прекрасный оператор, но в конце концов он никогда в жизни не искал затонувшие контейнеры и может легко ошибиться. («Прости меня, Толя», — подумал Костылин.) Тем более что контейнер керамический.

— Ах вот как, — сказал толстяк.

— Да, действительно. Робот-разведчик, — глубокомысленно сказал инженер.

— Вы совершенно уверены, — сказал толстяк, — что мы не нужны там, внизу?

Александр кивнул. Вероятно, планетологу очень хотелось побывать там, внизу, и своими глазами увидеть необычайных чудовищ, но он только вздохнул и сказал:

— Ну что ж, в таком случае — счастливого пути, Александр... э-э-э... Сергеевич.

Он с сожалением поглядел на батискафы, кивнул и стал подниматься по трапу, топая тяжелыми башмаками. Инженер последовал за ним. Вид у него был очень озабоченный. Когда они уже поднялись на верхнюю палубу, до Костылина донеслось: «... и моя фамилия, повторяю, Дудник, а не Додиков...»

Александр подошел к своему БПГ, вскарабкался в рубку и по радиофону приказал доложить о готовности. Штурманы и операторы доложили, что батискафы и тральщики к выходу готовы. Александр попросил центральный пост дать выход. Он всегда очень любил этот момент. Ворота доков поднялись, доковая палуба встала горбом, и батискафы, грузно покачиваясь, с шумом сползли в океан под горячее синее небо. Слева и справа, оставляя за собой пенные следы, вышли в океан тральщики-автоматы.

Современный батискаф предельных глубин — это могучая и надежная машина. На нем атомная силовая установка, обеспечивающая практически неограниченный запас хода; поворотные гребные винты, позволяющие передвигаться с любым наклоном; регенерационные устройства, делающие излишними запасы кислорода для дыхания. Гондола залита в пластметалл, выдерживающий давление до полутора тысяч атмосфер. Каплевидный сплюснутый с боков корпус-поплавков наполняется специальной несжимаемой смесью, с удельным весом 0,5, благодаря чему плавучесть современного БПГ не может упасть ниже нулевой. Вооружение батискафа составляют две электрические гарпунные пушки, торпедный аппарат, стреляющий анестезирующими бомбами, и несколько тралов-ловушек. Кроме того, БПГ оборудован довольно чуткими магнитными искателями для обнаружения массивных металлических предметов под слоем песка, ила и водорослей. Такие же искатели имеются на роботах-разведчиках и тральщиках-автоматах. На эти искатели Костылин возлагал все надежды, когда отряд начал прочесывать район падения контейнера.

Конечно, оказалось, что Костылин ошибся. Это была счастливая ошибка и, пожалуй, необходимая, ибо всем известно, что в рабочих уравнениях со многими неизвестными всегда следует предполагать самое сложное

решение и настраивать себя на самый неблагоприятный исход. Контейнер вовсе не зарылся в ил, а застрял в узкой расщелине между двумя скалами на глубине двухсот метров, открытый всякому, кто бы пожелал взглянуть на него. Первым его заметил инженер Дудник и именно при помощи телевизионного робота-разведчика. Как потом выяснилось, он увидел через плечо Зайцева тусклый отраженный сигнал на экране ультразвукового прожектора, а затем и очертания огромного цилиндра на видеозэкране, но он никому ничего не сказал, потому что в это время «Онекотан» на всех парах спешил на отчаянные призывы штурмана Свирского. Свирский кружился в тучах взбаламученного ила над обвалом, похоронившим БПГ Костылина, и орал о катастрофе на весь Тихий океан. К счастью, Зайцев тоже увидел на видеозэкране блестящий цилиндр и немедленно, прямо на ходу сбросил над ним гидролокационный буй-маяк. Таким образом, контейнер был обнаружен вечером первого же дня поисков. Но группе Дальневосточного ЭПРОНа, присоединившейся к «Онекотану» на следующий день, пришлось поднимать сначала не контейнер, а БПГ командира отряда батискафов Костылина. Вот как это произошло.

Согласно плану поисков, центральный район участка, круг площадью в десять квадратных километров, получили два батискафа — Костылина и штурмана Свирского. Прежде всего они решили исследовать дно ущелья, прорезавшего нагорье примерно с северо-запада на юго-восток. Батискафы, как ленивые гиппопотамы, ползли на самых малых оборотах над беловатой студенистой поверхностью — впереди батискаф Костылина, за ним, уступом влево, батискаф Свирского. Илистое дно слегка флуоресцировало (глобигериновый ил иногда флуоресцирует, если в нем много органических остатков), поэтому придонная темнота была наполнена неопределенными тенями. Костылин даже угадывал в темноте крутые склоны ущелья по сторонам, временами

ми гладкие, временами мохнатые от налипшего на них ила. Неприятное это было место, какое-то тесное, душное и в то же время удивительно пустынное. Обычно на такой глубине батискаф всегда плывет через «живую уху», но здесь ничего подобного не было. Стадо крупных цирра таурна увязалось за батискафами, но скоро отстало. В передний иллюминатор ткнулось плоское рыло трехметровой акулы и сейчас же исчезло. Яркие пятна прожекторов медленно ползли по пустому дну, изредка освещая острые рожки погонофор, которые мгновенно прятались при приближении подводных кораблей и невозмутимых морских ежей, утыканных редкими длинными иглами. Вот и все, что видели глубоководники: илистое дно, несколько погонофор, акул и осьминогов. Так прошло около часа.

Костылин передал управление Ахмету и встал, чтобы взять пробу забортной воды. Глубиномер показывал три девятьсот. Александр перешагнул через лежащего на полу механика и заглянул в задний иллюминатор. В темноте за кормой тускло мерцали отсветы прожекторов батискафа Свирского. Некоторое время Александр наблюдал за ними, затем принялся снимать показания контрольных приборов. Вдруг Ахмет сказал:

— Впереди по курсу крупный металлический предмет, дистанция двести...

И сразу же репродуктор ультразвукового телефона сказал голосом Свирского:

— Командир, впереди по курсу металлический предмет, дистанция двести пятьдесят метров.

Крупный металлический предмет в центральном участке района поисков — это мог быть только контейнер с его грузом самородного никеля. Так и заявил Костылину Ахмет, но Костылин немало слышал о всякого рода совпадениях и подавил его восторги в самом зародыше.

Это был не контейнер. Это был громадный затонувший корабль с совершенно плоской палубой, наполо-

вину занесенной илом. Он стоял на корме, его носовая часть терялась во мраке, а обращенный к батискафам правый борт зиял двумя рваными отверстиями, в любое из которых мог бы без труда пройти тральщик-автомат. Александр приказал подвести батискаф вплотную и сделать несколько фотографий. Наверное, это был японский или американский военный корабль, потопленный во время Последней Войны. Александру уже приходилось наткаться на такие ржавые обломки трехвековой давности.

— Ай-яй-яй, как его, понимаешь... — бормотал Ахмет, разглядывая пробойны.

Во всяком случае, этой находкой мог заинтересоваться Институт Подводной Археологии, и Костылин аккуратно отметил на карте положение корабля. Затем они двинулись дальше, но едва развалины скрылись в темноте, как Ахмет снова остановил батискаф. Он сказал громким шепотом:

— Ты только погляди! Что это?

Вот почему так пустынно было в этом ущелье. На экране проектора проступило плотное облако крошечных светлых сигналов с характерными звездчатыми очертаниями. Оно словно пульсировало, то расширяясь и заполняя весь экран, то сжимаясь в однородное пятно, а за ним в черной пустоте проступали новые и новые звездообразные сигналы. Ахмет никогда не видел ничего подобного, но Костылин видел, еще когда работал в Океанской Охране, и сразу понял, в чем дело: на встречу по ущелью двигалась большая стая белых драконов, чудовищ длиной в руку, с мощными челюстями и зубами алмазной твердости. Белые драконы — настоящий океанский гнус, глубоководная саранча. Они выводятся и накапливаются в каких-то зловещих уголках Мирового Океана и затем, изнемогая от аппетита, выходят в океанские просторы, пожирая все на своем пути. Прожорливы они невероятно. Александр однажды видел, как такая стая в пять минут буквально растворила

в своих желудках пятнадцатиметровых косаток, великолепных хищных рыб, ловких и сильных, похожих на голубые торпеды. То, что белые драконы истребляют косаток, еще можно пережить. Но когда они появляются на трассах миграций промысловых рыб и китовых... Одним словом, ни один глубоководник не имеет права оставить без внимания стаю белых драконов, и Александр объявил Ахмету и Свирскому, что намерен напасть на стаю. Он приказал Свирскому подняться над ущельем и по сигналу выпалить в хвост стаи анестезирующие бомбы. Одновременно Костылин выпалит в голову стаи. Белые драконы окажутся между двумя расширяющимися облаками бета-новокаина, и по крайней мере девяносто пять процентов из них погибнут. «Есть!» — весело сказал Свирский и через пять минут доложил, что вышел в позицию для нападения. Александр приказал открыть огонь.

Оскаленные пасти и выпученные глазки маленьких чудовищ уже были отчетливо видны на видеоэкране, когда начали лопаться первые бомбы. Батискаф сотрясся от залпов. Глухо загудели разрывы. И вдруг репродуктор отчаянно закричал голосом Свирского:

— Берегись! Полный назад!

В ту же секунду экран ультразвукового проектора осветился, батискаф резко лег на правый борт, и Александр стремглав полетел через механика головой на баллоны регенератора. Он еще помнил пронзительный визг и скрежет металла о металл, затем потух свет, и что-то твердое, должно быть, колено Ахмета, ударило Александра под ложечку. Он потерял сознание.

Свирский потом рассказал, что он еще не успел отстреляться, когда огромные утесы, нависшие над ущельем, вдруг затряслись как желе, сдвинулись с места и совершенно бесшумно рухнули вниз. Мягкая, но очень сильная волна подбросила батискаф Свирского, и он закружился в водоворотах. Но волнение быстро улеглось, и тогда Свирский увидел, что стены ущелья

ля стали значительно ниже, а над ущельем висят расплывающиеся белесые тучи. Очевидно, сотрясения от разрывов анестезирующих бомб было достаточно, чтобы тысячи тонн слежавшегося ила лавиной покатались по склонам ущелья. Эти тысячи тысяч тонн похоронили под собой и батискаф Костылина, и старинный корабль, и стаю полудохлых драконов. И что самое неприятное, корпус-поплавок БПГ Костылина не выдержал этого груза, деформировался и лопнул. Но об этом Костылин узнал уже после.

Очнувшись, Александр открыл глаза и увидел Ахмета. Он сразу все вспомнил. Гондола лежала на боку. Ахмет сидел на регенераторе, засунув руки в карманы, и что-то бубнил себе под нос. Он пел на мотив «Ах вы, сени мои, сени» из фильма «Война и мир» и отбивал такт ногой:

Пошла муха на базар,
Заказала самовар.
«Приходите, тараканы,
Я вас чаем угощу».

— Эй, Ахмет, — сказал Александр. — Не пора ли выносить мебель?

Но Ахмет даже не улыбнулся, и Александр понял, что положение серьезное.

— Регенератор, понимаешь, я исправил, — сказал Ахмет, — а вот с Вовкой плохо.

Механик разбил голову. Костылин опасался, что у него сотрясение мозга. Механик был без сознания, его рвало, и он пускал красные пузыри. Александр и Ахмет ухаживали за ним, как могли, но они думали тогда, что Свирский тоже погиб, и иногда им казалось, что все это впустую, и один раз Ахмет даже предложил открыть внешний люк. Костылин сделал вид, что воспринял это предложение как симптом начинающейся у Ахмета глубинной болезни. Существует восемь приемов предупреждения приступа глубинной болезни. Все они рассчита-

ны на блокирование нервной системы болевым шоком. Костылин применил их все. Он был в полтора раза тяжелее Ахмета и гораздо сильнее его.

Регенератор работал отлично, у них был отличный аварийный запас шоколада, бульона и галет, и они могли бы спокойно просидеть под завалом суток двадцать пять. Но их очень беспокоил механик Вовка, который все не приходил в сознание, и потому это была поистине хорошая минута, когда на шестые сутки они услышали скрип железных щупов, шарящих по оболочке гондолы. Через несколько часов эпроновцы откопали батискаф и подняли на поверхность. Батискаф втиснули в ремонтный док на нижней палубе «Онекотана», но экипажу пришлось просидеть в гондоле еще несколько часов, прежде чем смятый корпус-поплавок был отделен от гондолы и Костылин наконец смог открыть люк.

Контейнер лежал на палубе «Онекотана». Керамическая заслонка системы управления понтонами была снята, и из круглой темной дыры торчали ноги инженера Дудника. Инженер Дудник копался в системе управления понтонами. Собственно, инженеру Дуднику совершенно нечего было делать во внутренних контейнерах. Он просто скрывался. Буквально через минуту после того, как они вместе с планетологом, отталкивая друг друга, сорвали заслонку, стало ясно, что во всем виноват Гидромаш. Надувные понтоны не работали. Толстяк так и взвился и с видом оскорбленной добродетели помчался по палубе с криком «Все сюда!» По-видимому, подорванный авторитет трансмарсианских баз требовал немедленной и кровавой реабилитации. Инженер Дудник с вытянувшейся физиономией пробормотал что-то относительно «вибрационной неустойчивости и магнитных помех», затравленно огляделся и торопливо полез в контейнер, забыв снять белый пиджак. Но это его не спасло. Торжествующий Царев

вернулся к контейнеру с табуретом, уселся буквально в ногах у инженера и принялся давать всем желающим подробнейше справки о том, что произошло. Люди не любят неаккуратных и неумелых работников, поэтому в желающих недостатка не было. Некоторые подходили по два раза. Ахмета Костылин в конце концов прогнал, но через полчаса он снова появился у контейнера и снова принялся рассказывать бесчисленные истории, в которых неизменно фигурировали океанские чудища и корпус-поплавки, сконструированные в ЦНИИ Гидромаш. Толстяк слушал Ахмета с наслаждением, а затем в двадцатый раз сообщил ему, что он, планетолог Царев, думает о деятельности ЦНИИ Гидромаша вообще и о способностях «инженера Дядькина», в частности. При этом ноги, торчащие из контейнера, судорожно задвигались, и слабый голос возвестил, что «моя фамилия, товарищ Царев, Дудник, а не Дядькин». Царев, выслушав эту информацию, сказал Ахмету: «Вот видите, дорогой Марат? Видите, какой он? И там они все такие».

Дудник покинул контейнер только поздно вечером, когда почти все разошлись спать. Костылин встретился с ним в коридоре. Инженер испуганно посмотрел на Александра и опустил глаза. Александру очень хотелось сказать ему то, что в той или иной форме старался выразить ему чуть ли не каждый член экипажа корабля. Что нельзя плохо знать свое дело. Что нехорошо гонять по океану плавучие базы и отрывать людей от их работы. Что нечестно ставить под удар результаты четырехлетнего труда работников внеземных баз. Но Александр посмотрел на его испачканное, измученное лицо и сказал только:

— Покойной ночи.

Наверное, это прозвучало издевательски. Но Александр не пожалел об этом. Инженер, не поднимая глаз, ответил:

— Покойной ночи.

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ КАНАЛА ИМЕНИ МОСКВЫ

Берег Московского моря украшала пирамида разбитых контейнеров и списанных пластиковых бочек, на глазок метров десять, а то и выше. Пирамиду венчал сваренный из дюймовой трубы крест с распятой на нем зимней рабочей курткой, драной и замасленной до самого мерзавского состояния. Куртка была обращена к морю спиной, и местный колумб мог бы при известном желании разглядеть на ней желто-красную эмблему Мосспецстроя.

Прямо в берег упиралось здешнее Анизотропное шоссе — прямая, как по линейке, дорога с идеально ровным и слегка шероховатым покрытием из запеченного красного песка. Согласно плану, она уходила на пятнадцать километров в глубь материка, а реально — к ядре матери, то есть до первого естественного препятствия непреодолимой силы. В роли препятствия выступала кальдера, прозванная геодезистами «Невеликий Каньон».

Выход дороги вплотную к Московскому морю тоже в плане не значился, это ее по недосмотру так расколбасило. Повезло, что трассу заперли два непреодолимых препятствия, с одной стороны геологический разлом, а с другой — рукотворное водохранилище. Иначе Анизотропное шоссе усвистало бы к такой уже непечатной ядре матери, что хоть клади партбилет на стол.

Параллельно дороге располагалась взлетно-посадочная полоса из расчета под тяжелый челнок, очень хорошая, только на два километра длиннее, чем надо. В ближнем конце взлетки раскорячился транспортный атомолет пугающих размеров, способный даже в слабой атмосфере упереть тонн двести за раз, а когда никто не смотрит, все двести пятьдесят. Снизу машина бы-

ла дочерна закопченной выхлопом, а по бокам шершавой и облезлой. Но знак Мосспецстроя на пассажирской двери прямо-таки сиял, и в целом воздушное судно глядело бодрячком. Правда, отчего-то возникало опасение, что вас обманули и летать этот атомный сарай, ядрена электричка, не может в принципе, даже если догадается махать крыльями.

Из-за необъятной туши атомолета выглядывала антенна-тарелка станции дальней связи, дальше стояли ангары для обслуживания и хранения техники; между ними в аэродинамической тени, чтобы не сдуло на край света, ядрена география, а то здесь случаются те еще бури, спрятался герметичный строительный вагончик. Зализанных очертаний, серебристый и опрятный, он был украшен с торца все той же эмблемой. С берега моря не видны бока вагончика, но знающий человек уверенно сказал бы, что по обоим его бортам написано кириллицей: «Хозяйство Базунова. Не кантовать».

В паре шагов от вагончика стояли с неясными целями, а скорее всего, просто набираясь сил войти в помещение и раздеться, геодезист Тарасенков без теодолита, доктор Ленц без томографа и атомщик Сухов с кувалдой, ядрен молотобоец, все трое упакованные в зимние спецовки для внешних работ, кислородные маски и теплые шлемы. Судя по обороту головы, Тарасенков смотрел в сторону безукоризненно ровного квадратного участка местности триста на триста метров, известного ограниченному кругу лиц как Пик Коммунизма.

И наконец, сразу за ангарами вдоль полосы выстроилась, словно на парад, самоходная группа в количестве тринадцати единиц, ядрена роботехника: три бульдозера, два экскаватора, четыре самосвала, укладчик покрытия, ремонтник и маленький храбрый погрузчик.

Тринадцатым в группе числился многоцелевой дирижабль-разведчик, он валялся в некотором отдалении, принудительно сдутый и потому несчастный.

Нет-нет, Дмитрий Анатольевич Базунов, простой советский технарь и кавалер, ядрена арматура, Трудового Красного Знамени, отнюдь не считал машины одушевленными. Иначе он пошел бы и надавал дирижаблю пинков. Просто чтобы тот знал, кто тут хозяин. Ну и вообще для удовольствия. С еще большим удовольствием Базунов взял бы у Сухова кувалду и отходил ею тяжелый атомный бульдозер по прозвищу «Большой». Да и всей этой железной банде навешал оплеух. Пожалел бы только маленький храбрый погрузчик...

Базунов шепотом выругался и отвернулся к морю.

— Докуда тут прилив? — спросил он хрипло. — Высокий прилив.

— Вот досюда, — гидролог ткнул пальцем в карту, и Базунов с трудом подавил желание отдернуть планшет; ему показалось, что на трехмерке сейчас останется жирный масляный отпечаток.

Гидролог, даром что прикомандированный, оказался ничего мужик, ночью помогал механикам чиниться, лазал атомолету чуть ли не в сопло и теперь ходил замызганный. Все помогали механикам, даже Базунов. Он единственный остался более-менее чистым — бригадир как-никак. Зато глотку сорвал.

— Высокий прилив, — напомнил Базунов.

— Досюда, говорю же, — гидролог сделал авторитетное лицо и снова ткнул пальцем, благоразумно промахнувшись на сантиметр в глубь материка от прежней метки.

— Совсем высокий? — уточнил Базунов. — Мне надо, знаешь, такое ядрено цунами типа «больше не бывает».

— Больше не будет, — заверил гидролог.

— А заключение напишешь? — Базунов прищурился.

От фирменного базуновского прищура, когда глаз такой ехидный, голова чуть внаклон, рот слегка приоткрыт — короче, вид абсолютно придурочный, но сказать что-то умное в ответ этому дураку надо, — даже

начальство впадало в задумчивость. Куда там прикомандированному специалисту. Его просто застопорило.

— От чего тут прилив зависит? А эти двое, Фобос и Деймос, ядрена астрономия, могут в линию встать? — напирал Базунов. — А если?..

— Ты зачем такой нервный, бригадир? — гидролог обиделся и набылчился.

— Разве заметно? Кто бы мог подумать! — в свою очередь, надулся Базунов. — я вчера узнал, что увожу людей сегодня, се-год-ня! А у меня аэроплан, ядрена кочерга, наполовину разобран! И для полного счастья я оставляю тут рыть канал самоходную группу, у которой отказали тормоза! Думаешь, это очень весело?

— Тормоза?

— А-а, ты не в курсе. — Базунов сразу подобрел. — И не надо тебе. Ты главное скажи: докуда прилив добьет. Чтобы раньше времени не размыло перемычку, ядерен сопромат. А то если вода пойдет в канал и утопит группу, когда она там ковыряется... Не надо нам этого.

Гидролог тяжело вздохнул и снова ткнул пальцем.

— Слишком длинную перемычку тоже нельзя. — Базунов вздохнул, в свою очередь. — Мы черт знает когда вернемся. И черт знает это мы будем или кто, ядрена наша организация, растуды ее туды. А если не мы? А вдруг группа поломается и копать придется чем попаало?.. Нельзя коллегам свинью подложить, все надо сделать в самый раз.

Гидролог тихо застонал.

— В последний раз показываю, — сказал он.

И показал.

— Вот это другое дело, — согласился Базунов, представляя отметку на трехмерке. — Вот это я и называю «в самый раз». я бы именно так и решил.

— А зачем тогда меня замучил?

— Ну ты же гидролог, дорогой мой, а я кто? — Базунов развел руками. — Что я понимаю в приливах и отливах, ядрена изобара? Иди заключение пиши и обо-

снуй его как-нибудь поувесистее. У нас три часа до отлета, успеешь. Заранее спасибо.

— Вот ты злодей... — буркнул гидролог беспомощно.

— А как иначе, ученый ты мой друг? Мы же трест «Мосспейсстрой», ядрена шишка! Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на опасном пути, смекаешь? Меня без твоего официального заключения съедят, не дай бог чего. А так — тебя съедят. Разница, елки-палки.

— ...А если спутники и правда в линию встанут? — Гидролог поднял глаза вверх, на небо.

Небо было чужое, высокое и прозрачное, очень по-своему красивое, только слабое. Летать по нему трудно, еле держит. То ли дело на Земле, там небо сильное, греет тебя и защищает, а тут слабое. Лишь попав на Марс, понимаешь, что твою родную планету атмосфера укутывает толстым мягким одеялом. А здесь атмосферу еще делать и делать. Похоже, наконец-то в ЦК приняли окончательное решение по «воздушному вопросу» и дали команду навалиться ударно. Неспроста Базунова вдруг резко перебрасывают в другое полушарие. «На кислород» он едет, не иначе. Все сейчас туда помчатся. С водой мы предварительно разобрались, вон море какое запузырили, теперь на воздух накинемся. Вечно у нас штурмовщина, потом еще накажут кого ни попадя за это, а иначе не получается.

— Вы же на кислород едете? — спросил гидролог, по-прежнему глядя вверх.

— На него, родимый. — Базунов машинально поправил маску. — Вероломно, без объявления войны, ядрены торопыги. Я думал тут неделю просидеть, а теперь ничего не успеваем, совсем ничего... Ну что поделаешь. Все сейчас туда. И ты наверняка тоже. Ладно, иди, сочини ученую бумажку, будь другом. А мне еще своих оппортунистов-затейников э-э... призывать к порядку.

— Хорошая у тебя бригада, — сказал гидролог.

— Да ты тоже ничего, — сказал Базунов. — Работы не боишься.

— Это правда, что тебе Героя Соцтруда зажали?

Базунов неопределенно хмыкнул, сунул планшет в карман и ушел к вагончику.

Гидролог оглянулся на пирамиду, увенчанную грязной спецовкой, посмотрел на себя и опять тяжело вздохнул.

* * *

В вагончике было тепло и шумно, тут пили крепкий чай, отходя от ночного аврала, и над чем-то дружно хохотали. Поспать бы людям, да времени нет, вот они и подстегивают себя перед рывком на другой край света. Базунов снял маску, уселся за стол, тяжело уронив на него локти, поборол мгновенное желание уронить туда же голову и сказал:

— Уважаемые коллеги, призываю вас к порядку! Кто не спрятался, я не виноват.

Ему сунули в руку кружку с чаем.

— Нет, погоди, ты только послушай это, начальник! — позвал с верхней полки Саша Привалов, программист. Он листал книжку, по виду — детскую.

— Ну? — неприязненно процедил Базунов. Напрасно программист вообще голос подает, ой, напрасно, ему бы молчать в тряпочку.

«А давай-ка, Наденька, пройдемся перед сном, поглощаем кислороду! — пошутил Владимир Ильич», — прочел Привалов с выражением. — «С удовольствием поглощаем кислороду! — улыбаясь, ответила шуткой на шутку Надежда Константиновна».

Все дружно грохнули.

— И вот такую ахинею наши дети читать должны!

— А ведь какому-то писателю, мля, за это денег заплатили! — механик Нечитайло, самый тут замученный и взъерошенный, сделал вид, что сплевывает в угол.

— Книжки писать — не мешки ворочать, — объяснил транспортный оператор Малаев и мечтательно закатил глаза. Ему вскоре предстояло всех грузить, и он уж точ-

но не отказался бы тиснуть роман вместо перемещения тяжестей.

Базунов нехорошо засопел.

— Это где же ты увидел ахиною, дорогой товарищ Привалов? — начал он, постепенно заводясь. — Это про кислород, ядрена химия! Самое важное, архиважное дело сегодня!

— Опаньки... — пробормотал кто-то.

— Ты чего, начальник?... — спросил Привалов опасно.

— Вон у тебя даже Надежда Константиновна понимает, как необходим человеку кислород!!! — заорал Базунов в полный голос. — А ты!!! А ты...

— Слышь, бугор, я верно расслышал, что ты сейчас Крупскую душой обозвал? — поинтересовались сзади.

В вагончике заржали совсем уж по-конски. Базунов не глядя сунул через плечо кулак.

— Я тебя спрашиваю, товарищ Привалов!

— Чего?.. — буркнул Привалов, резко грустнея.

— Ты ответственность свою понимаешь, ядрена матрена?

— Начальник! — взмолился Привалов.

— Персональную ответственность за исход нашего безнадёжного дела?

— Начальник! Ну сколько можно! Канал будет прорыт строго по схеме. Не пойдет группа дальше стройплощадки, я ей точку прописал вручную... Раз команда «стоп» в программе не держится, точка будет вместо стопа. Ничего особенного, это всего лишь инженерная задача. Точка даже лучше стопа — это маркер, ориентир в пространстве, роботам так понятнее, они за маркер уцепятся и встанут на нем.

— А если опять не встанут?

Привалов отвел глаза.

— Анизотропное шоссе, — напомнил Базунов. — Про Пик Коммунизма я молчу вообще. Будут у группы тор-

моза, или как? Можешь гарантировать? Уверен в своей точке, ядрена арифметика?

— Уверен, но... На всякий случай, если даже роботы пойдут дальше, их каньон остановит. Через пять километров от точки. Встанет группа на краю разлома и будет там ждать, пока мы ее не подберем.

— А если не мы?

— Да какая разница, начальник?

— Да такая, что приедут люди поднимать комбинат, ядрена бетономешалка, — а канал мимо усвистал, на пять километров дальше, чем по плану! Кто эти лишние пять камэ быстро зароет и наши задницы прикроет? А?!

— По плану вовсе никакого канала не было, — буркнули из-за спины. — Подсунули нам арык, а мы и рады стараться...

Базунов опять не глядя погрозил кулаком.

— Но вода-то будет течь, пускай и мимо... — пробормотал Привалов.

В вагончике захихикали: ну ты, парень, сказанул.

Базунов тихо застонал.

— Чего-чего? — переспросил он.

— Им вода нужна, ну мы и... Того. Дадим воду.

— Мы дадим воду, а нам дадут в морду, — ввернул Малаев.

— Привалов, ты же взрослый человек! Инженер, ядрен матан! Есть утвержденная схема водозабора! — прорычал бригадир. — И меня спросят, почему она диким образом нарушена! На пять километров, ядрена ирригация! И мне придется ответить! Как тебе такая инженерная задача, ядрена ты перфокарта?! Взлетку на два километра длиннее, чем надо, я еще могу обосновать! Не знаю пока каким образом, но могу...

— Взлетка длинной не бывает, — подсказали сзади. — Предлагаю версию: забоялись, что не оторвемся, вот и накатали про запас.

Базунов все-таки обернулся.

— Товарищ Сухов!

— Молчу, молчу, — пообещал седой атомщик с сизыми пятнами радиационных ожогов на щеках.

— Я тебя призываю к порядку лично и персонально, ядерен регламент, — попросил Базунов сквозь зубы.

— Я больше не буду, — сказал Сухов. — Устал просто.

— Все устали... Ну, допустим, от некондиционной ВПП я нас отмажу, — сказал Базунов, бросил планшет на стол, развернул над ним трехмерку и уставился в нее очень злыми глазами. — Дорогу в никуда, это безумное Анизотропное шоссе, тоже как-нибудь распишу. Яркими красками, ядрена стенгазета... Пик Коммунизма мы успели ликвидировать, его тут не было, и вы его не видели. Если кто проболтается, честное слово, мужики, пришибу. Вы меня знаете... Теперь насчет кольцевой дороги вокруг площадки. Своим волонтеристским решением объявляю ее подарком от нашей славной бригады строителям комбината. Зачем им такой подарочек — не спрашивайте. Пусть сами выдумают. Может, они любят кататься по кругу, ядрена карусель. Короче, это все мелочи жизни. Но если... Слышишь, Привалов? Если канал уйдет мимо площадки, я прямо не знаю, что с тобой сделаю. Либо ты эту свою точку забьешь группе в память, как гвоздь в башку, либо собирай манатки. Работать у меня ты не будешь, это стопудово. Потому что меня — снимут. А потом я тебя сниму. С люстры, на которой ты повесишься.

— Я же не виноват! — пропыхтел Привалов, красный как вареный рак.

— Он не виноват, — сказал Сухов.

— Будет, — заверил Базунов и накрепко припечатал свое слово кулаком к столу.

— Разреши особое мнение, бугор? — Сухов по-школьному поднял руку.

— Я тебя просил... Можно не сейчас?

— Нельзя. я в двух словах. Мы понимаем: самоходная группа исправна чисто условно. Сегодня исправна, а завтра у нее мозги набекрень. Но зачем ты валишь все на

Привалова? Команда «стоп» вылетает потому, что заводские намудрили с базовой программой...

— Попробуй докажи, — перебил Базунов. — Замена прошивки ведь помогла.

— Только на время.

— А кого это колышет? Завод отписался, что группа в порядке, отчет лежит в тресте, и меня этим отчетом — по мордасам, ядрена бухгалтерия! Хочешь на мое место? Легко! Вот я с тебя посмеюсь, ядрена клоунада... Когда тебе скажут: выполняй план, товарищ Сухов, наличными средствами и не умничай тут!

— Давай-ка уточним, бугор. Ты собираешься до морковкина заговенья переделывать вручную то, что группа напортачила? Как в тот раз с Пиком Коммунизма? Зачем тогда Привалову вешаться — да я сам удавлюсь на первом же попавшемся экскаваторе!

Базунов шумно засопел носом и промолчал.

— Дима, друг мой. — Сухов глядел почти умоляюще. — Ты же у нас умница. Придумай выход из этой засады. В программу надо лезть глубоко и серьезно, но у Сашки не хватает полномочий и инструментов. Он бы давно все исправил уже. Он не виноват. Хотя бы не дожимай его.

— Да кого я дожимаю?! Техника должна работать четко! Ответственный — Привалов! С кого мне спрашивать? Или ты сейчас родишь нам другого программиста, ядрена кибернетика, — с полномочиями и инструментом, ага?

На Привалова было уже больно смотреть.

— Выход тебе найди... — Базунов стиснул кулаки. — Нету выхода! Завод уперся рогом, ядрена баранина, он не при делах. А у треста — план, и мы его даем. Значит, все в ажуре, и наши трудности никого не парят. Что теперь предлагаешь — не давать план? Лапки кверху поднять? А кто работать будет? Кто, если не мы? Вторая экспедиция пополам разорвется?

— Давно обещали прислать третью, — вставил Ма-лаев.

— Давно обещали послать тебя подальше, — огрызнулся бригадир. — ...А главное, мужики, ну сами прикиньте — нас просто не поймут. Та же вторая экспедиция не поймет. Скажут: ну подумаешь, из шести робот-групп одна попалась малость сумасшедшая. Это не смертельно, а Базунов закатил истерику, ядрена неженка. И как мы будем выглядеть?

— Знаешь, бугор, мне уже все равно, как мы будем выглядеть, — сказал Сухов. — Мы и сейчас похожи, в общем, на загнанных лошадей. Так больше нельзя работать. Мы просто надорвемся. Мы уже на пределе.

— И что ты предлагаешь?

— Ничего хорошего, но пойми меня правильно. Заводские свою вину не признают ни за что. Марсианская контора треста вообще самоустранилась. Если ты назначишь крайним Привалова, сыграешь им всем на руку. Извини, но в таком разе чисто ради справедливости мне придется вынести сор из нашей уютной избушки на партком. Сам угадай, как партком возбудится, когда узнает, чего мы вытворяем из самых лучших побуждений. Дальше будет решать партбюро треста. И «далее везде», как говорится...

В вагончике повисло характерное неловкое молчание. Такое, когда вроде любому понятно, что надо кричать «Слово и дело!», но ведь после будет очень больно сразу всем.

К гадалке не ходи, решать проблему недержания команды «стоп» в программе самоходной робот-группы сбегутся дружною толпою самые неожиданные инстанции, вплоть до КГБ. Если бригаде «закроют космос» на неопределенный срок — это, считай, повезло.

Базунов обвел свою команду взглядом. Здесь сидели десять человек, далеко не последние люди треста, который они фамильярно звали «Мосспейсстрой», и каж-

дого бригадир слишком давно знал, чтобы не считаться с его мнением. А еще он каждого в той или иной степени любил, даже молодого оболтуса Привалова, хотя этого еще учить и учить коммунизму, и хорошо бы подзатыльниками, да жалко дурня.

— Будет очень больно сразу всем, — подытожил общее молчание геодезист Тарасенков. — А нам особенно. Ибо нахулиганили уже выше крыши.

— Больно, но справедливо, — заметил Сухов.

— В тресте — замотают, — сказал Базунов, не очень, впрочем, уверенно. — Выше партбюро это дело не уйдет. Они там не дураки, ядрена бюрократия. А с нас стружку тупым рубанком снимут. И смысл?.. Нет, ну если вы очень хотите, чтобы меня выгнали...

— Мы тебя на поруки возьмем, — пообещал Тарасенков. — И Привалова тоже. Но лично я против. Не в смысле на поруки, а в смысле вообще.

— Я устал, — сказал Сухов. — Не знаю, как вы все, а я лично устал ощущать себя аглицкой блохой, которую Левша взял за жабры и подковал без мелкоскопа. Мне это состояние давно остоелосило. Почему мне, рабочему человеку, простому энергетiku, не дают нормально работать? Стройка за стройкой одно и то же — сначала едва ползем, потому что ничего не готово. Потом аврал и гонка с нарушением всех правил. Технология побоку, элементарный здравый смысл тоже побоку, только догоняй план. Дальше нам дают премию и обещают, что больше такого бардака не будет. Мы выходим на новый объект — и?.. Вот-вот... Ладно, к бардаку мы привычные, но, извини, на Луне случилась уже какая-то порнография. Дурак я старый, надо было прямо тогда поднимать шухер по партийной линии.

— Вот! — поддакнул Тарасенков. — На Луне надо было! Сейчас поздно. Сейчас мы уже главные герои в этой порнографии, и закатают нас на полную катушку.

— Мы подали с Луны докладную! — напомнил Базунов строго.

— Кстати, вот про это самое! — вклинился в разговор Малаев. — Мужики, дайте слово молвить. Вы сейчас подставляетесь. Вы совсем не учитываете, как наши претензии выглядят с точки зрения треста. А выглядят они просто нелепо! Когда бугор послал с Луны депешу — какая была реакция? Нам тут же прислали заводских наладчиков спецрейсом! Мгновенно сменили прошивку! Это ты, Сухов, называешь — не дают работать? Да во всем тресте не найти бригады, которую бы так облизывали... И если Привалов — чайник...

— Я не чайник! Ну зачем вы!.. — взмолился Привалов. — Просто на Луне я не сразу разобрался. Группато совсем новая.

— Прямо жалко, что обратную сторону Луны с Земли не видно... — пробормотал Малаев, сладко жмурясь. — Вот бы астрономы офигели.

— Слышь, Малаец, шел бы ты готовиться кидать оборудование на борт, а? — сказал Базунов. — Вы за временем не следите, раздолбаи, а у нас пять минут на болтологию осталось.

— Выставляешь за дверь как беспартийного? Говорят, Папанин тоже своего радиста Кренкеля выгонял с заседаний партийной ячейки на дрейфующей льдине — помнишь, чем кончилось?

Базунов вдруг опустил голову на руки. В вагончике, где почти каждый потихоньку бухтел, сразу настала мертвая тишина.

— Нет больше сил моих, — прошептал Базунов. — Батарейки сели. я тебе сейчас устрою кренкеля... Такого кренкеля, ядрена матрена...

В вагончике стало вдруг заметно теснее: это на нижней полке сел, протер глаза и сунул ноги в ботинки валившийся до того молча стармех Ренкель, по совместительству командир воздушного судна. Такой же седой, морщинистый и обожженный, как атомщик Сухов, старый черт, только кряжистый, поперек себя шире. В бригаде его звали суперстармехом.

— Намек понял без намека, — гулко сказал он. — Транспортный оператор, добро пожаловать на борт. Мечтаю через две минуты видеть тебя у грузового пульта.

Малаев без лишних слов вскочил и потянул с вешалки куртку.

— Погоди секунду, дядя Жора, — попросил Сухов. — А твое мнение?

— Безусловно, «за», — прогудел Ренкель, вставая и с хрустом потягиваясь. — Могли бы и не спрашивать.

— За что?

— Да пофиг. — Ренкель взял у Базунова кружку, в один глоток отпил половину, крикнул, благодарно кивнул и медведем полез на выход. За ним гуськом потянулись механики Нечитайло и Полевой, показавшиеся вдруг очень маленькими.

— Не ожидал от тебя, — буркнул Сухов. — Нет, я все понимаю — вкалывают роботы, счастлив человек...

Ренкель остановился, бросил взгляд через плечо, механики карикатурно повторили его могучее движение один в один.

— Роботы в порядке, — сказал Ренкель. — Это лучшие роботы на моей памяти. Умнейшие ребята. И чертовски изобретательные, особенно храбрый маленький погрузчик. Вы их просто не понимаете. Просто они хотят вкалывать, даже когда им не дают. Если бы все люди так хотели... Эх!

Он безнадежно пожал одним плечом и протиснулся в тамбур. Сухов озадаченно глядел ему вслед.

— Храбрый маленький погрузчик... — пробормотал он. — Нормальный ход, дядя Жора...

— А что, это концепция, — впервые подал голос доктор Ленц, он же повар, он же единственный в бригаде разнорабочий. — Она многое объясняет.

— Впервые вижу, чтобы медик с ума сошел, — негромко бросил Сухов в сторону. — Ну ладно наш стармех, ему простительно, механики все по жизни с прибабихом, колесу молятся...

— Но ведь «стоп» не держится? У нас роботов по всей планете — шесть групп! И вдруг одна-единственная не подчиняется! Почему?

— По кочану! Молодая, вот и не подчиняется!

— Да, она самая молодая, и у нее самый развитый на сегодня искусственный интеллект! — не унимался доктор. — Не кроется ли за этим нечто большее?

— А может, доктор, вы еще и креститесь? Святой воды не найдется, случаем — на бульдозер побрызгать? А то в него бес вселился.

— Если этот бес хочет вкалывать — зачем ему мешать?

Базунов поднял голову и с усилием потер лицо обеими руками.

— Слышали, что говорит стармех, товарищ Привалов? — Он посмотрел на унылого программиста. — Учитесь. Мотайте на ус. Захотите наконец работать — и работайте, ядрена вошь!

— Вот ты злодей, — буркнул в спину бригадиру Сухов.

— Уволюсь на фиг, — сказал Привалов, глядя в пол. — Вы тут все действительно с ума сходите. Вслед за роботами.

— Фиг ты уволишься. Ты сейчас проверишь, держится ли точка в программе, доложишь об исполнении и поедешь с нами на кислород. Тебя там заждалась шикарная тяжелая экскаваторная группа. Мы из тебя сделаем человека, ядрена мама. Не сумеешь — научим, не захочешь — заставим. В конце концов, это тоже... Всего лишь инженерная задача.

— Вот ты злодей, — повторил Сухов, правда, уже с другим выражением.

— Кто-то мне это сегодня говорил, — сказал Базунов. — А, ну конечно, гидролог. Обидел я его слегка. Кстати, где он? Не забыть бы взять его на борт и посмотреть, чтобы сам ничего не забыл, ядреный водолаз. Ответственный за гидролога...

— Давайте я, — предложил Ленц. — Мне грузить всего ничего, я прослежу за человеком, чтобы не потерялся.

— Ответственный — товарищ Сухов. Как самый ответственный, ядрена справедливость.

— Ну вы злодей, бригадир! — сказал Ленц.

* * *

Новейшую самоходную роботизированную группу из тринадцати единиц, включая три бульдозера — легкий, средний и тяжелый, — два экскаватора, четыре самосвала, путеукладчик-«запеканку» для сыпучих грунтов, ремонтного «паука», дирижабль с прибабахом и маленький храбрый погрузчик, Базунов невзлюбил сразу по получении.

В Мосспецстрое бригада Базунова числилась «прыгающей экспедицией», она скакала с площадки на площадку, от одной группы роботов к другой, не задерживаясь нигде дольше недели. Проверить исполнение задачи, поставить новую, провести техобслуживание — и полетели дальше. Иметь дело приходилось с чем угодно, от мобильных атомных электростанций до умных бетономешалок. Очень живая интересная работа, требующая постоянного напряжения серого вещества, ну и вообще мы — почти как космонавты, ядрена пилорама, любите нас, девочки.

Более-менее теряла свой гонор бригада, лишь когда надо было лететь с планеты на планету, и тут Базунову вежливо напоминали, что в строительном тресте, пусть даже московском и очень специальном, космонавтов нет, а есть пассажиры, и от них требуется неукоснительное соблюдение дисциплины на борту.

И конечно, психологически трудно приходилось участникам «прыгающей экспедиции», когда они, горя энтузиазмом, сыпались со звездных небес на свежую площадку, выгоняли из трюма свои железные трудовые резервы — а фронт работ не подготовлен ни

фига, и в космических бытовках сидят злые, как черти, космические прорабы, которым тоже психологически трудно, ведь они слишком хорошо представляют, что будет дальше, ядрена штурмовщина. Базунов хотя бы теоретически может в поисках дела для себя прыгнуть на соседнюю площадку и там вдоволь погонять роботов, а прорабу деваться некуда, и даже водки с горя нажраться советскому человеку шансов ноль, поскольку вне Земли у советского человека — сухой закон, ядрена конституция.

И хоть ты лопни, хоть ты тресни от искреннего желания, чтобы на Марсе как можно скорее яблони цвели, но если не завезли комплектующие, работа встанет намертво. Потому что, извините, делать эти комплектующие прямо на месте мы начнем не раньше, чем построим завод по их производству, такая вот мертвая петля, хоть на ней ты вешайся. И у соседа не займешь, ему тоже надо, и ему тоже не завезли. И ты от безысходности начинаешь возводить стены цехов раньше, чем подвел коммуникации. Здесь тебе не матушка-Земля, где вдоволь кислорода, воды и еды, тут нельзя сидеть и ждать, а надо давать план хотя бы вверх тормашками и задом наперед. То, что сетевой график окончательно превращается в китайскую грамоту, это не смертельно, подгонкой графиков под реальность занимается целый институт в системе Госплана СССР, там специалисты, пусть у них голова болит. Смертельно — это когда у тебя кончились невосполнимые ресурсы, ты бросил недостроенный объект и эвакуировался, за такую ошибку партбилет на стол кладут. Значит, лучше мы пока стены и крыши сделаем, а коммуникации потом вкорячим через дырку в фундаменте задним числом. Не забыть бы, где у нас эта ядрена дырка. Кстати, а мы пробили ее вообще?

Легко догадаться, что когда несколько объектов входили в завершающую фазу одновременно, «прыгающая экспедиция» не скучала ну просто совсем, ядрены пас-

сатижи. Да она и не спала почти, обедала на коленке, душ принимала, если доктор напомнит. Где тонко, там и рвется: именно в такие периоды охотнее всего «сыпалась» техника, и ладно бы только строительная — пару раз у бригады разваливался транспорт, на обслуживание которого просто не оставалось времени, и тогда «прыгунов» приходилось спасать. Естественно, их потом наказывали, чтобы другим неповадно было, а иначе давно Базунов стал бы Героем Социалистического Труда.

Конкретно вместо Героя ему вручили фигу с маслом и пообещали, что высокого звания бригадиру не видать даже посмертно, это когда экспедиция, совершив аварийную посадку в центре бескрайней пустыни из красного песка, застряла там на трое суток и успела сначала хорошо выспаться, а потом от безделья начудить. Базунов вывел роботов поразмяться и отгрохал себе не только положенную в таком случае взлетку, но еще роскошный жилой купол, футбольное поле с пьедесталом почета и плавательный бассейн без воды, зато с прыжковой вышкой. Такую ядрену шизофрению Базунову простили бы, да вот незадача: транспортный оператор Малаев, творческая личность, изваял при технической помощи Нечитайло и программной поддержке Привалова статую «Женщина-строитель» прямо у входа в купол. А спасатели на подлете, действуя строго по регламенту, зафиксировали этот ядрен дизайн своей шикарной спасательной видеокамерой с недюжинной разрешающей способностью. Нецелевой расход ресурса сварочного аппарата ради спекания из красного песка объемного изображения голой бабы с лопатой Мосспецстрой не оценил. Правда, был еще слушок, будто кто-то из дирекции треста углядел в статуе нечто знакомое. Малаев этот слух опроверг, заявив, что у него и так моральный облик никуда не годится, поскольку он в свободное время рисует акварелью, о чем даже состоялся хмурый разговор на последней аттестационной комиссии, и ему лишние неприятности совсем ни к чему.

Но в целом, несмотря на мелкие недоразумения, жизнь у бригады удалась, ядрена макарона, и ничего, как говорится, не предвещало. А потом случилось страшное: Базунова послали в космическую задницу, да еще и навязали ему сумасшедших роботов.

Для начала бригаду сорвали с Марса, где она прекрасно себя чувствовала, на Луну, которая для простого трудящегося сущее наказание в силу низкой гравитации, отсутствия атмосферы и прочих элементарных удобств. Но там у треста застряли костью в горле два обидных долгостроя. И никого лучше Базунова, знаменитого своей четкостью да изобретательностью, не нашлось, чтобы быстренько подчистить все хвосты. Задача простейшая, ядрена гайка: забалачить площадку и корпуса под гелиевый заводик на «той стороне», пробить трассу до космодрома и помочь там местным разровнять кое-что — тебе на ползуба, Дмитрий Анатольевич, смотайся, а? В самый разгар ударного освоения Марса, где родной трест загребал лопатой премии и медали, да и просто было весело, Базунов улетал туда, откуда даже на Землю посмотришь только по телевизору.

Чтобы подсластить горькую пилюлю, Базунову подсунули новую группу — ты ее сначала на простой задаче обкатай, потом вместе с ней на Марс вернешься, уж она там даст шороху, ядрена копать, не пожалеешь.

Бригадир заподозрил неладное в первый же день на Луне, когда Малаев принял по описи тринадцать контейнеров. Удивился, снова пересчитал, опять тринадцать. Кучеряво живем, ребята, сказал Базунов, — нам прислали дирижабль, ядрено монгольфье! Сегодня исторический день: советский аэростат преодолел триста тысяч километров безвоздушного пространства. Надо об этом написать заметку в «Строительную газету». Нет преград строителям коммунизма, им даже законы физики пофиг.

Базунов не стал писать в газету, он настучал телеграмму в трест. Оттуда сухо ответили, что группа по-

★ ставляется строго комплектом, и еще на словах советовали не умничать. Базунов пожал плечами, но расстроился — сколько бы ни уверял Сухов, что мы к бардаку привычные, это было не так. Никто в бригаде не любил бесхозяйственности, да и как ее можно любить, ядрена политура, деньги-то на бардак тратятся народные, буквально у своих детей воруем.

Назавтра бригаде стало не до бардака — началась та самая порнография.

Управляющим мозгом группы и одновременно ее сердцем, то есть зарядной станцией, служил красавец тяжелый атомный бульдозер в шестьдесят с лишним тонн, силищи неимоверной. В бригаде его сразу обозвали попросту «Большой».

Большой получил задачу, нормально вывел группу на площадку, огляделся, счел обзор недостаточным и дал команду дирижаблю на взлет.

Дирижабль сломал контейнер и полез наружу, по ходу надуваясь.

Базунов впервые в жизни потерял дар речи. Он просто не знал, как реагировать. Стоял на командной вышке, таращился в монитор и глубокомысленно молчал. Обалдел, ядрена медь.

Стармех Ренкель тоже молча отвесил подзатыльник механику Нечитайло, а потом механику Полевому на всякий случай. Кто-то должен был залезть в тринадцатый контейнер и посмотреть, не подключен ли паче чаяния ядрен азростат. Техника при доставке обесточена, закон такой, и первым делом это проверяется — закон в хозяйстве Базунова, — с тех пор, как один шибко борзый экскаватор решил выйти из атомолета на высоте десять километров...

Тут Базунов очухался и заорал единственно верное: «Стоять!!! Стоять, ядрена мать!!!» И опережая его на долю секунды, Саша Привалов сам, без команды, жажнул ладонью по красной кнопке, загоняя группу в анабиоз.

Но еще секундой раньше проклятый дирижабль, не

чувствуя в себе достаточной подъемной силы, успел применить маневр резкого старта, выдуманный специально для планет с бедной атмосферой. Оттолкнулся манипуляторами — и пошел на взлет, ядрена авиация.

А манипуляторы там ого-го какие сильные: дирижаблю положено цеплять ремонтного «паука», а на форсаже он таскает погрузчик. Пинок, ядрена катапульта, вышел неслабый.

Базунов схватился за голову.

При гравитации в одну шестую «же» дирижаблю предстояло совершить гигантский прыжок и в конечной его нижней точке убиться об острую скалу на краю метеоритного кратера. Перехватить летучее недоразумение было уже некогда, да и просто нечем — бригаде на Луне не полагалось своих летательных аппаратов. Оставалось глядеть, как оно себя погубит, ядрена катастрофа. Базунов стоял, не обращая внимания на то, что Привалов все теребит и теребит красную кнопку. Подумал, у программиста это нервное. А потом увидел: группа шевелится. Да еще как шевелится, ядрена каракатица. Быстро катится.

«Это что за цирк?! — процедил бригадир. — Отставить!»

«Да я приказываю, только без толку... Запустился внутренний аварийный режим, он по умолчанию рассчитан на то, что рядом нет человека и группе надо обходиться своим умом. Вплоть до устранения нештатной ситуации».

«Ну-ну. А почему Большой ее устраняет так... Нештатно, ядрен батон?!»

«Это просто инженерная задача. Он ее обсчитал и решает наличными средствами. Как может, так и делает».

Дирижабль, безвольно свесив манипуляторы вниз, двигался к скале. Вид у него был самый что ни на есть обреченный. Но вдогон бедолаге неслись, поднимая шлейф пыли, два самосвала бок о бок. Левой гусеницей в одном кузове, правой в другом угнездился экскаватор.

В ковше экскаватора сидел, чудом не вываливаясь, маленький колесный погрузчик.

А потом экскаватор поднатужился и со всей дури метнул погрузчик в лунное небо.

Пока крошечная машинка летела вверх, Базунов успел с ног до головы облиться холодным потом. А вдруг Большой просчитался. Черт с ним, с этим заполошным цеппелином, пусть бьется, ядерен металлолом. Но если погрузчик грохнется и что-нибудь себе повредит, Базунов заставит механиков развинтить всю группу на запчасти, лишь бы парень был снова здоров и весел.

Он так и подумал о погрузчике: «парень», как о человеке.

В какой-то момент показалось, Большой и правда ошибся: двум машинам не хватало буквально пары метров, чтобы одна поймала другую. Но в последний миг погрузчик задрал над собой ковш, и дирижабль уцепился за него мертвой хваткой. И начал просаживаться вниз. Он уже не долетит до скалы, шлепнется в лунную пыль.

По командной вышке пронесся дружный вздох. А потом — такие же дружные аплодисменты, ядрена драма и комедия.

За несколько секунд до прилунения дирижабль выпустил погрузчик, тот безопасно упал на колеса и успел выкатиться из-под садившейся на него туши. К месту аварии примчался самосвал с «пауком» в кузове, следом медленно поспешал легкий бульдозер — цеплять беглеца на буксир.

Большой тем временем прислал отчет о ситуации и запросил подтверждение либо отмену приказа на отключение группы. Привалов вопросительно смотрел на Базунова.

«Пусть работают, — сказал тот. — Вот же черти железные, ядрена техника».

Дирижабль подлатали и на всякий случай обесточили в ноль. Правда, Большой не делал новых попыток его

поднять. Осознал, что тут ему не матушка-Россия и даже не Марс, без ракетной тяги не разлетаешься. Привалов ходил с красными глазами и ругался нецензурно. В заводской прошивке был набор поправок для работы в безвоздушном пространстве, но Большой почему-то их не видел. Заводские программисты валили все на Привалова, заводское начальство тем временем грызлось с Мосспецстроем, а трест, в свою очередь, вынимал душу из Базунова, требуя установить, какой дятел наступал про тринадцатый контейнер. Поскольку отправкой бессмысленного груза на Луну заинтересовалась, ядре-на облигация, транспортная прокуратура.

Базунов тем временем проверил то, что его действительно волновало: он заставил доктора Ленца, как заведомо наименее ценного члена экспедиции, надеть скафандр и ходить по площадке, семафора группе и ее отдельным членам «стоп». На завтра задачу усложнили: Ренкель технику слегка ломал, а доктор мешал другим машинам идти ей на подмогу. У Базунова все не шел из головы «внутренний аварийный режим», он хотел быть уверен, что Большой не смахнет человека со своего пути, ядрена муха, если надо спасать железного коллегу. Большой вел себя идеально. Доктор, кстати, тоже хорошо слушался команд. Под занавес Базунов сказал ему имитировать отказ кислородного баллона — и славный маленький погрузчик вмиг домчал доктора до тамбура командной вышки.

Через неделю Базунов с бригадой ушел на космодром, где у него пахали сразу три группы, надолго там застрял, общаясь с Большим дистанционно и осторожно радуясь его бодрым отчетам, а когда вернулся — остолбенел.

Скалы, об которую мог разбиться дирижабль, больше не существовало. Не было и кратера. Бесследно исчез сложенный первопроходцами «той стороны» каменный гурий — вот же делать людям было нечего, а ты теперь отдувайся, — в основание которого они засунули,

★

ядрена писанина, капсулу с посланием будущим поколениям молодых коммунистов от строителей коммунизма. В радиусе километра от стройплощадки обратная сторона Луны стала плоской и гладкой, как школьная парта. И вокруг этого великолепия красовалась невысокая, но убедительная кольцевая насыпь с дорогой поверху. На что Большой таким образом намекал, Базунову было страшно даже предположить. Как это колечко выглядит сверху, он решил не задумываться: с Земли не видно, а в космосе все свои, ядрена мафия, посмеются да забудут. И сумасшедших в космос не берут, значит, никто не наступит в КГБ, что Базунов подает знаки потенциально враждебным цивилизациям.

Все бы ничего, только со строительством коммунизма получилось некрасиво. Бедный доктор три дня бродил по территории с металлоискателем в поисках капсулы, потом Базунов напряг Малаева, и тот накатал такое послание, что пальчики оближешь. Бумажку упаковали в старый термос, камней наковырял своим ковшом добрый маленький погрузчик, впоследствии все тщательно заровняв. Как раз успели закончить к моменту, когда прилетели спецрейсом заводские, вызванные Базуновым вправлять Большому мозги. Вкатили ему новую прошивку, сфотографировались у памятного знака первопроходцев — Малаев чуть не помер со смеху, — и убрались восвояси. А Базунов продолжил работу, не получая от нее уже ни малейшего удовлетворения. Он не доверял Большому. Группа вела себя превосходно, не проявляя никакого своеволия, но бригадир был постоянно настороже, уставал из-за этого, злился на Большого, на себя, на бригаду, на трест, на завод-изготовитель и почти уже обозлился, ядрена психика, на транспортную прокуратуру, но тут оказалось, что задачи выполнены, пора ехать в отпуск, а потом на Марс.

По ситуации с группой Базунов написал подробный отчет, где надо заострив, а где не надо прикинувшись

ветошью, и сдал его в трест. Была слабая надежда, что группу вернут на доработку.

Как бы не так. На Марсе бригадира поджидал Большой, а Большого — площадка под строительный комбинат. Ну а площадку, естественно, ждали на начальном этапе всяческие нестыковки, недоработки, недоставки и прочие «недо» в широком ассортименте. То есть бесконечные простои, в дни которых Большой и его команда раздухарились, ядрена землеройка, не по-детски.

Будь у Базунова такая возможность, он бы глаз с Большого не спускал. Но куда там. Шесть групп, постоянный аврал, ядрена свистопляска, новые вводные почти ежедневно. Чтобы вызвать на социалистическое соревнование вторую прыгающую экспедицию Мосспецстроя, Базунов командировал в марсианскую контору треста доктора Ленца. Вторая экспедиция выступила еще круче — прислала чучело бригадира с запиской: «Дима, привет, извини, у нас полный караул, увидимся на Земле».

Трест обещал наказать обоих, но когда-нибудь потом.

* * *

По обратной стороне Луны Большой еле ползал — вероятно, опасаясь взлететь, — а на Марсе проявил неожиданную прыть и прямо-таки, ядрена физкультура, забегал. Выработка у группы оказалась шикарная. Фантазия тоже. Буквально в каждый приезд Базунова на площадку его там ждал сюрприз. Но если удлиненная взлетная полоса Базунова не удивила ни капельки, к Анизотропному шоссе он был морально готов, а кольцевая дорога вокруг площадки — это, считай, наш фирменный стиль, — то Пик Коммунизма срубил бригадира под корень.

За каким чертом, непонятно, но в плане было — заровнять метеоритный кратер в некотором отдалении от будущего комбината. Группа задачу выполнила и пере-

выполнила. На месте кратера выросла гора вида самого что ни на есть подозрительного. У Базунова привычно уже засосало под ложечкой, он позвал геодезиста. Тарасенков битый час носился туда-сюда со своими хитрыми приборами и выдал заключение: гора точно повторяет форму кратера в обратной проекции.

— Я понял: это намек, — сказал Базунов и помрачнел.

— Большой, зараза, так пошутил, — подал версию Малаев. — А чего, я бы тоже пошутил, если бы меня заставили фигней заниматься на рабочем месте. Кому мешал этот кратер...

— Ты и так фигней страдаешь на рабочем месте, да еще и шутишь постоянно, аркадий ты ядреный райкин! Что это за распятие торчит на берегу моря? Почему оно в моей спецовке? Думал, не узнаю? я в ней весь прошлый сезон... Там каждая дырка моим трудовым потом обмыта!

— Это аллегория, — заявил Малаев.

Базунов посмотрел на него, крикнул и сказал:

— Пойду, что ли, Привалову бубну выбью. Давай за мной, следи, чтобы я в натуре руки не распустил.

Он пошел и налаял на программиста так, что тот сидел ни жив ни мертв. За молодого вступился доктор Ленц, досталось и ему на орехи. Доктора попробовал отмазать Сухов, за Сухова вписался обычно невозмутимый Ренкель, и тут бригадир натурально вышел из себя.

— Властью начальника экспедиции всем — суровое порицание, ядрена аллегория! — орал Базунов. — Вместо телесных повреждений средней тяжести, которых вы заслуживаете! Строители коммунизма, ядрена скотобаза! Глаза б мои вас не видели! А теперь все на площадку и управлять вручную! Срыть этот пик коммунизма к ядрене бабушке под корень!

Вот так идеально ровный участок поверхности Марса стал навечно Пиком Коммунизма. С кольцевой дорогой и Анизотропным шоссе Базунов думал разобраться по-

зже, а длинная взлетка ему на самом деле понравилась. В следующий заход он собирался поставить на профилактику свой ушатанный атомолет и без суеты устранить все пакости Большого, пусть даже в ручном режиме.

Как известно, бригадир предполагает, и Мосспецстрой тоже предполагает, а главк располагает. Пренеприятнейшее известие: к нам едет полярный песец. В ближайшие несколько лет насосной станции достаточной мощности не будет, и труб нужного диаметра тоже. Комбинат останется без воды. Перенести его ближе к водохранилищу нельзя: есть план, он увязан с другими планами, раз приказано комбинату тут стоять — будет тут стоять, ядрена экономика, хоть сухой, но будет. Однако, товарищи, в наших силах сделать его мокрым! Вот гидролог, он покажет, как правильно рыть канал.

Поскольку водохранилище делал родной Мосспецстрой, его, разумеется, прозвали Московским морем. Базунов недолго думая нарек свой новый объект Каналом имени Москвы, подхватил гидролога и помчался на всех парах от начальства подальше.

Увы, пробыть на объекте ему удалось чуть больше двух суток — бригаду сорвали «на кислород». Хватило времени не доломать атомолет, загрузить группе новую программу, со всеми в той или иной степени переругаться и отбыть на другую сторону Марса, понимая: в чем-то ты глубоко не прав, ядрена кочерыжка, вот только в чем — поди догадайся.

Верно сказал Ренкель: умнейшая ведь группа. Научиться бы с ней говорить. Научиться бы ей объяснять. Или научиться ее слышать?..

На прощание Базунов подошел к храброму маленькому погрузчику, воровато огляделся — не смотрит ли кто, — и сказал ему:

— Ну хоть ты-то не балуй. я знаю, ты парень что надо. Если смогу, я вернусь за тобой. Если нет... Прости, ядре-

на совесть. Но придут другие люди, хорошие добрые люди. Не подведи их, электрическая твоя душа. Лады?

Подумал и добавил:

— Они тебя тоже будут любить.

* * *

Когда в новостях прошло сообщение: «Астроном-любитель уверяет, что марсианские каналы меняют конфигурацию», Базунов сразу встрепнулся. Если чутье не подвело его, дело пахло не просто керосином, а вылетом из треста, да с таким волчьим билетом, ядрена репутация, что потом дворником не возьмут. Бригадир пошушукался с доктором Ленцем и на завтра вместе с Ренкелем подхватил «марсианский грипп», низкотемпературную инфекцию, при которой полагалось лежать и не высываться. Еще он подхватил у соседей легкий развозной атомолетик — за ящик пива по возвращении на Землю, зуб даю, ядрена вобла, — погрузил на него вездеход и был таков.

По дороге к аэродрому он вызвонил гидролога и попросил справиться, не подсел ли, ядрена клизма, уровень Московского моря. Гидролог фыркнул, но через полчаса уже умолял взять его с собой. Море и правда слегка обмелело — об этом доложили наверх, но там как-то не придали значения: подземные источники вскрыты качественно, а убыль наверняка естественная, как убыло, так и прибудет.

— Фиг оно прибудет, ядрена лужа, знаю я своих железных ребят, — процедил Базунов.

Через сутки они втроем стояли на берегу водохранилища и беспомощно ругались. Море размыло перемычку до основания. Канал имени Москвы интенсивно поглощал дефицитный продукт и сливал его... Куда?

— А то ты не догадался, — пробасил Ренкель и криво усмехнулся.

Группа на вызовы не реагировала. Засечь ее без спут-

ника Базунов не мог, а обращаться в службу слежения означало раньше времени подставиться. Бригадир еще не готов был подставляться — не знал, ядрено алиби, как отбрехаться.

— Пойдем по следам, — решил он. — Настоящие индейцы, ядреный чингачгук. Мой скальп уже чешется.

— А хороший канал получился, — заметил Ренкель. — Молодец Большой, четко сработано.

— Канал отменный, — сказал гидролог.

— Имейте совесть, негодяи, — сказал Базунов.

Еще через полчаса они стояли на краю Невеликого Каньона и даже не ругались.

Водопад рушился в кальдеру с истинно промышленным грохотом. Воздух у водопада был совсем не марсианской бледной немочью, а по-земному плотным на вид, и люди сразу почувствовали, как стосковались по нормальной атмосфере.

— Я на секунду, — сказал гидролог.

Его не успели остановить, он уже снял маску и сделал осторожный вдох.

— Ну ты псих, ядрена кашценка! — заорал Базунов. — Вот я тебя сейчас!

— Надо бы померить, да нечем, — сказал гидролог, снова пряча лицо за прозрачным забралом. — Пробы взять. Но в целом приемлемо. Как наше высокогорье. Я же альпинист.

— Ты анархист! — рявкнул Базунов. — Попалил бы легкие, и куда тебя потом?..

— Вы туда поглядите. — Ренкель показал на другую сторону разлома. — Дима, где твой бинокль?

— И так вижу. — Базунов отдал бинокль стармеху. — я другого не вижу. Где мост? Не могли же они перелететь, ядрена телепортация.

Канал не только впадал в кальдеру. Он был прорезан дальше на другой ее стороне — пускай сухой, но все равно канал. И терялся в бескрайних марсианских далях.

— Слева. — Ренкель вернул бинокль.

— Ах ты, ядрена конструкция...

Следы группы вели к скале на краю обрыва. От нее на другую сторону были провешены два толстенных буксировочных троса. Держались они на забитых намертво в скалу жалах от отбойных молотков.

— Это уже какая-то ядрена фантастика, — буркнул Базунов. — Ты что-нибудь понимаешь, дядя Жора?

— Я все понимаю... Но как?!..

— То-то и оно.

Базунов не глядя ткнул пальцем себе в маску, явно собираясь погрызть ноготь ради активизации умственной деятельности, ядрена головоломка, но палец уперся в плексиглас.

— Не мог дирижабль поднять эти тросы... — бубнил Ренкель.

— Кажется, знаю. Маленький храбрый погрузчик, — процедил Базунов и вдруг улыбнулся. — я всегда говорил, что он нормальный парень. Слушай, дружище... — Бригадир повернулся к гидрологу. — Есть хотя бы малейший шанс, что вода заполнит кальдеру? я помню по карте, она замкнутая с обоих концов.

Гидролог пожал плечами.

— Теоретически... Ну лет через полсотни, если ресурса хватит.

— Здесь самое низкое место, и когда добьет до краев, вода попрут дальше в канал, верно? Чего молчишь, ядрена канализация?

— Да пошел ты... Откуда мы знаем, что там на дне? Может, все под землю уйдет.

— Не уйдет, — сказал Базунов. — я печенкой чую, ядреный нострадамус. Будет на Марсе роскошный Канал имени Москвы, запомни мое слово.

— И все-таки — как они переправились? — не унимался Ренкель.

— Ты просто не в курсе, дядя Жора. — Базунов снова улыбался, мягко, ласково. — Это все наша бесхозяйственность, ядрен госплан. На площадке не было ни грам-

ма цемента, зато две катушки отличного бронированного кабеля.

— С ума сойти... Ну конечно! Маленький храбрый погрузчик! — Ренкель восхищенно цокнул языком.

То перебивая друг друга, то подсказывая, хлопая в ладоши и восторженно гогоча, стармех и бригадир прикинули схему переправы. Дирижабль на Марсе не поднимет ничего тяжелее «паука» даже на форсированном режиме. Ну и ладушки. Хватило бы силенок перетащить через каньон два хвоста бронекабеля — и задача решена. Сначала экскаваторы вбили в скалу жала, и «паук» закрепил на них буксирные тросы, чтобы лишний раз не мотаться туда-сюда. Дирижабль тем временем занес концы кабеля на другую сторону. А здесь на кабель просто наехали бульдозером, чтобы впоследствии утащить с собой полезные веревочки, вдруг еще пригодятся... Дальше летающий пузырь увез «паука» и вдвоем они кабель натянули. Заякорили его — не важно как, наверное, дирижабль лег на пузо и закопался манипуляторами... И тогда маленький храбрый погрузчик переехал по кабелям на ту сторону, волоча за собой тросы. Дальше «паук» закрепил тросы на нем, а погрузчик уперся ковшом и уже сам работал якорем. Следом переправился его приятель экскаватор, забил два жала, натянул тросы до звона, «паук» снова вывязал узлы, ну и...

— Смотрите! — крикнул гидролог, вглядываясь куда-то вниз. — Вот он!

Базунов машинально схватился за сердце. Потом за бинокль.

Переправа была далеко от водопада, здесь река на дне разлома уже почти не бурлила, и желтое пятно под водой бригадир не заметил только потому, что не интересовался, чего там внизу.

— Уфф... — Он оторвался от бинокля и потер грудь. — Слава тебе господи, ядрен канатоходец, ядрена акробатика, да пропади оно все пропадом, как же я перепсиховал...

Потом он начал тереть виски под шапкой: похоже, у него схватило еще и голову.

Ренкель забрал бинокль, посмотрел вниз, потом уставился на тросы.

— Левый чуть слабее. Если не знать, так и не заметишь. Все прошли нормально, но трос просел, Большой ехал замыкающим и соскользнул.

— Да и черт с ним. Никогда я его не любил. я испугался, что там малыш...

— Честно говоря, я тоже... Надо проверить, как у Большого с реактором. Кожух не мог треснуть даже в теории, но мы обязаны.

— Сейчас принесу из вездехода дозиметр... — Базунов снова потер грудь. — Вот я дурень, правда? Сорвался Большой, а мне лишь бы не маленький, ядрены нервы. А этот пусть себе лежит, железяка фигова. Когда-нибудь поднимем. Хотя... Погоди, а как они теперь заряжаются? Ядрен аккумулятор, тогда группа встала где-то недалеко.

— Черта с два они встали. Запитаются от среднего бульдозера, у него котел слабенький, но если потихоньку, всем хватит отсюда и до посинения. Они еще колечко сделают и с другой стороны Марса приедут. Запчастей хватит, я посмотрел, ребяташки выгребли ангар подчистую, увезли на самосвалах небось.

— На среднем нет разъемов, чтобы запитать группу, забыл?

— Через «паука». Что они, дураки? «Паук» отлично работает как переходник. Всего лишь инженерная задача.

— Инженерная задача... Это Сашка все время талдычит. У тебя подхватил?

— Наоборот. я у него, — сказал Ренкель.

Базунов снова посмотрел вниз. Большой лежал на боку и мирно спал под толщей воды. Бульдозер мог отдыхать с чистой совестью. Он сделал главное — придумал, как переправить группу. Если надо просто рыть землю носом, группа прекрасно обойдется без него. Она будет

тянуть канал до следующего естественного препятствия, и у нее уже есть готовый алгоритм, как препятствие одолеть. Далеко уйдут ребята, ой, далеко, ядрена экспедиция... И в один прекрасный день по их следам хлынут воды Московского моря. Если на пути группы встретятся старые марсианские каналы, значит, когда-нибудь вода в них вернется. И люди увидят, каким был Марс в незапамятные времена. Новые люди, мы-то вряд ли.

Но все, что мы делаем в жизни, все, что мы строим, это ведь не для себя. А ради счастья будущих поколений, ради новых людей...

— Сильно тебя отымеют? — спросил гидролог, вставая рядом.

— Наплевать, — сказал Базунов.

И улыбнулся так широко, так искренне, что гидролог даже слегка испугался за него — а не сорвало ли у бригадира резину.

— Прямо уж и наплевать? Сейчас начнется... Что я, не знаю? У нас везде одна система. Тебя сначала заставят догнать и остановить эту землеройную команду, а потом начнут снимать очень мелкую стружку очень тупым рубанком.

— Это будет не сегодня. И даже не завтра.

— То есть?..

— Отставить кипеш. Мы сейчас проверим радиационный фон, и если котел в порядке — а он в порядке, зуб даю, его можно с ядрена эвереста ронять, — быстро сделаем ноги. И никому не скажем, ядрена конспирация. Нас тут не было. Верно, дядя Жора?

— Я в вагончике лежу и на лампочку гляжу, — пробасил Ренкель. — У меня грипп свирепствует.

— А ты что скажешь, друг ситный?

— Ну... — Гидролог замялся. — Ну, это в конце концов очень интересно. Водохранилище подпитывается неплохо, источники вскрыты на совесть. Оно просядет, конечно, но вовсе не насухо. И канал-то, прямо скажем, не Панамский.

— Ладно-ладно, он себя еще покажет. Мосспейсстрой веников не вяжет, ядрена технология! И я считаю — пусть ребята поработают сколько успеют. А то вечно я мешал им развернуться. Одни мне не дают, другим я не даю... Надоело.

— Пора валить, — напомнил Ренкель. — Пошел за дозиметром.

— У вас там комплекта химразведки нет, случаем? Или чего-то похожего? Хочу пробы воздуха... — И гидролог ушел вслед за стармехом.

Базунов остался у обрыва. Рассматривал спящего Большого и снова улыбался. Он уже не сердился на строптивый бульдозер, напротив, чувствовал в нем едва ли не родственную душу, ядрена психология.

Сам того не понимая, он глядел на свое отражение — того, кто хочет работать и работает, даже когда ему не дают.

* * *

Канал имени Москвы, питающий сегодня всю марсианскую промышленную зону, размечен еще на самом раннем генеральном плане освоения планеты, и нет оснований думать, что было иначе. Конечно, в период «штурма и натиска» случалось всякое. В дошедших до нас мемуарах ветеранов Мосспецстроя слышны отголоски героической эпохи, когда природа была заведомо сильнее человека, планы корректировались едва ли не ежедневно, а строители ощущали себя ни много ни мало передовой армией космической экспансии. С сообразной этому психологией и терминологией. Они не просто работали, а сражались за лучшее будущее для всех, и выражение «трудовой подвиг» звучало отнюдь не пафосно. Наши предки были готовы рисковать не только репутацией, но и самой жизнью, чтобы добиться выполнения поставленной задачи.

Не исключено, именно таким был и Дмитрий Базунов, о котором можно уверенно сказать лишь самый ми-

нимум: он и правда служил начальником «прыгающей экспедиции», а в списках Героев Соцтруда не значится.

В остальном «Подлинная история Канала имени Москвы» выглядит компиляцией сразу нескольких мифов эры первопроходцев. Некоторые из них не лишены документальной основы: например, на берегу Московского моря вы могли заметить необычный топоним «Улица Анизотропное шоссе». И первые литры воды в древнюю ирригационную систему Марса действительно были поданы из знаменитого канала. Другой разговор, что это никак не могло произойти по воле трудолюбивых роботов, отбившихся от рук. Система социалистического планирования была исключительно жесткой, и в ней просто не нашлось бы места для подобного самоуправства.

Но что касается технической стороны дела, тут все намного ближе к реальности. В династиях строителей действительно передаются из поколения в поколение легенды о строптивых бульдозерах и хитрых экскаваторах. Техника того времени конструировалась с огромным запасом прочности и по сей день на ходу. Конечно, у нее современный мозг, но механическая основа и дизайн остались прежними.

А значит, не исключено, что где-то рядом с нами живет и работает — несет трудовую вахту, как сказали бы предки, — маленький храбрый погрузчик.

Так пожелаем ему долгих счастливых лет, ядрены пасатижи.

СЕРГЕЙ ЗВОНАРЁВ

ТОЧКА БИФУРКАЦИИ

«...Советологи сходятся в том, что с приближением двадцать четвертого съезда КПСС скрытая политическая борьба в советском руководстве будет нарастать. На предстоящем пленуме ЦК партийные начальники

★ *старой школы попытаются ослабить позиции коммунистов-технократов во главе с президентом Академии наук Владимиром Боголюбовым, вдохновителем выдающихся успехов Советов в области межпланетных пилотируемых полетов, термоядерной энергетики и робототехники. Вероятно, атака на Боголюбова начнется с отставки его соратника Алексея Кузнецова, главы Государственного комитета межпланетных сообщений. Повод для отставки есть — катастрофа первой пилотируемой экспедиции к Венере...»*

— Володя, тебе нужно остаться в Москве, — сказал Алексей. — Новосибирск подождет. я понимаю, это твой любимый город, да и мой тоже, но... но тебе нужно остаться.

Сквозь стеклянную стену аэропорта было видно взлетное поле. На посадочную полосу садился пассажирский стратоплан, и Боголюбов невольно залюбовался красивой машиной, рядом с которой «Аны», «Илы», «Боинги» и даже «Ту-144» — сенсация Ле Бурже пятилетней давности — казались бочками с крыльями.

— Пойми, дело не в том, что мне грозит отставка, — продолжил Кузнецов, — это здесь вообще ни при чем...

— Я знаю.

— И все же полетишь?

— Да.

— Пленум через неделю, Володя. я говорил, что на моих замов выходили люди из КГБ?

Боголюбов широко улыбнулся и прямо посмотрел в тревожное лицо друга.

— Думаешь, я убегаю от проблем?

— А что, нет? Выглядит именно так.

— Вот и отлично! Может, это успокоит слишком ретивых.

Боголюбов вновь смотрел на взлетное поле. Приземлившийся стратоплан уже скрылся из виду. «Скоро

должны наш подать, — мелькнула мысль, — через полтора часа буду в академгородке».

— Надо играть на опережение, Леша. я тут кое-что задумал, — он подмигнул, — небольшая конференция региональных руководителей в преддверии пленума. Соберу сибиряков — да и не только, покажу им наши достижения.

— Неплохая мысль, — проговорил Кузнецов. Тревога в его голосе сменилась задумчивостью. — Значит, едешь вербовать новых сторонников.

— Именно. А московские интриги... на этот счет у меня есть ты!

Рассмеявшись, Владимир хлопнул друга по плечу. Оставшееся до посадки время Боголюбов объяснял Алексею детали своего плана. «А ведь может получиться, — думал Кузнецов по дороге в Москву, — если промышленные регионы поддержат нас. Средмаш, конечно, нам не переманить. Но первые секретари крупных городов на нашей стороне, Ленинград, Киев, это точно...»

Телефонный звонок прервал его мысли. Секретарь Боголюбова сообщил, что в президиум приходили «люди в штатском с красными корочками». Похоже, в первую очередь их интересовал рабочий график президента Академии. «Хозяин из дома, мыши в дом», — мелькнула мысль. Бесцеремонная акция в сердце административной машины Академии повышала ставки: видимо, на Лубянке решили поднять забрало. Что ж, если так, если борьба становится открытой, это хорошо, подумал Кузнецов. К такой борьбе мы привыкли — и я, и Володя.

Добравшись до кабинета и выслушав новости — главной была та, что он по-прежнему руководитель ГКМПС, — Алексей еще раз взвесил все, как следует. Приняв решение, он подошел к окну, из которого виднелись Москва-река с пересекающими ее мостами, недавно построенный огромный стадион, а за ним — зда-

ние университета со шпилем, плывущим среди облаков в синем небе. «Семи смертям не бывать, а одной не миновать, — весело подумал Алексей. — Начнем, пожалуй?»

Он вернулся к столу и нажал кнопку вызова.

— Соедините меня с товарищем Краюхиным... Да, да, я в курсе, что он на Луне. Если его нет на базе, пускай найдут. Скажите, срочное распоряжение от Кузнецова.

— Значит, он улетел в Новосибирск.

— Так точно!

Председатель КГБ СССР товарищ Зайков встал из-за стола и прошелся по кабинету. Предстоящий пленум должен расставить все точки над «i». Зайков мысленно усмехнулся: в кои-то веки КГБ и руководство КПСС выступали единым фронтом! Что поделать — общий враг.

За последнее десятилетие Академия превратилась в настоящую империю с целыми городами, по сути, введенными из-под партийного контроля. Какое-то время идеологический эффект от научных и технических достижений оправдывал ее особое положение, но всему есть предел. Успехи в космической акробатике — не повод пренебрегать законами развития социалистического общества в империалистическом окружении. А законы эти суровы. По границам Союза расположены базы НАТО. Мы строим планетолеты, американцы вместе с союзниками — авианосцы и новейшие подводные лодки. Да и полумиллиардный Китай становится серьезным игроком.

Это и есть реальность, забывать о которой преступно.

Академию надо вернуть к задаче, ради которой ее создали, — крепить обороноспособность страны. Похоже, это будет болезненный процесс, но ничего не поделаешь.

— Вызовите подполковника Горбунова, — приказал Зайков.

— Есть! — отозвался референт.

Председатель КГБ знал о любви Боголюбова к техническим новинкам и собирался сыграть на ней. В данном

случае это будут стратопланы. За три года было построено семь машин, две из них курсировали по маршруту Новосибирск — Москва. Все экипажи прошли негласную проверку в КГБ, не согласных сотрудничать с Комитетом отстранили от полетов. Руководил операцией Горбунов, боевой офицер, участник войны в Корее и событий в Венгрии.

Пришло время пожинать плоды. Боголюбов может сколько угодно вербовать себе сторонников, но в плену ЦК он участия не примет: со стратопланом возникнут технические неполадки, из-за которых академик не успеет прибыть в Москву. Все кадровые решения пленум примет без него. Без слухов, конечно, не обойдется; ну а когда их не было? Поговорят и успокоятся. А вскоре съезд утвердит новую линию партии, избавленную от идеалистического уклона.

Зайков был уверен в успехе.

— Мы посадим стратоплан на испытательном аэродроме под Омском, — доложил Горбунов.

— Кем охраняется, — спросил Зайков, — военными или нами?

— Нами.

— Условия проживания?

— Вполне сносные. Есть столовая, коттеджи для персонала. Туда мы и заселим пассажиров. Подержим сутки, потом военно-транспортным самолетом доставим обратно, в Новосибирск.

— А если потребуется задержать на больший срок?

Горбунов пожал плечами:

— С технической точки зрения нет проблем. Политические риски я не могу оценить...

— Это не ваша забота, — оборвал его Зайков.

Он открыл лежащую перед ним папку, просмотрел документы. Потом приказал соединить его с командиром «Объекта 08777/65». Закончив разговор, поднял взгляд на Горбунова.

— Когда вылетаете?

— Самолет через полтора часа, товарищ генерал-полковник.

Председатель КГБ поднялся, вышел из-за стола.

— Чаще всего проваливаются операции, которые считают простыми, — веско сказал он, — помните об этом.

— Так точно!

Зайков протянул подчиненному руку:

— Удачи. Если будут проблемы — связывайтесь со мной.

Стратоплан рейсом Новосибирск — Москва поднимался в небо.

К вечеру Боголюбов рассчитывал быть в столице. Утром открывался пленум, на котором он собирался выступать. Академик надеялся на успех: устроенная им для членов ЦК экскурсия по Новосибирску и его окрестностям удалась. Термоядерные ТЭЦ, дающие городу дешевую и чистую энергию, роботы-уборщики в метро и на улицах, экспериментальные агропромышленные комплексы на берегу Обского моря произвели впечатление. Даже скептически настроенный первый секретарь Свердловского обкома, прежде говоривший об «оторвавшихся от народа ученых», признал свою неправоту. «Все, что вы видели, мы можем сделать в каждом советском городе, — сказал Боголюбов на совещании, — но нам нужна ваша помощь». Он сказал, что промышленный потенциал Сибири и Урала позволяет кардинально улучшить жизнь людей, показать все преимущества социалистической экономики. Сказал, что надо смелее переходить к новым формам организации производства. Кое-кто воспринял выступление Боголюбова как начало борьбы за пост Генерального секретаря. Что ж, пускай...

Академик почувствовал, что перегрузка исчезла: стратоплан перестал набирать высоту. Небо оставалось синим, еще не приобретя характерный для стратосферы фиолетовый цвет. Что случилось?

— Уважаемые пассажиры! — раздался голос. — По техническим причинам наш стратоплан совершит про-

межуточную посадку. Просьба оставаться на своих местах...

Боголюбов подавил бесполезный страх — если машина неисправна, он все равно ничего не может сделать. Где же мы сядем? Вероятно, в Омске, там есть подходящая полоса. Возможно, до Москвы придется лететь обычным рейсом. Академик закрыл глаза и сосредоточился: новую ситуацию следовало обдумать. В первую очередь — кому позвонить из аэропорта.

Вариант, что он не сможет этого сделать, Боголюбов не рассматривал.

Краюхин проснулся к началу смены — многолетняя привычка делала будильник ненужным. В иллюминаторе плыла Земля — казалось, до нее рукой подать. Планетолет «Юрий Гагарин», совершив десятичасовой марш с лунной базы, уже третьи сутки нарезал круги на околоземной орбите.

Краюхину приказали ждать. Как обычно, это было самым сложным.

По короткому коридору он добрался до рубки.

— Отдохнул? — осведомился штурман, уставившись на командира единственным глазом — вместо второго в глазнице блестел протез. — Ну как, скоро будем садиться?

Краюхин пробежался взглядом по пульту управления и буркнул:

— Проверь финиш-программу.

— С плавающим районом посадки?

— Да.

— Проверял десять раз.

— Проверь одиннадцатый.

Штурман крякнул с досады и провел рукой — на которой не хватало трех пальцев и половины ладони — по волосам. Указательный палец на изуродованной кисти казался непомерно длинным.

— Николай, может, хватит темнить? Почему я здесь, а не на пути к Марсу?

— Олег, я тебе все объяснил. Приказ председателя ГКМПС. Стартовать с базы «Звезда-1». Точка. Выйти на околоземную орбиту. Точка. Быть готовыми к маневрам со входом в плотные слои атмосферы и посадкой на поверхность...

— ...«Точка», — передразнил его штурман. — Нет, я, конечно, тоже рад тебя видеть, но все же — зачем ты сдернул меня с «Циолковского»? Дабагян, небось, до сих пор тебя кроет последними словами.

— Не только Дабагян. У моего капитана тоже на него зуб вырос.

Это сказал появившийся в рубке Слава Зорин — здоровый парень, любитель молодецких забав. Однажды он в одиночку, на спор, перетащил пятисоткилограммовый неисправный электромагнит из американского сектора лунной базы в советский, отремонтировал его и отнес назад. Слава торжествовал, а маловеры были посрамлены. Именно он спас Олега, когда того придавило транспортером, заскользившим по ледяному склону Олимпа. Машина перевернулась, и Слава тридцать километров нес на руках своего наставника — пока не встретил Краюхина, в нарушение всех инструкций покинувшего планетолет ради спасения товарищей.

«Возьми только тех, в ком уверен, — вспомнил Краюхин слова председателя, — если придется тасовать экипажи, не беда — я разрешаю. Скажи, Кузнецов разрешил. Не переживай, с технической точки зрения задание не будет сложным» — «А с какой будет?» — спросил Краюхин. Кузнецов на экране видеофона поморщился. «Не знаю, — сказал он, — с человеческой, может быть. Может, все обойдется, и вы спокойно вернетесь на Луну. Может, возникнет необычная ситуация, в которой придется проявить инициативу. Понял?» Нет, захотел ответить Краюхин, но сдержался.

Под бурчание друзей он прикидывал, чем бы их занять. Послышался негромкий четкий звук — ожил закрытый канал связи. Голоса тут же стихли, воцарилась

тишина, нарушаемая прерывистым сигналом зуммера. Под взглядами товарищей Краюхин подплыл к видеофону и ввел пароль в небольшом окошке снизу. Прочтя сообщение, Николай подтвердил получение. Потом немного помолчал, собираясь с мыслями, повернулся к друзьям и усмехнулся.

— Парни, — сказал он, — вы не поверите.

Все трое склонились над экраном бортовой ЭВМ. Программа распознавания изображений только что закончила обработку снимков, и теперь межпланетники видели карту Советского Союза, на которой ЭВМ нанесла положения всех семи стратопланов.

— Умничка, — с нежностью сказал Слава, — хорошая программushка, все нашла. А вы сомневались! Просто надо знать, как с ней обращаться.

— Эти в полете, — проговорил Олег, ткнув указательным пальцем на два размытых силуэта, — еще три в аэропортах. Кузнецов, очевидно, о них знает. Остались два — один под Омском, другой под Воронежем... Хотя, постой, там вроде авиационный завод, может, регламентные работы?

— Сейчас выясним, — откликнулся Краюхин, — пошлю сообщение Кузнецову.

«Все-таки это случилось», — подумал Игорь Соколов, директор Вычислительного центра при ГКМПС. Леша Кузнецов, друг детства, а теперь начальник, пару дней в разговоре с глазу на глаз попросил быть готовым к внештатной ситуации. «Какого рода ситуация?» — спросил Соколов. «Срочная посадка планетолета класса «Венера» в заданном районе Земли. Потребуется финиш-программа, как можно быстрее. Скажем так, в пределах четверти часа после того, как станут известны координаты. Справишься?» — «Постараюсь», — хмыкнул Соколов. — «Хорошо. И вот еще что, — хмуро добавил Кузнецов, — поставь на это дело тех, кому доверяешь». — В каком смысле? — вскинулся Соколов, — я всем доверяю». — «Тех, кто не сотрудничает

с органами, — сказал Кузнецов, глядя в упор, — понял меня?»

Последнее условие напрягло Соколова. Он всегда отбирал сотрудников по профессиональным критериям, остальное его не интересовало. Пару дней Соколов пребывал в непривычных раздумьях, пока его не осенило: есть такой человек! Если не он — ну, тогда уж я не знаю... Возможно, он слишком молод, чтобы доверять ему траекторию посадки, но, с другой стороны, все тестовые задания парень выполнил на отлично. Так почему бы и нет? В конце концов, надо ведь готовить смену! А на чем ей расти, если не на реальных задачах? Да и на «Гагарине» опытный экипаж, подстрахует, если что.

Игорь спустился в контрольную комнату, из которой управлялся суперкомпьютер ВЦ при ГКМПС. Возле одного из мониторов сидел худощавый густоволосый юноша, вперившийся в бегущие строки. Казалось, ничего вокруг он не замечает.

— Крутиков, — привычно позвал его Игорь, но тут же решил смягчить: — Миша...

Тот оторвался от экрана.

— Есть задача, — сказал Соколов, протягивая распечатку, — справишься? Расчет финиш-программы.

Крутиков, пробежавшись глазами, откликнулся:

— Разумеется, Игорь Иванович. Ничего сложного...

— Сколько тебе понадобится времени?

— Ну, на одном процессоре — часа два...

— А если я дам тебе все? Ты ведь, кажется, просил об этом, помнишь?

— Все? Тысячу двадцать четыре?

— Да.

В глазах Крутикова полыхнул восторг.

— Десять, может, пятнадцать минут, — пробормотал он, — или даже меньше... если, конечно, ни один не вылетит...

Игорь кивнул.

— Считай, что не вылетит, — пообещал он и поднял трубку: — Илья, Соколов говорит. Слушай, тормозни-ка всех пользователей, кроме Крутикова... Да-да, я знаю, но у него срочная задача, ничего не поделаешь, вырубай все... Вырубай, я сказал, потом разберемся. Да, под мою личную ответственность... хорошо, будет тебе письменное указание, будет. Ты что, меня не знаешь?

Положив трубку, он подмигнул Крутикову:

— Начинай, Миша. Сделаешь — считай, практику сдал.

Получив ответ, Краюхин повернулся к Олегу:

— Все-таки Омск.

Штурман уставился единственным глазом в окошко канала связи. Прокрутил на экране финиш-программу.

— Неплохо, весьма неплохо, — проговорил Олег, — надо же, за двадцать минут управились... Кто это у них там такой шустрый?

— Не знаю, — сказал Краюхин, — потом разберемся. Ошибок нет?

— Вроде нет.

— Будем садиться.

— Мы оба знаем, что вы лжете, — спокойно сказал Боголюбов, — вы и ваши коллеги из КГБ подстроили это. Стратоплан исправен, не так ли?

Ему хватило пары минут, чтобы все понять. Их ждали, и ждали давно. Персонал базы был как будто готов к визиту. Пассажиров быстро и четко — как по заранее подготовленному плану — разместили по коттеджам, более смахивающим на комфортабельные тюремные камеры. Не особенно надеясь на успех, Боголюбов потребовал связи с Москвой.

— Товарищ Боголюбов, это режимный объект, — подчеркнуто вежливо ответил Горбунов, — я понимаю ваше недовольство, но порядок есть порядок. О происшествии уже сообщено в Москву, мы ждем указаний. До тех пор, — полковник изобразил сожаление, — вам, как и другим пассажирам, придется остаться здесь.

Послышался звук, похожий на отдаленный раскат грома. Он постепенно нарастал, становился ближе. Горбунов начал было очередную вежливую фразу, но его слова потонули в сильном прерывистом грохоте. Подполковник резко поднялся и вышел за дверь, приказав академику — уже безо всяких церемоний — оставаться в комнате.

Боголюбов, улыбаясь, подошел к окну. Стекла, снаружи закрытые стальной решеткой, сильно дрожали. Академик положил на стекло ладони.

— Лешка, ну ты даешь, — проговорил он, не слыша самого себя. — Ну, здравствуй, друг.

— Километрах в десяти сядем, — сказал Слава.

Краюхин кивнул:

— Если что, прокатимся на транспортере.

На экранах внешнего обзора кружился истребитель — он сопровождал планетолет последние минут пять. Краюхин коротко ответил на вызов, сообщив, что у него приказ председателя ГКМПС, и отключился. Он рассчитывал, что военные стрелять по нему не станут, а КГБ вроде еще не обзавелся собственной истребительной авиацией.

Сели на песчаном пустыре, по краям которого поднимался невысокий редкий лес. Слава осторожно вылез из кресла и крякнул.

— Да, — пробормотал он, — тренировки тренировки, а матушка-земля тянет к себе крепко.

— Наверное, любит тебя, — откликнулся Краюхин, разминаясь, — готовь транспортер, может пригодиться.

Они заканчивали проверку спецкостюмов, когда на пустыре появились три БТРа, остановившиеся метрах в двухстах от планетолета. Из бронетранспортеров выкатились автоматчики.

— Так меня еще не встречали, — с деланным восхищением сказал Олег.

— Почетный караул, — хмыкнул Слава. — Дождались-таки!

— Посерьезнее, ребята, — одернул их Краюхин.

Он приблизил изображение с экрана: офицер отдавал приказы, автоматчики четко их выполняли. Не прошло и минуты, как они установили периметр вокруг планетолета. Было видно, что солдаты понимали командира с полуслова.

— Резкий парень, — сказал Краюхин, — не наломал бы дров. Надо с ним поговорить.

— Ладно, — откликнулся Олег, — так и быть. Пойду прогуляюсь.

— Ты прямо голубь мира, — буркнул Слава, — с твоей-то физиономией. Может, лучше я?

Краюхин прикинул: Слава нужен ему здесь, без бортинженера никак. Пойти самому? Надо бы, но нельзя. Кто знает, что прикажет Кузнецов.

— Добро, Олег, — сказал Николай, — только не задирайся, ладно?

— Межпланетник Олег Кротов.

— Подполковник Сергей Горбунов.

Последние шаги дались Олегу особенно тяжело: земная гравитация не чета лунной. Отвык за полгода.

— Я присяду, а? — спросил он, и, не дожидаясь разрешения, уселся на землю. Теперь Горбунов смотрел на него сверху вниз.

— Это секретный объект, — сказал он, — вам запрещено выходить за пределы оцепления.

— А я и не собираюсь, — ответил Олег, улегшись и подложив руки под голову. — Садись, подполковник, в ногах правды нет.

Растянувшись во весь рост, он скосил единственный глаз на офицера, выражая по мере способностей дружелюбие.

— Хорошо-то как, а! И небо такое голубое, не то что на Луне. Знаешь, там иногда не веришь в то, что Земля существует... Сергей, мы ведь не будем стрелять друг в друга, а?

— Для вашей безопасности будет лучше, если вы по-

кинете район. И не сомневайтесь в том, что я исполню приказ.

— Послушай, Сергей, — проникновенно сказал Олег, — мы знаем, что Боголюбов здесь. И председатель ГКМПС знает, фотографии стратоплана уже у него. А скоро и другие узнают — видел истребитель? Думаю, через полчаса-час здесь объявятся военные. Вокруг них тоже выставишь оцепление? А на орбите у нас — «Академик Королев». Можем свистнуть ему, если что. Короче, Сергей, замять такое дело вряд ли удастся. Я, конечно, не большой знаток партийной жизни, но думаю, пленум заинтересуется тем, что здесь происходит. Слишком много шума.

Кротов, кряхтя, поднялся на ноги.

— А насчет оцепления будь спокоен — мы за него не сунемся. Нам это не нужно.

Он выпрямился.

— Ну все, я пошел.

Олег подумал, не протянуть ли подполковнику руку. «Не стоит, — решил он, — пожалуй, будет перебор».

— Удачи тебе, Сергей, — попрощался Кротов.

Подождав, пока он отойдет, Горбунов рывкнул в рацию:

— Федюкин, дай мне Москву.

— Алексей Дмитриевич, — в голосе секретарши слышалось волнение, — товарищ Зайков у телефона.

— Спасибо, Ирина, — ответил Кузнецов, чувствуя, как спадает напряжение. Все, это победа, осталось только ее оформить. Если Зайков хочет с ним говорить, это означает одно — он не может разрешить проблему сам.

Ответив на сухое приветствие, Кузнецов сразу перешел к делу:

— Сергей Владимирович, мне сообщили о технической неисправности стратоплана, на котором член Политбюро товарищ Боголюбов летел в Москву. Думаю, «Юрий Гагарин» способен вовремя доставить товарища Боголюбова в столицу. Посадочная площадка в Жуковском может принимать планетолеты такого класса...

«...Минувший пленум ЦК КПСС запомнился неожиданной отставкой председателя КГБ Сергея Зайкова и ярким выступлением Владимира Боголюбова, предложившего конкретный план по внедрению достижений науки и техники во все отрасли народного хозяйства. По мнению экспертов, на предстоящем съезде партии состав Политбюро будет серьезно обновлен, и сторонники Боголюбова получают перевес. Запад уже предвкушает поражение «старой гвардии», однако советологи предостерегают: несмотря на стремление освободиться от партийной опеки и всевидящего ока КГБ, молодые советские руководители убеждены в неизбежном торжестве коммунизма едва ли не больше своих противников. Подтверждением такой точки зрения служит развернувшаяся в Академии наук дискуссия о создании на базе СССР Союза Советских Коммунистических Республик. Вполне возможно, в скором времени Запад ожидает новая волна идеологической экспансии с Востока. Смогут ли демократии Старого Света и Америки противостоять ей — вопрос, на который пока нет ответа...»

БОРИС БОГДАНОВ

ПЯТАЯ БЕЗЫМЯННАЯ

— Такой мир может быть только придуман. Боюсь, друг мой, вы живете в мире, который кто-то придумал — до вас и без вас, — а вы не догадываетесь об этом...

Аркадий и Борис Стругацкие

Приветствую тебя, дружище!

Прости, что отправляю письмо столь экстравагантным манером, в обход аппарата Мирового Совета. Люди любопытны, и часто слишком близко к сердцу принима-

ют идеи покойного Бромберга. Вещам, о которых пойдёт речь, противопоказана огласка. Комов обещал молчать. Учитывая твой интерес к последнему визиту Тойво, тайну он сохранил. А потом... уже не успел.

Глупо и опасно тянуть до последнего. я расскажу всё, кроме вещей личных или не имеющих отношения к предмету.

Почему он выбрал Малую Пешу? Не знаю. Сентиментальность? Возможно. В других обстоятельствах я бы с удовольствием это обсудил. Но не сейчас, значит — никогда.

Итак, ранним утром 31 мая 22** года я вышел из метро возле коттеджа, знакомого Тойво по временам Большого Откровения. Местечко вышло из моды, дома стояли пустыми, климат-генератор не работал, поэтому меня сразу атаковали орды местных комаров, огромных и злых. Это не летуны средней полосы, милые и деликатные создания, это бескомпромиссные воины и добытчики... Странное, должно быть, зрелище — столетний старик, вращающий руками, как мельница.

Жаль, я не озаботился репеллентом. Не пришло в голову, что на Земле, вблизи финиш-точек метро, возможны такие комариные места. я поднялся на террасу, и кровососы сразу отстали, словно вдоль перил пролегла невидимая граница.

Тойво ждал меня. Он не изменился за годы, хотя что мы знаем про течение Их времени?

Странный вышел разговор. Нет, Глумов не выглядел рассеянным или невнимательным и не собирался исчезать. Просто набегала изредка на его лицо тень удивления. Не знаю, можно ли этим гордиться, но он явно испытывал ко мне пиетет. Так гениальный математик, наверное, относится к Учителю, преподававшему ему когда-то азы сложения.

— А ведь за мной должок, шеф, — сказал вдруг он. — Вы помните?

Я помнил. я помнил об этом всегда после Большого Откровения и их ухода. О чём немедленно сообщил.

Почему Тойво решил заполнить те лакуны? Ведал ли об этом Логовенко, или среди метагомов исчезло само понятие подчинённости? Не знаю. Стёртые куски касались в основном судебных присутствующих, но нас интересует конец разговора. Вернее, демонстрации.

Я оформил её в виде реконструкции. Ты помнишь это моё увлечение, да?

Реконструкция.

20** год, Земля, город Н.

Сопровождение брать не стали, отправились на машине Свенсона. «Ни к чему, — сказал он, — это приватный визит». За окном медленно тянулась набережная, недоуменно выглядывала из-под снега сочная зелень пальм, а за парашютом лениво колыхалось серое море.

— Часто у вас такое? — вежливо спросил Мария.

— Что вы, — удивился Свенсон. — Курорт, какие холода? Лет десять назад было что-то похожее, но не так. Вы приехали в неудачное время, видите, как оно сложилось?

— Вы не похожи на скандинава, — сказал Мария.

Свенсон оскалился. Черноволосый, смуглый, с упрямой синевой на свежесбранных щеках, он больше походил на турка.

— Я получился в маму, — весело ответил он. — Она турчанка, а папа — швед. Они познакомились во время переворота. Мама, горячая восточная красавица, она и сейчас красива, а уж тогда-то... и он — монументальный северянин, могучий и неразговорчивый; энтузиазм, стрельба, боевые вертолёты... Знаете, как это бывает?

В самом деле турок, отметил Мария, он не забыл ещё физиогномику, это приятно.

— Переворота?

— Так теперь называют события, когда скинули хунту. Некоторые тоскуют по старым временам. Говорят, был порядок.

— Да, — согласился Мария и замолчал.

«Пансионат доктора Эрдмана» спрятался в уютном парке, среди старых платанов. Дорожки почистили, служители сгребали снег, тарахтел мини-трактор, и вообще царила суeta как всякий раз, когда внезапно нарушается привычное течение дел.

Охранник на входе долго изучал их документы, потом говорил по телефону, пожимал плечами. С внутренней стороны фойе маячил усатый толстяк с рацией, его голос не долетал, съеденный мягкой обивкой стен.

— Проходите, — сказал гард, когда толстяк махнул рукой. — Вас ждут.

— Почему так долго? — спросил Мария, едва за ними сомкнулись двери лифта. — Им мало ваших полномочий?

— Частное владение. — Свенсон пожал плечами. — Только по решению суда. Нас пустили... неофициально. Может, из расположения к вам. А так... плевали они на мои полномочия! Извините.

На третьем этаже они вышли и свернули направо, в длинный пустой коридор. Толстый палас глушил звуки, ворс хватал за ноги. «Почему здесь так тихо? Дьявол, ведь я боюсь, — думал Мария, глядя на прямую спину Свенсона, — я не знаю, чем кончится эта встреча! Успокойся, страх — не помощник. — Мария замедлил шаг. — Возраст извиняет. Никто не станет меня торопить. А сколько сейчас лет Ивану? Не хочу вспоминать. Он тоже старик, хотя и моложе. Лет на пять или шесть».

— Пришли. — Свенсон остановился перед обычной дверью, облицованной пластиком «под орех». Нет, это в самом деле орех. Недёшево, недёшево. Откуда у них деньги? Стоп, нас это не касается. Мне не хочется входить, понял Мария, я не хочу увидеть Это и тяну с решением.

Он глубоко вздохнул и толкнул дверь.

Там не оказалось ни бассейна, ни даже ванны, парящей «Девонем». Иван сидел в громоздком кресле на колёсах, и сам он был большой и нисколько не изменился, только стал совсем белым.

— Здравствуйте, Жилин, — вытолкнул Мария из пересохшей глотки.

— Садитесь, Мария, садитесь, — сказал Жилин молодым голосом, — не надо стоять, это невежливо — стоять при безногих инвалидах, вы знаете?

— Зачем вы спрятались от Конторы, Жилин? — сказал Мария, озираясь.

— Да вот же, у окна! — подсказал Жилин. — я нужен Конторе?

— Спасибо, действительно...

Мария присел, и умное кресло сразу принялось массировать спину. Лучше бы оно принесло воды, подумал Мария, но Свенсон уже открыл и поставил на столик запотевшую бутылку минералки. Он наполнил стаканы и деликатно вышел на балкон. Клацнула дверь. Жилин молча ждал.

— Э... Иван? — Мария сделал первый глоток. Хорошая у них вода, вкусная.

— Да?

— Где он?

— Кто? — Жилин изобразил недоумение.

— Да слег, чёрт побери! — рявкнул Мария. — Вы отлично знаете, зачем я здесь, и я не собираюсь ходить вокруг да около... так у вас говорят?

— Какая вам разница, Мария? — дёрнул лицом Жилин. — я давно на пенсии, это моё время и моя жизнь.

— Конторе нужен ваш опыт!

— Не лгите, Мария, — ответил Жилин, — никому не нужен мой опыт. Вы решили, что Жилин выжил из ума, вы решили спасти меня. Разве не так?

— И это тоже.

— Нет, не тоже... Только это! я идеалист, чему я научу их? Вы смотрите телевизор, Мария?

— Боже упаси!

— Зря... — сказал Жилин. — Там есть на что посмотреть.

— Ящик — для болванов, Иван!

Жилин коснулся пульта на подлокотнике кресла. Осветился огромный, во всю стену экран, и тишину разорвал радостный голос:

— ...чает свой четвёртый брак! Новым избранником поп-дивы стал знаменитый стриптизёр Аристарх! Молодые проведут медовый месяц на... — Со старомодным щелчком сменялись каналы. — ...Это настоящие гени-талии северного оленя. Съешьте их за тридцать секунд и выиграете двадцать пять тысяч долларов! — Щёлк! — ...достаточно приобрести у нас это бельё по специальной цене, которую вы видите на экране. Звоните нам прямо сейчас! Прекрасная фигура без диет и изнурительных упражнений! — Щёлк! Щёлк. Щёлк...

— Болваны победили. — Жилин выключил телевизор. — Отныне глупость есть особое, высшее выражение ума. Правильного ума, практичного, приземлённого ума... Они не мечтают о звёздах, Мария, они хотят быть поп-идолами! Или новый телефон... я не хочу прислуживать дуракам, пусть справляются сами. А слег здесь. — Жилин коснулся лба. — Технология ушла далеко вперёд, а вы и не заметили. Извлечёте его, — предупредил он вопрос, — и я умру. Страшно убивать целый мир, Мария!

— Что там у вас, Иван? — глухо спросил Мария.

— Вселенная. — Жилин прикрыл глаза. — Там не падают спутники, а Солнечная система давно обжита. Там двадцать световых лет — средняя дальность. Там сотрудник галактической безопасности Сикорски готовит спасение целой планеты, а молодой Максим Каммерер валит башни ПБЗ. Там действуют таинственные

Странники, а человечество необратимо разделяется по неизвестному признаку. Там живут люди. Разные — добрые и не очень, умные и не слишком, счастливые и несчастные — но умеющие мечтать не только о тёплом хлебе. Пока я жив — живы и они. я устал, Мария. Уходите.

Конец реконструкции.

Прав оказался Горбовский. Снова и в очередной раз прав. Они люди, в них осталось слишком много человеческого. Лакуны, как ты догадался... Они открылись тогда, поделились удивительным и ужасным знанием и тут же испугались, попытались исправить ошибку. Не слишком удачно, надо сказать.

Так обстоят дела на самом деле. Многое становится понятно. Например, кто воспитал первого людена... Никто. Мечтатель дал слишком много воли своим созданиям. Иначе неинтересно: скучно командовать марионетками. Человек же изворотлив и хитёр, а слова и идеи обладают силой, особенно в мечте. Сначала истину понял кто-то один, он же сделал первый шаг. Остальное — капризы новых богов, ограничено всемогущих.

Есть вариант, более приятный нашему самолюбию. Метагомы создали собственные миры для игр или даже нашли выход в реальность. Интерпретации равноценны, выбирай любую.

Вспомни Радугу. Почему рассеялась Волна? Внезапная флюктуация — всё, что могут сказать физики, хотя Нуль-Т прочно вошла в нашу жизнь. Странно, не правда ли? Он пожалел их, понимаешь? Или кого-то одного, нужного ему для неких целей. Он не стал мудрить, а просто уничтожил Волну.

А удивительное человекоподобие, даже идентичность, вплоть до генома, многих разумных рас? Панспермия осталась гипотезой, есть факты, но нет теории. Почему? Он решил, что так удобнее.

Поэтому ушёл Камилл. Он не смог жить в мечте. Киборги не мечтают, грёзы трудно перевести на язык формул.

Достаточно. Ты легко наберёшь еще десяток примеров.

Прости за эту правду. Но ты прагматик и технократ, ты справишься.

Искать меня бесполезно, БВИ не поможет. Лет мне осталось немного, и хочется потратить их с пользой.

Прощай, дружище!

Твой М.К.

P.S, Надеюсь, он не выдумщик всё же, но Демиург.

СЕРГЕЙ КОВЕШНИКОВ

ПУШКА ДЛЯ ВОРОБЬЁВ

Если бы не вырастающий в размерах и медленно поворачивающийся на экране континент, похожий на свернувшегося в клубок броненосца, Кондратьев бы решил, что грузовой бот, не отработав команду, просто завис над планетой. Никаких рывков, вибрации, толчков, грохота сжигающей корпус атмосферы. Тишина, как в сонный час, и спокойствие.

— Да уж, — вздохнул Кондратьев, признав, что непозволительно долго привыкает к современным технологиям. — Это, товарищи праправнуки, не грузовик первого класса «Тахмасиб» на фотонной тяге с зеркалом-отражателем. Где, я вас спрашиваю, героическое напряжение мышц? Где пятикратные перегрузки?..

— Где сломанные шеи? — добавил Яков Вандерхузе, поправляя манжеты рубашки.

— Кстати, — сказал Горбовский, — ведь нам не нужны сломанные шеи? А то мне вас под гарантию дали — не простят.

— Акико не простит, — согласился Кондратьев. — А уж киты и подавно... Но, знаете, Леонид Андреевич, душа болит.

— Ничего, Сергей Иванович. Вот мы сейчас мирно сядем, и отпустит, — заверил Вандерхузе.

— Между прочим, — не удержался Кондратьев, — я, если не знаете, как и Алексей Быков, взял в своё время двенадцатикратную...

— В своё время, — рассеянно покивал Вандерхузе. — Центрифуги, первая космическая, вторая... А сейчас, знаете ли, Д-принцип, выхлоп в гиперпространство. Да, собственно, вы, Сергей Иванович, экспериментально, на себе, так сказать, подтвердили работающий механизм сигма-деритринитации. Вы у нас яркое живое свидетельство.

— Вот спасибо, — ответил Кондратьев. — Хорошо, что не ископаемое.

— А? — страшно удивился Яков. — Почему ископаемое?..

— Товарищи следопыты, — обратился Горбовский и покраснел.

Следопытам стало стыдно, и поэтому все прошли в шлюз. В помещении висел электрический запах озона, парило — глайдер полностью пророс. Это был шестиместный антиграв «кузнечик». Он был тёплый после родов, но уже приятно шершавый на ощупь, как скорлупа строительного яйца, и на корпусе ртутно поблескивали капли влаги. Горбовский хищно выставил вперёд указательный палец и вскрыл перепонку.

— Учтите, — заметил Вандерхузе ему в спину, — это машина для преодоления трудностей, средство для исследования и выживания. Она конструктивно не предусматривает ваших сибаритских замашек. Нету в ней, Леонид, как вы любите выражаться, «лежищ». Смирись.

— Смирение — удел рабов, — констатировал Горбовский, протискиваясь сквозь тамбур в рубку. Он навис

над креслом и протянул к нему руки, как к мёртвому Лазарю. Хрустнули шарниры, кресло приняло горизонтальное положение, и Горбовский, удовлетворённо ухая, тут же разложил в нём своё мосластое тело:

— А вы говорили, — укорил он, впрочем, ласковым голосом, вытягивая ноги и пошевеливая носками ботинок. — Ах, Яков, нужно тщательнее читать инструкцию пользователя. Рабочее место необходимо обустраивать под персональные нужды. Труд должен приносить радость и удовольствие. Это понимали даже в античные времена. Иначе работа превращается в каторгу. А нам нужна каторга? Нет. Мы её успешно преодолели. В том числе изобретением лежбищ.

— Вы бы всё же дождались Бадера, — обиженно ворчал Вандерхузе и встопорщил руками знаменитые рысьи баки. — Негоже спускаться без него.

— И что Бадер? — повёл носом Горбовский. — Август-Иоганн сейчас вникает в чуждую технологию, которая здесь, на орбите, всем нам изрядно попортила нервы. Шёпот из темноты, наведённые галлюцинаторные фантомы. Это повод к изучению, а не к бегству. Не на тех напали. Нашего человека, стремящегося к знаниям, страшилками не запугать. Особенно Бадера, который у нас ба-альшой специалист по искусственным образованиям. Они его преследуют по жизни. Можно сказать, где появляется Август-Иоганн, образуется феномен. Феноменальный человек — десантник, профессор. Но он вместе с Комовым прибудет завтра, а сегодня мы спустимся вниз и глянем, что к чему. Не стану я дожидаться и отсиживаться. И не останавливайте. Да, я член Мирового Совета. Но прежде всего — человек. А человек, как известно, это звучит. А ещё я следопыт, распутыватель загадок. Не люблю, когда честный труженик в коридоре затравленно оглядывается на тёмный угол и трясётся как осиновый лист. я в правильном значении использовал выражение, Сергей Иванович?

— На этот раз да, — вздохнул Кондратьев. Любил Леонид Андреевич проверять на живом предке свои познания в истории...

Глайдер скользил над равниной на северо-восток. Редкие щуплые облака нехотя передвигались по небу навстречу. Выпуклый глаз блистера, выступающий над плечами машины, давал великолепный обзор во все стороны. Но смотреть по большому счёту было не на что. Это был скучный мир и неправильный. Он состоял из похожей на стол равнины — чёрной земляной корки, без травинки, без кустика, — истыканной оплавленными, со вспенившимися краями, дырами-колодцами и изрезанной паучьей сетью трещин. Линия горизонта по причине местного оптического эффекта была опасно наклонена влево под углом приблизительно в десять градусов, отчего Кондратьеву казалось: сойди на землю, и тут же под тобой поедет каблук, ты рухнешь навзничь и, размахивая руками, покатишься куда-то вниз всё быстрее, быстрее. И в любом случае угодишь в один из этих бездонных провалов.

— Одного не понимаю, — сказал Вандерхузе, неодобрительно провожая глазами очередной «колодец». — Зачем было высаживаться в двадцати пяти километрах от цели? К чему променад?

— Не доверяю цирку шапито, сколоченному посреди кладбища, — ответил Горбовский. — Есть у меня ощущение, что нас не ждут.

— Ещё бы, — буркнул Яков. — Нам же не выслали контрмарки.

— Па-азвольте, — задрал брови Горбовский. — Ну а цветные полосатые палатки, развевающиеся вымпелы на пиках? Опять же мальчишки-трубадуры на входе?..

— Э-м-м, — промычал Вандерхузе и пожевал губами.

— От этой планеты одна головная боль, — пожаловался Кондратьев. — я здесь каких-то два дня, а уже гложет тоска по дому. Ещё эти ночные кошмары. Теперь трубадуры. Откуда?

— Это такой юмор, — пояснил Вандерхузе. — Леонид полагает, что смешно.

— Я считаю, Сергей Иванович, — медленно сказал Горбовский, разглядывая рубчатый пол под креслом, — что мальчики здесь ни при чём. Они вообще не местные, они гастролёры.

— Вы про оазис, — сообразил Кондратьев, и ему стало неловко.

— Да, про него. Я, видите ли, хочу знать, почему разум на планете сошёл с ума. Мы тоже были близки, но вовремя одумались. Победили джутовые мешки, ликвидировали частную собственность и стали наконец людьми.

— Возможно, они тоже попытались стать людьми?

— К сожалению, они двинулись в противоположную сторону, — вздохнул Горбовский и поднял глаза на Кондратьева. — Вы думаете, Сергей Иванович, эта короста под нами — что? Это бывший плодородный слой почвы со всем тем, что на ней росло, ездило, ходило. Представьте планету как яблоко. С него срезают кожуру, кладут её в рот, пережёвывают, а затем укладывают обратно. Разумеется, уже с дырами, потёртостями и царапинами. Я здесь уже неделю, меня, как и всех, мучают кошмары, но, как сказал бы Яков, я рву и мечу. И ведь в точку, рву и мечу. Потому-что КОМКОН заседает, Бадер в пути, а доктор ксенопсихологии Комов решает проблему казуальности. Но вот вчера пришли новые материалы, и я посчитал, что дальнейшее промедление преступно. Мы примерно знаем, что случилось. Тотальный ксеноцид. Мы знаем, что они негуманоиды. Но до сих пор не знаем — почему? По плотности останков получается, что их было на порядок больше, чем нас. Они уже вышли в космос, вполне уверенно осваивали свою солнечную, принялись за терраформирование ближайших планетоидов. Всё как на Земле. А потом — крошево из бетона, стали, пластика и мёртвой органики. Когда сделали первый раскоп, у археологической команды случился шок, Артемьева даже пришлось госпитализи-

ровать. Если позволите аналогию, то это напоминало террактотую армию Цинь Шихуанди. Только в фигурах не было ничего человеческого, и они стояли впристык: разумные, их машины и механизмы, их зверьё, все это вперемешку с травой, кустами и деревьями, порой вдавленное друг в друга. Словно собрали все игрушки, положили аккуратно в коробку, понакидали для красоты гербарий, а потом упаковали, утрамбовали и получили эту корку... Как это возможно? По-моему, так вообще невозможно. Немыслимо! Может, бешенство генов, может, до предела загадили биосферу, и она пошла в разнос. Кунц сообщал о странных находках, многочисленных имплантах и новообразованиях. Например, о конечностях, изменённых под функциональные потребности, или органах восприятия, что указывало на обширные евгенические эксперименты. Он утверждал, что примерно треть останков по виду сильно отличались от естественных обитателей. Вероятно, местные видели себя в будущем киборгами. Разумная кважиз жизнь, подчинённая иерархии машинной логики. Вы бы такого возжелали?

— Нет, — категорически потряс головой Кондратьев.

— И я — нет. Вынести любовь, мечту и справедливость за скобки. Перевести всё на меру рациональных и сухих цифр: выгодно — не выгодно.

— Возможно, они спохватились, когда увидели результат, решили исправить?

— Вот так вот? Лицом в затылок?..

— Они что же, — внезапно понял Кондратьев, — совсем не сопротивлялись?

— Почему же. В одном месте вскрыли участок, где обнаружили следы бойни. Так там даже не вражда, там ненависть, помноженная на отвращение. Как если бы за жизненное пространство схватились представители не просто одного вида, но семьи.

— Брат на брата, — кивнул Кондратьев, помрачнев. — Сын на отца.

— Именно. Переубеждения и милосердия не предполагалось. Умирающие хватали тех, кто ещё стоял на ногах, и пытались рвать их на части. Возможен и другой вариант: пришёл кто-то третий, со стороны, знаете, один из тех, который истинный, долготерпеливый и многомилостивый, кому пришлось не по вкусу отсутствие жертвоприношения. Ну, не подали ему ягнёнка...

— А как же оазис? — заметил Вандерхузе, — рай на пепелище. С ним как?

— Сберегли, — развёл руками Горбовский. — Но зачем? Вопрос. Идеально круглый пятачок живой биосферы. Для кого там озёрная тишь да блажь, где у самой поверхности плещутся золотые карпы? Для кого девственные луга, берёзовые колки, в коих водятся белые, подберёзовики и лисички? Кому нужны спускающиеся к воде корабельные сосны, что на закате светятся янтарём? На кой чёрт эта идиллическая картинка в обрамлении чёрной рамки Малевича? Писанная райскими красками? Кто-то же должен за ней присматривать, сдувать пыль, протирать холст. Любоваться, наконец.

— Музей? — предположил Кондратьев.

— А где стеклянный колпак, я вас спрашиваю? — И Горбовский скосил на него глаз, чем-то похожий на зрачок любопытствующей телекамеры. — Что питает атмосферу? На спецов больно смотреть. Планктон на грани исчезновения, растительности никакой, но дышать можно. Температура и влажность, как в Крыму в бархатный сезон. Хотя сейчас раздевайся до плавок, бери очки и загорай.

— Леонид, — сказал Вандерхузе, потрясённо разглядывая Горбовского в профиль. — Вы так поэтично живописали местную как бы флору и фауну. Сосны, карпы... Это вы так видите, да?

— А как, позвольте, было ещё описать шизофреническое разноцветье переплетённых магистральных кабелей, грациозно вstopорщившееся к полинялым небесам? С облупившейся, лохмотьями изоляцией, с надо-

рванными оголёнными проводами, на концах которых вздуваются и опадают мыльные пузыри? И весь прочий игольчатый, ребристый и помаргивающий пирамидками глаз супрематизм? я даже боюсь подумать, что из них сыроежка, а что, извините, берёза карельская бородавчатая...

Вначале оазис проявился слабо тлеющей зелёной точкой, как призывный огонь далёкого маяка. Потом раздался вширь, поднялся в высоту. И вот уже в стоячем знойном воздухе заколыхались неясные, посверкивающие искрами и разрядами силуэты. Тогда Кондратьев привстал, чтобы лучше видеть, опёрся о приборную консоль. Горбовский же, напротив, устался на часы и пару раз пробормотал про себя что-то вроде: «ну-ну» и «да сколько же можно?». Когда же и без того узкое костистое лицо Леонида Андреевича начало вытягиваться от разочарования, раздался требовательный голос диспетчера:

— Экипаж, у вас гость. Азимут тридцать пять.

— Ну вот же, — почти сердито сказал Горбовский, принимая сидячее положение и растирая колени, — зашевелились, черти.

— Контакт через три минуты.

На тактической карте в левом верхнем углу появился красный крестик и пополз навстречу голубому. Если верить зондам, в полукилометре слева начинался разлом, вспоровший материк чуть не пополам, в который как раз на пути следования глайдера широким пандусом опускалась каменная насыпь. Колонка цифр, отмечающих максимальную глубину, колебалась в значениях от двухсот до трехсот метров.

— Ох уж эти трещины, дыры, — вздохнул Горбовский. — Сколько мы там угробили автоматов, страшно подумать! А ведь они были невероятно умными, живучими автоматами. У них здесь пещеры, лабиринты через всю планету тянутся. И с орбиты просветить не получается. Значит, не хотят. Значит, прячут что-то.

— Леонид, — озабоченно поинтересовался Вандерхузе, — мы станем убегать или драться?

— Мы будем придерживаться курса, — ответил Горбовский. — Всем пристегнуться. Сергей Иванович, примите управление. Начинаем импровизировать.

— Что это? — вскрикнул Вандерхузе.

— Это колесо, — сказал Кондратьев. — Вы же видите, Яков.

Огромное, высотой с десятиэтажный дом, оно не выкатилось — вылетело из тёмной утробы провала, сразу поражая воображение размерами, своей ярко-красной, почти пурпурной шиной, плотно утыканной чёрными шевелящимися отростками, и с грохотом, освобождая место для маневра, расшвыряло камни из насыпи в стороны. На мгновение замерло, словно обозревая поле сражения, и стало видно, что рёбра выгнутых наружу спиц больше походят на гигантские лопасти. Воздух над колесом задрожал, заструился, в нём зазмеились искры разрядов. Раздалось низкое басовое гудение.

И тут лопасти тягуче провернулись, колесо тронулось и, набирая скорость, помчалось навстречу глайдеру.

— Однако и шершня же мы потревожили, — почесал затылок Вандерхузе.

«А если у этого шершня есть жало? — подумал Кондратьев. — А ежели он им тюкнет?»

Следопыты застыли, наблюдая, как колесо стремительно приближается и затмевает собою небо.

— Выдержит? — быстро спросил Горбовский.

— Это же армированный хитинит, — удивился Яков.

— Я про гостя, — поморщился Горбовский. — Интересно, ударит или нет? Сейчас... Нет, не посмеет...

Колесо подскочило, гигантской тенью воспарило над глайдером и, развернувшись боком, рухнуло перед кабиной — тридцатиметровым, бешено вращающимся вентилятором перегородило дорогу. Почва содрогнулась. Кондратьев почувствовал себя так, как будто его запи-

хивают в аэродинамическую трубу. Сработала защита, глайдер вильнул вправо, прыгнул с места. Они обернулись: в небо, вспухая, поднималось грязное облако пыли. Взметнулся веер из комьев земли, что-то пробарабанило по блистеру — колесо разворачивалось. Машина ещё парила в первом прыжке, а оно резко отклонилось и, оставив после себя воронку, сокращая дистанцию, по дуге рванулось наперерез.

— Сергей Иванович, голубчик, маневрируйте, — отрывисто произнёс Горбовский. — Вы видите, нас не пускают... Оазис. Мы должны туда попасть.

— Держись, — крикнул Кондратьев.

— Мы же не дети! — с достоинством крикнул Вандерхузе.

«Всегда хотел подёргать Якова за его верблюжьи бакенбарды, — подумал Кондратьев и вцепился в штурвал. — Всегда хотел быть пилотом, любил скорость. И какой русский не любит быстрой... М-да... Мечтал попасть в звёздную — попал. Хотел отвлечься от китов и... попал». Он почему-то вспомнил: стремительные обводы «Хиуса» посреди космодрома, тёмные грозовые облака, группа обнявшихся перед фотонным кольцом позирующих людей, лица крупным планом — Юрковский, Быков, Дауге, Мехти... «Постой-ка, — встревожился Кондратьев. — Почему Мехти? Его не было в том экипаже. Он погиб. Там был»... И вдруг в памяти всплыло: «Бойтесь красного кольца. Не приближайтесь»... «Кольцо. Это то же самое колесо... Пурпурный цвет... Радиоактивность. Цепная реакция. Вот дьявольщина!»

Гудение сменилось рёвом водопада. Колесо выскочило, нависая слева кровавым смерчем. Глайдер как загнанный скакнул «свечкой» вверх. Ремни закрипели, впиваясь в плечи. Кожу лица потянуло вниз... Да... позабытое ощущение.

«Вот вам, — мелькнуло в голове, — рывки, вибрации, толчки. И героическое напряжение мышц. Д-принцип у них, понимаешь. И почему — загнанный? Это ещё кто

загнанный? Они прыгают? Мы тоже так умеем. У вас масса, разгон и кинетическая энергия? А у нас, товарищ шершень, антиграв». — И выжал форсаж.

Глайдер взмыл в очередном прыжке в небо, проскочил в полуметре у преследователя перед «носом» и по пологой дуге начал опускаться. По курсу, как игрушки с новогодней ёлки, расцвели и рассыпались на искры гирлянды огней. Мелькнули взметнувшиеся вверх членистыми паучьими ногами розовые, в белых помпончиках кляксы и косогор, заполненный марширующими в гору шестигранниками. Засверкала блестками рябь воды...

Они падали в оазис.

— Здесь есть радиация? — бросил через спину Кондратьев.

— Не обнаружена.

— На берегах урановой Голконды. — Он повернулся. Бледный Вандерхузе, запрокинувшись, утопал в кресле и зажимал пальцами нос. По рукаву рубашки у него текла кровь.

— Почему?.. — начал Горбовский удивлённо, и тут что-то птичье, хищное проступило в его заострённом лице. — Оно красное, — выкрикнул он, вытягивая руку за спину Кондратьева. — Горизонт... Да поворачивайте же...

И в этот момент в глайдер со стонущим лязгом ударило. Теперь по-настоящему — со всей силы...

Кондратьев открыл глаза. Горбовский, в разорванной на груди водолазке, с выпачканными в крови руками, наклонившись и вцепившись ему в плечи, вглядывался в лицо.

— Сергей Иванович, — прошептал он. — Вот теперь и вы. Ах, Сергей Иванович, вы даже не представляете, как нам всем повезло. Туда и впрямь было нельзя. Ну что может быть очевиднее предупреждающих знаков? Сначала на орбите, потом здесь. Бадер набьёт мне лицо

и будет прав. — Горбовский отпустил наконец Кондратьева и виновато улыбнулся: — Ох и досталось же вам, Сергей Иванович. Больше всех перепало. Вы мастер! Успели развернуть глайдер... Но главное, что вы живы. Мы живы. Благодаря нашему круглому другу. Полагаю, он не один. Наверняка есть и другие, под землёй. Спасатели. Приходят на помощь, когда видят очередных жизнерадостных идиотов, лезущих напролом. Они нас вышвырнули, Сергей Иванович. Ко всем чертям! я видел, как начал заворачиваться горизонт. Помните красный свет? Доплеровское смещение. Понимаете? В самый последний момент. Дали нам хорошего пинка под зад. Чтобы больше не совались. Заодно спасли нам жизнь. И ещё. Оазис восстановился и опять готов к приёму гостей. Словно ничего и не было. Потрясающе!

— Что? — спросил Кондратьев и не узнал свой голос.

— Там была ВОЛНА, Сергей Иванович. Какие-то мерзавцы установили нуль-передатчик, замаскировав его под оазис. С одной целью — дожидаться появления любой формы жизни и отправить её по назначенному адресу. Куда? Не представляю. Зачем? Понятия не имею. И для чего задействовать такие воистину планетарные ресурсы?.. Стерилизовать планету. Уничтожать разумных... Это вообще за гранью логики и морали. По всей видимости, Странники, если это были Странники, обнаружили феномен, попытались его деактивировать, но, как видно, не получилось. Тогда они оставили спасателей. А я осёл, я должен был вспомнить — ведь даже сыр в капкане не бывает, ну вы знаете...

— В мышеловке, — поправил Кондратьев.

— Ах вот как, — сказал Горбовский.

— Что с Яковом?

— Всё хорошо. С Яковом всё в порядке. А вот вам, милейший вы наш Сергей Иванович, придётся вернуться к китам, на ферму. Уже насовсем. Вы хотите к китам?

— Да, — сказал Кондратьев и почему-то засмеялся. — я буду играть им на дудке.

ПАСТЫРИ

— Кто сказал, что на Пандоре нет океанов? — сердился океанолог Ванин. — Конечно же, на Пандоре есть океаны!

— Может, там еще и рыбалка отменная? — съехидничал Саня Травников, патрульный Океанской Охраны. — Я, простите, Яков Петрович, пропустил последний номер «Пандорианского рыболова-спортсмена», так что могу быть не в курсе.

Кондратьев, не открывая глаз, знал, что на санином открытом веснушчатом лице сейчас сверкает широкая улыбка. Солнце подсвечивало изнанку век уютной теплой краснотой, вода была как парное молоко, и Кондратьев качался на легкой зыби в совершенно расслабленном состоянии.

Щелкнул замок люка, и Кондратьев услышал голос Акико.

— До контакта полчаса. Идет прямо на нас, глубина полтора километра, начал подъем в среднем на метр в секунду. Сопровождение отстает на десять километров, цель ведут, происшествий нет.

Какая она все-таки молодец, подумал Кондратьев. Пока мы тут нежимся и бездельничаем, она сидит взаперти, следит за приборами, держит связь, четко соблюдает инструкции. Даже люк задраивает, как требует устав. В этом вся Акико. Педантичная, как и положено дочери Страны восходящего солнца. Пусть вокруг полный штиль и прогноз на ближайшую неделю самый что ни на есть безоблачный, она все равно будет наглухо закупориваться внутри субмарины в надводном положении. Просто потому, что так положено.

Кондратьев представил себе скуластое лицо Акико, склонившееся над экраном эхолота, таинственное

в призрачном зеленоватом мерцании подсветки. Представил, как она хмурит брови. У Акико густые брови, сходящиеся к переносице. Раньше, когда они только познакомились, Акико хмурила их, чтобы показать себя взрослее. Теперь она хмурит их, стараясь выглядеть строже, и вид у нее всегда самый что ни на есть серьезный. Поэтому все на базе «Парамушир» считают ее сухарем.

Его, Кондратьева, тоже когда-то считали сухарем. Но тогда он просто был самым старшим на базе, он был вернувшимся со звезд стариком из прошлого века, ему было положено выглядеть сухим и старым в глазах молодежи. Он привык, а с тех пор прошло немало лет, и теперь уже Акико, которая была когда-то его практиканткой, считает сухарем теперешняя молодежь.

Кондратьев открыл глаза и потянулся всем телом, раскинув руки и ноги лучами звезды. Океан тут же игриво накрыл его лицо соленой мокрой ладошкой, и Кондратьев зафыркал, прочищая нос.

Субмарины были принаитованы борт о борт, и лениво перепирающиеся спорщики сидели на штормовой палубе дальней от Кондратьева. Саня Травников медно блестел рыжей макушкой и щурился на солнце. Маленький желчный Ванин, застегнутый до горла в форменный комбез охраны, говорил:

— Воды на Пандоре полно. Больше, чем полагается планете такого класса. Там под пологом леса сплошь озера и болота, настоящий океан, скрытый под сплетенными кронами! Представляете себе, Александр?

— Не-а, — лениво отвечал Саня, исключительно для того, чтобы дать собеседнику повод продолжить. Люк на низкой башенке саниной субмарины был вызывающе открыт настежь.

— А вы представьте!

— Не могу, — говорил Саня. — У меня с воображением не очень-то. Если бы у меня было воображение, разве я работал бы в Океанской Охране...

— Но-но, — сказал Кондратьев, глядя в выцветшую небесную синеву.

На фоне синевы прямо над ним склонялась Акико, перевернутая кверху ногами. Кондратьев завел руки за голову и коснулся слизистой шкуры субмарины. Теплый бок едва заметно подрагивал, ровно и ритмично, словно под пальцами Кондратьева тихо мурлыкал огромный кот. Реактор работал как часики, двигатели держали холостые обороты, готовые в любую секунду сорваться на форсаж. Форсажа Кондратьеву не хотелось. Ему хотелось и дальше вот так вот качаться на зыби, щуриться на солнце и смотреть, как привычно хмурится Акико.

— ...разве я бы работал в Океанской Охране простым пилотом? я бы давно уже, вон как Сергей Иванович, был бы командиром звена субмарин! — закончил Саня, и Кондратьев, хотя смотрел прямо в темные глаза Акико, знал, что патрульный сейчас лукаво подмигивает.

А ведь и верно, подумал Кондратьев. Ирония — пролететь полгалактики, ухитриться вернуться на том, что осталось от старины «Таймыра», оставить в прошлом все, что любил, и всех, кто был дорог, потерять друзей, оказаться чужим в совершенно новом мире — и все для чего? Для того, чтобы стать субмаринмастером, пасти китов, принимать роды у маток, защищать глупых телят от акул, бить ультразвуком кашалотов-пиратов и разгонять стремительные атаки косаток? Не мелко ли?

Нет, ответил сам себе Кондратьев. Не мелко. В самый раз. Он чувствовал себя на своем месте именно здесь, именно делая эту самую работу. Лучше всего ему было, когда он гонял пиратов и пас лениво бредущие сквозь воды планктонных ферм стада. Когда плавал у необъятных боков самок полосатиков, горбачей и финвалов рядом с их бестолковым потомством. Когда сквозь шторм преследовал стремительные черно-белые тела китов-убийц, пробивая острым носом субмарины вертикально вставшие водяные горы, готовился к торпедной ата-

ке и чувствовал себя на равных с безжалостными хищниками океанских просторов. Когда в межсезонье сидел в своей комнате на «Парамушире» и смотрел на свинцовую серость осеннего моря, которое швыряет ему в окно пригоршни соленой пены, словно приглашая вернуться.

Нет, поправил себя Кондратьев. Лучше всего ему именно сейчас. Сейчас — когда он лежит на воде у теплого бока субмарины, а любимая женщина смотрит на него и прячет улыбку в жесткой линии губ.

Он заметил у Акико серебристый проблеск на виске. Мелькнул и исчез, словно показалось. Может быть, просто блик? Отражение солнышка на бескрайней фасетке океанской поверхности? Пусть будет блик, решил Кондратьев. Посмотрел, скосив до предела глаза и вывернув голову, на свою сплошь поросшую седым волосом грудь. Подумал: а время-то идет... Сколько его еще осталось? И тут же прогнал эту мысль, как гнал ее прочь всегда.

Правда, в последнее время гнать приходилось чаще. Самую малость. Чуть-чуть.

Он давно уже не ощущал себя чужаком-перестарком, как не воспринимал праправнуками людей, которые его окружали. Он просто жил, сроднившись с миром благоустроенной Планеты, и жить так было легко и радостно.

Ванин снова ожесточенно принялся доказывать что-то важное насмешнику Сане, но Кондратьев уже не слушал. Акико наклонилась к нему, коснулась волос и спросила:

— Волнуешься, Сережа?

Он улыбнулся.

— Волнуюсь, Акико-сан. Давненько мы с ним не виделись.

— Боишься, что он тебя забыл?

Кондратьев внимательно посмотрел в невозмутимое лицо Акико. В глубине темных глаз чертиками скакали веселые искорки. Он с облегчением вздохнул.

— Я ничего не боюсь, Акико-сан. И он не забыл. Ему не положено ничего забывать. Уж генетики позаботились о том, чтобы память у него была эйдетической.

Из башенки донесся мелодичный сигнал. Акико рыбой нырнула внутрь, и Кондратьев слышал, как она говорит в микрофон — быстро-быстро, мешая русские слова с японскими. Ей отвечал то и дело перебиваемый шорохом помех мужской бас. Ясное дело, подумал Кондратьев: субмарина скачет по поверхности, словно летучая рыба, то и дело уходя под воду. Командир звена поднялся к солнцу, чтобы выйти на сеанс радиосвязи.

Кондратьев притопил ноги и встал в воде вертикально. Вгляделся в марево солнечных зайчиков над юго-западным горизонтом. Ему показалось, что он разглядел яркую искру, вспыхнувшую на мгновение и тут же затерявшуюся в танце миражей.

— Совсем уже скоро, — сказал Кондратьев сам себе. Спорщики на соседней субмарине слышали и примолкли, подобрались. Саня поднес к глазам бинокль, а Ванин опустил в воду микрофон на длинном кабеле и уставился в экран гидролокатора.

— О, слушайте, слушайте! — закричал он вдруг, сорвал с головы шлемофон и включил внешние динамики.

Воздух над субмаринами наполнила Песня. Глухие утробные звуки, неспешное чередование запредельно низких нот, словно ожили трубы нижнего регистра в огромном органе.

— Он идет, — прошептал Кондратьев. Саня показал ему большой палец, словно расслышал шепот сквозь пение гиганта.

Кондратьев ловко выбрался на шершавое покрытие палубы, отер ладонью воду с лица, оперся на башенку. Все-таки он нервничал. Очень захотелось вдруг услышать голос старого доброго Протоса: «Все будет хорошо, Сергей Иванович...»

Акико обняла его сзади, ткнулась носом за ухо, сжала сильными пальцами плечо.

— Он здоровается, — шепнула в самое ухо. Кондратьеву сделалось щекотно и очень-очень тепло. Он как-то разом успокоился.

— Говорит, что соскучился, — сказала Акико.

— Мы и вправду давно не виделись, — сказал Кондратьев. — я помню его еще вот таким.

Он попробовал показать каким, но полного размаха рук, конечно же, не хватило, и тогда Кондратьев промерил палубу широкими шагами. Шагов оказалось пять.

— Примерно вот таким, — сказал Кондратьев и кивнул сам себе. — Да.

В паре километров от субмарин в море небо ударил фонтан. Не фонтан, а настоящий гейзер, подумал Кондратьев. В основании пенной колонны водяного пара вода вспучилась горбом, горб все рос и рос, а вода каскадами катилась с него, завихряясь водоворотами, а потом сквозь водяную гору прорвалось колоссальное тело и сверкнуло светлым брюхом, поворачиваясь в прыжке вокруг продольной оси. Пение из динамиков прекратилось. Потом все скрыло облако брызг, и спустя секунды донеслись обрывки приглушенной расстоянием песни и отголосок чудовищного всплеска.

— Вот красавец! — сказал Кондратьев.

Акико кивнула. Складка между бровей почти разгладилась, и сами брови почти совсем не хмурились. Акико слушала пение из динамиков и переводила. Человеческая речь, негромкая и певучая, накладывалась на пение исполина, и это тоже звучало как песня.

Кондратьев слушал ее вполуха, кивая в такт. Лингвистическими талантами в области китового языка он оказался, увы, обделен, понимая разговоры китов с пятого на десятое, что выяснилось совсем скоро после того, как его пригласили участвовать в проекте по выведению суперкита на лабораторных фермах Малайи. Акико выручила его, как выручала уже не однажды. Она была рядом весь долгий первый год, когда новорожденный китенок, подрастая не по дням, а по часам, немало озадачил

свою самую обыкновенную мать-китиху. Кондратьеву была отведена роль отца — а в дальнейшем и учителя.

Он присутствовал при родах. При первом вздохе, поддерживая и толкая к поверхности сквозь толщу воды превосходящее его едва ли не втрое тело. Был рядом при первом кормлении, направляя слепо тыкавшуюся морду к истекающему млеком сосцу. Вместе с Акико учил китенка синтезированному структуральными лингвистами китовому новоязу, не менее сложному, чем человеческая речь, и куда более эмоционально интонированному. Потом он учил молодого кита жизни. Учил, как мог. Выучил — и оставил на попечение цетологов, психологов, преподавателей Центра, отправившись снова на свой пост на дуге ККА: гонять китовые стада, следить за порядком на гигантской акватории и в ее таинственной глубине.

И ждать.

Вот, дождался. Всего-то и прошло... Ох, сколько же лет прошло, удивился Кондратьев. Надо же. А все потому, что, если занимаешься любимым делом, даже ожидание чуда не делается уж чересчур нестерпимым.

Кит снова выпрыгнул на поверхность, теперь уже значительно ближе, и огласил окрестные воды торжествующим ревом. Огромная лопасть хвоста величественно ушла под воду в водовороте бурунов. Кондратьеву показалось, что брызги от всплеска долетели даже сюда. Вот как раз одна капелька, на лице, прямо под глазом. Кондратьев смахнул ее, коснулся пальца языком: солоно.

— Да ты соскучился, Сережа, — улыбнулась Акико.

Кондратьев стоял к ней спиной, глядя, как кит подходит все ближе, уже не ныряя глубоко, как огромное тело скользит у самой поверхности, а далеко, у горизонта, скачут над водой крошечные еще субмарины звена сопровождения.

Но он знал, что она улыбается своей особенной, для него одной, улыбкой.

— Конечно же, соскучился, — сказал Кондратьев.

Субмарины, сопровождавшие кита, расположились широкой дугой, держась в отдалении и стараясь не мешать. На их палубах то и дело вспыхивали фотоблицы. С тихим рокотом из-за горизонта вынырнул вертолет и сделал облет, поблескивая линзами объективов. С северо-востока подходило стадо, и уже видны были поднимающиеся над водой фонтаны.

Кондратьев почувствовал, как кит оживился. Он лежал совсем рядом со спаркой субмарин, огромный, почти стометровой длины, и субмарины, совсем немаленькие, казались рядом с ним игрушками. Гора китовой плоти поднималась из воды на добрый десяток метров, и огромный глаз находился как раз вровень с глазами самого Кондратьева, который сидел по-турецки на палубе.

Кит постанывал, модулируя сигнал, и Кондратьев машинально пытался переводить. Самки идут... скоро встреча... радуются... поведу на креветочные поля на юге, куда ты просил... спасибо... отец...

Акико тихо рассмеялась, продублировав вслух речь гиганта-самца.

Кондратьеву было хорошо и немного, самую малость, грустно — как бывает, когда провожаешь близкого тебе человека в дальний путь. Знаешь, что вернется, а все равно грустишь и переживаешь. Станные существа люди. Хорошо, что они такие.

Океанолог Ванин закончил цеплять к поросшей ракушками шкуре кита свою тысячу датчиков и, отфыркиваясь, поплыл к своему борту. Вскрабкался по лесенке, зашлепал короткими лапами по палубе, сорвал маску и крикнул:

— Акико-сан, напомните, пожалуйста, нашему Лёве, чтобы занырнул поглубже над желобом, как договаривались, хорошо?

— Он и так помнит, — сказал Кондратьев, почувствовав вдруг легкую обиду за своего... сына?!.. то есть питомца. — Он все помнит, не то что мы с вами, Яков Петрович.

— Конечно-конечно, — легко согласился Ванин. — Он умница, Сергей Иванович, наш Лёва, наш Левиафан. Вы постарались на славу. Но вы все равно — напомниме, Акико-сан. На всякий случай, а?

— Хорошо, Яков Петрович, — рассмеялась Акико. Поднесла к губам модулятор и запела.

Усиленный аппаратом горловой звук, вибрируя, нарастая и опадая, меняя тональность, срываясь на щелчки и цоканье, разнесся над сонным морем. Кит ответил, басовито и гулко. Шевельнул хвостом, разом оказавшись в полукорпусе от субмарин, и легонько пустил фонтан, с ног до головы обдав всех их теплой соленой водой.

— Ишь, шутник, — проворчал, проморгавшись, Ванин. Саня, удивленно выглянув из башенки, помахал киту вслед.

Кондратьев поднялся на ноги. Субмарины покачивались в мощной кильватерной струе. Кит уходил навстречу своему новому стаду, готовый заботиться о нем, охранять от хищников, водить по жирным планктонным полям и возвращать к человеку, когда придет тому свой срок.

Вот и все, подумал Кондратьев. Эстафету передал. Дело сделано. Наш Лёва, Лёвушка, Левиафан — эксперимент, первенец. Но следом придут другие, ведь родовые бассейны в Малайе отнюдь не пустуют. Новые лёвушки придут, сменив нас... А что дальше?

Что дальше?

— Похоже, что славные денечки расцвета Океанской Охраны подходят к концу, — сказал Кондратьев вслух, провожая кита взглядом.

— Ну что вы, Сергей Иванович! — вскричал океанолог Ванин. — Все только начинается! Вы представляете, какой шквал информации обрушится теперь на нас? Теперь, когда даже самые глубокие впадины и желоба станут доступны, когда мы всю толщу вод, все океанское дно сможем увидеть, потрогать и изучить — пусть не своими собственными глазами и руками, а глазами

и плавниками младших братьев! Обрабатывай — не хочу! И не надо ничего расшифровывать — они и сами все нам расскажут!

— Понадобится только переводчик с китового, — улыбнулся Кондратьев, глядя на Акико. Акико смотрела на него и тоже улыбалась.

— А вот простые патрульные явно окажутся совершенно не у дел, — сказал Саня Травников. Расстроенным он вовсе не выглядел.

— Не только простые патрульные, Саша, — сказал Кондратьев. — Субмаринмастеры тоже больше не особенно-то нужны.

— Что дальше, Сережа? — спросила его Акико.

Она явно помнила рассказы Кондратьева о мучительных поисках предназначения после возвращения со звезд. Акико знала, как он терзался, чувствуя себя лишним, ненужным, никчемным со своим штурманским дипломом, навеки прикованный к тверди Планеты. Терзался до тех пор, пока Горбовский со Званцевым не сосватали ему работу в Океанской Охране. И правда — что теперь?

— Переквалифицируюсь в управдомы, — пошутил Кондратьев и тут же понял, что шутка осталась понятной только ему. Планета — редкий случай! — напомнила ему о том, что он все-таки перестарок. Что ж, пусть. У стариков есть одно большое преимущество перед молодыми, сильными и дерзкими.

Опыт.

— Мне звонили из Аньюдинской школы, — сказал Кондратьев. — У них есть место. я обещал подумать.

Саня Травников уважительно присвистнул.

— Ответственность, — кивая собственным мыслям, сказал океанолог Ванин. — Очень большая ответственность. Вы справитесь, Сергей Иванович.

— Да, — сказал Кондратьев. — Придется справиться.

Акико улыбалась ему. Море лениво качало длинные тела субмарин, а вдали мчался навстречу фонтанам

приближающегося стада новый китовый пастух, и Кондратьев знал, что тот поет сейчас во всю мощь огромных легких самую главную песню в своей жизни.

Как там говорила когда-то Иринка? Снова в погоню за белым китом? Все верно. В погоню, а там видно будет.

Так думал Кондратьев, глядя вслед уходящему левиафану.

И от этих мыслей ему делалось очень хорошо.

ИГОРЬ МИНАКОВ

★

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА

И тени их качались на пороге,
Безмолвный разговор они вели,
Красивые и мудрые, как боги,
И грустные, как жители Земли.

Булат Окуджава

Необходимое предуведомление

Меня зовут Максим Каммерер. Мне девяносто два года.

Однажды я уже начинал мемуар подобным образом. Тогда мне и в голову не приходило, что придется снова браться за стило. Однако события лета 228 года, а главным образом — мое позорное бездействие во время оных вынуждают меня объясниться. Добрую половину данного мемуара составляют безыскусные реконструкции, сделанные мною на основе показаний очевидцев событий, которые охватили Периферию, Солнечную систему и Землю в течение всего нескольких августовских дней и которые едва не сказались на судьбе человечества самым плачевным образом. Остальное же — описание ряда событий, непосредственным участником которых стал ваш покорный слуга.

Однако следует рассказывать по порядку.

Считайте это признаком старческого интеллектуального вырождения, но с некоторых пор меня живо стали занимать всякого рода необъяснимые (и необъясненные) явления, сплошь и рядом случавшиеся на Земле и Периферии. Разумеется, когда я был начальником отдела ЧП КОМКОНа-2, подобного рода происшествия интересовали меня сугубо с профессиональной точки зрения. Теперь же это стало бескорыстным увлечением отставника, стремящегося хоть как-то разнообразить унылый и серый океан бесконечного досуга.

Несколько лет я увлеченно коллекционировал материалы из открытого доступа: сообщения средств массовой информации, свидетельства очевидцев и рапорты аварийщиков из тех, что за давностью лет утратили гриф ДСП. Попадалось в моей коллекции всякое. От довольно рутинных наблюдений НЛО до совершенно фантастических событий вроде Небесного Гласа, который слышали и записали на бытовые фоноры сотни очевидцев в жарком австралийском январе 216 года. Последнее явление оказалось столь впечатляющим, что впору было ждать вспышки массовой религиозной истерии. Несколько минут неведомо кому принадлежавший громовой голос, лившийся из неизвестного источника, торжественно вещал что-то на никому не понятном языке. Специалисты, как водится в таких случаях, туманно рассуждали об интерференции акустических волн, вызванной перегревом надповерхностных атмосферных слоев. И специалистам, как водится, верили. Но по моим сведениям, вразумительного объяснения этому феномену так и не нашлось. Как впрочем, и тысячам других феноменов, на которые столь щедра матушка Вселенная.

Загадочные явления так увлекли меня, что ни о чем другом я и слышать не хотел. А между тем мне, Максиму Каммереру, без малого столетнему старцу, на закате дней своих вновь довелось стать свидетелем и участником событий, гораздо более впечатляющих, если не

сказать — ужасающих. Начало им было положено сорок тысяч лет назад. Во второй половине прошлого столетия они достигли своего кровавого апофеоза, хотя большинству непосредственных участников казалось, что это была развязка. Увы. И так уж вышло, что бывший глава отдела ЧП, а ныне собиратель аномальных явлений, имел все шансы вмешаться в эти события на новом их витке, но не вмешался. За что не будет ему прощения до скончания веков.

Если не оправданием, то хотя бы объяснением поразительной слепоты вышеупомянутого Каммерера могут служить три обстоятельства:

1) ему очень не хотелось прослыть жертвой «синдрома Сикорски»;

2) чрезмерная увлеченность аномальными феноменами затмила очеса его разума и притупила бдительность, завещанную покойным Сикорски;

3) он (Каммерер, а не Сикорски, разумеется) сам стал средоточием целого сонма аномальных явлений, которые совершенно выбили его из колеи.

В любом случае ответственности за случившееся с себя не снимаю. И полагаюсь лишь на справедливый суд потомков, которые когда-нибудь прочтут этот мемуар.

№ 01 «Полумесец»

Он вышел на площадь Звезды из ближайшей к Музею Внеземных Культур кабины нуль-Т, хотя с тем же успехом мог соткаться из дождя и тумана. Некогда модный радужный плащик, метавизирка через плечо, лицо — узкое, иссиня-бледное, с глубокими складками от крыльев носа к подбородку. Низкий широкий лоб, глубоко запавшие большие глаза, черные прямые волосы до плеч, как у североамериканского индейца.

Индеец оглядел пустынную в утренний час площадь и быстрым шагом пересек ее наискосок. У парадно-

го входа в музей он замешкался. Двери оказались заперты, но это задержало его лишь на миг. Он оглянулся еще разок, приложил широкую ладонь к массивной створке, и та легко отошла в сторону.

Обладатель немодного плаща в несколько бесшумных прыжков пересек залы основной экспозиции и углубился в спецсектор предметов невыясненного назначения. Автоматика освещения почему-то реагировала на его появление с запозданием, но Индеец прекрасно ориентировался и в кромешной тьме. Он быстро нашел то, что искал в этот ранний час в пустом здании.

Это оказался массивный футляр ярко-янтарного цвета. В сильных пальцах длинноволосого он легко распался на две части, обнажив покрытую белесоватым ворсом внутренность. Среди чуть заметно шевелящихся ворсинок лежали круглые серые блямбы. Трех не хватало. На поверхности блямб были изображены розовато-коричневые, слегка расплывшиеся, как бы нанесенные цветной тушью на влажную бумагу иероглифы.

Индеец блеснул безукоризненно-белыми зубами, закатал рукав плаща выше локтя, поднес руку одному из пустующих гнезд. На сгибе у него было родимое пятно, напоминающее стилизованную букву «Ж» или японский иероглиф «сандзю». От этого пятна к пустому гнезду протянулись серебристо-серые ворсинки, напоминающие те, что выстилали янтаринный футляр изнутри. Казалось, странная родинка излучает тусклый свет, каждый лучик которого извивается, подобно крохотному червю. Из этих червей в ворсистом гнезде сформировалась еще одна блямба. Полюбовавшись новообразованным кругляшом, рисунок на поверхности которого повторял в увеличенном виде родинку на сгибе его локтя, длинноволосый повторил ту же операцию с другими пустующими гнездами. Потом он раскатал рукав, закрыл футляр и осторожно водрузил его на место. Спустя примерно полчаса Индеец как ни в чем не бывало покинул музей через служебный вход.

Примерно через час метавизирку могли видеть уже на космодроме «Кольцово-4». Служба погоды прекратила дождь и развеяла туман. Горячие солнечные лучи дробились о стеклянные грани пассажирского терминала. Очередь к стойке регистрации рейса «Земля — Тагора» двигалась быстро. Перед Индейцем оставалось не больше трех человек. Он снял радужный плащик, перекинул его через руку, воздел на переносицу огромные темные очки.

Регистрирующий биодетектор мелодичным звоном отметил еще одного пассажира, состояние здоровья которого не внушало ни малейших опасений. Незначительные отклонения от антропологической нормы, обнаруженные в психофизиологическом профиле, легко объяснялись погрешностями юстировки и не могли служить причиной отказа в совершении подпространственного перелета по медико-биологическим показателям.

Через два с половиной часа длинноволосый покинул рейсовый «призрак» и вышел под ослепительно-синее с зеленоватым оттенком небо планеты Пандора. Возле трапа вновь прибывшего встретил киберносьщик, но не обнаружил у пассажира никакой клади. Человек с метавизиркой через плечо налегке проследовал к площадке с глайдерами. Выбрал маломощную, но чрезвычайно маневренную «стрекозу», взобрался на водительское сиденье, захлопнул спектролитовый колпак, свечой взмыл ввышину. В считанные мгновения «стрекоза» достигла «потолка» — воздушного коридора, предельно допустимого для личного транспорта на Пандоре, и взяла курс по направлению к хребту Смелых.

Зыбкие луны гуськом взошли над плоской вершиной Эвериной, когда «стрекоза» притулилась с краю посадочной площадки, основательно забитой глайдерами и вертолетами. Вечерело. Темно-зеленые сумерки сгустились над горой. Все столики на веранде легендарного кафе «Охотник» были уже заняты. На танцевальном пятач-

ке в ностальгическом «Светлом ритме» устало топталось несколько пар. Охотники-любители вернулись с холмов, точнее — из черных, колючих зарослей, которые подобно грозовым тучам клубились под трехсотметровым обрывом. Пряный ветер шевелил всклокоченные волосы и остужал разгоряченные лица. Киберофицианты, как заполошные, сновали между столиками. Остро пахло жареным мясом. Стекланные фляги с «Кровью тахорга» глухо брякали после каждого тоста, возвещаемого зычным голосом.

На Индейца, переминающегося с ноги на ногу, обратили внимание. Законы гостеприимства нарушены не были. Мигом нашелся свободный стул у относительно свободного столика. По обычаям охотничьего братства, длинноволосому обладателю метавизирки заказали традиционное меню новичков: гигантские клубни болотных тюльпанов, нафаршированные маринованной печенью тахорга, и пузатую флягу с «Кровью». Все это полагалось, не задавая лишних вопросов, умять в один присест, что новичок и проделал с завидным хладнокровием и выдержкой.

Вскоре многолунная ночь Пандоры приглушила веселье. Смолкла музыка, танцующие вернулись за столики. Громогласные тосты сменились тихими беседами. Вновь прибывшего расспросами не донимали. Сам он в разговоры не лез, предпочитая слушать других. Длинноволосому повезло. Он оказался за столиком двух завязых звероловов-любителей, разочарованных, как выразился один из них — статный, косая сажень в плечах, огненноволосый Степан, трансмантийщик по специальности, — «малым туристическим набором».

— Разве у Белых Скал охота! — восклицал он. — Это же манеж для ползунков! Электрифицированные джунгли и газировочные автоматы на каждом шагу! И тахорги прикормленные. В них же стрелять совестно, они же ручные почти.

— Ну и что ты предлагаешь, Степан? — флегматично вопрошал малорослый блондинистый Грэг, кулинар-дегустатор.

— На Горячие болота надо лететь, — отвечал тот. — Там рукоеды водятся. И гиппоцеты — тоже.

— Гиппоцеты — это замечательно, но кто нас туда пустит, дружище? Ты на карту глядел? Это, между прочим, зона Контакта! Комконовцы завернут нас на первой же контрольной точке.

Степан понизил голос до заговорщического шепота:

— А если — в обход контрольных точек?

— Ха! Вы посмотрите на него! — воззвал Грэг к сдержанно улыбающемуся Индейцу. — Контрабандист-любитель... Он полагает, что в КОМКОНе работают благодушные идиоты. Да будет тебе известно, что всякое транспортное средство на Пандоре оборудовано специальными датчиками, которые поднимут тревогу, если какой-нибудь рыжебородый викинг попытается проскочить на своем драккаре куда не следует.

— Дьявол, — пробормотал Степан, сжимая здоровенные веснушчатые кулаки. — Тогда какого черта мы перлись на Пандору?! Полетели бы лучше на Яйлу...

— Я могу помочь вашему горю, — тихо, но отчетливо произнес длинноволосый.

Приятели воззрились на него, будто на зверя Пэха.

— В самом деле? — осторожно поинтересовался Грэг.

— Да, — ответил тот. — я сотрудник КОМКОНа, у меня допуск.

— Прогрессор? — уточнил рыжий викинг Степан.

Индеец посмотрел на него исподлобья, кивнул.

— Да, — сказал он. — Бывший. Сейчас я на вольных хлебах. Консультант Большого КОМКОНа... По счастливому совпадению мне тоже нужно на Горячие болота. Там работает мой старый знакомый. Его зовут Джон Гибсон. Он экзобиолог. я не видел его сто лет...

— И вы возьмете нас с собой? — спросили приятели в унисон.

— Разумеется, друзья. Вместе и поохотимся.

— Как зовут нашего благодетеля? — осведомился Степан.

Длинноволосый ответил не сразу. Он долго смотрел на изумрудную луну, приплюснутым грибом вырастающую на горизонте, потом улыбнулся и сказал:

— Александр. Александр Дымок.

* * *

Выстрел у Степана не получился. Вместо того чтобы замертво рухнуть к ногам охотника, рукоед попытался откусить ему руки. Вместе с карабином. Кулинар-дегустатор Грэг, который стоял от приятеля всего в нескольких шагах, не успел даже поднять свой «оленебой». По поляне пронесся темный вихрь, и чудовище распласталось на морщинистом стволе псевдосеквойи, уже безнадежно мертвое. Вихрь сбавил обороты и превратился в Александра Дымка. Ни единая капля пота не оросила его бледного чела. Со свойственной ему безмятежной мрачностью Дымок оглядел свою жертву, поднял брошенный карабин и сказал, ни к кому в особенности не обращаясь:

— Рукоеду не стреляют в лоб. Его обходят сзади и бьют в затылок.

— В следующий раз буду знать, — пробурчал сконфуженный Степан. — Спасибо, Саша.

— Не за что, — отозвался Дымок. — Продолжаем движение. Глядите в оба, парни!

Они снова двинулись по извилистой тропе, неуклонно скатывающейся в низину. Здесь почти уже не встречались исполинские, подпирающие зеленовато-синие небеса, колонны псевдосеквой. Почва для них была не подходящей в этом краю, слишком зыбкой и ненадежной. Сухие песчаные откосы сменились глинистыми наплавами, скрытыми под сплошным ковром из красного мха. Даль завлакивало пластами пара, поднимающего-

ся над Горячими болотами: в воздухе отчетливо пахло пустыми щами.

— Замечательное место, — принялся разглагольствовать Степан. — я слышал, этот мох можно есть. Вот так прямо отрываешь клочьями и ешь...

— Все не так, Степа, — откликнулся Грэг. — Этот мох не только нельзя есть, но и просто лежать нам нем не рекомендуется.

— Это почему? Ядовитый, что ли?

— Выделяет летучие вещества, галлюциногены...

— Вот дьявол! — Огненноволосый с опаской покосился на красный ковер.

— А вот почва возле болот и в самом деле съедобная, — продолжал Грэг. — Собственно, на ее основе великий Пашковский и создал свои знаменитые плантации...

— Тихо! — Дымок замер на полушаге, предостерегающе поднял руку.

Оба приятеля мгновенно умолкли. Сорвали карабины с плеч, принялись озираться, поводя воронеными стволами. Лес тут же надвинулся. Обступил со всех сторон. Он словно старался привлечь к себе внимание трех человек, свалившихся в него с неба. Лес корчился, приседал, переливался радужными пятнами, кривлялся, словно паяц. Смотреть на него было сущим мучением, взгляду не за что зацепиться, хотелось отвернуться или хотя бы закрыть глаза. Но глаза в лесу закрывать нельзя, и потому приходилось глядеть в оба. И Степан с Грэгом глядели. Глядели и недоумевали. В лесу все было странным. Человеку неопытному совершенно невозможно понять, к чему следует присматриваться, а заодно и прислушиваться? Приятели недоумевали, но полагались на опытность своего товарища. И потому они вздохнули с облегчением, когда Александр Дымок произнес:

— Кажется, пронесло...

— А что там было? — немедленно осведомился Степан.

— Где «там»?

— Ну-у... там... куда надо было глядеть в оба?

— Вот что, Степан, — сказал Дымок деловито: — Ступайте вон к тому прогалу... — Он указал на едва заметный просвет в подвижной стене леса. — А вы, Грэг, следуйте за ним. Дистанция десять шагов.

— Хорошо! — отозвался Степан.

Он перехватил поудобнее карабин и двинулся в указанном направлении. Его могучую фигуру еще не скрыли заросли, когда блондинистый Грэг зашагал следом. Дымок проводил их взглядом. На его узком, бледном лице не дрогнул ни единый мускул, когда раздался отчаянный крик, оборванный смачным хрустом. Рывкнул «оленебой» кулинара-дегустатора. Громовым эхом прокатился по замершему лесу рык молодого тахорга, притаившегося в зарослях арлекинки, чьи подвижные, красные с зеленою листоветви так удачно скрывали чудовище, закованное в изумрудную с рубиновыми просверками броню.

Александр Дымок не тронулся с места. Он ждал. Второго выстрела не последовало. Детеныш самого страшного на Пандоре зверя одолел и другого охотника, столь самонадеянно углубившегося в джунгли за пределами заказника. Дымок закинул карабин на плечо и продолжил путь. Больше он в спутниках не нуждался. Тахорг теперь будет надолго занят перевариванием добычи, а прочие пандорианские хищники опытному человеку не страшны. Да и цель, ради которой Дымок прилетел на Пандору, была уже близка.

Спектролитовый купол, накрывающий биостанцию, легко было заметить издалека. Огромный радужный пузырь возвышался над низкорослыми по меркам Пандоры болотными зарослями. Александр Дымок ловко уклонился от встречи с роем полуметровых ос, проскользнул под ядовитыми лианами и очутился у запирающей мембраны шлюза. Ткнул в рубчатую клавишу звонка. Хозяин биостанции откликнулся сразу.

— Чем могу служить? — спросил он молодым, чуть с хрипотцой голосом.

— Здравствуйте! — отозвался гость. — Меня зовут Александр Дымок. я недавно прилетел с Земли. Мне необходимо с вами поговорить, мистер Гибсон.

— Входите, — отозвался Гибсон. — Заранее прошу меня извинить, но вам придется сначала пройти в дезинфекционную.

— Ничего-ничего, я понимаю...

Вымытый до скрипа, благоухающий антисептиками, Александр Дымок вступил на территорию биостанции. Это была ничем не примечательная «бусинка», как называли такие биостанции, ожерельем опоясывающие зону контакта человечества с двуединой гуманоидной цивилизацией Пандоры. Дежурили на «бусинках», как правило, широкопрофильные специалисты, сочетающие экзобиологию с контактерской деятельностью. Джон Гибсон исключением не был.

Он встретил нежданного гостя на веранде стандартного экспедиционного домика, откуда открывался изумительный вид на Горячие болота. Высокий, сухопарый старик, с индейским профилем загорелого лица, с седыми длинными волосами, собранными на затылке в пучок. От постороннего глаза не укрылось бы некоторое внешнее сходство девяностолетнего старика-экзобиолога и его визави, которому на вид было не более сорока, но, кроме безупречно замаскированной камеры видеорегистрации, свидетелей состоявшейся между ними беседы не оказалось. Да и беседа эта началась далеко не сразу. Старик придерживался простого правила, сначала накормить гостя, а потом уж расспрашивать.

— Так какими судьбами вас ко мне занесло, Алекс? — приступил к разговору Джон Гибсон, разливая по глиняным кружкам эль. — Простите мое стариковское любопытство, но из лесу без всякого предупреждения приходят только аборигены.

— Аборигенов мембрана не пропустит, — без улыбки отозвался Дымок.

— Верно, — сказал Гибсон. — Вы, кстати, на чем добирались? Вездеход? Вертушка? Глайдер?

— Глайдер, но он угодил в клоаку.

Экзобиолог сокрушенно покачал сединой: ай-яй-яй...

— Пришлось километров тридцать проделать пешком, — добавил гость.

— Вы на редкость мужественный человек. Пешком, три десятка километров по лесу, один... Вы ведь были один, Алекс?

— Как перст.

— Вы не только на редкость выносливы, но и — ве-зучи, — неискренне восхитился Гибсон. — У тропы за-таился молодой тахорг. Эти твари, знаете ли, невероятно терпеливы и могут сидеть в засаде месяцами, покуда не попадется кто-нибудь... Удивительно, как вам удалось его миновать? Или вы его пристрелили?

— Нет, что вы, мистер Гибсон, я проскользнул мимо. Ведь я же бывший прогрессор, кроме того, — зоопсихолог.

Старик воздел костистые лапы.

— Всё-всё, — проговорил он. — Сдаюсь! Еще раз прошу извинить мою... любознательность, но фронтир есть фронтир. Здесь всякое бывает, приходится быть насто-роже, иногда поступаясь некоторыми вещами... Так вы сказали, у вас ко мне дело?

— Да, — откликнулся Дымок. — я хотел вам показать вот что...

Он отставил кружку и закатал рукав охотничьей куртки на правой руке. Продемонстрировал хозяину «бусинки» свою отметину.

— Любопытное родимое пятно, — прокомментировал Гибсон. — Похоже на какой-то японский иероглиф...

— Сандзю, — уточнил его собеседник, — означает число тридцать.

— Точно... но я не понимаю...

— У вас тоже есть родимое пятно на сгибе правого локтя, верно?

Старик судорожно глотнул.

— В форме полумесяца, — продолжал Дымок. — Не правда ли?

№ 02 «Косая звезда»

Полороги вышли к водопою на рассвете.

Рина насчитала двадцать шесть особей. Пятнадцать разновозрастных самок. Молодые бычки и телочки числом около семи. Три телятка от полутора до трех месяцев от роду. И матерый вожак. Вожак не спешил припасть к живительной прохладе. Горделиво воздев венценосную голову, он принялся озирая окрестности. Его силуэт отчетливо рисовался на бледно-розовом фоне зари. Рина не могла удержаться. Она выхватила из полевой сумки блокнот и стило, несколькими штрихами набросала великолепную посадку головы, сложное переплетение роговых отростков, напоминающее корневую систему, примерилась бегло зарисовать стадо, сгрудившееся у стылого зеркала реки. Рина настолько увлеклась, что не сразу заметила мужчину в егерской форме устаревшего образца, который вышел из лесу и направился к реке.

Он шел словно слепой, спотыкаясь о камни, нелепо взмахивая руками. Шел прямо на стадо, видимо, совершенно не понимая, чем ему это грозит. У Риной пересохло в горле, она выронила стило и блокнот. Ей хотелось крикнуть, предупредить безумца, чтобы уносил ноги, пока не поздно, но уже заблеяли пугливые самки, тонко заверещал молодняк. Вожак нервно переступил массивными ногами, шумно выдохнул, опустил губастую морду к влажной от росы прибрежной гальке. Яснее сигнала не придумаешь, но незнакомец ничего не замечал. Он поравнялся со стадом, которое в нарастающей панике начало отступать к воде.

Взревев органами рогов, вожак бросился на человека. За мгновение до этого Рина успела зарядить карабин анестезирующей иглой и теперь мчалась со всех ног, огибая стадо, чтобы вклиниться между взбешенным самцом-полорогом и нелепым незнакомцем. Животное и мужчину разделяло не более пяти метров, когда Рина, припав на одно колено, выстрелила. Анестетик она выбрала наугад и не могла знать, через сколько минут он обездвижит вожака, поэтому тут же вскочила, схватила мужчину за руку и поволокла прочь. Рина очень надеялась, что снотворное подействует прежде, чем матерый самец настигнет их. Только у самой опушки она разрешила себе оглянуться.

Вожак темной горой возвышался на светло-серой речной гальке, а остальное стадо скапливалось возле него, оглашая утренний воздух недоуменным ревом. Опасность миновала, Рина отпустила руку незнакомца и в гневе повернулась к нему.

— Кто вы такой?! — накинулась она на него. — Как вас сюда занесло?

Незнакомец улыбнулся. У него было бледное лицо с выступающими скулами, немного раскосые темные глаза, резко очерченный подбородок, прямой с едва заметной горбинкой нос.

— Меня зовут Томас, — сказал он. — Томас Нильсон. Простите, я, кажется, совершил глупость.

«Знакомое имя, — подумала Рина. — Где-то я его слышала...»

— Никто не смеет тревожить полорогов на водопое, — сказала она тоном ниже. — Даже сварги.

— Сварги? — переспросил Нильсон. — Это, кажется, местные хищники... Нечто среднее между кошачьими и псовыми...

— Да, — откликнулась Рина. — И вам сильно повезло, что вы с ними не повстречались... Кстати, вы мне так и не ответили: кто вы и как здесь оказались? Вы турист? Отстали от группы? Кто ваш егерь?

— Слишком много вопросов, уважаемая спасительница, — сказал Нильсон. — Кстати, вы так и не представились.

— Ирина Мохова, старший егерь-охотовед.

— Ого! — весело удивился Нильсон. — На вид вам не больше двадцати пяти, и уже старший егерь-охотовед. А младшие егеря у вас, наверное, совсем младенцы...

— Итак, я жду ответа на свои вопросы, — не приняла Рина его тона.

— Я не турист, Рина, — ответил Нильсон. — я в некотором роде ваш коллега...

— Простите, но я знаю всех егерей заповедника, а вас вижу впервые.

— Это очень странная история, Рина... я обязательно вам расскажу, но, если можно, не здесь. Очень есть хочется... Да и от кофе я бы не отказался.

Рина покраснела.

— Ох, простите, — пробормотала она. — Пойдемте... У меня неподалеку вертолет... До «точки» километра три, мы мигом туда доберемся.

— Вы имеете в виду пункт «Е-17»? — поинтересовался Нильсон. — «Теплый ручей»?

— Точно, — откликнулась Рина. — Вы и в самом деле знаете...

— В ста тридцати километрах к северо-западу расположена «Синяя скала», — продолжил демонстрировать осведомленность «коллега». — А в ста пятидесяти к юго-востоку — «Гулкий бор».

— Убедили, — сказала старший егерь-охотовед. — Но и разожгли мое любопытство. Теперь-то уж вам наверняка придется мне все рассказать.

Когда серо-голубой «Стерх», курлыкая движками, воспарил над жесткой щетиной леса, Рина решила сделать лишний крюк, чтобы еще раз взглянуть на стадо полорогов. При таком количестве молодняка им нельзя было надолго оставаться без своего покровителя и вождя. Сваргам ничего не стоило нарушить «водяное пе-

ремирие», если они почувствуют, что можно безнаказанно пожить за чужой счет. «Стерх» появился над рекой, когда стадо уже покидало берег. Впереди гордо вышагивал побежденный, но не сломленный вожак. У Рины отлегло от сердца, и она добавила оборотов.

Вертолет начальницы мягко опустился на плоскую вершину холма, приспособленную под взлетно-посадочную площадку. Никто не вышел навстречу. В разгар рабочего дня на «точке», кроме дежурного диспетчера, не оставалось ни единой души. Работы у егерей-охотоведов было по горло. Марыся Ясенская занималась подсчетом поголовья икросных мисигов в верховьях реки Великой. Артур Тер-Акопян присматривал за киберами, занятыми заготовкой зимних кормов для полороговой фермы. А Коля Сапрыкин с утра повел очередную группу туристов к Меловой балке.

Год назад в карстовых пещерах Меловой балки местные следопыты-любители обнаружили самую настоящую наскальную живопись. Это открытие на некоторое время стало мировой сенсацией. Ведь до сих пор общепризнанным считалось мнение, что на Горгоне нет и никогда не было разумных существ, не считая землян-колонистов. Несколько месяцев длилось нашествие астроархеологов и представителей Большого КОМКОНа, но раскопки и просвечивание окрестных недр интравизором ничего не дали: ни косточки, ни рубила, ни наконечника. Да и изображение отбивающегося от стаи сваргов полорога, выполненное со свойственным первобытным художникам безыскусным изяществом, оставалось пока единственным. Исследования вскоре перенесли в другие края, и «Теплый ручей» вновь превратился в самый заурядный егерский пункт, коих в умеренном поясе Горгоны десятки.

Нильсон выпрыгнул из вертолета первым и успел галантно подать даме руку. Рина смутилась. Не привыкла она к такому обращению. Егеря на ее «точке», за исключением Марыси, были сущими мальчишками, и оказы-

вали дамам внимание раз в году, да и то — в праздник. Рука у новоявленного галанта оказалась на удивление нежной, с шелковистыми подушечками. Похоже, она не знала элементарного физического труда, и уж тем более не имела дела с карабином.

«Кто еще здесь младенец...» — неприязненно подумала Рина, вынимая свою твердую мозолистую ладонь из неприятно мягких пальцев найденыша.

В неловком молчании они спустились с холма, пересекли обширный двор, поднялись по скрипучим ступенькам в столовую. Горгона считалась планетой с умеренно-агрессивной биосферой, и в отличие от Пандоры или Яйлы здесь не использовали спектролитовых куполов, энергетических барьеров и автоматических распылителей снотворного. Егерский пункт номер семнадцать окружал деревянный часток, а некоторые строения внутри напоминали блокгауз, памятный каждому, кто в детстве зачитывался «Островом сокровищ». На фоне этой суровой архитектурной экзотики здание столовой выглядело легкомысленно-сказочным: крылечко с баясинами, крытая тесом крыша, веселенькие изразцы декоративной печи.

Рина показала гостю, где расположена умывальня, а сама принялась хлопотать. Она достала из холодильника фирменное блюдо — заливное из телятины, поколдовала с установкой субмолекулярного синтеза, соорудив крабовый салат и украинский борщ. Вспомнила, что найденыш говорил о кофе, и решила уточнить: какое он предпочитает? Дверь умывальни была распахнута настежь, Нильсона внутри не было. Не оказалось его и в обеденном зале. Недоумевая, Рина выглянула во двор. Увиденное поразило ее сильнее, чем все странности нежданного гостя, вместе взятые.

Томас Нильсон вприпрыжку мчался к взлетно-посадочному холму. На вершине он воровато оглянулся — ни дать ни взять — нашкодивший кот, и нырнул в кабину вертолета.

— А как же кофе? — пробормотала Рина.

«Стерх» поднимался к ослепительно-синему небу Горгоны, но старший егерь-охотовед не смотрела ему вслед. Она не могла отвести глаз от большого портрета, с незапамятных времен висевшего в простенке у входа в красный уголок. Бледное лицо с выступающими скулами, немного раскосые темные глаза, резко очерченный подбородок, прямой, с едва заметной горбинкой нос... и надпись на потускневшей от времени бронзовой табличке: *«Томас Нильсон. Главный смотритель заповедника. Погиб при невыясненных обстоятельствах 21 июля 2165 года»*.

№ 03 «Фита»

Они договорились о встрече в полдень, у памятника Людвигу Порте, первому человеку, погибшему на Ружене.

Гранитный звездолетчик смотрел вдаль, поверх многогранной призмы космовокзала, туда, где неустанно вращались исполинские эллипсоиды антенн дальней Нуль-связи. Памятник был выполнен Крисом Роджером по эскизам Иоганна Сурда. Великий художник терпеть не мог патетики, поэтому поза легендарного звездолетчика и зоолога была совершенно непринужденной, как будто Порта шел по неотложному делу и его вдруг окликнули.

Старейший планетолог Ружены пан Ежи Янчевецкий любил этот памятник. Нередко приходил к нему вечерами, посидеть на скамейке с книжкой или — наблюдая за малышней, резвящейся в сквере у фонтана. Ежи не переставал удивляться, насколько Ружена, некогда погубившая десятки исследователей, стала ручной. А ведь он еще помнил первозданность ее сухих джунглей, полных опасных тварей, бескрайние степи, поросшие голубоватой, словно седой, травой. Нет, и джунгли, и степи никуда не делись, но теперь их во все стороны пе-

ресекали самодвижущиеся дороги, давно вышедшие из употребления на Земле, но по-прежнему популярные на планетах Периферии. Да и местные твари продолжают здравствовать, но необузданный нрав их укрощен победоносным шествием человеческой цивилизации. Вон карапузы гоняются за радужными красавцами-рэмбами как ни в чем не бывало. И дела нет пострелятам, что некогда эти диковинные насекомые поражали воображение их, пострелят, прадедушек и прабабушек.

Ежи вспомнил, как его собственный правнук возится с жутковатым крапчатым дзо, как будто это обыкновенный кот. А ведь когда-то Симон Крейцер страшно гордился своей добычей. Чудак он был, этот Крейцер, любил давать инопланетным зверям звучные, но малопонятные названия: крапчатый дзо, мальтийская шпага, большой цзи-линь, малый цзи-линь...

— Пан Янчевецкий?

Ежи вздрогнул — неужто задремал?! Какой позор! — немного суетливо поднялся навстречу молодому, длинноволосому парню, позвонившему сегодня утром по личному номеру планетолога.

— Здравствуйте! Чем могу служить?

Длинноволосый, похожий на североамериканского индейца парень крепко пожал костлявую длань без малого столетнего старика.

— У меня к вам чрезвычайно важный разговор, пан Янчевецкий, — сказал Индеец, — но мне не хотелось бы вести его здесь.

— А где бы вам хотелось его вести? — сварливо осведомился Ежи.

— Где-нибудь, где не так многолюдно.

— Послушайте... м-м...

— Александр. Александр Дымок.

— Послушайте, пан Дымок, мне эта таинственность не по вкусу. Говорите прямо, что вам нужно?

— Мне — тоже. — Индеец невесело улыбнулся. — Но речь идет о тайне личности...

— Какой еще тайне? Чьей личности?

— Вашей, пан Янчевецкий, — ответил Дымок. — Например, я могу ответить на вопрос, который наверняка мучил вас: почему вы, талантливый художник-эмоционалист, вынуждены были поступить на планетологический факультет Краковского университета?

Планетолог фыркнул.

— Потому что я был посредственным художником, — сказал он. — Сам великий Иоганн назвал мои работы, выставленные на студенческом вернисаже, «графической эссеистикой на животрепещущие темы». В его устах это прозвучало страшнее, чем если бы он назвал их бездарной мазней. Так что не говорите мне про тайну личности, молодой человек. Нет личности, нет тайны.

— Простите, пан Янчевецкий, — сказал Дымок, — но ведь вам известно об отзыве Сурда с чужих слов, не так ли?

— А вы думаете, я помчался к мэтру переспрашивать?!

— Нет, вы не помчались... — продолжал Индеец. — Вы полгода страдали от абсолютной бесперспективности существования, покуда добрые люди из КОМКОНа не посоветовали вам заняться планетологией...

— КОМКОН? При чем здесь КОМКОН?

— Пойдемте в парк, пан Янчевецкий, — решительно сказал Дымок. — Вы же видите, разговор и впрямь серьезный.

Старый планетолог с тоскливым вздохом окинул взглядом сквер у памятника. Он чувствовал себя как человек, который принужден обстоятельствами принимать участие в некоем постыдном действе.

«Надо все-таки выслушать его, коли уж он так просит», — придумал пан Янчевецкий для себя оправдание.

— Идемте, — буркнул он и направился по выстланной желтыми и красными пластиковыми плитками тропинке к черной реке самодвижущейся дороги. Его молодой собеседник усмехнулся и легкой стремительной тенью двинулся следом.

На окраине городка они перешли на низкоскоростную полосу, будто лесной ручей петляющую между деревьями парка. Зеленые стволы мягко фосфоресцировали, приставучие рэмбы норовили вцепиться в длинные волосы Индейца, он неуловимым движением смахивал их. Сердито стрекоча крыльями, гигантские насекомые уносились прочь.

— Итак, я слушаю вас! — прервал затянувшееся молчание Ежи.

— Вас ненавязчиво направили учиться на планетолога по одной простой причине... — начал Дымок.

— Ну! — не слишком вежливо поторопил его старик.

— Ваша будущая профессия обязательно должна была быть связана с Космосом, и только с Космосом.

— Что за глупости! — проворчал пан Янчевецкий. — Кому это могло понадобиться?

— КОМКОНу, кому же еще, — отвечивал Индец. — Но не Комиссии по Контактaм, а ее дочерней организации, Комиссии по Контролю. Существовала некогда в нашем благоустроенном мире такая структура, призванная контролировать потенциально опасные области научного поиска и предотвращать нежелательные последствия некоторых излишне дерзких научных экспериментов.

— Ну и правильно, ну и замечательно! Целиком и полностью поддерживаю! — горячо воскликнул старик. — Только я не понимаю...

— Какое это отношение имеет к вам? — закончил за него Дымок. — Самое непосредственное... Да, вы не занимались запрещенными видами научной деятельности, но вы сами, как это ни странно, результат потенциально опасного эксперимента. Причем — эксперимента, поставленного не людьми...

Старый планетолог отшатнулся от своего собеседника, как от невменяемого безумца. Александр Дымок усмехнулся и закатал правый рукав некогда модного, но давно уже безнадежно устаревшего радужного плаща.

— Видите это родимое пятно? — спросил он, демонстрируя старику свой «иероглиф». — Ручаюсь, у вас на правом сгибе оно тоже имеется, только другой формы. Напоминает Фиту, букву старорусского алфавита...

Пан Янчевецкий молча ждал продолжения.

— Эта отметина появилась у вас, когда вам исполнилось десять лет. Я обзавелся родинкой примерно в том же возрасте. И мы с вами, уважаемый пан Янчевецкий, в этом не уникальны. Кроме нас с вами, такими отметинами обладают еще одиннадцать человек.

— Занятное совпадение, — проговорил планетолог. — Однако тринадцать причудливой формы родинок на сгибе правого локтя еще не повод подозревать их обладателей во внеземном происхождении. Вы не находите, молодой человек?

— Не повод, — согласился его собеседник, — но есть и другие, как вы говорите, занятные совпадения. Все тринадцать обладателей этих причудливых родинок родились в один и тот же день, а именно шестого октября две тысячи сто тридцать восьмого года...

Ежи приподнял седую бровь, осведомился:

— И вы — тоже, молодой человек? В таком случае вы на диво хорошо сохранились. На вид вам не дашь и сорока... Как вам это удалось, поделитесь опытом...

Дымок вежливо переждал этот взрыв старческого сарказма, потом сказал:

— Охотно поделюсь, пан Янчевецкий. Собственно, для этого я сюда и прилетел. Но прежде я хотел бы продолжить.

Старик благожелательно кивнул, ему уже стало любопытно. Они сошли с движущейся тропинки, уселись на губчатое сиденье парковой скамейки в узорчатой тени папоротникового дерева.

— Итак, — вновь заговорил Индеец приглушенным бархатным баритоном эстрадного чтеца, — двадцать первого декабря две тысячи сто тридцать седьмого года отряд Следопытов под командой Бориса Фокина выса-

дился на каменистое плато безымянной планетки в системе ЕН 9173, имея задачей обследовать обнаруженные здесь еще в прошлом веке развалины каких-то сооружений, приписываемых Странникам...

№ 04 «Свастика»

Ярко-голубое небо. Желтое ласковое солнце. Кварцевый песок. Аквамарин пологих волн. Белые паруса зданий. Экзотическая пестрота парков. Седовласые вершины далеких гор. Стройные загорелые тела на пляже. Легкомысленные наряды. Дети, играющие в прятки наоборот среди кустов-хамелеонов. Веселая музыка на террасах многочисленных кафе. Разноцветные паруса на морском просторе. Парящие будто птеродактили дельтапланы. Одним словом — курорт. Здесь не хотелось думать о делах. Все проблемы большого мира растворялись в этой желто-зелено-голубой неге. Кувыркаться в теплых волнах, танцевать под легкую музыку с красивыми женщинами, философствовать на вечерней зорьке с бокалом чего-нибудь освежающего в руке — что может быть лучше?

Томас Нильсон расположился в шезлонге, под полосатым тентом, легкая ткань которого трепетала на морском ветру. Киберофициант без спросу принес запотевший бокал с трубочкой и ломтиком лимона, нанизанным на краешек.

— Что это? — спросил Нильсон капризным голосом курортного завсегдатая.

— Джеймо, — отвечал кибер и укатил.

Нильсон присосался к трубочке, лениво озирая пляж.

Он знал, что она здесь. Справочная санатория «Лазурная лагуна» охотно выдала информацию о настоящем местонахождении врача-бальнеолога Марии Гинзбург. И теперь осталось лишь определить, какое именно из сотен стройных и загорелых женских тел принадле-

жит сему почтенному медицинскому сотруднику? Знание того, что возраст почтенного сотрудника перевалил за девяносто, мало чем могло помочь Нильсону. За последние полвека геронтология шагнула столь далеко вперед, что судить о возрасте человека по внешнему облику стало совершенно невозможно. Тем более — о возрасте женщины. Однако у Нильсона были основания полагать, что он узнает Марию среди прочих молодых красавиц.

И ему повезло. Влекомая слабой гравитацией местной крохотной луны, волна вынесла на берег высокую женщину. Она появилась из морской пены вполне буднично, оставляя в плотном песке неглубокие следы, на ходу отжимая густые черные волосы. Нильсон нажал на подлокотнике шезлонга несколько кнопок сервис-меню, и мгновение спустя рядом с ним материализовался свободный шезлонг, а киберофициант замер неподалеку с еще одним бокалом охлажденного джеймо.

Когда Мария поравнялась с ним, Нильсон приглашающе помахал рукой. Врач-бальнеолог присмотрелась к незнакомцу, немного помешкала и опустилась рядом.

— Джеймо — напиток сезона! Рекомендую, — сказал Нильсон, подавая знак официанту.

Мария с благодарным кивком приняла бокал и откликнулась:

— Это напиток и прошлого сезона, и позапрошлого... Наши кулинарные гении редко балуют разнообразием.

— Постойте, — произнес Нильсон. — я попытаюсь угадать... Вы не отдыхающая, верно? Вы — постоянный сотрудник Курорта.

— Угадали, — согласилась Мария. — я медик, специализируюсь на санаторно-курортном лечении.

— И много у вас... э-э... больных? Или это врачебная тайна?

— Увы. — Мария вздохнула. — Не много. И это никакая не тайна. На Курорт не прилетают лечиться, на Курорт прилетают развлекаться. Поседеешь, пока себе-

решь статистику по особым бальнеологическим свойствам здешнего климата.

— Ну-у, вам до седины еще далеко, — галантно вернул Нильсон.

Мария усмехнулась.

— Благодарю за комплимент, — сказала она. — На самом деле мне далеко за восемьдесят. По меркам какого-нибудь двадцатого века я дряхлая старуха.

Нильсон с откровенным любопытством окинул взглядом скульптурные формы собеседницы.

— Вы на себя клеветеете, — проговорил он строго. — Вам не дашь больше пятидесяти.

— Могу я узнать, кому обязана удовольствием выслушивать столь изысканные комплименты? — осведомилась Мария.

Нильсон немедленно вскочил, дурашливо поклонился и представился:

— Томас Нильсон, бывший смотритель заповедника на Горгоне. В настоящее время — странствующий бонвиван, жаждущий общения.

Мария засмеялась.

— Искатель легкой поживы, — резюмировала она. — Молодой альфонс, соблазняющий скучающих пожилых леди на отдыхе.

Нильсон рухнул на колени, в комическом ужасе простирая руки.

— Умоляю! — взвыл он. — Не выдавайте! Моя жизнь в ваших руках!

— Обещаю не выдавать, — смиростивилась Мария, — но при одном условии. Вы тотчас же подниметесь с колен и пригласите скучающую леди на ужин.

Тусклая ноздреватая половинка луны висела над морем, до самого берега протянувшись маслянистой дорожкой. Тихо шуршали волны. Беззвучно чертили в редкозвездном небе ястребы-рыбари, зорко высматривая жирных аргусов — многоглазых рыб, оставляющих в черной воде ярко-голубой мерцающий след.

Молочно-белые друзья санаторных корпусов почти сливались с ночной темнотой. Отдыхающие в большинстве своем спали. Лишь на пляже то и дело попадались, ищущие романтического уединения парочки. Томасу и Марии долго пришлось искать свободное местечко.

— Боже мой, — простонала Мария, в изнеможении опускаясь на песок, вытягивая усталые ноги. — Сто лет не танцевала... Я, кажется, впадаю в детство... Что ты со мной сделал, Том?

— То ли еще будет, — пробормотал он.

— Что ты сказал?

— Я говорю, что сам от себя не ожидал, — откликнулся Нильсон.

— И это говорит юнец, сбивший с панталыку почтенную женщину...

— Я не младше тебя, Мэри...

— О, следующая порция комплиментов... Продолжайте, молодой человек!

Нильсон смотрел на нее сверху вниз.

— Это не шутка и не комплимент, Мэри, — сказал он. — Мы и в самом деле с тобой ровесники. Родились в один и тот же день две тысячи сто тридцать восьмого года...

— Близнецы, разлученные в детстве, — не принимая его тона, отозвалась Мария. — я где-то читала об этом... Ты полвека провел в анабиозе?

— Нет. я был мертв шестьдесят три года.

Мария воззрилась на него, запрокинув голову.

— Это уже совсем не смешно, Том, — сказала она. — Конечно, в наш просвещенный век подобными историями никого не пугаешь, но как-то, знаешь ли, неуютно делается...

Нильсон отвернулся от нее, стал смотреть на лунную дорожку.

— Я тебя не пугаю, — проговорил он глухо. — До двадцати семи лет я жил, как обыкновенный землянин.

Правда, я не знал своих родителей. Мне сказали, что они погибли до моего рождения...

— И мои... — эхом отозвалась Мария.

— Я работал на Горгоне главным смотрителем тамошнего заповедника, когда прилетели эти двое, — продолжал Нильсон, опускаясь рядом с ней. — Они представились сотрудниками КОМКОНа. Это были чертовски приятные и дьявольски обходительные люди. Они поведали мне тайну моего рождения. Оказывается, если я и был посмертным ребенком, то мои настоящие родители умерли сорок пять тысяч лет назад. Оплодотворенную же яйцеклетку, из которой впоследствии появился ваш покорный слуга, некая сверхцивилизованная раса поместила в специальный саркофаг-инкубатор, который и был благополучно обнаружен в две тысячи сто тридцать седьмом экспедицией Бориса Фокина на безымянной планете в системе ЕН 9173.

Мария придвинулась к нему, прижалась щекой к его плечу, пробормотала:

— Фантастика... А что было дальше?

— Дальше? Дальше произошло самопроизвольное деление яйцеклеток, и мы родились.

— Мы?!

— Я, семь моих братьев и пять сестер...

— С ума сойти...

— Но дьявольски обходительные люди из КОМКОНа ничего не сказали мне о братьях и сестрах. О них я узнал уже позже, когда... Когда воскрес.

— Ты опять!

— Не перебивай... Раскрыв тайну моей, казалось бы, заурядной личности, комконовцы призвали меня помочь им. Помощь заключалась в ежедневном самонаблюдении, в самообследовании же индикатором эмоций и в написании отчетов, которые я был обязан ежедневно переправлять в КОМКОН. Предлагалось также глубокое ментоскопирование, от которого я решительно отказался. И вот начался эксперимент. я выдержал ров-

но сто двадцать семь дней, постепенно сходя с ума от неутомимо терзающей меня мысли, что я чужак, представляющий неведомую опасность для всего, что знаю и люблю. А на сто двадцать восьмой день я взял карабин, ушел подальше в лес и... И больше из него не вернулся. Точнее — вернулся, но шестьдесят три года спустя.

В порыве сострадания, Мария обняла его, приговаривая:

— Какой кошмар... Бедный Томас...

— И я не один такой, Мэри, — сказал он. — Не забывай, что есть еще двенадцать. Семеро мужчин и пятеро женщин. И одна из них — ты!

Мария вскочила.

— Это ведь шутка, Томас?! — почти выкрикнула она. — Это опять твоя дурацкая шутка!

№ 05 «Кельтский крест»

В двенадцать тридцать по планетарному времени на пульте аварийной службы заповедника Тысяча Болот сработала сигнализация. Дежурный сдернул ноги с журнального столика — свежие номера «Человека Космического» пестрым водопадом обрушились на пол — подскочил к пульта. Бездушные приборы бодро известили сонного аварийщика, что тревога не ложная. В районе Драконовой поймы совершил вынужденную посадку глайдер типа «Кондор», автоматика которого не преминула возвестить об этом на весь честной эфир.

Шепотом проклиная всю автоматику на свете, дежурный нажал на тревожную кнопку. В коттеджах аварийщиков включилась система побудки. Дежурный хорошо знал, что это такое. Он невольно поежился, вспоминая вкрадчиво-беспощадную панику, которую рождает в подсознании спящего аварийщика эта система.

★ — «Уйду, — в который раз подумал дежурный. — Не моё это...»

Он не успел додумать эту, уже вполне привычную мысль, как вдруг входная дверь бесшумно скользнула в сторону, и в расположении центрального аварийного поста появился сам глава АС планеты Яйла Герман Рашке. При виде начальства сонливость мигом слетела с дежурного. Он вытянулся в струнку, доложил:

— Дежурный Панкратов! Три минуты назад получено сообщение о вынужденной посадке в Драконовой пойме. Поднял по тревоге аварийную группу.

Рашке окинул орлиным взором пульт и проговорил:

— Все верно, Панкратов... Продолжайте дежурство!

— Есть!

В присутствии командира дежурный не рискнул вернуться в уютное кресло рядом с журнальным столиком, а опустился на жесткий вертячий табурет у пульта.

— И кстати, попытайтесь все-таки выйти на связь с... потерпевшим, — негромко добавил глава АС.

Кляня себя за нерасторопность, Панкратов немедленно вцепился в кремальеры настройки. Он почти сразу нащупал частоту, на которой автомат «Кондора» подавал свои позывные. Одним касанием к сенсорной панели подключился в динамику оповещения на борту глайдера.

— Внимание! — преувеличенно громко заговорил Панкратов. — Говорит дежурный центрального поста аварийной службы. Сообщите, требуется ли вам медицинская помощь?

В динамиках затрещало, как будто пассажир глайдера пользовался допотопной радиосвязью, и звучный баритон произнес:

— Со мною все в порядке, дежурный... Не беспокойтесь!

— Оставайтесь на месте! — велел Панкратов. — Аварийная группа прибудет к вам... — он покосился на ци-

ферблат универсальных часов, — через тринадцать минут.

— Нет нужды, — отозвался «потерпевший». — Моя птичка просто проголодалась... Сейчас найду ей подходящий корм и продолжу путь...

Глава АС решительно шагнул к пульту. Рывкнул:

— Не вздумайте взлетать! Над Драконовой поймой зона пониженного давления... Вы рискуете со своей птичкой вляпаться в тайфун!

— Э-э, простите, с кем имею честь? — поинтересовался баритон.

— Говорит Герман Рашке, начальник аварийной службы планета Яйла, — отрекомендовался глава АС. — Не покидайте кабины. Дождитесь аварийную группу.

— Так и сделаю, герр Рашке, — сказал «потерпевший». — При условии, что вы лично прилетите за мною.

— Вот нахал! — простецки восхитился Панкратов.

— Хорошо, — согласился глава АС. — Кстати, вы не представились.

— Entschuldigen Sie mich, — пробормотал баритон. — Меня зовут Александр Дымок... У меня к вам важное дело, герр Рашке.

— Ждите, я скоро буду.

Рашке кивнул Панкратову, тот немедленно переключился на частоту аварийной группы.

— Говорит дежурный... «Мистраль», сообщите готовность!

— К старту готов! — отозвался пилот аварийного псевдограва класса «Мистраль».

— Стартуешь через минуту, Гога, — сказал Панкратов и пояснил: — Шеф летит с вами.

— Понял тебя! — откликнулся пилот.

— Спасибо, Вадим! — сказал Рашке и вышел из пультавой.

Безлунная ночь Яйлы встретила его завыванием ветра и колючей моросью, бьющей в лицо. Тайфун наби-

★ — рал силу, но городок аварийной службы оставался пока на периферии гигантского урагана. «Мистраль» сверкал габаритными огнями посреди посадочной площадки, словно именинный пирог. У открытого люка маялся аварийщик.

— Поторопитесь, шеф! — крикнул он.

Придерживая шляпу, пригибаясь под ветром, Рашке бросился к люку. Едва он оказался внутри комфортабельного салона с мягкой бежевого цвета мебелью и скрытыми лампами, излучающими сиреневый свет, псевдограв наискосок ринулся навстречу непогоде. Глава АС Яйлы плюхнулся в кресло, окинул колючим взором подчиненных.

Аварийщики в уютных куртках с множеством специальных карманов, с гнездами для баллонов, регуляторов, гасителей, воспламенителей и прочих предметов, необходимых для исправного несения аварийной службы, под взглядом начальства подобрались, перестали перебрасываться сомнительной свежести остротами, принялись что-то подтягивать и подкручивать в своей экипировке. Заметив их рвение, начальство погасило пламень во взоре, взяло с круглого, с приподнятыми закраинами столика карту района, где чья-то рука уже отметила район вынужденной посадки строптивного Александра Дымка.

«Скверное место, — подумал Рашке. — Драконовая пойма вообще скверное место, семь из десяти аварийных случаев на Яйле приходится на этот район, а сейчас еще и стихии разыгрались...»

Герман Рашке шестьдесят лет проработал аварийщиком, из них — сорок пять посвятил Яйле — планете на редкость дурного нрава. Он хорошо знал, что такое тайфун в стране Тысячи Болот. Свирепый ураган поднимает в примыкающем к болотам мелководном море огромные волны, которые захлестывают мангровые заросли, сметая все на своем пути. Мириады животных погибают в этой мясорубке, выживают лишь легендарные дра-

коны Яйлы. Наутро они выползают из донного ила и начинают многодневное пиршество.

Рашке не однажды приходилось быть свидетелем оно-го. Палящее солнце простреливает искореженные ураганом заросли навывлет, царит мертвая тишина, не считая мерного, почти механического хрупанья. Это драконы, словно ожившие танки, ползают среди мангров, пожирая все, что попадетсЯ: рубиновых угрей, двухордовых лягушек, перемалывая даже панцири многостворчатых моллюсков. Квазиживым глайдером драконы тоже не побрезгуют. И не посмотрят, что внутри его вполне живой человек.

Впрочем, все это будет в лучшем случае завтра. А сейчас даже драконы из всех сил вжимаются в обмелевшее болото, намертво вцепившись в илистое дно саблевидными когтями. Судя по показаниям метеоспутников, в Драконовой пойме пока затишье — «глаз бури», как говорили в старину, но через десять-пятнадцать минут тайфун сдвинется к северо-востоку и затишье сменится оглушительным ревом бешено мчащегося урагана.

«Ничего... обойдется, — думал Рашке. — Только бы этот Дымок не вздумал геройствовать... Не люблю героев... Да и на «Кондоре» ему не преодолеть стены глаза...»

— Шеф, мы на месте! — доложил пилот.

— Видите глайдер?

— Вижу! Он почти под нами.

— Начинаем операцию, — распорядился Рашке. — Костя, — обратился он к веснушчатому здоровяку. — Дай мне свою... э-э, штормовку, я пойду вниз. Останешься на подхвате.

— Есть, шеф, — буркнул Костя, с неохотой расстегивая куртку.

Шестеро аварийщиков во главе с Рашке десантировались в ночную тьму. В Драконовой пойме и впрямь стояла тишина — сквозь прореху в куполе циклона заглядывали звезды. Проектора «Мистралья» слепящими пятнами отражались в черном глянце болота. Чуть

поодаль, среди кустов, покрывающих небольшой остров, поблескивал корпус потерпевшего крушение «Кондора».

На блистере кабины сидел человек. Он был сосредоточен на том, что держал в руке. Его словно бы не интересовали ни буря, в любое мгновение готовая превратить это тихое болото в крошечный ад, ни дракон, который высунул из воды узкую морду и шумно втягивал крокодильими ноздрями влажный воздух, ни праздничная иллюминация аварийного псевдограва, ни сами аварийщики, бредущие по пояс в трясине.

Рашке показал своим ребятам на дракона, а сам двинулся к «потерпевшему». Александр Дымок поднял голову.

— А-а, это вы, герр Рашке! — как ни в чем не бывало воскликнул он. — Полюбуйтесь-ка на этого красавца! — Он протянул старейшему аварийщику Яйлы многостворчатого моллюска, раскрытого как цветок и сияющего голубой россыпью биолуминесцентных глазков на внутренней стороне щупалец. — В сущности, он напоминает нас с вами, герр Рашке...

— Чем же? — осведомился глава АС планеты, незаметно вынимая из кармана пистолет-инъектор.

— Мы также коротаем дни в панцире одиночества, — сказал Дымок, — но когда грянет буря, будем готовы раскрыться навстречу судьбе.

№ 6 «Руна Мадр»

— Удивительная планета, вы не находите? — осведомился у своего молчаливого спутника словоохотливый инженер-мелиоратор.

Они стояли на смотровой площадке космопорта, откуда и впрямь открывался роскошный вид на знаменитые Известковые Замки. В изумрудных зеркалах идеально круглых лагун отражались горчичного цвета башни, оранжевые арки, вознесенные на витых колоннах, ко-

фейные контрфорсы с ажурными аркбутанами: ни один Замок не походил на другой.

— Когда группа Крюгера высадилась здесь, — продолжал словоохотливый, — никому и в голову не приходило, что это искусственные сооружения. Сам Крюгер в своих отчетах сообщал о сухопутных кораллах. Да и как было поверить, что Замки — результат творческой деятельности гигантских неповоротливых моллюсков?

— Насколько я помню, — отозвался молчаливый спутник мелиоратора, — это не архитектурные сооружения, а философские концепции.

— На этой гипотезе настаивает Крюгер, — подхватил словоохотливый, — но Хаякава с ним не согласен. Нет, почтенный профессор Токийского университета не отрицает, что слизни Гарроты — глубокие мыслители, но он считает, что свои грандиозные интеллектуальные конструкторы они держат исключительно в голове...

— Скорее уж — в мантии, — уточнил его собеседник.

— Ах да, конечно... В особой мантийной полости...

Разговор увял. Пассажиры рейсовика Курорт — Гаррота — Венера спешили покинуть маленький космопорт. Удивительная планета со своей еще более удивительной цивилизацией ждала их. Туристы скапливались у многоместных пассажирских птерокаров. Командированные в распоряжение Исследовательского Центра специалисты попадали в дружественные руки встречающих коллег.

Инженер-мелиоратор наскоро попрощался со своим спутником и присоединился к своей туристической группе. Молчаливый вздохнул свободно. Он не принадлежал ни к одной из групп пассажиров. Он не был ни туристом, ни специалистом. Он прилетел на Гарроту не для того, чтобы восхищаться ее чудесами, но и не для того, чтобы эти чудеса изучать. У него была совершенно конкретная цель. И его должны были встретить.

— Простите! Не вы ли Томас Нильсон?

Он обернулся. Шатенка среднего роста, спортивного телосложения. Загорелая, в «тропическом обмундировании» сотрудника ИЦ Гарроты. Если бы не усталое выражение карих глаз, трудно было бы догадаться, что этой женщине за девяносто.

— Да, я Томас Нильсон, — сказал он. — А вы Викке Освальдовна?

Шатенка кокетливым жестом протянула гладкую коричневую руку.

— Ксенопсихолог Ужусенене, — представилась она. — Мне передали, что вы хотели меня видеть. Слушаю вас.

Нильсон с выражением беспомощности оглянулся.

— Простите меня, Викке Освальдовна, — пробормотал он. — Разговор у меня к вам долгий и серьезный... Не хотелось бы вот так... на солнцепеке...

Ужусенене ахнула, прижала ладони к щекам.

— Что же это я?! Хороша хозяйка... Пойдемте ко мне... я вас завтраком накормлю, за столом и побеседуем.

— К вам? — засомневался Нильсон. — Не знаю... удобно ли...

— Бойтесь меня скомпрометировать, молодой человек? Напрасно, я уже вышла из этого возраста... Идемте, идемте!

Она подхватила гостя под локоток и повлекла к эскалатору. Они спустились на служебный уровень космопорта, миновали глайдерную стоянку, направились к корпусам Исследовательского Центра. По пути им то и дело попадались разные знакомые Викке Освальдовны. О чем-то спрашивали, советовались насчет применения каких-то треллингов, сетовали на застой в шестнадцатом секторе и хвастали прорывом в секторе тридцать девятом. Казалось, что гость и хозяйка никогда не доберутся до жилища ксенопсихолога. Но вот они обошли кубические здания биолaborаторий, свернули на дорожку, которая вела к личным коттеджам сотрудников ИЦ.

Викке Освальдовна жила в домике, что стоял на берегу лагуны.

— Ступайте на веранду! — велела Ужусенене. — Там прохладно. я принесу вам чего-нибудь освежающего...

— Если вас не затруднит, джеймо, пожалуйста, — попросил Нильсон.

— Ни в малейшей степени, — откликнулась хозяйка.

Она исчезла в недрах коттеджа, а Нильсон поднялся на веранду, уселся в плетеное кресло и стал смотреть на Известковый Замок, охряной громадой возвышающийся на противоположном берегу.

Было прохладно и тихо, лишь ровный на пределе слышимости гул стоял в воздухе. Нильсон заметил радужное мерцание над лагуной, словно там танцевали мириады крохотных стрекоз. Вернулась Викке Освальдовна, поставила перед гостем бокал с джеймо и снова скрылась в доме. Нильсон взял бокал, пригубил. Вдруг гостю стало не по себе. Кто-то появился у него за спиной, медлительный, неуклюжий даже, но вместе с тем непередаваемо чуждый — не человек и не зверь. Нильсон услышал хруст ракушечной крошки, которой были посыпаны дорожки на территории ИЦ, и ощутил запах. Скорее приятный... Растительный... Так пахнут лесные ягоды.

Нильсон аккуратно поставил бокал на столик, выскользнул из кресла и повернулся лицом к неведомому.

Перед ним был гарротянин. Огромный, с корову величиной, сухопутный моллюск-мыслитель. Оставляя позади себя быстро подсыхающую полоску слизи, он приближался к веранде. Туловище его студенисто колыхалось, а на передней части, которую весьма условно можно было считать головой, поблескивал шлем-передатчик мыслительных волн.

— Не бойтесь, Томас, — сказала Ужусенене, появляясь на веранде с подносом, уставленным разнообразной снедью. — Это всего лишь Оскар. Здешний сапиенс.

★ Барух Спиноза и Фридрих Ницше в одном... Что у него там есть?

Гость принужденно рассмеялся.

— Не знаю, — пробормотал он. — я не знаток...

Оскар влился на ступеньки веранды, замер у столика, отрастил по обеим сторонам шлема пару усиков-антенн. Запах лесных ягод усилился.

Нильсон протянул к слизню-сапиенсу руку, спросил:

— Можно его погладить?

— Сколько угодно, — откликнулась хозяйка. — Все равно вы для него лишь плод его воображения.

Гость потрепал гарротянина по загривку, посмотрел на ладонь, она осталась сухой и чистой.

— Надо же... — пробормотал Нильсон, — я думал, он холодный и мокрый, а он... словно кота гладишь.

Оскар втянул антенны, протек между стойками перил, ограждающих веранду, плюхнулся на ракушечник и величаво удалился к лагуне.

— Вероятно, ему пришла в голову неожиданная мысль, — сказала Ужусенене, — и он поплыл ее материализовывать...

— Каким же образом? — поинтересовался гость, возвращаясь к столу.

— Видите ли, — произнесла хозяйка академическим тоном, — слизи генерируют чрезвычайно мощное биополе, с его помощью они способны управлять любыми живыми существами...

— Неужто и людьми?!

Викке Освальдовна кивнула.

— И людьми... Но людей они не считают реально существующими, следовательно, всю человеческую деятельность на Гарроте, включая нашу с вами беседу, абorigены полагают капризами своей фантазии. Поэтому чаще всего гарротяне управляют полипами, которые доставляют им микроводоросли, то есть основную пищу слизней, ну и воздвигают эти вот философские замки из собственных известковых скелетов...

— Но ведь Хаякава отрицает взаимосвязь между этими сооружениями и интеллектуальными конструктами гарротян...

Ужусенене посмотрела на него с веселым изумлением.

— А говорите, не знаток, — сказала она. — Хаякава никогда не был на Гарроте, его собственные мысленные построения гораздо более абстрактны, чем Замок моего Оскара... Впрочем, я заболталась... Давайте наконец завтракать.

Слизень, которого эти странные позвоночные именовали Оскаром, выбрался на берег, с легкостью преодолел эскарп, вполз во внутренний двор своего Замка. Он полюбовался аксиологическими нервюрами, терпеливо возводимыми бесчисленными поколениями рабочих полипов, и вновь обратил свой внутренний взор на двух немоллюсков, скорчившихся над грибовидным наростом. «Оскару» показалось забавным нарушить их мирную трапезу.

Пожалуй, не помешает разыграть небольшой психологический этюд, подумал он. Допустим, выясняется, что они не те, кем кажутся...

№ 07 «Сандзю»

Горячий густой воздух, пропитанный запахами раздавленной зелени, ржавчины и смерти. Низкое и твердое фосфоресцирующее небо. Светлая безлунная ночь, словно заставленная пыльными декорациями. Все это он помнил. Здесь он провел дни практикантской юности и годы профессиональной зрелости. Отсюда бежал, гонимый обидой и яростью, жаждой справедливости и желанием узнать о себе правду. Любую, какая ни есть...

Это было давно, так давно, что уже не имело значения, да — и не с ним, в общем.

Не дожидаясь, когда выползет трап, он соскочил в ключую ломкую траву. Пружинящим шагом обошел ко-

рабль. Тишина и покой. Ни одна смертоносная железка не шелохнулась в кустах. Сдохли все железки.

В траве притихли пичуги. Зверье затаилось. Всех их напугал корабль, с душераздирающим кошачьим мявом материализовавшийся на поляне, прямо напротив опутанной повиликой бетонной глыбы. А может быть, напугал лесных обитателей вовсе не корабль, а он — видящий в темноте, ощущающий биение самого крохотного сердца?

Неподалеку текла большая река. Все еще загроможденная ржавым железом, она сбегала с восточного склона гигантской котловины и поднималась по западному. Он спустился к воде, присел на корточки, зачерпнул широкой ладонью, медленно вылил обратно. Вода фонила. Видимо, где-то грунтовые воды размывали склад радиоактивных материалов. Что ж, удивляться не приходится. На проклятой этой планете не изменилось ничего. Несмотря на возню тех, кто вот уже почти сотню лет пытается сделать эту клоаку хоть немного чище. Смешно вспомнить, но ведь когда-то он был одним из них!

Он выпрямился, оглянулся на корабль. Маленький звездолет класса «турист» уже слился с окружающим пейзажем. Сработали маскировочные механизмы. Теперь постороннему глазу ни за что не отличить это чудо инопланетной техники от причудливого остова какой-нибудь здешней безжизненной машинерии. Можно было не опасаться, что из зарослей высунется ходячее чучело в клетчатом комбинезоне и вклепит в борт заряд гранатомета.

Потерять корабль не хотелось. И не потому, что он боялся здесь застрять. Не юнец все-таки, знает, куда пойти и к кому обратиться за помощью, но у него другие планы, требующие полной автономии. Впрочем, спроси его сейчас: какие именно? Не сумеет ответить. Не было у него слов, которыми он мог бы сформулировать свои намерения, — только смутно осознаваемая цель и четкий алгоритм действий. Как у автомата с программой

полного цикла. По завершении которой полагается самоликвидироваться. Точнее — в завершение.

Все — пора!

Он вытер ладонь о скользкую ткань стандартного туристического комбинезона, плавными прыжками понесся вдоль берега. На запад. Вверх по склону котловины, которая на самом деле была равниной. Через полчаса он выбежал на древнее, в рывтинах, залитых ржавой водой, бетонное шоссе. Прибавил ходу, перепрыгивая через гнилые стволы поваленных деревьев, огибая железные чудища, застрявшие на перекрестках, не обращая внимания на желтоватые огоньки, тлеющие в окнах ветхих придорожных строений. Все равно, живущие в них человекоподобные существа не могли разглядеть его. Для них он был только вихрем в затхлом горячем воздухе летней безветренной ночи.

К исходу ночи он достиг города, смрадного скопления лачуг, дымящих труб и kloкочущих дрянными движениями транспортных машин, но не стал углубляться в его улицы. То, что он искал, находилось ниже города. В искусственных пещерах, некогда красивых подземных станций, в длинных тоннелях, где сгрудившиеся составы намертво прикипели к рельсам. Здесь, в бывшем метрополитене, обитала вторая разумная раса этой несчастной планеты. Когда-то он очень ею интересовался, бредил контактом с мыслящими киноидами, искал пути к взаимопониманию. Теперь же ему был нужен только один «псина-сапиенс».

Старый друг...

Предатель...

Вентиляционная шахта почти вся забита мусором и палой листвой, но гнилой ветерок, потягивающий из черных ее глубин, свидетельствовал, что проход есть. Прыжок, приземление на мягкую прелую кучу и быстрое скольжение вниз на спине. Скольжение в крошечной тьме. Полусогнутые ноги с размаху ударяются обо что-то твердое. Инерция бросает его вперед. Он успе-

вайт сгруппироваться, перекатиться через голову и оказаться на ногах на мгновение раньше, чем могучие челюсти смыкаются у него на горле.

Разочарованный промахом голован отскочил к стене, издевательски загукал, пружинисто приседая на могучих лапах.

— О лохматые деревья, тысячехвостые, затаившие скорбные мысли свои в пушистых и теплых стволах! — нарочито громко произнес пришелец. — Тысячи тысяч хвостов у вас и ни одной головы!

Голован в ответ разразился длинной серией щелчков. Ему ответили из тьмы тоннеля справа и слева. Подземные жители, умеющие покорять и убивать силою своего духа, возникали из глубины заброшенного метрополитена бесшумно, как призраки — пришелец отчетливо видел их и слышал биение их сердец. Как никто знал он, насколько они опасны, но ему не составило бы труда справиться с ними всеми.

Голованы окружили незваного гостя плотным кольцом, которое расступилось лишь для того, чтобы пропустить седого как лунь, матерого своего собрата. Стараясь сохранять достоинство, хотя лапы его тряслись и подгибались от старости, патриарх приблизился к пришельцу, по-собачьи уселся, воздев лобастую голову.

— Ты пришел, — произнес голован по-русски. В его устах это прозвучало как нечто среднее между вопросом и утверждением.

— Да, Щекн-Итрч, — отозвался пришелец.

— Зачем? Льву Абалкину больше нет дела до народа Голованов.

— Я не Лев Абалкин. Лев Абалкин убит людьми.

— Ты — не человек, — то ли констатировал, то ли просто согласился голован Щекн-Итрч. — Народу Голованов больше нет дела до народа Земли. Народ Земли не вмешивается в дела народа Голованов. Народ Голованов не вмешивается в дела народа Земли. Так было, так есть и так будет.

— Я пришел говорить не о делах народа Земли, — так же монотонно проговорил пришелец. — я пришел говорить не о делах народа Голованов. я пришел говорить с тобой, Щекн-Итрч.

Патриарх чуть повернул облезлую от старости морду, несколько раз щелкнул редкозубыми челюстями. Остальные голованы как один снялись с места и канули в безвидности тоннеля.

— Говори! — потребовал Щекн.

— Меня интересует лишь одно, Щекн-Итрч, — сказал пришелец. — Что заставило тебя предать своего друга и учителя Льва Абалкина?

Голован помотал массивной головой.

— Я не предавал Льва Абалкина, — отозвался он. — Лев Абалкин умер раньше, чем был убит людьми. На реке Телон я говорил не с Львом Абалкиным. я говорил — с тобой.

Пришелец усмехнулся. В рассеянном мерцании опалесцирующей плесени на стенах блеснули его ровные белые зубы.

— Ты ошибаешься, киноид, — сказал он. — На реке Телон с тобой говорил Лев Абалкин. Ты предал своего друга и учителя, Щекн-Итрч, но я пришел не за тем, чтобы укорять тебя. я пришел, чтобы сообщить добрую весть. Прежде чем у зачатых в эту ночь Голованов отпадут перепонки между пальцами, народ Земли навсегда покинет Вселенную. Никто больше не помешает твоему племени занять подобающее ему место.

Старый боевой конь при звуках трубы...

До сих пор вздрагиваю, вспоминая о том летнем вечере.

Я лежал брюхом кверху у себя на дачной веранде и в который раз перечитывал «Пять биографий века». Шустрые киберы подстригали газон. Пахло свежеполи-

★ той травой. Мягко светило закатное солнце. На горизонте тянулись ввысь громады тысячеэтажников Свердловска, но мысленно я видел совсем иную картину: ночное беззвездное небо, зеленый ломтик луны, черную стену леса и темные узкие вдавлины на белом прибрежном песке.

Маргариту Логовенко долго и тщательно искали. Даниил Александрович лично летал на Пандору, принимал участие в прочесывании джунглей. Историю таинственного исчезновения его супруги П. Сорока и Э. Браун завершают обнаружением на берегу горячего озера защитного комбинезона, аккуратно сложенного возле егерских ботинок, карабина с патронташем, да еще — цепочки узких следов, уходящих в накрытое шапкой тумана озеро. При этом они объясняют случившееся с Ритой Сергеевной, как ее называли на Белых Скалах, банальным несчастным случаем. Дескать, решила искупаться и утонула. А то, что не было найдено тело, так на Пандоре, густо населенной самыми разнообразными падальщиками, никогда не находят никаких тел. Логика уважаемых исследователей практически безупречна. Рита Сергеевна проводила немало времени на лесной биостанции, изучая местную флору и фауну. И нередко совершала одиночные вылазки. Не удивительно, что и в тот роковой день она, никому ничего не сказав, в одиночку отправилась в джунгли и не вернулась. Однако обычно дотошные в деталях сотрудники группы «Людены» напрочь проигнорировали одно немаловажное обстоятельство.

На берегу горячего озера были обнаружены следы не только Риты Сергеевны, но и множество других отпечатков босых женских ног, по всей видимости, принадлежащих аборигенкам. Складывалось впечатление, что Рита Сергеевна попросту разделась и ушла в озеро. Утонула? А может, превратилась в русалку? Вопрос далеко не праздный, но П. Сорока и Э. Браун не утруждали себя сколь-нибудь серьезным его рассмотрением, при-

дя к довольно поверхностному выводу, что именно трагическая гибель жены подтолкнула Даниила Александровича Логовенко к тому, что много лет спустя назовут Большим Откровением.

Я не присутствовал, но очень хорошо все это себе представляю. База аварийщиков в Стране-Оз-на-Пандоре. Оперативная диспетчерская. Несчастные глаза совсем еще зеленого Базиля Неверова. И обычно румяное — кровь с молоком — а в то мгновение такое потерянное лицо Дани Логовенко, которому только что сообщили, что надежды больше нет и поиски ввиду их абсолютной бесперспективности прекращены.

В моей коллекции нет записи об этом происшествии, хотя ему самое место среди других легенд Пандоры, которые бывалые старожилы-охотники, понизив голос до степени таинственной многозначительности, рассказывают вновь прибывшим за стаканом доброго местного «альмондино». Но все, что связано с именами дорогих мне людей, не повод для отстраненного любопытства. И без того стоит дать слабинку, как злобные псы воспоминаний норовят вцепиться в мою старческую душу, и на глаза наворачиваются невольные слезы.

Присущая всем старикам способность с легкостью переходить из состояния «грежу наяву» к состоянию «грежу во сне» сыграла со мною недобрую шутку. В какой-то момент я осознал, что вижу некий расплывчатый силуэт, показавшийся на опушке недалекого леса. Завиток тумана, решил я. Короткое уральское лето было уже на исходе. Вечерами заметно холодало, и ночные туманы все чаще поднимались с реки. Однако в этом завитке было что-то неправильное. Он походил на маленький дымный смерч, стремительно пересекающий набухшую росой поляну.

Признаться, у меня екнуло где-то под сердцем. Поймите меня, одно дело коллекционировать аномальные явления, другое — сталкиваться с ними нос к носу. Совершенно некстати я подумал о белой фигуре, вещав-

шей от имени сообщества Странников на планете Тисса. Только потусторонних посланцев мне не хватало! Ведь я уже давно не властен организовать производство святой воды в промышленных масштабах...

Моему коту Калямю, до того мирно дремавшему у меня на коленях, видимо, передалась моя тревога. Он вопросительно муркнул. А когда я вскочил из шезлонга, несчастный котяра брякнулся об пол и заблажил обиженно, но мне стало не до него, я не мог оторвать взгляд от призрачной фигуры, чьи очертания становились все отчетливей.

Солнце зашло, и сумерки воцарились в окрестностях дачного поселка. Черные птицы бесшумно вспорхнули над поляной. Мирные вечерние голоса соседей утонули в сгущавшейся тишине. От реки тянуло сыростью, и я невольно поежился. Белая фигура приближалась. Теперь я видел, что это женщина. Она плыла, почти не касаясь босыми ногами росистой травы, но серебристый след все равно стлался за нею. К немалому своему смущению, я сообразил, что женщина совершенно нагая. Первым моим порывом было сорвать купальный халат, забытый на перилах веранды, и накинуть на эти белоснежные, почти хрустальной прозрачности плечи, но я будто окаменел.

Таинственная незнакомка легко взбежала по ступенькам крыльца, откинула с лица волну черных с прозеленью волос и дерзко посмотрела мне в лицо.

Глаза у нее были белыми, как у вареной рыбы.

Я невольно отшатнулся.

— Рита, ты?

— Да, Максик, это я, — отозвалась она глухим голосом, от которого меня пробрала дрожь.

— Постой... но как ты здесь оказалась? Прошло столько лет и...

— Вы меня не нашли, — проговорила она, словно сдерживая стон. — А мне было так одиноко и холодно, Максик... Эти озера только сверху горячие, а у самого

дна они ледяные... Тьма и холод. И тяжесть. Посмотри, Максик, как измочалило мою грудь...

Рита Сергеевна шагнула вперед, разводя руки, будто собиралась заключить меня в объятия. И я увидел отвратительные зеленые пятна на ее белой, как алебастр, груди.

— Подожди, Рита, — пробормотал я, не в силах отвести глаз от этих пятен. — я сейчас вызову «Скорую»... Это так здорово, что ты вернулась... Тебе помогут, обязательно помогут...

Она хрипло рассмеялась.

— А кто поможет тебе, Максик?! — шепеляво осведомилась она. — А хочешь — я?!

— Ты? — удивился я. — Чем же?

Мне показалось, что ирония в разговоре с призраком спасительна для рассудка.

— Ты уже стар, Максик, — продолжала она. — А ведь был таким красавцем. Все киевские дивчины были от тебя без ума... Даже — я.

— Ошибаетесь, госпожа русалка, — произнес я со всем доступным мне сарказмом. — Мы с вами не были знакомы.

— Это ничего, — отозвалась русалка и одним неуклюжим движением приблизилась ко мне вплотную. — Вот и познакомимся... поближе...

Она облизнула синюшные губы разбухшим языком. На меня дохнуло горячим запахом пандорианских озер — щами пополам с тиной. я отстранился, но поздно, белые русалочьи руки... нет — жесткие озерные водоросли оплели меня, не давая вздохнуть. я схватил исчадие ада за плечи, чтобы неделикатно отпихнуть. Панически орал Калям.

— Иди ко мне, милый, — шипела русалка. — Согрей меня... И ты будешь жить вечечно...

Силы покидали меня, я задыхался.

И вдруг резкий видеофонный звонок разбил кладбищенскую тишину.

Русалка, утратившая всякое сходство с Ритой Сергеевной, вздрогнула, отпрыгнула, заколыхалась, как студень, и обрушилась на пол водопадом холодной озерной воды...

Звонок продолжал наяривать. Не разлепляя век, я наугад ткнул в клавишу соединения.

— Здравствуй, Максим!

Сухой, надтреснутый, не побоюсь этого слова — старческий голос окончательно вернул меня из туманных пропастей кошмара к солнечной действительности летнего утра.

— Приветствую тебя, Корней, — пробормотал я. — Как говорится, сколько лет, сколько зим...

— Максим, звоню тебе, потому что, полагаю, только ты сможешь честно ответить мне на один вопрос.

— Слушаю тебя.

— Ты, конечно, тоже посвящен в тайну моей личности. Только не говори, что ты, бывший сотрудник КОМКОНа-2, ничего не знаешь.

Вот те раз...

— Да, Корней, я знаю о тайне твоей личности.

— Тогда я задам тебе этот вопрос... — Он помолчал, видимо, собираясь с духом. — я был единственным «найденным» или есть и другие? И если есть, то где они сейчас?

— С чего это тебя вдруг стали посещать такие мысли? В столь почтенном возрасте! Конечно, ты был один, — бодро солгал я.

— Уж и не знаю, кому верить, — произнес Корней загадочную фразу.

— Что-нибудь случилось, Корней?

— Слушай, Максим, — сказал он, игнорируя мой вопрос. — Вам с Сикорски не приходила в голову такая, не слишком сложная мысль, что нет и не было никогда никаких Странников?.. А есть и пребудет вовеки великий закон неубывания энтропии. Закон, препятствующий превращению человечества в сверхцивилизацию...

Я не успел ничего ответить. Яшмаа прервал контакт.

Так, подумал я. С чего это ему понадобилось в такую рань тревожить тень покойного Сикорски? И с какой стати нашего подкидыша-союзника стали интересовать «другие»?

В воздухе явственно запахло серой, но я в тот момент ничего не почувствовал.

К 228 году девятеро из «подкидышей» все еще жили за пределами Земли, ничего не зная о других «близнецах». Все уже были в солидном возрасте (под 90 лет), но оставались здоровы духом и крепки телом. Корней Яшмаа (№ 11, значок «Эльбрус»), например, постоянно проживал у себя на вилле «Лагерь Яна» в приволжской степи, неподалеку от Антонова. Бывший прогрессор посвятил себя написанию истории Гиганды.

Мне же все время не давала покоя одна мысль. Ведь кто-то же подбросил человечеству эти эмбрионы? Хотя подбросил — слишком громко сказано. Вероятность обнаружить саркофаг-инкубатор в беспредельном Космосе на безымянной планете в системе ЕН 9173 была ничтожно мала. И тем не менее он был обнаружен.

Долгое время я размышлял над трагической судьбой Льва Абалкина и Рудольфа Сикорски, хотя с того страшного дня прошло уже более полувека. Время от времени я спрашивал себя: а может, прав был покойный Сикорски, спустив тогда курок? Сейчас многие уже подзабыли об этой истории и, видимо, мало кто помнит, что загадочное и необъяснимое исчезновение тела Льва Абалкина из закрытого, герметичного помещения криохранилища, куда имели доступ лишь сам Экселенц, Ковов и тогдашний президент сектора «Урал — Север» Атос-Сидоров, подтвердило самые худшие опасения.

Все службы КОМКОНа-2 были приведены в состояние «боевой готовности» по программе «Зеркало» (глобальные строго засекреченные маневры по отражению возможной агрессии извне). Все ждали неминуемого вторжения Странников. Но шли годы, ничего особенно-

го не происходило, и вся эта история постепенно сошла на нет. Но ни тогда, ни сейчас у меня в голове не укладывалось: зачем сверхцивилизации вообще были нужны такие «сложности»? Хранить эмбрионы кроманьонцев десятки тысяч лет только для того, чтобы подбросить их человечеству. А затем путем запуска некой вельзевуловой программы превратить прекрасных людей в «зомби», которые, сметая все на своем пути, будут пытаться воссоединиться с «детонаторами»? Было во всем этом не только нечто страшное и жестокое, но и бессмысленное.

Иногда я очень хорошо понимаю Сикорски.

И самый главный вопрос, мучивший меня все эти годы: а что бы произошло в случае воссоединения «подкидыша» с «детонатором»? Если это действительно детонатор... На этот вопрос не было ответа ни у кого. Но потенциальная возможность подобного развития событий все еще не исключалась. Десять «подкидышей» жили и здравствовали, а «детонаторы» все еще лежали в Музее Внеземных Культур. Кроме того, мы до сих пор не знаем, что же стало с населением планеты Надежды, выведенным через нуль-порталы в неизвестном направлении. А то, что мы знаем, отнюдь не внушает оптимизма. Время показало, что опасения оказались не напрасными. Почти полвека я нес тяжесть этой тайны на своих плечах, и только трагические события августа 230 года освободили меня от нее.

Сейчас, когда история «подкидышей» перестала быть секретом и после известных событий превратилась в достояние широкой общественности, можно уже сделать вполне определенные выводы:

Мы приняли люденов за Странников, вернее, мы приписали качества люденов Странникам, но мы ошиблись. Незаметно произошла некая подмена понятий. Людены — это не Странники. А Странники — это не людены. Людены — это порождение нашей собственной цивилизации, и Странники тут ни при чем. О люденах мы

знаем достаточно много. Что на самом деле стояло за мифом о Странниках, мы не узнаем, пожалуй, никогда.

Тем не менее до этих событий спецотдел КОМКОНа-1 продолжал наблюдение за «подкидышами». Работа эта была довольно рутинная. «Подкидыши» ничем особенным себя не проявляли. Жили, работали как все нормальные люди. Следует лишь отметить тот факт, что все они довольно равнодушно отнеслись к Большому Откровению, и вообще, похоже, все это прошло как-то мимо них. Что тоже было довольно странно.

Я отложил книгу и не слишком вежливо спихнул на пол Каляма, разнежившегося на моих коленях. Нарастающее беспокойство снедало меня.

— Не сердись, Калямущка, — пробормотал я в ответ на его жалобное мяуканье. — Мне нужно отлучиться. Ненадолго...

Калям понимающе зыркнул на меня чудными своими глазами и принялся вылизывать антрацитовую шерстку. Мир был восстановлен.

Я велел домашнему киберу вовремя покормить кота и побрел переодеваться.

По старой комконовской привычке свой глайдер я держал на открытом месте, чтобы он непрерывно подзаряжался. Машина у меня старая, проверенная временем, стартует мягко, мгновенно набирает скорость. Конечно, сегодня она смотрится забавным анахронизмом вроде флаера Бадера, который я видел во время нашей последней встречи. Правда, у моего глайдера нет этих дурацких шишечек на корме и уродливых щелей визиров. Все равно в большинстве своем нынешние землежители предпочитают величественные псевдогравы и главным образом потому, что на них можно сколько угодно навешивать разнообразные «рюшечки» и «примочки». И что характерно, ходовые качества псевдогравов при этом не снижаются! Глайдеры в этом смысле гораздо более капризные машины, но в моем возрасте не изменяют старым привязанностям.

Сверкая мятыми боками, обгоняя ленивые облачные стада, моя машинка мигом домчала меня до окраин Свердловска, утопающих в весенней зелени. Над ней возвышались новые небоскребы, которые представляли собой квазиживые организмы — достижение эмбриомеханики начала XXIII века. Небоскребы эти умели расти, образовывать по заданной программе новые жилые помещения и целые комплексы и убирать ненужные. Жизненные процессы в них напоминали процессы, протекающие внутри деревьев. Небоскребы поглощали все виды энергии из окружающей среды, очищали атмосферу от пыли и загрязнений, насыщая ее кристально чистым воздухом.

Я оставил далеко позади эти архитектурные шедевры и мчал и мчал дальше, приближаясь к центральной части мировой столицы. Слева поднимался золотистый от утреннего солнца ячеистый купол Форума, чуть поодаль справа двумя огромными белыми крыльями устремлялось ввысь здание Управления Космофлота, рядом, на площади Звезды, был виден светло-серый куб Музея Внеземных Культур, а еще дальше — составленное из сверкающих параллелепипедов, увенчанное полусферами с козырьками посадочных площадок, здание КОМКОНа-1. «Империя» Геннадия Комова.

Вестибюль встретил меня сумеречной прохладой. Приглушенно светились потолочные панели, в нишах с бюстами героев минувших столетий пестрели живые цветы. Пол мягко пружинил под ногами. Я двинулся вдоль ряда бюстов, кивая им словно живым. Многих из этих людей я знал лично. Глубоко уважал всех. Некоторых — любил... Юрковский, Крутиков, Дауге, Быков, Сикорски, Бадер, Горбовский, Сидоров — не люди даже — эпоха! И какая эпоха! В какие бы дали ни устремлялось человечество в будущем, никогда ему не достичь уже ТАКОГО размаха и не выдвинуть из своих рядов ТАКИХ людей.

Впрочем, наверное, это старческое брюзжание...

Занятый этими элегическими размышлениями, я не сразу обратил внимание, что в Большом КОМКОНе пуштовато. Признаться, я не был здесь с момента моей отставки. Если мне не изменяет память, в том, далеком уже 205-м, в «империи Комова» кипела жизнь. Огромные информационные дисплеи непрерывно выбрасывали колонки оперативной информации, то и дело опускались и поднимались кабинки лифтов в прозрачных стволах, диспетчеры объявляли по громкой связи о начале совещаний. В кафетериях лились рекою безалкогольные напитки и полыхали жаркие споры. Униформа, легкомысленные наряды, диковинные хламиды. Прогрессоры, контактеры, инопланетяне. Куда всё подевалось?

Разумеется, совсем уж безлюдной «империю Комова» и сейчас не назовешь. То и дело попадались стайки молодых людей в незнакомой форме, сосредоточенно снующих между отделами. В кафетерии на первом этаже я заметил парочку семи-гуманоидов из системы Сириуса В. Облепив высокие бокалы пластинчатыми пальцами, инопланетяне цедили через соломинки зеленоватую жидкость, увенчанную шапкой желтой пены, и подслеповато щурились на экран К-визора, где демонстрировалась какая-то мультяшка. В распахнутом проеме, который вел в отдел технического обеспечения, я увидел четверку молодцев, занятых делом. Техники сидели на корточках у развороченного нутра некоего эмбриомеханизма и тыкали в него молекулярными паяльниками. Эмбриомеханизм вздрагивал.

М-да, не густо для организации, занятой штурмом Галактики...

Всякий, кто впервые попадал в левое крыло здания Большого КОМКОНа, нередко в недоумении замирал у таблички с лаконичной аббревиатурой ГСП. Ведь каждый образованный в области космической истории человек знал, что Группа Свободного Поиска сформирована много лет назад. Слишком много было

бессмысленных жертв и совершенных гээспэшниками необратимых поступков. В конце концов Мировой Совет принял решение отказаться от одиночных разведывательных экспедиций в пользу флотилий. Нашлись, правда, остроумцы, утверждающие, что человечество даже в этом следует по стопам Странников, которые, как известно, предпочитали бороздить галактические просторы целыми армадами. Как бы там ни было, отдел в левом крыле архитектурного колосса в центре Свердловска не имел никакого отношения к приснопамятной Группе Свободного Поиска. Теперь эта аббревиатура обозначала группу слежения за «подкидышами» — все, что осталось от некогда многочисленного КОМКОНа-2. Печальная тень Рудольфа Сикорски еще витала над этими коридорами, но ни один постоянный сотрудник новой ГСП не принимал непосредственного участия даже в событиях 199 года, не говоря уже о легендарной эпохе правления Экселенца. я числился консультантом группы слежения, но должность сия была чистой воды си-некурой.

Я шел по коридорам ГСП, величественно кивал на приветствия молодых, совершенно не знакомых мне сотрудников, отмечая опытным глазом их сосредоточенность и деловитость. Атмосфера мне нравилась. Она напоминала о годах моей собственной службы в КОМКОНе-2 и вызывала легкую ностальгию. я остановился возле двери с замысловатым иероглифом из нержавеющей стали. Для непосвященного сия скрижаль не значила ничего, но мне-то было известно, что за нею находится кабинет начальника группы Андрея Григорьевича Серосовина, которого подчиненные даже в глаза называли Андрюшей. Это мне всегда казалось странным, может быть, потому, что я не мог бы даже в страшном сне назвать Экселенца Руди и не представлял, как Тойво, в мою бытность начальником отдела ЧП, обращается ко мне «Максик». Но в нынешние времена все стало по-другому. Человечество, лишенное эволюционной

перспективы, все больше погружалось в трясины утонченного благополучия. Игры, танцы, маскарады. Самодеятельное творчество. Пикники. Мимолетные влюбленности, кратковременные дружеские связи. Легкие, ни к чему не обязывающие отношения. Всеобщая фамильярность. Называть начальника Андрюшей и при этом задумчиво поправлять его замявшийся воротник — было в порядке вещей. Только к нам, старикам, руинам героической и прочих эпох, молодежь относилась с почтением, сплошь и рядом пронизанным иронией.

Я коснулся входной мембраны, и она меня пропустила. Серосовин-младший был один. И он работал. В кабинете оказалось активированным затемнение, поэтому картинка на голографическом экране нуль-связи была четкой и яркой.

Над хребтом Смелых восходила ноздреватая, как голова зеленого сыра, луна. В открытое окно опорного пункта влетал ветер, пошевеливая светлыми занавесками. Оперативный сотрудник был настроен благодушно. Появление на мониторе служебной нуль-связи встревоженной физиономии начальства неприятно диссонировало с романтической безмятежностью вечера. Поэтому первыми словами дежурного было:

— Что стряслось, Андрюша?!

— Спишь на посту, блаженный? — поинтересовалось начальство.

— Да ты что! — опешил «блаженный». — Да когда это было!

— Ты мне лучше ответь, Пирс, где твой ноль первый? Пирс бросил взгляд на монитор слежения.

— Вот дьявол!

— Где он?

— Сейчас проверю... Но клянусь тебе, полчаса назад он торчал у себя в «бусинке»...

— Не клянись, блаженный. Аппаратура врет.

— Не понял? — изумился Пирс. — Как это — врет?!

— Не знаю как... Не отвлекайся... Ну! Где он?

— Диспетчерская космодрома отвечает: два часа назад прошел регистрацию. Рейс «Пандора — Земля».

— Он летит на Землю?.. Очень мило... Ладно, запускаем процедуру номер ноль один.

— Что теперь будет, Андрюша?

— Не знаю, что будет. Надеюсь, ничего дурного. Ладно, до связи.

Экран погас, жалюзи на окнах свернулись. Утреннее солнце затопило спартанскую обстановку кабинета. Серосовин повернулся ко мне. Вскочил.

— Доброе утро, мэтр! Кофе не хотите?

— Здравствуй, Андрюша! — отозвался я. — Нет, кофе не хочу, спасибо. У нас что-то стряслось?

Он пожал плечами, придвинул мне кресло, а сам присел на краешек стола, заваленного кристаллозаписями, К-ридерами, блокнотами и прочими современными канцелярскими принадлежностями.

По словам Серосовина, все началось с рутинной процедуры архивирования данных видеорегистрации. Разумеется, никто и не думал подглядывать за «подкидышами». Никакая гипотетическая угроза человечеству не могла отменить Основного закона. Камеры видеорегистрации отмечали лишь физическое присутствие «подкидышей», которые вот уже много лет подряд не покидали насиженных мест. Раз в месяц начальник ГСП снимал показания камер и приступал к архивированию. Ничто не предвещало проблем. На исходе мая, в день очередной архивации, Андрюша отметил в показаниях камер ВР-01 и ВР-03 разночтения с данными других регистраторов. Судя по ним, подопечные Джон Гибсон, экзобиолог, место постоянного проживания планета Пандора, и главный планетолог планеты Ружена Ежи Янчевецкий снялись с насиженных мест и отбыли в неизвестном направлении.

В первые мгновения Серосовин не почувствовал ни малейшей тревоги. Ведь отсутствие «подкидыша» по контрольному адресу само по себе ничего не значило. Мало ли какая надобность может возникнуть пусть

у пожилого, но физически и душевно здорового человека? Даже старый запрет на проживание «подкидышей» на Земле давно уже утратил силу закона. В таких случаях в действие вступала специальная процедура. Перемещение «подкидыша» отслеживалось, в том числе и спутниковыми системами. А в особых случаях — оперативными сотрудниками ГСП.

Следуя намертво затверженной инструкции, Андрюша потянулся было к рабочему терминалу, дабы задействовать эту самую специальную процедуру, но рука его замерла на полпути. Он понял, что, собственно, было ненормальным в данной ситуации. Камеры видеорегистрации должны были не просто отметить длительное отсутствие подопечных по контрольному адресу, но и поднять тревогу. В случае с исчезновением Гибсона и Янчевецкого они этого не сделали!

К счастью, для таких тугодумов, как я, подумал Андрюша, инструкция разработана на все мыслимые и немыслимые случаи.

Прежде всего он связался с опорным пунктом ГСП на Пандоре. Свидетелем этого разговора я и был.

— Что ты намерен предпринять?

— Первое: задействовать спецпроцедуру в отношении объектов 01 и 03. Второе: усилить наблюдение за другими «подкидышами». Третье: заменить камеры видеорегистрации в местах постоянной дислокации всех объектов, — доложил Серосовин.

— Хороший план, — одобрил я и добавил: — Не переживай, Андрюша. Одномоментное желание двух наших подопечных покинуть насиженные места вполне укладывается в разряд случайных совпадений. Сбои в работе регистрационных камер тоже не дотягивают до ЧП. Поверь моему опыту, в нашей работе бывает и не такое. Соберись! Примкнуть багинеты! Или что там полагается примыкать?..

Изрыгнув эту банальность, я покровительственно похлопал сына своего давно умершего друга по пле-

чу и с достоинством, как пресловутый граф, удалился. И невдомек мне было, старому идиоту, что вижу Андрюшу в последний раз и что по легкомыслию своему я выпустил из рук первые звенья цепочки событий, которые привели к трагедии на площади Звезды.

№ 08 «Руна Одал»

Прошло двести сорок лет, и, кроме старинного памятника в конце аллеи венерианских кленов, мало что напоминало теперь о легендарной эпохе покорения Урановой Голконды. Опаленный природным атомным взрывом, наполовину погруженный в оплавившийся камень вездеход и скромная, но точная надпись на постаменте. Вот, пожалуй, и все. Да и сама Голконда давно выработана до дна и тщательно обезврежена. И теперь на ее месте плещется море. По ночам в нем отражаются огни Венусборга, а днем — белые облака и ослепительно желтое солнце.

У памятника назначали свидания влюбленные. Поэтому никто не удивлялся высокому, стройному, на вид тридцатилетнему мужчине, который маялся у постамента с букетом солнечников. Над кронами кленов прошел флаер. Налетевший ветер рванул темные волосы мужчины, цветы в его руках укоризненно покачали рыжими вихрастыми головками. Флаер выпустил шасси, коснулся ими стекломассовой плитки, устлавшей аллею, взвизгнул шинами и замер. Спектролитовый колпак раскрылся, как бутон, и на землю сошла немолодая, но хорошо сложенная черноволосая женщина в светлом открытом платье. Мужчина поспешил ей навстречу.

Церемонный поклон. Без кокетства, как должное принятый букет. И они медленно двинулись вдоль аллеи, удаляясь от темной громады памятника в сторону набережной. Человек посторонний, провожая взглядом эту пару, мог решить, что ее манят морской зеленый про-

стор, далекие черные горы и белый город в окаймлении оранжевых пальм, полукольцом охватывающих залив. Человек внимательный мог заметить некоторое сходство между мужчиной и женщиной. А человек, склонный к праздному фантазированию, вообразить, что стал свидетелем трогательного свидания пожилой матери с молодым сыном. Но даже человек, обладающий самой буйной фантазией, не мог бы представить, что эти люди — близнецы, родившиеся в один день, почти девяносто лет назад.

Нильсон осторожно взял правую руку женщины младенчески нежными пальцами, показал на родинку на локтевом сгибе.

— Руна Одал, — сообщил он. — А у меня — Косая звезда... Не правда ли, уникальные отметины, Светлана?

— Уникальные, Томас, — согласилась она. — Как и та история, которую ты мне вчера рассказал... Похожую на страшную сказку.

— Но ведь ты мне веришь?

— Не тебе, а данным генетического анализа, — отозвалась Светлана. — Прости, но я исследовала твой волос у себя в лаборатории... И как бы дико это ни звучало, мы и в самом деле близнецы. Родные брат и сестра.

Нильсон улыбнулся.

— Это ты хорошо придумала, сестричка, — сказал он. — К чему долгие разговоры, призывы поверить в неусветное, когда есть надежные, веками проверенные методы...

— И что нам со всем этим делать, братец?

— Сейчас я не могу тебе сказать, — помедлив, ответил Нильсон. — Уверен, нас объединяет не только родство, но и некая общая цель. И она требует, чтобы все мы собрались на Земле. Быть может, тогда мы поймем, в чем она заключается...

— Звучит весьма торжественно, Томас, — откликнулась Светлана. — А если без патетики?

— Если без патетики... — сказал он. — Не нужно питать иллюзий, сестричка. Нас воспитали людьми. Мы выглядим как люди, едим, пьем, спим... Думаем... Но это лишь маска. На самом деле мы — не они.

— А кто же? Инопланетяне? Агенты Странников? Нильсон усмехнулся.

— Это было бы слишком просто, — проговорил он. — Мне кажется, что мы персонификация некоего природного процесса... функция... флуктуация... Не знаю... Бессмысленно размышлять об этом, используя обычный человеческий мозг... Да и мучительно...

— Ты побледнел, Томас, — встревожилась Светлана. — Оставим эту тему... Функция, не функция, цель, не цель, в одном ты прав: нам следует собраться вместе и все обсудить. Не обязательно — на Земле. Можно и здесь, на Венере. Например, на южной полярной биостанции. Там хорошо. Красные леса, зеленые озера. Странное, но совершенно безобидное зверье. И там нам никто не помешает.

— На — Земле! — отрезал Нильсон. — ОНИ! — Он показал туда, где прибой разбивался о волноломы под набережной белого города. — Они приложили столько усилий, чтобы мы никогда не собрались именно на Земле! Следовательно, наш долг поступить так, как они НЕ ХОТЯТ!

— Хорошо, хорошо... Не волнуйся, — тоном психотерапевта проговорила Светлана. — Так и поступим... Правда, в твоих словах есть противоречие. Если мы не люди, как ты утверждаешь, то какой смысл что-то доказывать существам, нам решительно чуждым?

Нильсон понурился.

— Я не знаю, Светлана... — пробормотал он сквозь зубы, будто испытывал сильную боль. — Нет ответов.

— В таком случае не следует себя мучить понапрасну. Уверена, все не так страшно, как тебе представляется. Встретимся, обсудим, придем к какому-нибудь решению... В конце концов мы прожили среди людей

большую часть жизни и никогда не чувствовали ни малейшего притеснения... Во всяком случае, я ни разу не сталкивалась ни с чем подобным...

— Возможно, что ты и не чувствовала, — отозвался Нильсон. — Но не забывай об убийстве Льва Абалкина, о гибели Эдны Ласко, о моей гибели, наконец... Прямо или косвенно, но в этих смертях виноваты ОНИ!

— Да, да, ты прав... — задумчиво проговорила Светлана и добавила решительно: — Знаешь что?! Полетим к нам!

— Куда это «к вам»?

— В университет.

— И что я там буду делать?

— Я тебя исследую.

— Я не подопытный кролик и не больной, чтобы меня исследовать, — хмуро отозвался Нильсон.

— Не говори ерунды! — сказала она. — Сфера моих профессиональных интересов — антропология. И если ты и в самом деле неоантроп в чистом виде, мне не мешает снять твои параметры, братец.

— Сними эти параметры с себя самой, сестричка, — парировал Нильсон. — Ведь ты убедилась, что генетически мы идентичны...

— В том-то и дело, что себя я давно изучила, — откликнулась Светлана. — Кто я в антропологическом смысле, мне известно. Поэтому я так легко поверила в твою страшную сказку. А вот полных биопараметров мужской особи неоантропа мне видеть не пришлось... Не артачься, братец, помоги сестрице в работе.

— Хорошо, — нехотя согласился Нильсон. — Летим.

Светлана улыбнулась ему и направилась к флаеру. Нильсон последовал за ней. Едва они устроились в двухместной кабине, Светлана запустила двигатели. Чуть приседая на амортизаторах, флаер покатиł вдоль аллеи, набирая скорость. Мягкий толчок, и земля резко ушла вниз. Мелькнула опаленная броня героического вездехода. Ярко-красные кроны кленов слились в две

алые полосы. Прибрежные кварталы Венусборга, утопающие в тропической зелени, легли под крыло.

Одной рукой удерживая штурвал, другой Светлана подобрала с пульта гарнитуру.

— Алло, Семен! — заговорила она в микрофон. — Постникова говорит... Готовь свою бандуру... Да, полный комплект. Везу совершенно уникальный экземпляр... — Она подмигнула отражению вытянувшейся физиономии Нильсона в зеркале заднего вида. — Зачем тебе знать, где я его раздобыла, Сеня?.. Мой хороший знакомый. Весьма отзывчивый человек... В общем, я рассчитываю на твою расторопность, дружок...

Светлана положила гарнитуру на место.

— Не сердись, Томас, — сказала она. — Семен, мой младший научный сотрудник, обожает четкость формулировок. Скажи я, что везу одного человека, он бы засыпал меня уточняющими вопросами.

Нильсон отмолчался. Светлана попыталась уловить его взгляд в зеркале. Ей почудилось, что в кабине появилось какое-то марево, отчего отражение получалось нечетким, колеблющимся.

— С тобой все в порядке, братец?! — встревожилась Светлана. — Томас! Ты меня слышишь?!

Вместо ответа раздался негромкий хлопок, и невесть откуда взявшийся в герметичной кабине горячий ветер рванул черные, без единого проблеска седины, волосы Светланы Постниковой.

№ 09 «Трезубец»

Водопад низвергался с немыслимой высоты. Разбиваясь о множество уступов, он достигал реки широким веером мельчайших брызг. Не удивительно, что над каньоном стояла вечная радуга: солнечная — днем и лунная — ночью. Точнее — трехлунная. Ради такого зрелища стоило проплыть на каноэ четыре километра, лавируя между отвесными извилистыми стенами, раз-

украшенными цветными напластованиями семимиллиардной каменной летописи. Тем более что экскурсовод в надвинутой на глаза поношенной ковбойской шляпе знал эту летопись назубок.

Исидор Тяжелников, неумоимо работая веслом, сыпал названиями геологических эпох, перечислял редкие ископаемые, не забывая упомянуть имена первооткрывателей. А экскурсанты, сидевшие тише воды, ниже травы, почтительно внимали его речам да разевали рты, когда Тяжелников небрежным хозяйским жестом указывал на завиток исполинской раковины, проглядывающий сквозь монолитную толщу.

Только один экскурсант оставался равнодушен к сказаниям геологического азда. Рослый, длинноволосый мужчина с узким лицом североамериканского индейца, не вертел послушно головой, не ахал восхищенно, — потупив взор, сидел он на кормовой банке, опустив моластую длань в красноватую воду, просеивая ее между пальцами.

— Обратите внимание на этот пласт, — вещал Тяжелников. — Характер его трансгрессии свидетельствует о катастрофическом происхождении данного залегания. Образовалось оно на верхней границе так называемой эпохи Маренго, любопытнейшего периода в геологической, и не только, истории Редута. Как вам должно быть известно, именно в эпоху Маренго появились предки бицефалов... — Он коротко хохотнул. — Прошу не путать со знаменитым Буцефалом... Бицефалы — вторая разумная форма жизни на Редуте. Просуществовала около миллиона лет, наибольшего расцвета достигла примерно за две тысячи лет до своего исчезновения... Впрочем, о бицефалах вам гораздо более квалифицированно расскажет профессор Бауэр, когда мы вернемся на базу... А теперь я прошу, друзья, обратить внимание на эту великолепную окаменелость...

Тяжелников вцепился могучими руками в каменный выступ и затормозил каноэ, несколько экскурсан-

тов принялись ему помогать — течение реки в каньоне было не быстрым, но упорным. Индеец присоединился к помощникам. Экскурсовод поблагодарил и приступил к рассказу о причудливом образовании, напоминающем скелет колоссальной радиолярии.

На закате, когда погасла солнечная радуга в водопаде, каноэ причалило к пристани научной колонии. Зажглись желтые фонари вдоль набережной. Из кафе долетала музыка. Гуськом взбирались на небосвод луны. Экскурсанты цепочкой потянулись к белым домикам, ласточкиными гнездами примостившимся на широких уступах скалистого берега. Экскурсовод задержался на пристани, любуясь тройной лунной дорожкой на маслянистой глади реки.

— Улетели за тридевять парсек, — сказал кто-то у него за спиной, — а все так же любимеся самым банальнейшим зрелищем на свете. Ну, разве что с добавкой двух лишних лун.

Тяжелников обернулся, посмотрел исподлобья на неожиданного собеседника. Индеец подошел и встал рядом.

— Возможно, — проговорил Тяжелников. — Но мне это зрелище не надоедает, вот уже...

— Семьдесят лет, — завершил за него Индеец.

— Я вижу, молодой человек, вы хорошо осведомлены о моей биографии... Да, я здешний старожил... Довелось, знаете ли, быть среди если не первооткрывателей, то уж точно — первоисследователей... Прилетел и остался. И не жалею. После Земли Редут — лучшая планета во Вселенной... Простите старику эту романтическую чепуху...

— И вы никогда не скучаете по Земле?

— Нет... я ее почти не знаю... Родился, учился, готовился к космическим экспедициям... С двенадцати лет не думал ни о чем другом... Смешно, но порой мне кажется, что я и родился-то не на Земле.

— Вы даже не подозреваете, Исидор Сергеевич, насколько близки к истине...

Тяжельников непонимающе уставился на странного длинноволосого молодого человека, потребовал:

— Рассказывайте, коли уж начали.

Индеец не торопясь изложил ему историю «подкидышей». За время его рассказа Тяжельников успел раскурить трубку, красноватое пламя озаряло его худое задумчивое лицо.

— Занятно, — отозвался он, когда Индеец закончил свое повествование. — Впрочем, здесь на Редуте можно и не такое услышать...

— Далеко не каждая занятная байка касается тайны личности, — парировал его собеседник. — Тем более не какой-то там абстрактной личности, а вашей, собственной, Исидор Сергеевич.

— К чему этот романтический надрыв, молодой человек? — произнес, попыхивая трубкой, Тяжельников. — Что было, то быльем поросло... Если вы жаждете сатисфакции, обратитесь в Мировой Совет. Там разберутся... Меня же моя жизнь вполне устраивает. Не важно, благодаря ли Провидению, Странникам ли или этому вашему злому гению, как его бишь... Сикорскому, но я провел лучшие свои годы на Редуте. Надеюсь здесь и помереть.

— Посмотрим, — буркнул Индеец.

Трубка осветила тяжелое, в складках лицо старожилы мефистофельским огнем.

— Если только вы меня не похитите, — сказал Тяжельников, — и не вывезите тайком на Землю.

— Звучит заманчиво, — откликнулся Индеец.

— Кстати, молодой человек, — проговорил Тяжельников. — Вы ведь так и не представились.

— Александр Дымок к вашим услугам, сэр.

— Приятно познакомиться, — отозвался Тяжельников. — Да, да, вы не поверите, но не взирая на ваш байронический облик и туманные угрозы, я и в самом деле рад знакомству... я еще во время экскурсии почувствовал к вам невольную симпатию... Не удивительно,

ведь мы практически братья... Так вот, во имя этой симпатии я хочу показать вам одно удивительное место... Если, — последовала интригующая пауза, — вы не боитесь, Саша.

Дымок фыркнул.

— Ах да, — спохватился Тяжельников. — Простите, я совсем забыл, вы же зоопсихолог и прогрессор... Тогда прошу на борт!

Дымок скользнул в каноэ. Невеликое суденышко даже не колыхнулось. Старожил планеты Редут сошел «на борт» с меньшим изяществом. За весла взялись оба. Под серебристым мостом тройной лунной радуги каноэ заскользило вниз по течению. Стены каньона становились все ниже, раздавались вширь. Впереди забрезжил туманно-серый простор, справа и слева огражденный сторожевыми башнями утесов. Послышался ровный немолчный гул, воздух приобрел солоноватый привкус. Река впадала в морской залив.

— Смотрите внимательно, Саша! — велел Тяжельников, тыча заскорузлой рукой в туманную даль.

Дымок послушно всмотрелся. Серый сумрак впереди чуть заметно колебался, как будто от реки шел ток нагретого воздуха. Дымок машинально пощупал воду — холодная.

— Что это? — спросил он.

— Это еще не все, — откликнулся Тяжельников. — Сушите весла, Саша! Пусть лодка идет по течению.

Дымок положил весло рядом с собой. Свое весло старожил тоже вытащил из воды и держал наперевес. Медленное течение лениво влекло каноэ к едва различимому дрожанию воздуха. Вдруг весло Тяжельникова с отчетливым стуком ударилось о невидимую преграду. Каноэ развернуло кормой вперед. Не дожидаясь команды, Дымок тоже схватился за весло, уперся им в колеблющуюся пустоту.

— Кому здесь понадобилось дискретное силовое по-

ле? — осведомился он у Тяжелникова, по всему видно, довольного произведенным эффектом.

— Если бы знать, — отозвался тот.

— Так это... это не ва... наша работа?

— Не человеческая, хотите сказать... Нет, это поле уже существовало, когда корабль Хендриксона опустился на Молчаливом плато.

— А генератор? Обнаружили?

— Следопыты ощупали здесь каждый дюйм... Базальт, ракушечник, лессовые отложения. И ничего больше.

— Бицефалы?

— Возможно... а может быть, и Странники...

— Так зачем вы меня сюда притащили, Исидор Сергеевич?

— А чтобы вы поняли, Саша, на Редуте есть чему посвятить себя до конца дней... Ведь дискретное силовое поле, существующее само по себе, не единственная загадка этой планеты. И даже не самая странная.

№ 10 «Фиалка»

Марсианская пиявка — сору тобу хиру — сестра-близнец той, что украшала вестибюль Музея космической зоологии в Кейптауне, встречала входящих оскалом чудовищной пасти, напоминающей многочелюстной грейфер. Только в отличие от кейптаунского экспоната это было не чучело, а искусно сделанная голограмма. Поэтому здешняя летучая хищница впечатляла гораздо сильнее. Пожилые люди вздрагивали, а бдительные мамы молниеносно хватали за руку любознательных отпрысков, дабы уберечь от «грозной опасности». Чаще всего испуг был мимолетным и сопровождался немного нервическим смехом, как только посетители понимали, в чем дело, но случались и самые настоящие истерики. И с некоторых пор перед голограммой красовался яркий транспарант с предупреждением, выпол-

ненным на нескольких языках, в том числе — инопланетных.

Музей Естественной Истории Марса отличался от своих земных побратимов не только несколько старомодным названием, но и довольно странной экспозицией. В отличие от любого аналогичного заведения на Земле львиная доля его экспонатов приходилась на ископаемые останки вымерших организмов. Тогда как современный период был представлен летучей пиявкой, мимикродонами, несколькими видами ящериц помельче, марсианским саксаулом и шаровидными кактусами-прыгунами.

Люди застали марсианскую биосферу в период ее угасания. Излишне бурное освоение территории и природных богатств красной планеты только ускорили процесс исчезновения видов. Как водится, спустя полвека после высадки первой экспедиции люди спохватились и попытались сохранить коренных марсиан хотя бы в заповедниках, но сие благое намерение вошло в противоречие с планами терраформирования этого пустынного, насквозь замороженного мира. Пришлось пойти на компромисс. Часть Теплого Сырта накрыли гигантским спектролитовым куполом, под которым самым тщательнейшим образом были воссозданы условия существования, с коими столкнулись на Марсе первые колонисты.

И теперь все желающие могли облачиться в доху и унты, закрыть лицо кислородной маской, пройти через шлюз, чтобы оказаться в мерзлой, почти лишенной живительного кислорода пустыне. В сопровождении опытных, хорошо вооруженных гидов туристы получали право любоваться оловянными пятнами солончаков, наблюдать за прыгучими кактусами и с замиранием сердца надеяться, что вон из-за того бархана стремительно вырвется продолговатое щетинистое тело марсианского тигра — знаменитой сору тобу хиру.

Для тех же, кто не испытывал тяги к романтике такого рода, существовал Музей Естественной истории Марса. В его светлых, просторных залах можно было без всякого риска изучить жизнь и нравы летучей пиявки, а также все причудливое эволюционное древо ее предков, начиная от крохотных червячков, полтора миллиарда лет назад копошившихся в беспредельных элладийских болотах. Большую часть года главными посетителями Музея были школьники, проходившие марсианскую живность по предмету внеземной биологии, но в дни каникул нашествие любознательных школяров прекращалось и гулкие залы пустовали, разве что забредал в них скучающий командировочный.

Таковым выглядел и посетитель, одетый в егерскую форму устаревшего образца. Он провел в Музее целый день, подолгу останавливался возле каждой витрины, внимательно рассматривал экспонаты, кивал в такт размеренной речи электронного гида, который неслышно для окружающих вещал из наушников фонодемонстратора. Столь пристальное внимание к музейной экспозиции не могло остаться незамеченным сотрудниками. И перед самым закрытием к посетителю подошел паренек-практикант и пригласил его в кабинет директора.

Директора звали Ирина Александровна Голуб. Музеем она руководила сорок лет, а до этого была полевым сотрудником Постоянной палеонтологической экспедиции на Марсе, руководителем поисковой партии, преподавателем общей палеонтологии планет Солнечной системы в Ацидалийском университете. Ирине Голуб принадлежала честь открытия верхнетарсийских фоссилий на западном склоне горы Олимп, ее именем назван ископаемый *trilobum golubi* — гигантское членистоногое, двести пятьдесят миллионов лет назад обитавшее в густых зарослях у подножия Фарсиды.

— Интересуетесь животными Марса, Томас? — осведомилась Голуб, после короткой церемонии знакомст-

ва. — Предупреждаю, охота на них запрещена решением Мирового Совета.

Нильсон покачал головой.

— Я давно уже не егерь, Ирина, — сказал он. — Пожалуй, последним существом, в которого мне пришлось стрелять, был я сам.

Улыбка директора Музея поблекла.

— Странная шутка, — пробормотала она.

— Увы, это не шутка, — отозвался Нильсон. — Если хотите, я расскажу вам об этом.

По лицу Голуб было видно, что особого желания внимать откровениям этого странного егеря она не испытывает, но как всякий прекрасно воспитанный человек готова выслушать любого, кто нуждается в собеседнике.

— Хочу, — сказала она. — И если вы не возражаете, попрошу принести нам чего-нибудь прохладительного. День был напряженный, я немного устала.

— Я бы не отказался от бокала джеймо, — откликнулся Нильсон.

Директор кивнула. Вызвала давешнего практиканта, попросила его соорудить коктейль для посетителя и кувшинчик легкого вина для себя. Когда через пятнадцать минут юноша вошел в директорский кабинет с подносом, нагруженным запотевшими сосудами, то застал довольно странную сцену. Ирина Александровна и ее гость стояли у старинного, изготовленного еще в середине прошлого века шкафа, но говорили, похоже, не о марсианских ископаемых за его стеклами. Практиканту показалось даже, что директор отчитывает посетителя, словно нерадивого студента. Хотя на вид этому егерю не более тридцати лет, из студенческого возраста он давно должен был выйти. Юноша быстро поставил поднос на столик и бесшумно выскользнул из кабинета. Затянувшаяся мембрана двери отсекала завершение фразы, произнесенной Ириной Александровной звеня-

щим от напряжения голосом: «Об этом давным-давно следовало сообщить в...»

— Хорошо, я сама свяжусь с нашим Советом, — сказала Голуб, переведа дух. — Подумаем все вместе... В таком деле любая самодеятельность граничит с преступлением.

Она шагнула к своему столу, где красовалась изящная колонка служебного видефона. Нильсон не стал ей препятствовать. Он взял с подноса бокал ледяного джеямо, отхлебнул изрядный глоток.

— Раечка? Здравствуй, милая, — проговорила Голуб, едва откликнулась приемная Марсианского Совета. — Вязаницын у себя? Ах, он на Гранд-канале... Что, опять на верхнесирийскую морену напоролись? Отлично! Пусть попридержат свои тяжелые системы... Да, пришлю своих ребят... я предупреждала Вязаницына: ни одного кубометра грунта без нашей экспертизы... Впрочем, ладно. я сама с ним свяжусь. Спасибо, милая!

Директор отключила видефон, поискала радиобраслет для экстренной связи. Нильсон наполнил чистый бокал вином, протянул его Голуб и опустился в кресло для посетителей. Вид он имел спокойный, даже отрешенный.

— Бесполезно обращаться к Совету и вообще — к людям, — произнес он, словно размышляя вслух. — Как с нами поступить, они решили еще до нашего рождения. Неужели ты думаешь, что сейчас они смягчатся? Теперь, когда трое из тех, кого они считают безвозвратно погибшими, воскресли... Ты помнишь шумиху вокруг Большого Откровения, Ирина? — Голуб кивнула и отложила радиобраслет. — Шок, вызванный появлением люден, не прошел до сих пор. А ведь метагомы — всего лишь порождение самой человеческой расы. Плоть от плоти... Мы — другое дело. Думаешь, люди смирятся с существованием человекоподобных, умеющих в буквальном смысле самочинно возвращаться с того света?

Он вышел из лифта. Автоматически зажегся свет. Двухордовая псина оскалила на него мелкие острые зубы. Кольнуло воспоминание. Ошибся он тогда, утверждая, что двухордовые водятся лишь на Нистагме. Забыл, старый дурень, о лягушках Яйлы. Непростительно для специалиста по внеземной фауне. Впрочем, Бойцовый Кот Гаг не мог уличить бывшего космозоолога: парень из преисподней искал случая удрать к любезному своему герцогу.

Не глядя на другие экспонаты, Корней Яшмаа прошел во второй зал домашнего музея. Полюбовался алмазной прозеленью на исполинской шкуре гиппоцета. Кивнул, словно старому знакомому, черепу тахорга, который ответил равнодушным зевком. Вот уже более восьмидесяти лет зевает старая образина. С тех пор, как юный Корней сгоряча всадил ему в разверстую пасть крупнокалиберный заряд.

А вот и товарищ псевдохомо. Стоит себе на подставочке — с виду человек, а по сути, обезьяна. От голых пятнистых обезьян Пандоры отличается лишь мирным нравом. Говорят, их сейчас вовсю приручают. Не знаю, не видел. Интересно, что подумал брат-храбрец Гаг, когда узрел сей экспонат? Что мы и разумных инопланетян забиваем, препарлируем, таксидермируем и по домашним музеям расставляем? Вполне мог подумать. Руководствуясь людоедской логикой своего мира... Где-то он, Котяра, теперь? Сгинул в мутной водичке переходного времени. И следов не осталось.

Корнею вдруг стало душно. Захотелось наружу. На свежий воздух. Он вернулся к лифту, поднялся в огромный дом — пустой и гулкий. Во время оно в этих хоромах кипела жизнь. Нуль-кабина — индивидуальная, положенная Корнею Яновичу Яшмаа, как члену Мирового Совета, индекс социальной ответственности ноль девять — не закрывалась. Поминутно прилетающие и от-

правляющиеся в серое ничто подпространства «призраки» диким мявом смущали окрестных котов. Шла великая битва невидимой войны за спасение человечества Гиганды. Спасения от себя самого. А потом все кончилось. Почетная отставка. Сочинение мемуаров. Сорок лет пустоты и одиночества.

Мария умерла десять лет назад. Она так и не вернулась. Не простила. Андрей иногда шлет стандартные поздравления в день рождения и по большим праздникам, но сам не появляется. У него тоже своя великая битва, свой невидимый фронт. Безумный император Южного Приотрожья заливает кровью бескрайние равнины Пустынного материка. Поэтому у Андрея работы неуворот. Как-никак главный резидент Земли на планете Лу. Отцовская гордость. Хотя и не знает, что отец им гордится. Не желает знать. Он тоже — не прости.

За незримой мембраной входной двери гулял ночной ветер. Накаленная за день степь остывала. Цикады оглушительно стрекотали в саду. Городские огни Антонова на горизонте перемигивались с мучнистой росой Млечного пути. Третье столетие люди расселяются среди этих разноцветных точек, но сделались ли они ближе? Вряд ли. Вселенная по-прежнему слишком велика и опасна. Уж кому, как не Корнею Яшмаа, об этом знать? Ведь он не просто провел среди звезд большую и лучшую часть жизни, он — родился среди них! И никто не знает, кто его истинные родители. Известно лишь, что славные и отважные Ян и Берта Яшмаа тут ни при чем.

Одна звездочка будто ниже спустилась, задрожала сильнее обычного, и лиловый свет, почти невидимый в ночи, потек вниз, заструился, обволакивая громадный, прозрачный пока конус. Мяуканье тысячи мартовских котов заглушило цикад.

Гости со звезд! Впервые за сорок лет! Кто же это? Неужели — Андрей?

Лиловый свет отвердел, остыл, померк. Корней слепо шагнул с крыльца. Едва не упал. Тренированное тело все же сохранило равновесие. Чавкнула перепонка люка. В траву соскочил человек. Корней с трудом сдержал вздох разочарования: не Андрей, Андрея бы он узнал сразу. С возрастом ночное зрение стало ослабевать, но Корней явственно различал рубленые черты лица незнакомца. Незнакомца ли? Память мгновенно перебрала тысячи лиц. Спустя пару секунд Корней вспомнил, кем этот человек был на Гиганде. Егермейстером его высочества герцога Алайского. И только потом всплыло его земное имя.

— Лев Абалкин?

Ночной гость замер. Корнею показалось, что пришелец сейчас на него бросится. В конце концов школа субакселерации у них общая. Вот только бывшему прогрессору Яшмаа перевалило за девяносто, а его коллега Абалкин не выглядел старше сорока лет.

— Корней Яшмаа? — в свою очередь, осведомился гость, принимая непринужденную позу.

— Чем обязан честью?

— Это долгий разговор.

— Гость в дом, бог в дом, как говаривали предки...
Прошу!

— Благодарю вас.

Корней посторонился. Абалкин поднялся на крыльцо. У двери вышла заминка. Мембрана отказывалась пропускать гостя. Как будто он и впрямь был пришельцем с неизвестной планеты. Хозяин не подал виду, что удивлен. Просто отключил автоматику. Они прошли в гостиную. Недоразумения продолжались. Дом отказывал Абалкину в гостеприимстве. Интерьерные поля на него не реагировали.

— Простите, — пробормотал обескураженный Корней. — Что-то в нем заело... Давно профилактику не делали...

— Вот когда вспомнишь о старой, доброй мебели, — пробормотал гость, — которая не имела своего мнения...

— Вы навели меня на мысль...

Корней шагнул к дальней стене, открыл ее. В гостиную бесшумно выплыл исполинский робот.

— Ого! — воскликнул Абалкин. — Вот это долдон!

— Привет, Корней!

— Привет, Драмба!

— Какие будут приказания, Корней?

— Сначала поздоровайся с гостем.

Робот повел ушами локаторов, прогудел:

— Простите, Андрей, но кроме вас, на вилле никого нет.

Корней крикнул.

— И тем не менее, — сказал он, — поздоровайся. Гостя зовут Лев.

— Здравствуйте, Лев! — произнес робот в пространство.

— И тебе не хворать, — отозвался гость.

— Вероятно, мои системы не в полном порядке, — заявил Драмба. — Система распознавания требует ремонта...

— Вот что, Драмба, — перебил его Корней. — Сделай-ка нам пару табуреток и стол. Обыкновенных, деревянных.

— Слушаюсь, Корней!

Драмба неизвестно зачем приложил ручищу к голове и выплыл из гостиной.

— Он быстро управится, — заверил хозяин гостя. — Прошу простить за столь прохладный прием. Старый дом. Старый хозяин. Нерасторопные старые слуги...

— Ничего, — откликнулся Абалкин. — Старый служака не виноват. А примитивная автоматика дома — тем более. Они и вас скоро перестанут распознавать.

— Что вы хотите этим сказать?

— Мы не люди, Корней.

— Мы?

— Вы, я и еще одиннадцать наших братьев и сестер. Вы знаете историю своего происхождения, Корней, но не знаете, что всего «подкидышей» было тринадцать.

— Было?

— Эдна Ласко погибла в две тысячи сто пятидесятом. Томас Нильсон покончил с собой в шестьдесят пятом. Меня убил Рудольф Сикорски в семьдесят восьмом. Впрочем, в смерти Эдны и Томаса тоже виноваты люди.

— Однако вы живы здоровы, Лев. И судя по всему — в отличной форме. Во всяком случае, я в свои девяносто два не выстою против вас и двух раундов.

— Я — вернулся. Эдна и Томас — тоже. Для нас не существует смерти.

— Звучит заманчиво, хотя и фантастично. Уверяю вас, как бывший космозоолог: бессмертных существ не бывает.

— В биологическом смысле — да, но превращения энергии практически бесконечны... Но не будем злоупотреблять философией. я прилетел не для этого, Корней.

— Для чего же, Лев?

— Для того, чтобы предупредить: наступает момент истины.

— И в чем же он заключается?

— В том, что мы должны выполнить свое предназначение...

— Похоже, вам никак не удастся избежать философии, Лев. Вспомните времена Прогрессорства, говорите четко, как на докладе.

— Слушаюсь, Корней! — голосом Драмбы откликнулся Абалкин. — Вам следует прибыть в Свердловск. Сбор назначен на площади Звезды, перед Музеем Внеземных Культур.

— Когда?

— Этого я не знаю, Корней, но в час «икс» буду знать. Как и все мы.

Драмба вернулся через пятнадцать минут, волоча на себе пахнувший свежееоструганным деревом стол и две табуретки. Робот застал хозяина восседающим в удобном глубоком кресле. Нога на ногу, мосластые пальцы сцеплены на колене, в углу большого тонкогубого рта соломинка, взгляд отсутствующий.

Никакого гостя по имени Лев локаторы Драмбы по-прежнему не наблюдали.

№ 12 «М готическое»¹

Центральный альпинистский лагерь «Тьерра Темпада» располагался в долине живописнейшей реки Магдалены в Северных Андах. Отсюда альпинисты разлетались на покорение великих вершин, овеянных легендами веков и именами предков. Как музыка, звучали названия горных пиков: Сиула Гранде, Пичинга, Антисана, Охос-дель-Саладо. Первозданная красота, почти нетронутая дыханием XXIII века, привлекала рискованных ребят со всей Планеты.

Был уже вечер. Солнце почти уже скрылось за хребтом, окрасив лагерь в багрово-оранжевые тона. Повсюду стояли разноцветные палатки, лежали какие-то тюки, альпинистское снаряжение, сновали туда-сюда люди, где-то мужественными голосами пели о том, что «выше гор могут быть только горы, на которых никто не бывал». Кто-то высоким чистым голосом читал стихи:

Я — лес: найди дорогу сквозь туман!

Я — грот: зажги свечу под сводом ночи!

Я — кондор, ягуар, удав, кайман...

Лишь прикажи, я стану всем, чем хочешь.

Стать деревом — укрыть тебя в тени,

Прижать тебя к своей расцветшей кроне,

Ковер из листьев постелить — усни,

Упав в мои горячие ладони.

¹ Эпизод написан Игорем Горячевым.

Стать омутом — спиралью скользких струй
Скрутить тебя и, на устах любимых
Запечатлев бездонный поцелуй,
Похоронить навек в своих глубинах¹.

Небольшая группа восходителей сидела по старинке вокруг костра, пили горячий чай, закусывали печеньем и сухариками, беседовали.

— Подниматься на гору с антигравом — это не альпинизм, а детская забава, — горячился курчавый аргентинец Хосе Санчес. — Ты знаешь, что ничего тебе не угрожает. я преклоняюсь перед предками. Некоторые из них совершали восхождения вообще без страховки, с парой кирок и кошками.

— Но ведь они и гибли очень часто и калечились, Ося, — ласково басил богатырь Святослав. — Нет ничего ценнее человеческой жизни, а тут, согласишься, риск. Ты же знаешь, Мировой Совет специально рассматривал этот вопрос и посчитал обязательным использованием антигравов при восхождении. я совершенно не одобряю поступка бедняги Месснера. Зачем, спрашивается, он скрыл от всех, что не взял с собой антиграв? Ты же знаешь, чем это кончилось...

Хосе понурился, пробормотал:

— Да, он пролетел почти километр...

— Но самое загадочное, что когда нашли его тело, на его лице была улыбка, — вставил слово скандинав Свен в распахнутом дутом красном жилете.

— Жизнь обретает особенную ценность, когда в любой момент ты можешь ее потерять. я понимаю этого Месснера.

Все повернули головы к тому, кто произнес эту фразу. Это был человек, одетый как егерь и отдаленно похожий на индейца, до сих пор молча сидевший у костра. Никто не заметил, откуда и когда он появился.

¹ Хосе Сантос Чокано «Любовь сельвы». Перевод В. Резниченко.

— И тут явился Чингачгук Большой Змей.

— Виу, вождь.

Человек в егерской куртке улыбнулся этой шутке.

— А вы к нам какими судьбами, сударь, позвольте спросить... Вы альпинист? — осведомился Святослав.

— Нет, я бывший егерь, но имею третий разряд по альпинизму... Меня зовут Томас Нильсон. я интересуюсь вашим фольклором. Альпинистскими легендами, притчами...

— Ну, это сколько угодно... Вот, скажем, в прошлом году был у нас такой случай...

— Меня интересует Бледнолицая Девочка, — перебил егерь, — видел ли из вас ее кто-нибудь?

Вдруг воцарилось гробовое молчание.

— Вот как раз об этом, пришелец, мы предпочитаем не говорить, — сказал бородатый русский богатырь мягко, — особенно перед восхождением. Нарушение нашей негласной этики, знаете ли... Вестница несчастья...

— И все же что вы о ней знаете?

— Ну если ты так настаиваешь... Говорят, много лет назад в этих местах попала под горный обвал группа школьников — двадцать семь девчонок и мальчишек во главе с Учителем. Все остались живы, кроме одной девочки... Эдны Ласко... Говорят, что это ее призрак бродит... Суеверие, конечно... Но альпинисты вообще народ суеверный. Месснер мне рассказывал, что видел ее в тот самый раз, когда не взял с собой антиграв, ну то есть незадолго до своей смерти... Идет, говорит, мне навстречу и словно земли не касается. Лицо совершенно бледное, белое, словно бы неживое, идет и не смотрит, а когда мимо него проходила, то вдруг подняла голову и глянула ему прямо в глаза... А взгляд у нее, говорит, такой, что у меня, говорит, внутри все обмерло.словно из какого-то потустороннего мира... И все это на высоте пять тысяч метров, на леднике, представьте. Мороз минус двадцать, лед, снег, трещины везде... А она в легком

★ — платъице. А через некоторое время он сорвался в пропасть. Никто не знал, что он не взял с собой антиграва.

Все помолчали некоторое время, почтив память товарища.

— Местные жители утверждают, что видят ее иногда на том месте, где она погибла почти восемьдесят лет назад. Там до сих пор стоит небольшой памятник... — сказал Хосе.

— А где это? — поинтересовался Нильсон.

— Да здесь неподалеку, — махнул рукой Хосе в сторону гор, покрытых тропическим лесом. — Километров десять, вон в том направлении. — Вы что, в самом деле хотите ее увидеть?

— Спасибо, — сказал Нильсон, не отвечая на вопрос. — Был рад с вами познакомиться, но мне пора.

Он встал и, не оборачиваясь, направился к глайдеру.

Все посмотрели ему вслед.

— Станный какой-то, — сказал Хосе, пожимая плечами.

Томас Нильсон посадил глайдер на небольшое открытое пространство, неожиданно открывшееся среди тропических зарослей, у подножия скалы. Видимо, именно с нее сорвались те камни, которые стали роковыми для Эдны Ласко. Неподалеку низвергался с огромной высоты живописный водопад Магдалены.

Нильсон прыгнул на землю и сразу увидел небольшой мраморный памятник с фотографией. Он медленно подошел к нему и положил руку на прохладный мрамор. С фотографии на него смотрела очень милая, улыбающаяся девчушка лет двенадцати.

— Ты пришел за мной? — вдруг раздалось у него за спиной.

Нильсон обернулся. Да, это была она, худенькая, в какой-то то ли тунике, то ли хламидке, лицо совершенно белое, неживое. Нильсон заглянул в ее глаза и понял, чего так сильно испугался Месснер.

— Да, — ответил он, подходя к ней. — я твой брат. Пойдем со мной.

Девочка протянула к нему правую руку, ладонью вверх. На локтевом сгибе у Эдны чернела родинка, напоминающая готическую букву М. Нильсон закатал правый рукав егерской куртки, простер свою мускулистую ручищу над бледной ручкой Эдны Ласко. От его «Косой звезды» к ее «М готическому» протянулись серебристо-серые ворсинки, которые встретили пучок таких же шевелящихся червячков-лучиков. Они переплелись. В пустых «потусторонних» глазах девочки появилось осмысленное выражение. Рука об руку брат и сестра направились к глайдеру.

А в наступающей ночи, когда глайдер заходил на вираж над альпинистским лагерем, звучали стихи:

Когда ж сумеет совладать душа
С безудержным гореньем, с жаром диким,
Я захочу преодолеть, спеша,
Ступени между малым и великим!

№ 13 «Дзюсан»

Утро в лагере Следопытов «Хиус» на планете Калаи-Муг начиналось с подъема флага. Белое полотнище со стилизованным изображением семигранной гайки взвивалось в розовое небо, трепеща на прохладном ветру. Следопыты, построенные в каре, с удовольствием салютовали своему знамени. Руководитель лагеря, профессор астроархеологии Киотского университета Исидзиро Морохаси тут же у флагштока собирал на летучку руководителей групп. Масштаб раскопок не уместился в воображении. Рабочих рук не хватало, хотя от добровольцев не было отбоя. Но за добровольцами нужен глаз да глаз. Простой энтузиаст-грунтокоп мог такого натворить, что потом специалистам за год не разобраться.

Поэтому профессор Морохаси приставлял к новичкам самых ответственных работников.

— Петр Владимирович! — обратился он к старейшему астроархеологу группы, которая раскапывала огромное, многоуровневое, уходящее в глубь планеты сооружение неизвестного назначения в северной субполярной области. — Принимайте новичка. Ваш земляк Арександр Дымок.

Вересаев пожал крепкую ладонь темноволосого мужчины с чеканным индейским профилем.

— Добро пожаловать в Крепость Магов, Александр! — сказал он.

— Крепость Магов? — удивился новичок.

— Так переводится с таджикского название планеты, — пояснил Следопыт. — И мы предпочитаем это название официальному. — Он оглянулся на профессора, который уже не обращал на них внимания. — Кроме того, нашему сэнсэю не нравится, когда сию археологическую сокровищницу именуют «парадоксальной планетой Морохаси», он считает это чрезвычайно нескромным.

— Понимаю, — отозвался Дымок.

— Космонавт? Глубоководник? Прогрессор? — быстро спросил Вересаев.

— Прогрессор... бывший.

— Ну что ж, — проговорил астроархеолог, — думаю, мы поладим. Ступайте завтракать и ко мне на инструктаж.

Через полчаса они стояли на бруствере грандиозного раскопа. Курган вынутаго грунта возвышался в добром километре. От раскопа к нему вела канатная дорога с подвесными вагонетками — туда с вынутым, тщательно просеянным грунтом, обратно — порожними. В раскопе громоздились леса, облепленные археологами, словно муравьями.

— Что вы здесь, собственно, копаете? — поинтересовался новичок.

— Не знаю, — отозвался Вересаев.

— Как так?

— Видите ли, большая часть того, что мы знаем о цивилизации «оборотней», или «кицунэ», как называет их наш профессор, носит отрицательный характер. Нам известно, что «кицунэ» не прогрессировали, подобно нам, безудержно и во все стороны сразу, но и не тормозили прогресс, пробираясь на ощупь от одного открытия к другому, как тагоряне; не слились с природой, как это произошло с леонидьянами, но и не затерялись в Большом Космосе наподобие Странников. А вот по какому пути они пошли — нам неизвестно. Разумеется, мы придумали ворох гипотез. Почитайте Макса Хорса. В своей монографии «Оборотни» Кала-и-Муг: вопросов больше, чем ответов» он скрупулезно анализирует каждую.

— А какая гипотеза нравится лично вам, Петр Владимирович?

Старейший астроархеолог хмыкнул.

— У нас, Следопытов, есть своя, — проговорил он. — Гипотеза не гипотеза, а что-то вроде легенды...

— Расскажите!

— Расскажу, но сначала вы должны на кое-что взглянуть...

Вересаев решительно двинулся к трапу, ведущему с бруствера к верхней площадке лесов. Они спустились на три уровня вниз и оказались у стены, словно бы выложенной пластинами кварца. Пластины были плохо пригнаны друг к другу, торчали вкривь и вкось, а может быть, просто отслоились от времени. И видимо, из-за этого возникал удивительный оптический эффект.

Астроархеолог потянул добровольца за рукав.

— Встаньте вот сюда, — велел он. — Всмотритесь внимательно.

Дымок послушно встал на указанное место, старательно вглядываясь в размытую тень, бывшую его собственным искаженным отражением. В какое-то мгновение оно стало отчетливым, но перед новичком стоял

кто-то другой. И этот другой непрерывно изменялся, постепенно теряя человеческий облик. Александр Дымок вволю полюбовался фасеточными глазами на своем, вернее — чужом лице, усиками на подбородке, клешнеобразными выростами на плечах, влажно пульсирующим полупрозрачным горловым мешком и розовыми в синеватых прожилках-перепонках между верхними и нижними конечностями.

— Это и есть «оборотень»?

Вересаев усмехнулся.

— Возможно, — сказал он. — я ведь не знаю, что именно вы наблюдаете. Каждый, кто оказывается на этом месте, видит что-то свое. И число вариантов бесконечно.

— Так о чем же гласит ваша гипотеза-легенда?

— Она гласит, что «кицунэ» — это не столько инопланетная раса, сколько человечество в будущем. Были неандертальцы, на смену им пришли кроманьонцы, потом современное человечество отделило от себя расу люденов, но остальная часть продолжит эволюционировать, пока не превратится в таких вот «оборотней» — существ, способных по собственному произволу менять облик, приспосабливаться к любым условиям или даже менять их, как им заблагорассудится.

— А что, если эта картинка всего лишь оптический фокус? — спросил Дымок. — Что-нибудь вроде кривого зеркала в комнате смеха... Был такой аттракцион в старину.

— Не исключено, — отозвался астроархеолог. — я же предупреждал, что это скорее легенда, чем гипотеза. Следопытский фольклор. Раскопки здесь приносят сюрпризы и похлеще. Не напрасно планета названа Крепостью Магов. Она просто напичкана чудесами, секрет которых, к сожалению, утерян. Возможно, что и навсегда. А этому «фокусу», может, и не стоило бы придавать такого значения, если бы не один нюанс.

— Какой же?

— Это единственный технологический артефакт Кала-и-Муг, который хоть как-то взаимодействует с человеком... Впрочем, мы заболтались. А работа стоит. Пойдемте, я покажу вам фронт работ. Кто знает, вдруг вам повезет наткнуться на что-нибудь эдакое, что прольет свет на природу «кицунэ» и суть их цивилизации.

— Признайтесь, — сказал новичок, — вы каждого добровольца вдохновляете таким образом? Работа рутинная, грязная. Шанс у неспециалиста отыскать что-нибудь стоящее — мизерный. Вот вы и стараетесь подсластить пилюлю.

— По форме звучит грубовато, — откликнулся Вересаев, — но, по-существу, верно.

— Спасибо. Вы меня вдохновили. я готов.

Кала-и-Муг вращалась вокруг своей оси медленнее Земли. Сутки здесь длились двадцать семь часов с четвертью. Местное солнце, желтый карлик, совсем скоро по галактическим меркам грозило превратиться в красный гигант, но, как шутили в лагере «Хиус», примерно миллиард лет у астроархеологов в запасе имелся.

Долгий пыльный день тянулся для новичка бесконечно. Никто не принуждал его работать с той же энергией и упорством, которые были обыденными для Следопытов, но всеобщий энтузиазм заражал. И вопреки собственному скепсису на исходе дня доброволец Дымок наткнулся на нечто действительно необыкновенное.

Все работы на участке были приостановлены. Из лагеря вызвали самого профессора Морохаси. Он прилетел на закате. Его глайдер сопровождала целая флотилия флаеров и птерокаров. Мощные гологеновые прожекторы осветили площадку на седьмом уровне раскопа, где в окружении необычно молчаливых Следопытов стоял «герой дня».

Маленький японец в сопровождении свиты спустился в раскоп.

— Кто это обнаружил? — осведомился он.

— Грунтокоп-доброволец Дымок, профессор, — доложил Вересаев.

Исидзиро Морохаси пожал грунтокопу-добровольцу натруженную руку.

— Вы на редкость удачливы, мородой черовек, — сказал глава «Хиуса».

— Если эту находку можно назвать удачей, — эхом отозвался Дымок.

Профессор мягко оттер его в сторонку, наклонился над провалом.

— Дайте побольше света! — потребовал Морохаси.

Четверо здоровенных Следопытов подтащили к провалу два прожектора.

Потоки беспощадного, как истина, света выхватили часть громадного, уходящего в глубину планеты тоннеля, сплошь заваленного нечеловеческими скелетами. Своды тоннеля были выложены теми же «кварцевыми» пластинами, что и стена на третьем уровне. В них, многократно умноженные, отражались мириады костяков, которые медленно меняли очертания. Казалось, что в этом тоннеле захоронены обитатели целой Галактики.

Кто-то ахнул. Послышался девичий всхлип. Доброволец Дымок осторожно притронулся к локтю астроархеолога Вересаева. Там, где розовела родинка в виде японского иероглифа «сандзю», который обозначает число тринадцать.

— Идемте, Петр Владимирович, — тихо произнес Лев Абалкин. — Это печальное зрелище нас с вами уже не касается.

«Тринадцать замысловатых иероглифов»

Как выяснилось позже, когда старый дурак Каммерер покинул кабинет начальника ГСП, Андрюша связался с оперативником на Ружене. Состоялся разговор, в общих чертах напоминающий тот, что произошел с Пир-

сом. Вывод: Янчевецкий покинул Ружену. Отбыл предположительно на Землю. Предположительно, потому что в отличие от корабля, на котором улетел Гибсон, «Призрак-9-тюлень» летел не прямым рейсом.

Поговорив с Руженой, Андрюша немедленно связался с постами на других планетах, где постоянно проживали «подкидыши». Дежурные оперативники бодро сообщали, что все их подопечные на местах. Но уже ученый Андрюша велел им не валять дурака, а дуть на эти самые места и убедиться в наличии там подкидышей персонально. Пока оперативники выполняли приказание, начальство сидело и грызло локти, мучительно борясь с желанием немедленно связаться если не с Комовым, то хотя бы с Биг-Багом.

Строго говоря, сочетание двух обстоятельств, а именно странный «глюк» аппаратуры слежения и почти одновременное (Андрюша посмотрел на данные статистики: разница между отлетами Гибсона и Янчевецкого составляла десять часов) отбытие двух подкидышей на Землю, могло считаться чрезвычайным. А в случае ЧП следовало извещать Геннадия Комова, члена Мирового Совета, курирующего ГСП. Однако, с другой стороны, впервые за все время существования группы слежения за «подкидышами», случилось что-то по-настоящему серьезное. До этого все тревоги были учебными. Так не стоит пренебрегать редкой возможностью проявить себя. И Андрюша решил не информировать ни Комова, ни Каммерера. В тот момент он не подозревал, что совершает роковую ошибку.

Вскоре начали поступать первые доклады оперативных дежурных. У Андрюши отлегло от сердца: все другие подопечные ГСП были на месте. Приободрившись, он приказал своим ребятам не спускать с «подкидышей» глаз, причем — своих собственных, а не электронных — и с чувством исполненного долга запустил процедуру ноль один. Неожиданных гостей, Гибсона и Янчевецкого, следовало принять по высшему разряду. Он

★ почти уже заканчивал соответствующие сей процедуре манипуляции, когда сработала оперативная нуль-связь с планетой Курорт. Обескураженный оперативник сообщал, что врач-бальнеолог Мария Гинзбург только что отбыла на Землю.

Это сообщение сильно подпортило Андрюше наладившееся было настроение. Теперь он уже не ждал добрых вестей ни из Дальнего, ни из Ближнего Космоса. События последующих дней подтвердили все его самые худшие опасения. «Подкидыши» одни за другим покидали Периферию и высаживались на Земле. Работники ГСП показали себя на высоте. Все подопечные были взяты под наблюдение. Поселились они в разных местах, друг с другом не поддерживали никаких контактов. Вероятнее всего, подкидыши по-прежнему ничего не знали о себе подобных, а их почти одновременное «возвращение со звезд» было чистой случайностью. Статистической флуктуацией.

Убаюкивая себя этими рассуждениями, Андрюша Серосовин продолжал держать в неведении кураторов ГСП. Правда, однажды Биг-Баг позвонил сам. Серосовина не было в отделе. С куратором разговаривал Серж Ярыгин. Он кратко проинформировал куратора о ситуации и принял к сведению его сообщение о странном звонке Корнея Яшмаа. В свою очередь, Ярыгин оповестил о звонке Каммерера Серосовина.

Андрюша, успокоенный тем, что милейший Биг-Баг уже в курсе, решил, что информировать Комова излишне. И это решение оставалось в силе вплоть до 23.35 минут 17 августа 2230 года, когда в квартире Серосовиных раздался звонок. Андрюша схватил видеофон и утащил его на террасу, чтобы не мешать домашним. На экранчике замаячило встревоженное лицо оперативника, в чьи обязанности входило проверять состояние футляра с «детонаторами», по-прежнему хранящегося в Музее Внеземных Культур.

— Андрюша, — сказал он. — Ты не поверишь, но все тринадцать «детонаторов» на месте.

— Не понял, — пробормотал начальник ГСП. — Ты хочешь сказать, все ДЕСЯТЬ?

— Все ТРИНАДЦАТЬ, Андрюша! Звони Комову.

Комов оценил ситуацию мгновенно.

— Поднимайте весь наличный состав группы, Серосовин, — скомандовал он. — Всех, кого сможете.

— Понял вас, Геннадий Юрьевич. Приступаю к выполнению.

— А с вами, Серосовин, — добавил Комов тоном, не обещающим ничего хорошего, — у меня будет отдельный разговор... Если все обойдется...

«А что, может и не обойтись?» — хотел спросить начальник ГСП, но член Мирового Совета уже отключил связь.

Андрюша перевел дух. С террасы тысячеэтажника открывался прелестный вид на центр ночного Свердловска. Блуждающий взор Серосовина невольно отыскал куб Музея из грубо отесанного мрамора, мрачной глыбой возвышающийся посреди щедро иллюминированной площади Звезды. Андрюше почудилось, что вокруг Музея уже сгущается зловещая мгла, но, конечно, это была лишь игра взбудораженного воображения.

* * *

По поводу звонка «милейшего Биг-Бага»...

Посещая ГСП, я не рассказал Андрюше о разговоре с Корнеем, хотя именно он подвиг меня отправиться в Большой КОМКОН. Почему? Трудно сказать. Мережится мне какая-то связь между кошмарным сновидением с русалкой и этим звонком Корнея... Ведь я не мог знать тогда, что отшельника Яшмаа беспокоит вовсе не старческая бессонница, а нечто гораздо более серьезное. И лишь через несколько безвозвратно потерянных дней связался я с группой слежения за «подкидышами» и со-

★ общил им о звонке Корнея. И оказалось — не напрасно. Ребята доложили, что «подкидыши» вдруг один за другим покинули планеты, на которых провели большую часть жизни, и теперь все они на Земле. Впрочем, ведут себя тихо, без каких-либо «девиаций». Сам по себе этот «десант на Землю» не выходил за рамки дозволенного, но настораживала его массивность. Я настоятельно порекомендовал усилить наблюдение за всеми «подкидышами» и тем более — за Корнеем, не нравился мне его звонок. И при малейшем подозрении на эти самые девиации в поведении немедленно сообщить мне и Комову. Я отключился и сел в кресло у окна, чтобы немного собраться с мыслями. Но мне не сиделось.

Не знаю откуда, но во мне крепло убеждение, что завтра мне понадобятся все силы. И, увы, я не ошибся.

Ранним утром на даче меня разбудил звонок видеофона. На экране показалось одутловатое от недосыпа и какое-то потерянное лицо Андрюши, сына Гриши Серосовина. Срывающимся от волнения голосом он сказал:

— Максим... «подкидыши» активизировались. Все спутники слежения каким-то непостижимым способом выведены из строя. Связь с ними полностью потеряна сегодня в 3.58 утра. Примерно в это же время почти одновременно оборвалась связь со всеми нашими наблюдателями на местах. Проверка... — он запнулся, похоже, у него перехватило дыхание, — показала страшное... Я должен был раньше, должен был сразу...

Он осекся.

— Продолжай, — сказал я. — И говори, пожалуйста, внятно. Без завываний.

— Все они мертвы. — Серосовин прокашлялся. — Все наблюдатели убиты одинаковым способом. Похоже, какой-то лучевой или энергетический удар. Все «подкидыши» покинули места своего проживания и исчезли... Предполагаем, что «программа» начала действовать во всех «подкидышах» сразу. (При этих словах у меня похолодело внутри.) Вся наша группа в полном составе

выдвигается к Музею Внеземных Культур. Предполагаем, что идти им больше некуда.

— Правильное решение. я немедленно вылетаю. Соберись. Не раскисай, — подбодрил я его.

Я стал поспешно одеваться, и в это время снова раздался вызов видеофона, на экране показалось встревоженное лицо Геннадия Комова.

— Максим, случилось нечто невероятное. Корней Яшмаа, наш «подкидыш»-союзник, номер 11, знак «Эльбрус», несколько минут назад позвонил мне лично по спецканалу и сказал буквально следующее: «Геннадий, я теряю контроль над собой, мною овладевает какая-то непреодолимая, страшная сила, сознание туманится... Похоже, началось! Немедленно, слышите немедленно...» Тут связь оборвалась. я запросил информацию по остальным «подкидышам»...

— Я в курсе...

— Максим, они идут на нас. Все ТРИНАДЦАТЬ! Ты понял меня? Срочно жду тебя у Музея Внеземных Культур. Он уже оцеплен, но здесь одна молодежь... А у тебя опыт...

— Понял тебя, Капитан!

Рысцой (мне бы хотелось сказать «пулей», да возраст уже не тот) я выбежал из дома и бросился к глайдеру. К несчастью, в поселке не было нуль-Т. Интересно, что даже сейчас я отслеживал свои реакции, хотя ситуация была сверхкритичная. Словно смотрел на себя со стороны. Вот я открываю дверцу глайдера, сажусь, нажимаю кнопки... Внутренне я был относительно спокоен, но в голове у меня тем не менее крутилась одна мысль: «Проморгали, боже мой, снова проморгали, дилетанты бездарные...» Лететь мне предстояло минут десять, и у меня было достаточно времени, чтобы обдумать происходящее. Итак, на нас снова идут «автоматы Странников». Самое ужасное, что все они сейчас на Земле. Мы потеряли бдительность, расслабились. Да что там — мы! Я — расслабился! Кретин старый, безмозглый...

Костеря себя на чем свет стоит, вторым планом я подумал, что старая идея сделать Корнея Яшмаа нашим союзникам все же дала свой результат. Он успел предупредить нас, прежде чем программа полностью подчинила себе его сознание и волю. Причем, похоже, с ним это произошло в гораздо более жесткой форме, чем с Львом Абалкиным. Как и со всеми остальными. Теперь это зомби, которые не остановятся ни перед чем, чтобы захватить «детонаторы». И теперь уже совершенно ясно, что нас ожидает Апокалипсис. Только пока непонятно, в какой форме. Да и в самом деле, какой гуманной расе понадобилось бы ради каких-то непостижимых нам высоких целей превращать людей в зомби и насылать на землян?.. Возможно, что Яшмаа прав, и эти «зомби» — всего лишь слепые марионетки бездушного Закона.

И уж тем более был тысячу раз прав тогда Сикорски, светлая ему память...

Когда я сел на площади перед Музеем Внеземных Культур и выскочил из глайдера, то понял, что уже опоздал. У Музея пусто, не было следов какой-либо схватки, но у входа лежало несколько неподвижных тел. Я бросился к входу и увидел Геннадия Комова, бессильно лежащего на боку в неудобной позе... Он был еще жив, когда я упал перед ним на колени:

— Максим... — прошептал он бледными губами, задышавшись, — все «подкидыши»... Все... Сильнейший энергетический удар... Мы ничего не смогли... я не знаю как... Скорее... — И он поник головой.

Я мчался по коридорам музея, как тогда с Рудольфом Сикорски, и с ужасом осознавал, что снова опоздал и что ничего уже не могу сделать...

Да, они все были здесь... Пять женщин и восемь мужчин... Они стояли полукругом. И каждый держал «детонатор» на изгибе своего локтя.

А вокруг искривлялось, раскалывалось пространство. Распахнулась и стала расширяться ревушая, словно ра-

ненный левиафан, черная бездна. И имя этой бездне было смерть.

Я оглох, мне не хватало воздуха, как будто разгерметизировалось само Мироздание. я чувствовал, что меня, как и все вокруг, засасывает в черную воронку. Я закричал, потому что понял — это конец. И не только и не столько мне, сколько — НАМ! Конец всему человечеству...

Но вдруг словно луч света рассек эту черную бездну. Свет этот расширился. Из образованного им ослепительного проема вышли высокие золотистые фигуры. Они тоже выстроились полукругом и простерли лучи-руки. Вдруг стало тихо. я успел увидеть, как распадается и тает тьма, как рассыпаются и превращаются в прах люди с «детонаторами»... А эти золотистые фигуры начали приобретать привычные человеческие очертания, и я узнал их...

Бортоломью Содди, Сэнриган, Окигбо Сиприан, Оскар Тууль, мальчик Кир, Альбина Великая и многие другие, чьими судьбами занимался мой отдел в приснопамятном 299 году. А вслед за этими в общем-то чужими мне людьми (простите —люденами) появились...

— Тойво! — крикнул я и потерял сознание.

Когда я открыл глаза, он заботливо держал мою голову у себя на коленях.

Остальные стояли надо мной и улыбались... А Дания Логовенко опустился рядом со мною на корточки и сказал:

— Помнишь, я сказал когда-то, что мы придем на помощь, не задумываясь и всей своей силой?

— Помню, — откликнулся я. — Вот только не помню, что там было в этих... лакунах... Надеюсь, теперь вы мне их заполните...

— Узнаю Биг-Бага, — отозвался Тойво.

— Тойво, Дания... — проговорил я срывающимся голосом. — Сикорски оказался прав. Не нажми он тогда на курок, где бы мы все сейчас были...

— А теперь давайте выйдем наружу, — сказал Логовенко, — и поможем пострадавшим. Все же нам следовало прийти чуточку раньше.

— Да... скорее... там Комов... и другие.

Тойво помог мне подняться. я не удержался, обнял его.

— Все-таки я дождался тебя, мой мальчик... Все-таки дождался.

Автор благодарит Ярослава Верова и Игоря Горячева, без чьего деятельного участия эта повесть не состоялась бы.

ЕЛЕНА КЛЕЩЕНКО

ЕЩЕ ВОСЕМЬ ВЕКОВ

Мария

15 января 2173 года

— Смотри, там следы на берегу!

— Ага. Капибара ходила, их тут много.

— Мы их увидим?

— Наверняка.

— Здорово. Они милые.

Катер скользил по зеленой воде Рио-Сан-Хосе. Река с трудом протискивалась сквозь лес, и кроны деревьев смыкались над ней, будто этажи средневекового города над узкой улочкой. Тут было лишь чуть светлее, чем в джунглях, но впереди вода вспыхивала искрами полуденного солнца.

— Опять гиацинты лиловые. А на берегу что-то желтое цветет... Кэп!

— Да, мэм?

— Сделать тебе лимонаду?

— Сделай, пожалуйста. А я пока возьму правее, не нравится мне этот топляк.

Голос у него, впрочем, был радостный. Джунгли дышали влажным жаром, река — свежестью, и кто-то глумливо ойкал с верхушки сейбы, то ли птица, то ли обезьяна.

— Держи.

— Спасибо! — Он принял стакан и успел поцеловать запястье. Мария рассмеялась и чмокнула его в щеку.

— А можно мы здесь остановимся? Искупаться.

— Не советую, мэм. Пираньи, мэм.

— А порыбачить?

— Невкусные, мэм. И с ними всегда одна и та же проблема. Пока вытаскиваешь первую, ее съедает вторая.

— Выдумываешь? — Мария наклонилась через поручень, дотронулась пальцем до воды.

— М-м... М-м-м!!!

Она обернулась и замерла от восторга. На соломинке, зажатой в зубах у рулевого, на самом кончике, будто на трамплине, покачивалась бабочка. Большая синяя бабочка. Лесная гостья шевелила крыльями, и они то делались темно-синими, то вспыхивали собственным голубым светом. Как огромный живой сапфир.

— Стой, не шевелись, — прошипела Мария, вытаскивая визирку. Бабочка терпеливо позировала.

— Кто это?..

— Вуфа. — Синее чудо сорвалось со стебелька, но не улетело совсем, а вцепилось лапками ему в растрепанные пряди волос. — Морфо. Из нимфалид.

— Как ты ее приманил?

— Сама прилетела. Они любят сладкое. — Он говорил тихо, будто рядом спал человек. — Иди сюда.

Морфо из нимфалид доверчиво перебралась ему на палец, затем на голову Марии, на пиратский черный платок, туго стянувший черные волосы.

— Садись на мое место. — Он поставил пустой стакан и взял визирку. — Тебе она больше к лицу. Такая же синяя, как твои глаза.

— Первый раз вижу, чтобы мужчину слушались бабочки.

— Это случайно.

— Не-ет. Послушай! Ты меня любишь?

— Очень.

— Я хочу, чтобы у нас был ребенок.

Перед глазами полыхнуло синим. Морфо исчезла. Мужчина смотрел вперед, в тоннель между деревьями.

— Что?! я что-то не так сказала? Извини, я думала, ты...

— Нет, что ты! То есть да, я тоже. Также хочу, чтобы у нас был ребенок. Просто это так неожиданно, мэм, до меня не сразу дошло. Не сердись. Ты правда этого хочешь? Несмотря на мою работу?

— Я думала, на твою работу с замедленной реакцией не берут! Сам подумай, кто же врет о таком? Правда, я этого хочу.

Вот теперь он просиял так, что Марии сразу стало спокойно и радостно. Конечно, он тоже этого хочет.

— И прямо сейчас! — решительно сказала она. — Нет, молчи, молчи! Хорошо, через девять месяцев. Но ни месяцем позже!

Он наклонил голову: дескать, повинуюсь. Потом показал на штурвал, а сам шагнул к люку.

— Ты куда?

— За швартовым канатом! Или мэм предпочитает полный вперед?

И тут же пригнулся, а чехольчик от визирки, пролетев там, где была его голова, шлепнулся на палубу.

— Реакция в порядке, — донеслось из трюма.

6 февраля 2173 года

— Как? — переспросил Экселенц.

Этот вкрадчивый тон был страшнее любого крика. Он и так не любит психологов, а в нештатной ситуации...

— У него будет ребенок, — повторил Макмэхон. —

Будущая мать — Мария Хименес, художник-фракталист, они явились ко мне вдвоем.

— Женщина знает?

— Нет.

— Но ведь он у нас прогрессор? И с врачом на эти темы не беседовал? я что-то путаю?

— Имплантат он выжег. Взял насадку для ремонта снастей, нащупал капсулу под кожей, приложил жало и дал короткий разряд.

Экселенц поднял брови.

— Хименес сказала, что хочет ребенка от него, — пояснил Макмэхон. — Как я понял, она не знала, что прогрессоры носят имплантаты, а он не захотел говорить.

— Объясните мне, какого черта он делал на Земле.

— Срочный вызов. Мать опасно заболела, потом оказалось, что тревога ложная.

— Мать заболела... — сквозь зубы процедил Экселенц. — Вот так одно нарушение тащит за собой другие. Нельзя было этого позволять.

— Рудольф, вы же лучше меня помните тогдашние обстоятельства, — осторожно сказал Макмэхон. — Легенда сыграла против нас. Видный космозоолог узнает, что его ученик с женой, погибшие на Яйле, предвидели высокий риск и якобы оставили на Земле оплодотворенную яйцеклетку. Является в Институт жизни, просит, потом требует, потом рвет и мечет... Вы знаете, как доктор Яшмаа, светлая ему память, умел рвать и метать? Нам ведь не был нужен общественный интерес к судьбам посмертных детей? Усыновление — необычный выбор, но Ян был старомоден.

Экселенц молча смотрел в стол.

— Если бы это был любой из них, — наконец произнес он, — кто угодно, кроме этого... Они-то могли думать, что не делают ничего предосудительного. Имплантат нужен прогрессору-резиденту — при оперативной работе случается всякое, а появление ребенка создало бы коллизию. И нигде не сказано, что у прогрессора не

★ может быть детей на Земле. Но этот — ведь он, спасибо вашим коллегам, был в курсе! Знал, кто он и откуда. И все-таки посмел. Почему?

— Он выполнял ее желание. — Макмэхон позволил себе усмехнуться. — Луну с орбиты, ларец со дна моря, ребенка без ген-тестов и консультаций с врачами, а равно другими лицами. Кроме того, ему никто и не запрещал заводить детей.

— Должна быть своя голова на плечах. Если программа Странников существует, она, очевидно, хранится на генетическом уровне, следовательно, передача генетической информации нежелательна. Кой черт может знать, вдруг достаточно половинной дозы генов. Или как раз половинная доза и нужна для запуска программы, а первый этап, внедрение «подкидышей», был всего лишь подготовкой... Макмэхон, вы не допускаете мысли, что его программа активировалась?

Макмэхон пожал плечами.

— Если это программа, то она заложена в каждом из нас. О'кей, почти в каждом. Она называется «влюбленность». Модификация сознания, эндорфиновый шок — меняются приоритеты, повышается самооценка, человек убежден в собственной неуязвимости и правоте... Да он и раньше не верил, что несет в себе опасность. И простите, он лучше остальных десяти знал, что может больше не вернуться на Землю.

— Стечение обстоятельств, — сардоническим тоном сказал Экселенц. — Цепь роковых случайностей. Иными словами, опять мы ничего не знаем наверняка... Ладно, Лемюзл, теперь к делу. Мать и будущего ребенка под строгий контроль. Считайте, что их у нас опять двенадцать.

— Рудольф, мне не хочется бить вас под ложечку, — осторожно сказал психолог, — но как бы их у нас не стало опять тринадцать. А затем четырнадцать.

— Что вы имеете в виду?

— Детей. Нашим подопечным по тридцать пять, в этом возрасте более семидесяти процентов землян уже становятся родителями.

— А, скажем, арканарец в тридцать пять земных лет может быть и дедом, что с того? — ощерился Экселенц. — Миллионы землян вообще не заводят детей, у каждого человека свой путь и свои обстоятельства. Или я должен вам объяснять вашу задачу?

— Рудольф, я справлялся у коллег — наши дамы, все четыре, уже заговаривали об этом. Как вы думаете, сколько еще лет мы сможем морочить им головы путями и обстоятельствами?

— Выбирайте выражения!

— Укажите более адекватные термины, и я буду использовать их, — голосом автомата произнес Макмэхон.

— Ладно. Называйте это как вам угодно, но продолжайте. Дадите нам год, два или три года — спасибо и на этом. Пока будем наблюдать за первым. На вас, Макмэхон, — подбор специалистов-врачей и организация прикрытия. Женщина доверяет вам? Беременным показана психотерапия.

— Что?.. Но я не разбираюсь в ваших...

— Мы не должны расширять круг. Можете считать это штрафом за то, что проворонили эндорфиновый шок. И найдите тех, кто работал с Ласко и Нильсоном. Желаю успехов... семейный доктор.

Корней

17 января 2179 года

Дом в степи заброшен, в нем не ютятся даже призраки. Зачем я его строил? Летом ветер качает высокую траву у крыльца, зимой швыряет в окна снег, и терморегуляторы никак не могут прогнать континентальную стужу. Где-то наверху спит механическим сном отцовский андроид-гигант. Поблескивают неживые глазки видеодатчиков. С тихим шуршанием, будто медленно

отдирают пластырь, ползает по полу робот-уборщик. Молчаливая псевдожизнь пустых комнат.

Мария была совершенно такой же, как шесть лет назад, только волосы стригла короче. И еще взгляд. В синих глазах лежали тени, глаза казались свинцово-серыми. Лучше бы она продолжала кричать на него.

«Как ты мог так поступить со мной?»

Прости меня, повторял он снова и снова.

«Мне сказали, что ты все знал! И врачи знали, все знали, кроме меня!»

И это правда, отвечал он. Наверное, меня нельзя простить.

«Я узнала, кто ты такой, от журналиста! я не верила, смеялась, а он... записывал...»

Ну, стукни меня по голове. Они из меня душу вымotalи в эти полгода, врачи, биологи, журналисты и просто любопытные. Вот уж не думал, что эта история раскроется при нашей жизни. Знаешь, ведь я однажды работал с этим Абалкиным и не подозревал, что он — такой же, как я. Теперь я могу жить на Земле сколько хочу, могу стать космозоологом и отправиться в экспедицию... Жаль, цена высока.

«Как ты мог, нет, как ты мог?! Андрюша — теперь сын... подкидыша Странников! Как он будет жить с этим? Ты, ты... ты нелюдь! я ненавижу тебя!»

Пусть будет так, молча соглашался он. я заслужил.

Мария подошла ближе. Ему захотелось встать и взять ее за руку, но он не решился. Тогда она села на пол и прижалась щекой к его колену.

10 августа 2198 года

Он явился в разгар нашего брейн-сторма, и пару секунд я глядел на него, не узнавая. Похоже, и это было поставлено мне в счет.

— Я зашел проститься, отец. Завтра улетаю на Тагору. Совет Лабораториума оказал мне честь...

«Отец» — будто через силу. Пятнадцать лет назад я был «пап». Он стремглав вылетал из нуль-кабины и повисал у меня на шее, упоенно командовал Драмбой, часами готов был слушать о тахоргах и сора-тобу-хиру. И разумеется: «Пап, а Расскажи еще раз, как вас нашли Следопыты! А ты совсем-совсем ничего не помнишь о Странниках? А если самое глубинное ментоскопирование?.. У-у, жалко. А бабушка и дедушка знали, откуда ты на самом деле? А когда тебе сказали, ты испугался или обрадовался?.. Ну как чему!..» Раз сто мне задавали все эти вопросы, и только одному человеку я отвечал с удовольствием. Мой папа — чудище иных миров и дитя сверхцивилизации, съели?!

А теперь я спросил его, чем он будет заниматься на Тагоре, и в ответ получил: «Нет смысла объяснять». Может, для кого-то я многоуважаемый доктор Яшмаа, светило экспериментальной истории, а для сына я тупой прикладник, который только и сумел в жизни, что сделать несчастной его мать. И то, что не без участия доктора Яшмаа остановилась большая война на далекой планете, — это так, пустяки, не стоящие внимания.

Главное он выдал, когда мы шли через сад к нуль-кабине.

— И вот что. Меня теперь долго не будет. Мать останется одна. я требую: перестань ее мучить.

Слов у меня не нашлось, вернее, я намертво застрял между «откуда ты взял» и «не твое дело, сопляк». А он продолжал:

— Раньше я об этом не говорил, потому что раньше я был рядом и... Одним словом, сделай что хочешь, но перестань ее мучить!

Далее выяснилось, что я должен исчезнуть из жизни Марии, а также, вероятно, его собственной жизни. Дабы не мозолить глаза, и пропади он пропадом, проект «Гиганда». Тут я потерял терпение и осадил его, как полагается осаживать молодых, когда их несет, однако что

это могло изменить? Специалисты больше не сомневаются, что мы, «подкидыши», — просто люди, гармонично вписавшиеся в разнообразие землян. Но я обманул Марию, с этим не поспоришь.

Я не сказал ему, что и вправду могу исчезнуть. Не хватало еще бить на жалость.

Андрей

8 сентября 2199 года

Напитки тагорян, разведенные водой раз в двадцать, уже не считались метаболическими ядами, но цвет приобретали малоаппетитный. Андрей, однако, уже привык, и они с профессором Ю-Ши совершали ритуал отдохновения вместе.

Они занимались тем, что на Земле бы назвали теорией вероятностей, и матстатистикой, и чем-то вроде теории хаоса. Каждое утро Андрей, направляемый учителем, нырял в инопланетные математические джунгли, блуждал в них, как мог, пугался, отчаивался, переживал открытия и совершал подвиги. Это продолжалось около четырех земных часов, и, когда он понимал, что в клетках его мозга больше не осталось нейротрансмиттеров и он не в силах завершить преобразование, профессор Ю-Ши совсем по-человечески вздыхал и ставил две чашки на низкий столик.

Беседовали через транслятор. Андрею не давались языки Тагоры, профессор не владел ни русским, ни испанским, ни английским. У математиков другие приоритеты.

Трехмерный мир возвращался не сразу, и Андрей смотрел на профессора со смутным удивлением. В математических дебрях расовые отличия терялись, и легко было забыть, что учитель — не человек. Как и то, что стажировка в департаменте математики Лабораториума потенциально была не менее опасной затеей, чем экспе-

диция в настоящие джунгли. Тагоряне любят способных инопланетников, но опасаются неконтролируемых факторов, и, как они поступили со своими «подкидышами», всем известно.

— Эта секретность, остров в океане — не моя воля. — Шуршащий голос профессора транслятор передавал тише человеческого. — Теперь я могу сказать, у нас общие задачи. (Андрей приосанился: эта идиома была комплиментом.) Совет Лабораториума до сих пор не может забыть о происхождении вашего почтенного родителя. Уже восстановлены дипломатические отношения между Тагорой и Землей, а они все твердят о каких-то малых воздействиях, о факторах, которые невозможно учесть на вашем уровне развития науки. я лично рассчитал опасность, которую вы можете представлять в самом неблагоприятном случае. Но кое-кто продолжает занимать мое время и ресурсы машин. Кое-кто считает, что я приписываю слишком большой вес позитивным исходам...

— Life isn't all fricasseed frogs, that's what they say, — не удержавшись, прошептал Андрей. Паршивец транслятор услышал и дал вариант перевода, помигивая оранжевым в знак возможной неточности. Профессор поднял третье веко в знак удивления. Андрей извинился и начал объяснять про вымышленную разумную расу, почти по-тагорски увлеченную предсказаниями негативных последствий, как вдруг заверещал коммуникатор.

— Эндрю! So good, это ты, наконец-то! я уже думала черт знает какое...

— Салли, ты что кричишь? я же у профессора, погоди... Простите, пожалуйста. — Андрей вынул «ракушку», вставил в ухо и заговорил вполголоса:

— Ну, что случилось, малыш?.. Серьезно?.. Нет. Нет, не смотрел... Салли, давай с самого начала, я первый раз слышу о каких-то люденах!

24 мая 2203 года

— «Меньшая часть человечества форсированно и навсегда обгонит большую», — сказал Андрей. — И самое интересное, что «подкидыши» не имеют отношения к людеям. Ни у кого из десяти оставшихся в живых пресловутый зубец Т не обнаружен. Как и у меня и шестнадцати моих, так сказать, кузенов, как и у трех внуков «подкидышей». А страхов-то было.

Тридцать лет прошло, подумал Макмэхон. Высокий, почти с Корнея, но мимика и пластика совсем другие, и глаза синие. И уже есть люди, которые знают Андрея Яшмаа, математика, и не знают, кто его отец.

— Андрей, вы не обидитесь, если спрошу: вы ведь хотите решить эту проблему? Узнать, что отличает «подкидышей» и их детей от других землян, и что имели в виду Странники, оставляя нам инкубатор?

— Обижусь, если не спросите. — Андрей ухмыльнулся. — Честно говоря, меня распирает. Можно, я немного поболтаю? Публиковаться мне пока рано, а болтать уже можно. Постараюсь без математики.

— Я весь внимание. — Плох тот терапевт, который не побеседует хоть с математиком, хоть с гибридизатором, хоть с артистом о его работе.

— Знаете, один эволюционист говорил: если бы Землю посетили инопланетяне в период становления человека как вида, они решили бы, что эти немногочисленные обезьяны вымирают.

— Вы думаете, Странники таким способом попытались сохранить наш вид?

— Да нет, это чепуха, тринадцать — мало... Ладно, берем факты. Во-первых, «подкидыши» ни с кем не клас-теризуются. На генном уровне они люди, только неопределенные какие-то люди, равноудаленные от всех земных и внеземных этнотипов, как ныне живущих, так и древних. Во-вторых, есть некие участки генома. Одни из них у «подкидышей» уникальны, другие нет, и в лю-

бом случае ничего особенного, ни рогов, ни копыт на уровне фенотипа. Но что для них характерно... короче, у меня таких участков три, и они представлены только копиями, полученными от отца. В этих точках мамины варианты удалены, как если бы они были дефектными, и заменены отцовскими.

— Как такое может быть?

— Обыкновенно. Это случается и без Странников. Но когда те же гены сохраняются и у внуков, — наводит на размышления. Выборка пока мизерная, говорить о чем-то серьезном нельзя. Просто такая непонятная штука, аналог их янтариновых артефактов. Есть, а зачем — кто знает.

— Но вы предполагаете зачем.

— Да, здесь начинается моя отсебятина. я предположил, что Странники подобрали варианты генов, которые мы утратили, когда наш вид проходил через «бутылочное горлышко». Решили, что нам без них жизнь будет не мила, и прислали в подарочной упаковке. Возможно, это были зиготы погибших кроманьонцев, но скорее — искусственные конструкторы. Кстати, это могло предназначаться и не нам. Вдруг мы вскрыли подарок для саракшианцев, который они должны были найти, когда выйдут в космос...

— Э, нет, подарок наш! — воскликнул Макмэхон. — Это был канун земного Нового года!

Андрей хмыкнул, давая понять, что оценил шутку. Но кто знает наверняка, подумал Макмэхон. В чем сильны Странники, так это в управлении событиями, которые менее развитые расы называют случайными...

— И что дальше? Ваши потомки станут новыми людьми?

— Наши потомки, Лемюзл. Наши. Помните задачу про шахматную доску и зернышки? У вас двое родителей, четверо дедушек и бабушек, восемь прабабушек и прадедушек. Лет через восемьсот каждый землянин будет потомком «подкидыша». И обратно, каждый

из них будет потомком всех ныне живущих землян, кто оставит детей. Судя по тому, что мы знаем о Странниках, помощь, рассчитанная на сорок пять тысяч лет и еще восемь веков, вполне в их стиле. И тогда понятно про детонаторы — помните, артефакты, что нашли рядом с инкубатором. Насколько я знаю, исчезли детонаторы или умерших «подкидышей», или тех, у кого есть внук или не менее двух детей.

— Но ведь детонатор Корнея исчез уже лет пять как... Вы не знали?

Не знал. По лицу математика Яшмаа это было видно отчетливо.

— Андрей, так что это за гены? — спросил Макмэхон. — Вы говорите именно о помощи...

— Что за гены. По отдельности — ничего особенного. Некоторые повышают интуицию, эмпатию, умение вычленять семантику мельчайших знаков — не просто так шесть из тринадцати в профпоказаниях имеют зоологию и ладят со всякими зверушками. Интереснее, что со временем дадут комбинации генов. Можно на ваш экран?.. Мы не Странники, мы плохо умеем считать на таких временных расстояниях, да еще троих из тринадцати мы снова потеряли... Вот так как-то.

Радужные круги, лучащиеся надписями, лабиринты регуляторных цепей, столбцы и строчки аминокислотных последовательностей... Макмэхон промотал к резюме, прочитал его, потом еще раз.

— Вы думаете, это... Вы в это верите?

— Пусть машина думает, ее для этого строили. — Андрей прищурился и стал очень похож на Корнея. — А у машины получается, что в итоге всех событий на уровне генома нынешние вершины науки — многомерная алгебра, построение П-абстракций — могут стать обыденным навыком. Звучит выпренно. Но, знаете, членораздельная речь тоже когда-то была непростым занятием и уделом немногих, самых упорных, а теперь

дети учатся говорить так же естественно, как растут. Генкопия. Ну как вам?

Макмэхон восхитился, вполне искренне. Андрей обрадовался, тоже вполне искренне. Но было видно, что ему уже не до науки. Он вертел в руках свой инфокристалл, кусал губы и, наконец, решился.

— Лемюзл, я, собственно, и пришел к вам как к психотерапевту. Когда я улетал, я плохо попрощался с отцом. Хотел его обидеть и обидел. Но я только сейчас понял, какой был скотиной. Салли и я — мы перед отлетом решили не говорить родителям, мама бы вообразила, что нас убьют, раз мы оставляем на Земле зародыш... я не подумал, это же всего одна клетка... о черт, Лемюзл, мне нужен ваш совет. Понимаете...

Макмэхон понял.

МАЙК ГЕЛПРИН

КОВЧЕГ-3

Он по-прежнему вызывает меня всякий раз, когда ему хочется побеседовать. Так же, как шесть лет назад — в любое время бортовых суток. И зовут его по-прежнему Малышом, хотя имя это давно уже не подходит. И панель вызова по-прежнему на фасаде у старого доброго Тома, и экран у него во лбу.

По-прежнему... Вот и всё, что осталось от этого прежнего, от того, что было, когда проект «Ковчег» спешно свернули, а планету объявили запрещённой. Всё остальное изменилось: значительно, бесповоротно и к худшему.

— Стась. Ты не спишь, Стась? Давай побеседуем.

Прежде всего изменился голос. Малыш не подражает больше ни Комову, ни Вандерхузе. Он изъясняется теперь исключительно моим голосом, так что зачастую мне кажется, будто я говорю с самим собой. Голо-

са, впрочем, не главное: Комов и Вандерхузе перестали Малыша интересовать. Так же, как перестали интересоваться все остальные. Я часто думаю, что включая меня.

— Давай побеседуем, — соглашаюсь я. — О чём бы ты хотел?

Он молчит. Долго, неестественно долго для человека, и я заставляю себя терпеть, потому что он — не человек, и раньше об этом знал только я, а теперь знаем мы оба. А ещё потому, что он всё-таки человек, и мы оба тоже об этом знаем.

Раньше он вызывал меня десять раз на дню. Когда была ещё база, и был на ней персонал, и лучшие специалисты во всех отраслях знаний работали на меня. Он задавал вопросы, один за другим, и я отвечал на них — единственный человек, ответы которого он соглашался выслушивать. Потом вопросов стало меньше. Потом ещё меньше. Потом их не стало вовсе.

Состыкованная со спутником Странников база опустела. Сначала покинули её инженеры, вслед за ними исчезли психологи. С полгода промаявшись бездельем, взял отпуск и не вернулся врач. В результате я остался один. Новоиспеченный работник КОМКОНа-2 Стась Попов, посредник между гуманоидной цивилизацией Земли и гуманоидной же цивилизацией планеты Ковчег, состоящей из единственного представителя. Космического Маугли Пьера Семёнова по прозвищу Малыш, который посредником между человечеством и негуманоидами планеты Ковчег так и не стал.

За шесть лет я привык к одиночеству. Привык к тому, что изначальный ажиотаж пошёл на убыль, увял, а затем и сменился на безразличие. Закрытая, замкнутая на себя цивилизация Ковчег перестала вызывать интерес, связанные с ней разработки забросили и признали бесперспективными.

Я — остался. Добровольно, а скорее добровольно-принудительно, потому что пока я ещё был здесь, пока на-

матывал вокруг Ковчеха витки, оставалась ещё ниточка. Истончившаяся, непрочная, но какая есть.

— Стась, я умру?

Меня передёргивает. Это первый настоящий вопрос за последние полгода или около. Ставшие редкими, раз в неделю, а то и в две сеансы связи проходили за шахматной игрой или за решением логических задач, которые я усердно таскал из информатория. «Щелкунчик! — иногда восклицал Малыш, сделав удачный ход или отыскав нетривиальное решение. — Сверчок на печи». И — всё. Он выходил на связь со мной уже не потому, что нуждался во мне или тем паче хотел поговорить с другом. я не был ему другом в том смысле, который вкладывают в слово «друг» люди. Так же, как и он мне. я гнал от себя мысль, что оба мы совершаем стандартные действия, произносим редкие незначащие слова не оттого, что хотим этого, а так — по привычке.

— Мы все когда-нибудь умрём, — осторожно говорю я. — Одни раньше, другие позже.

Он внезапно вскакивает, принимает одну из своих немыслимых, негодных для человека поз, веером раскидывает перед собой пригоршню мелких камней. Скобоченный, тощий. я смотрю на него, изо всех сил заставляя себя не раскисать, не сопереживать ему, не жалеть это брошенное на невесть чей произвол горемычное, одинокое существо.

— Я думаю, что хочу умереть, — бросает Малыш. — Нет смысла.

— Подожди! — Меня пробивает дрожь. я знаю, насколько безотказно и умело аборигены исполняют желания своего человеческого пасынка. — Постой! — Я почти кричу. — В чём нет смысла, почему?

— В этом. — Малыш обводит рукой однообразный и унылый, оскмину набивший пейзаж. Корявый, словно расколотый зуб, подтаявший айсберг, вломившийся в затянутый ледяной плёнкой пустынный берег; чёрный

безжизненный океан; мохнатый туман, оседлавший горячее гиблое болото; приземистый горный кряж на горизонте. — Стась...

— Что? — выдыхаю я.

Он отключается — внезапно, неожиданно, не предупредив, так, как делает это всегда.

Я утираю со лба испарину, встаю, на неверных ногах бреду от узла связи прочь. Новый вызов перехватывает меня на полдороге, я бросаюсь назад, с ходу падаю в кресло, замираю.

Это не он. Вызов внешний: стандартный код запроса «борт-база». С полминуты сижу неподвижно, пытаюсь прийти в себя.

«Стась Попов, КОМКОН-2, база «Ковчег» на связи», — автоматически отвечаю я наконец.

В первое время я отбоя не знал от визитёров: базу осаждали любознательные одиночки и любопытствующие делегации. Жадно вслушивались в заполняющие околопланетный эфир звуки, восхищённо переглядывались, фотографировали. Затем поток гостей истончал, потом и вовсе сошёл на нет. Пандора и Панта, Надежда и Яйла, Леонида и Саракш — рядом с ними унылый скучный Ковчег выглядел, словно заросший чертополохом пустырь по сравнению с бурлящими, клокочущими жизнью тропическими джунглями. Последний посетитель был с полгода назад — корреспондент уездной техасской газеты, намеревавшийся взять у Малыша интервью и не солоно хлебавши убравшийся восвояси, когда тот оборвал сеанс связи, едва углядев на экране чужака.

«Вандерхузе и вправду похож на верблюда?» — поступает новый сигнал.

Я прихожу в себя, стряхиваю недавний шок и отчаяние.

«На задумчивого», — улыбаясь, передаю я.

Эти фразы — пароль и отзыв, известные лишь двоим. Мне и моему старинному приятелю, резиденту Земли

на планете Саракш, прогрессору Льву Абалкину по прозвищу Гурон. Единственному человеку, кроме меня, при виде которого Малыш не обрывает немедленно связь.

Через пару часов я едва не приплясываю от нетерпения у стыковочного шлюза. Последний раз мы виделись три года назад, Лев прилетал сюда с Саракша, проигнорировав прогрессорскую традицию проводить отпуска на Пандоре, валяясь на Алмазном пляже у подножия величайших в обитаемом космосе песчаных дюн.

— Неимоверно рад тебя видеть, — говорю я, пожимая Льву руку. — А то стал тут настоящим затворником, и...

Осекаюсь, обрывая фразу на середине. Что-то не так, доходит до меня вдруг, с ним что-то не так. Недоуменно смотрю на него, ещё не соображая, что именно не так с этим спокойным, уверенным в себе, похожим на индейского воина человеком.

— У меня мало времени, Стась, — бросает он нервно. — Нам надо поговорить.

— Да, конечно, — растерянно отвечаю я. — А о чём?

— Это не важно. — Лев вдруг застывает, уставившись в потолок, затем срывается с места, мгновенно оказывается рядом, хватая меня за грудки, заглядывает в глаза. Так же внезапно отпускает и размашисто шагает от стыковочного шлюза прочь.

Я потрясён. Он на себя не похож, осознаю я. Словно его подменили, словно передо мной другой человек, никакой не прогрессор, не мастер скрадывания, ниндзя, а... А истощённый неврастеник на грани срыва.

— Рассказывай, — жёстко требует он в кафетерии десять минут спустя, затем смягчает тон: — Со мной произошла нехорошая штука, Стась. Извини. Расскажи что-нибудь, всё равно что, мне сейчас очень нужно послушать человека, который меня знал многие годы. Расскажи о Вандерхузе, о Комове, о... — он на миг запинаясь, — о Майке.

Я, чувствуя себя дурак дураком, начинаю излагать прекрасно известные нам обоим вещи. Он перебивает,

переспрашивает, не даёт договорить. А правда ли, что Вандерхузе, напоровшись в джунглях на оголодавшего тахорга, спросил его «не пора ли, как вы полагаете, отобедать?» А писал ли я когда-нибудь Комову и отвечает ли он на письма, или это выше, видите ли, его достоинства их читать? А так ли, что Майка сейчас работает на Гиганде?

— Нет, не так, — теперь прерываю его я. — Она работает на Земле, в Музее Внеземных Культур. Мы с ней говорили недавно.

— Точно? — Лев вскакивает. Заложив за спину руки, пересекает кафетерий по диагонали и поворачивает обратно. — я так и знал, так и чувствовал, я...

Внезапно он останавливается. С шумом выдыхает воздух, усаживается в кресло и подпирает кулаком подбородок.

— Прости, — произносит он обычным, спокойным голосом. — В последнее время на меня находит. Нервы, да и устал. Понимаешь, там, где я работаю, всё время война, смерть, в штабе группы флотов комплоты и интриги, каждую секунду ждёшь ножа в спину.

— Расскажи. — У меня отлегает от сердца. Ничего, думаю я, нервный срыв, бывает. Действительно, если жить в этом варварстве, постоянно рискуя, всё может стать, всё, что угодно. Хорошо, что только срыв, хорошо, что не эпилепсия какая-нибудь или коллапс.

— Ладно. — Лев энергично кивает. — Понимаешь, у этих гадов, у имперской знати, созрел план — десант за Голубую Змею, это такая река, отделяющая выжженные пустынные земли от уцелевшей в ядерной войне цивилизации. Был приказ захватить там плацдармы, в пустыне: глупость и дикость, конечно. Нам удалось высадиться и проникнуть в глубь материка километров на сорок. А потом началось...

Он замолкает, упирается взглядом в столешницу.

— А дальше? — подбадриваю я. — Проникли вглубь и что?

— Дальше? — механически повторяет он. — А дальше эта мразь, эта матросня и офицерье, портяночники, они... — Лев повышает голос. — Там, в пустыне, ютились жалкие кучки чудом выживших в ядерной катастрофе людей, понимаешь? Несчастные, больные, изуродованные. Мутанты. И вот этих мутантов, — теперь он уже кричит, надрываясь, — из огнемётов, хибары их косорылые, баб их, детишек — эта сволочь огнём!

Он резко замолкает и отчаянно мотает головой, будто старается вытряхнуть, вышвырнуть из неё воспоминания. Потом говорит глухо:

— Прости, я здесь не для того, чтобы пугать тебя имперской резнёй. я здесь совсем для другого. Я, Стась, хочу посмотреть на него.

— На кого? — ошеломлённый последней истерикой, не понимаю я. — На кого посмотреть? Ах да. — Секунд пять я медлю. — Не надо тебе смотреть, Лёва. Да и ни к чему, чтобы Малыш видел тебя сейчас.

Он сидит молча, расслабившись и закрыв глаза.

— Ну, хорошо, — говорит он наконец. — Наверное, ты прав. Как он? Ему ведь уже семнадцать.

— Если по земным меркам, то почти восемнадцать, — поправляю я. — С ним тоже нехорошо. Знаешь, с каждым днём становится хуже. Ненамного, всего на чуть-чуть, но хуже, чем накануне. А сегодня сказал, что хочет умереть.

— Что? — Лев Абалкин вскидывает голову, глядит на меня в упор. — Что он сказал?

— Что хочет умереть, — терпеливо повторяю я. — И ты знаешь, с учётом этих аборигенов я боюсь, что... Ну ты понимаешь.

Лев каменеет лицом.

— Я так и думал, — говорит он тихо. — Ничего удивительного: обычная история, его ведь все бросили, и никому нет до него дела. Едва стал неинтересен, и вот. У него, по сути, остался один ты, которому по большому счёту тоже нет до него дела.

— А ты стал жестоким, — произношу я медленно. — Очень жестоким в этой своей, как её. В империи. Ты полагаешь, я торчу здесь без малого шесть лет потому, что мне нет до него дела?

— Не потому, — твёрдо отвечает он. — Не потому, а вопреки. Стояли звери около двери.

— Что?

— Да так, не важно. Прости, Стась, вероятно, ты прав: я зачерствел душой. Но ты и на самом деле торчишь здесь шесть лет и за эти шесть лет умудрился ничего для него не сделать.

Я не отвечаю. Мне больно и горестно. У Льва Абалкина не только нервный срыв и усталость. У него явное и серьёзное нарушение мышления и пробой в менталитете. Эти нелепые вопросы, истерика, а теперь ещё и несуразное обвинение.

Он вскидывает на меня взгляд.

— Мне, пожалуй, пора, — говорит он небрежно, так, словно заглянул к соседу на чай, а не прошёл четверть Галактики, добираясь сюда. — Знаешь, Стась, у меня к тебе просьба. Не надо говорить никому, что я был здесь, ладно? Даже если тебя спросят, не говори. Обещай, пожалуйста. Обещаешь?

— Что ж, хорошо, — пожимаю плечами я. — Если ты так хочешь, не скажу. Только вряд ли кто-нибудь станет спрашивать.

— Обязательно станут, непременно, — со странной улыбкой возражает он. — Ты потом поймёшь. А знаешь, я рад, что не показал тебе её. Сначала думал, что стоит показать, а потом решил — ни к чему.

— Кого «её»? — с трудом подавив неприязнь, спрашиваю я, в основном чтобы хоть что-то сказать.

— У меня на борту пассажир, — роняет он. — Вернее, пассажирка, она сейчас спит, она практически всё время спит, потому и жива ещё. Моя приёмная дочь.

— Какая ещё дочь? — Он, мне кажется, бредит. — Откуда?

— Оттуда. Из пустыни за Голубой Змеей. Её зовут Танга, ей почти семнадцать, и она смертельно, неизлечимо больна. И ещё — жутко, патологически уродлива, как они все, мутанты, но ей особенно не повезло. Могла бы вырасти красивой девочкой, если бы...

Абалкин не договаривает. Поворачивается спиной и бредёт из кафетерия прочь.

— Подожди. — я вскакиваю, догоняю его в дверях. — Ты удочерил девочку и теперь везёшь её на Землю?

— Нет, не на Землю. — На лице у него кривая усмешка, а может, усталая, не поймёшь. — На Земле ей делать нечего, медицины, которая сумеет справиться с тем, что у неё, на Земле нет. Ладно, теперь прощай.

Его убили непсанный месяц спустя. Застрелили на глазах у Майки Глумовой неизвестно за что. И да — о нём спрашивали. Каммерер, Комов, а потом и сам Горбовский. я смолчал. Не потому даже, что обещал ему, а по другой, совсем по другой причине.

Он был прав: за шесть лет, что торчу здесь, я умудрился ничего не сделать. Комконовские положения и циркуляры, ограничивающие и запрещающие, впитались, въелись в меня. Этика и невмешательство, независимое развитие цивилизаций — за всем этим потерялось нечто очень простое, очень человеческое. Мне, по сути, и в голову не пришло то, что понял и вопреки всему сделал Лев Абалкин.

— Стась. Ты не спишь, Стась? Давай побеседуем.

Малыш снова вызывает меня каждый день, по десять раз на дню и в самое неподходящее время бортовых суток.

— Давай, — соглашаюсь я. — А о чём?

— Стояли звери около двери, — говорит Малыш голосом Льва Абалкина. — По бим-бом брамселям. Мужчины и женщина, Стась, в чём разница?

Восемнадцать земных лет назад негуманоидная цивилизация планеты Ковчег выходила и поставила на ноги

человеческого младенца. Мне неведомо, сумеют ли аборигены проделать нечто подобное вновь, а главное, захотят ли. я знаю лишь, что семнадцатилетняя уроженка планеты Саракш, изуродованная чудовищной мутацией и неизлечимо больная девочка по имени Танга до сих пор жива. И, судя по скорости, с которой она наперегонки с Малышом пылит по поверхности планеты, проживёт ещё долго.

— Мужчина и женщина, — повторяю я вслед за ним, — это не так просто, Малыш. Давай я поразмышляю над этим и потом отвечу?

— Конечно, — говорит он. — Давай.

ВЛАДИМИР ВЕНГЛОВСКИЙ

НИ СЛЕЗ, НИ ПЛАМЕННЫХ СТРАСТЕЙ

Я вспомнил прежние несчастья,
Но не найду в душе моей
Ни честолюбья, ни участия,
Ни слез, ни пламенных страстей.

Михаил Лермонтов

«Один среди людского шума...»

Хорошо, когда есть Цель — радостное ощущение собственной полезности. Можно ни о чем не думать и не вспоминать. Палец давит на спуск. Выстрел отдается толчком в плечо. Пуля калибра 16,3 миллиметра пробивает череп крупного тахорга. Зверь бежит на меня еще несколько шагов, затем грузно оседает, вспахивая землю клыками. Рядом извивается раненый шерстистый ихтиомаммал. Что делает на суше водяное животное? Какая сила их всех пригнала сюда? я не рассуждаю. Я нажимаю на спуск. Мне надо защитить людей.

* * *

Сегодня Отшельник снова сидел на краю утеса, так же как сидел вчера, и позавчера, и неделю назад в нескончаемой веренице однообразных дней. Лес далеко внизу не менялся. Вернее, он менялся там, под огромным покрывалом бесформенной зеленой массы, где блуждали в поисках удобных лежищ болота и разливались темной водой озера. Где прыгающие деревья кочевали на новые места, освобождая пространства для пузырящейся протоплазмы. Но сверху лес выглядел прежним — непознанным, далеким и чужим.

Отшельник достал из кармана и высыпал на землю горсть камней. На ощупь выбрал самый маленький и кинул вниз. словно в ответ над лесом прокатился скрежещущий вой ракопаука. Отшельник посмотрел на часы и бросил второй камень. Глупая бессмысленная традиция. Говорят, что если делать это равномерно, то рано или поздно появится тот, кого ты давно ждешь.

— Здравствуйте, Роберт, — услышал Отшельник.

— Здравствуйте, Камилл.

Камилл подошел к краю пропасти и сел рядом, поджав правую ногу под себя, а левую свесив вниз.

— Вы меня ждали? — спросил он, уставившись на Отшельника немигающим взглядом из-под белой пластмассовой каски. — Можно мне тоже бросить?

Он поднял камешек, широко замахнулся, но потом передумал и тихонько опустил его в пропасть.

— Хотите совет за номером десять тысяч двести семьдесят два? — продолжил Камилл. — Не спешите шагнуть вниз, Роби. Это в конце концов глупо.

— Глупо? А спасти меня год назад не глупо? я об этом просил?

— Как-то, знаете, некогда было вас отделять от всех оставшихся на Радуге. Для нуль-транспортировки целой области планеты сюда, на Пандору, потребовалась вся энергия от столкновения Волн. я просто успел восполь-

зваться моментом. Удовлетворены? Встречный вопрос, почему стремитесь умереть?

— Я убил детей.

— Не вы, а Волна.

— Но я не спас. Вернее, спас, но не их. Вы бесчувственны. Вам не понять, — сказал Отшельник и мысленно добавил: «Механический чурбан».

— А что вы знаете о чувствах, Роби? Почему все из «Чертовой дюжины», кроме меня, саморазрушились? Вы думаете, человеку, срастившему себя с машиной, легко жить? — Камилл говорил ровно, не понижая и не повышая голоса. Его лицо не выражало никаких эмоций. — Мы избавились от слабостей и страстей, всего, что мешало чистому интеллекту. Но что получили взамен? Я человек?

— Нет, — ответил Отшельник.

— Тогда кто я?

— В старину вас считали бы богом. Или дьяволом. Или волшебником из сказок.

— Кто-то склонен считать даже лес, покрывающий Пандору, разумным существом, — продолжил Камилл. — Допустим, выйдет на контакт такой вот брат по разуму, скажет, что для нормальной жизни он должен избавиться от паразитов, похожих на людей как две капли воды. Они живут в деревнях и городах, посреди леса, давят друг друга, копошатся в своих мелких проблемах и не ведают, что за ними наблюдает некто совсем чужой, но более высокоразвитый. Чью сторону выберете в такой ситуации?

— А вы сравниваете себя с чужим разумом и думаете, что свысока наблюдаете за нами, да?

— Всё не так просто, Роби...

Ползущая на небе туча закрыла одно из солнц. По зеленой бесконечности леса прошла рябь. Начавшийся вой ракопаука резко оборвался, и кто-то большой заворочался в тумане под утесом, шумно пыхтя и чавкая поваленными деревьями.

— Как жить дальше? — спросил Отшельник.

— А вот на этот вопрос я ответить не смогу, — человечески вздохнул Камилл. — Ни себе, ни вам. От прошлого не спрятаться. От будущего — можно попробовать. Варианты истории множатся, перетекают друг в друга, переплетаются, плодя вероятности и теряясь в хаосе неопределенности. Их можно изменить, воздействуя на случайную цепь событий, но... Кто дал мне право? я же не ваш бог или дьявол. — Камилл попытался изобразить нечто похожее на улыбку. — Иногда лучше оставить людей страдать, чем дать шанс истории избрать катастрофические последствия.

— Зачем же так, Камилл?! Это... Это бесчеловечно!

— Бесчеловечно? Почему бы и нет? Это вы, люди, предпочитаете слепо менять свое будущее, прикрываясь абстрактными понятиями морали.

— Да что вы знаете о людях, жес!.. — закричал Отшельник и запнулся на полуслове.

— Жестяной чурбан? — переспросил Камилл. — Могу вас заверить, что металла во мне меньше, чем в консервной банке. Ваше сравнение не отвечает действительности.

Отшельнику стало противно и гадко. Он понял, что спорить с Камиллом на моральные темы не имеет смысла — тот просто не догадается, о чем разговор. Почему-то вспомнились не убегавшие от аэробуса дети, а обвиняющий и страшный взгляд Тани, когда она ПОНЯЛА.

— Если бы было возможно исправить прошлое!

Спросил? Или только подумал?

— Шанс есть, — ответил Камилл.

— Какой?! Вы же сами сказали, что от прошлого не спрятаться.

— Спрятаться — нет. Изменить — да. Вы знакомы с Теорией Взаимопроникающих Пространств?

Отшельнику показалось, что глаза Камилла сверкнули, но это был всего лишь отблеск выглянувшего из-за тучи солнца.

— Немного. Если представить мир в виде различных пространств...

Камилл неожиданно перебил:

— Множество вселенных рядом. Они могут быть похожи на нашу, могут отличаться. В некоторых время способно течь наоборот. Попав в такой мир и вернувшись обратно, вы окажетесь в нашем прошлом. Если я скажу, что граница между вселенными преодолима?

— Как?!

— Во время деритринитации, при выбросе энергии часть ее пробивает пространство и уходит в другую вселенную. Когда столкнулись Волны, я на мгновение увидел... Там были целые стаи птиц, Роберт, — сказал Камилл. — Огромные синие озера, тростники... И большое, бесконечное небо. Казалось, стоит только сделать шаг, и окажешься в ином мире.

Он поднялся, отошел от края пропасти и неожиданно спросил:

— Вы знаете, что в двадцатом веке пришельцы посещали Землю?

— Нет. К чему вы это спросили?

— Коллектор Рассеянной Информации увидел их корабль. Чужаки спускались на Землю, собирали образцы флоры и фауны. Один из людей пробрался на корабль и поднялся вместе с ним на некий огромный музей-зоопарк. Тогда он решил, что находится на борту космической базы. Но КРИ не нашел ее следов. Ни-ка-ких! Корабль исчез из нашей вселенной.

— Вы думаете, что он преодолел барьер между мирами?

— Я в этом уверен.

— Корабль ОТТУДА?

— Да.

— Но как?

— Не знаю, Роби. Для этого надо изучить принцип его работы. Поможете?

— Вы это серьезно?

— Я никогда не шучу. Корабль пришельцев прилетал не раз. Он потерпел аварию здесь, на Пандоре, пятьдесят лет назад, недалеко от деревни аборигенов. Наблюдения КРИ расшифровали недавно. Материалы у меня. Составите компанию для прогулки по лесу?

— Но... Пандора сейчас карантинная планета. Вы же знаете. После обнаружения аборигенов и возвращения Атоса... Михаила Сидорова экспедиции и охота запрещены, — сказал Отшельник. — Остались только наблюдатели. Десять человек, включая меня. я не могу покинуть Базу.

* * *

Я чувствовал себя преступником из прошлых веков, угонщиком кораблей, отъявленным пиратом. Вертолет класса «гриф» рассекал воздух Пандоры. Угрызения совести никуда не исчезли, просто затаились на глубине сознания. Их сменили Задача, Цель и слова «так будет лучше». Лучше для кого? Но Камиллу этот вопрос я не задал.

— Снижаемся! — сказал Камилл. — Поляну видите?

Я повел вертолет к земле. Лопasti «грифа» задели лианы, кабину засыпало зелеными ошметками. Мы окунулись в сумрачные джунгли. Студенистый покров прогнулся под тяжестью вертолета. Двигатель затих. я осмотрелся по сторонам, открыл кабину и осторожно встал на влажный чавкнувший мох. Несколько многоножек бросилось врассыпную. Недовольно ворчал и держался большой паук, протянувший ловчую сеть между ближайшими деревьями.

Впервые в лесу. Странное ощущение. До сих пор доводилось видеть лес только с высоты утеса, а теперь я ощущал вблизи его липкую путаницу ветвей, шорохи и непонятную тревогу, словно от постоянного взгляда в спину. я вытащил из вертолета тяжелый карабин.

— Готовы? — спросил Камилл. — Удачно сели, корабль недалеко. Идите за мной.

Его рука сжимала дезинтегратор.

Мы шли. Тысячи глаз смотрели нам вслед. Лес дышал в затылок. Лес хотел, чтобы мы обернулись. Шепот о нашем приближении волнами катился между деревьев. Его разносили на крыльях пестрые бабочки. Он скользил по траве вместе со змеями и многоножками. Он щелкал острыми зубами, притаившись среди лиан.

Камилл вскинул дезинтегратор и нажал на спуск. Миллионновольтный разряд выплеснулся вверх, зубастая тварь обугленным комком свалилась на землю.

— Осторожнее, — сказал Камилл, обходя дергающуюся грудую плоти. — Что с вами? Срок биоблокады не истек?

Со мной ничего. Со мной всё в порядке. Это лес виноват. Мне казалось, что он пытается изучить нас так же, как мы стараемся понять его. я обогнал Камилла и пошел впереди, первым пробуя лес на шаг, вдыхая его влажный запах и прикасаясь к его тайнам. Крупная мышь выскочила из-под ног, оставляя за собой отвлекающие фантомы. Некоторое время они сопровождали нас фиолетовыми кляксами, а затем растворились в зеленом сумраке. И я увидел. Это появилось, как изображение на фотобумаге, как скрытая картинка в веренице узоров стереограммы.

Они шли совсем рядом.

Громадный чернокожий смеющийся Габа в белых штанах и рубаше. Дюжина девчонок и мальчишек. И еще фигуры людей — знакомых и не очень, всех, кто остался на Радуге. Что ты делаешь, лес? Зачем лезешь в мою память? Не хочу! Кажется, мелькнуло любимое лицо? Нет! Невозможно! Таня жива! Таня перенеслась вместе со мной! Ее не может быть здесь, среди... мертвецов. я попробовал на вкус это страшное слово. Моргнул. Лес снова стал обычным, пропали те, кого я не спас. Их не существует. Всего лишь эмоции. Вполне объяснимые возмущения в сложных логических комплексах мозга.

Я закрыл глаза. Но в темноте продолжала звучать напеваемая Габой песенка:

— One is none, two is some...

— Пришли! — сказал кто-то голосом Камилла.

— Three is a many, four is a penny...

Я открыл глаза. Корабль лежал среди деревьев черной бесформенной грудой.

— Five is a little hundred...

Странно, что за столько времени лес не поглотил его, не растворил в зеленой пелене болот и розовом тумане. Корабль окружала полоса отчуждения. Трава росла, но не такая густая, как вокруг. Деревья склоняли ветви, свешивались лианы, но не ниже невидимой границы. Сам корабль был опутан белесыми застывшими щупальцами, торчащими из высохшего болота. Лес поймал чужака в смертельную ловушку.

В обшивке зиял шлюзовой люк, словно проход в иной мир.

— Радиация в норме, — сообщил Камилл. — Сканирование корабля снаружи невозможно — я не могу пробиться через защиту. Потому его и не обнаружили при первоначальном изучении планеты. Посмотрим, что внутри.

Он включил фонарик и первым нырнул в люк. Сначала мы шли, согнувшись, затем Камилл выпрямился, его шлем стукнулся о потолок. Я был выше Камилла и решил не рисковать. Длинный узкий туннель уходил в глубь корабля. Странное эхо шагов отзывалось то спереди, то сзади. Через несколько секунд мы уперлись в глухую стену.

— Проход должен быть где-то здесь, — сказал Камилл.

Он ощупал преграду. Что-то едва слышно щелкнуло, стена разошлась в стороны, и открылась дверь в пустоту. Луч фонаря утонул во мраке большого зала. Сверху из темноты свешивались черными сталактитами длин-

ные стержни. У входа лежал паукообразный механизм. Его десять членистых лап раскинулись в стороны, верх панциря съехал на бок. Робот пришельцев? Кибер? Сотни таких были сложены штабелями у стен.

Посреди зала из дыры-колодца в ровном полу било тусклое свечение. Вспышка-тьма, вспышка-тьма. Точка-тире. Словно корабль, в котором еще теплилась жизнь, хотел нам о чем-то рассказать. Камилл переступил через дохлого кибера, осторожно подошел к колодцу и замер в неудобной позе.

— Двигатель поврежден, но резервуары полны энергии, — вскоре сказал он. — Ее здесь хватит на тысячу ульмотронов. Но она находится в крайне неустойчивом состоянии, достаточно небольшого всплеска, и корабль взорвется. Мы больше ничего не найдем. Надо возвращаться, создавать группу и изучать корабль. Дело будущего.

— Что это? — Мне послышалось, что снаружи закричала женщина.

Я бросился к выходу, споткнулся о робота-паука, пронесся по туннелю, выскочил наружу и на мгновение ослеп от яркого света. Сначала мне показалось, что над людьми нависал огромный оживший кибер с корабля. Членистые ноги с загнутыми клешнями, круглое тело — ракопаук пер напролом, клацая челюстями. На траву капал яд, оставляя дымящиеся лужицы. Бородатые мужики в одежде из листьев и коры пятились от чудовища, выставив перед собою дубины. Позади держались женщины и визжали пятеро ребятишек, мал мала меньше. Местные аборигены, о которых рассказывал Атос. Цивилизация деревень.

Сейчас надо не думать. Действовать. я упал на колено, вскинул карабин и, почти не целясь, выстрелил.

Ду-дут! Сила удара пули из полуавтоматического карабина с такого расстояния равнялась десяти тоннам. Ракопаук пошатнулся. Желтое голое брюхо чудовища лопнуло, забрызгав траву мутной жидкостью.

Ду-дут! Вторая пуля попала в главный нервный центр. Ракопаук опрокинулся на землю и засучил лапами. Дети неожиданно замолчали. Позади меня неслышно появился Камилл.

— А мы думали совсем пропали! — размахивая руками, подскочил ко мне рослый бородатый мужик. — Совсем думали, что уже съедят, а вы вовремя выскочили из проклятого места. Гу-гу-гу! Да и место такое проклятое, нельзя было сюда идти, но мы не сами же пришли, просто не могли не прийти. Колченог верно говорит — не надо было сюда идти, но как же не идти, когда гонят нас сюда. И сзади гонят и спереди гонят и со всех сторон сюда гонят. А чего гонят — мы сами не знаем. А вы не такие, как был Молчун? Если такие, то вы тоже с Белых Скал, вы ведь тоже молчуны?

Я вспомнил, что Молчуном аборигены называли Ато-са. Теперь дежурные на Пандоре в обязательном порядке изучают под гипноизлучением местный язык.

— Да, мы со Скал.

К нам выскочил, прихрамывая, второй мужик.казалось, он и не услышал мой ответ.

— Молчуны! Это хорошо, что вы тоже молчуны. Хорошо, потому что вы молчуны и хорошо, потому что можете с мертвяками, но не только с мертвяками можете, а с лесом тоже. Мы думали, что у вас такая же блестящая штука, что не растет, как у нашего Молчуна была, но вы не наши молчуны, и штука у вас еще лучше. Гу-гу! — Он изобразил выстрел и радостно засмеялся. — А то, как наш Молчун совсем ушел, перед самым Одержанием он ушел, как он ушел, так мертвяки пришли, и Одержание началось. Может, Одержание и не плохо совсем, когда начинается, но мы с Кулаком ушли из села, не любим мы темную воду, а вода село залила во время Одержания. Мы ушли, и женщины ушли, и старик с нами ушел, вы старика не видели? Куда старик запропастился? Может, съели уже его, как мы из последнего села ушли, так его и съели.

— Кто съел?!

— Посмотрите туда, — указал на деревья Камилл.

Из леса надвигалась Волна, ошетилившаяся зубами, когтями, крыльями и щупальцами. Волна смотрела. Волна хотела жрать. Сотни зверей, ящериц, гигантских жуков и многоножек шли на нас из леса.

— Прячьтесь! — закричал я и поднял оружие...

* * *

Плечо отдавало болью от непрерывной отдачи карабина. Рядом зашипел разряд — это Камилл пустил в ход дезинтегратор. Подкравшийся совсем близко рукоед покатился по траве, оставляя на ней пепел и кровь.

— Что происходит?! — воскликнул я.

— Это не Одержание, — сказал Камилл. — Возможно, Хозяева в Городе изменили планы и просто хотят уничтожить последних жителей деревень.

— Может, это не Хозяева, а сам лес?! Куда?! Назад! — я оттолкнул обратно к кораблю хромого мужика, размахивающего дубиной. — Может, ему надоели игры тех, кто считал себя здесь властелинами? — я выстрелил в очередного тахорга. — Баррикадируемся на корабле! Надо сдержатъ проход! Свяжитесь с Базой, вызывайте помощь!

— Роби, помощь не успеет. Смотрите.

Я посмотрел. Позади первой захлебнувшейся Волны шла вторая, гораздо больше и яростней. Она сжимала кольцо вокруг корабля.

— Мы можем пробиться к вертолету, — сказал Камилл.

Люди. Двое мужчин, две женщины и пятеро детей. Им не выжить. я на мгновение оглянулся и замер. Между ними стояли фантомы. Грустно улыбался ослепительной улыбкой Габа. С надеждой смотрели дети, оставшиеся на Радуге. А рядом стояла она.

— Энергии на корабле хватит для нуль-транспортировки? Отвечайте, быстро! — спросил я у Камилла.

— Да.

— Если энергия высвободится, вы успеете спасти людей?

— Успею.

— Дайте ваш дезинтегратор.

— Но...

— Давайте!

Камилл протянул оружие.

— Роберт, подумайте. Корабль — это же шанс для человечества. Возможность вертикального прогресса.

— Вы знали заранее, что это случится. Может быть, уже тогда, когда меня спасали. Вы правы, так будет лучше. я не буду спрашивать, какую опасность для человечества вы увидели по ту сторону. Прощайте, Камилл.

Я вбежал на корабль, остановился возле колодца с мигающим светом.

Свет-тьма. Свет-тьма. Точка-тире.

Таня... Спасибо, что ты была... Есть. я обернулся. Она стояла во тьме туннеля и смотрела на меня. я поднял дезинтегратор и выстрелил в колодец. В последний миг показалось, что впереди вспыхнуло яркое солнце. Там были стаи птиц, блестели огромные озера с синей водой, и теплый ветер ласково подул мне в лицо.

* * *

Камилл лежал на краю утеса, заложив руки за голову. Внизу, над лесом, плыл белый туман. Вверху, под белоснежными облаками, кружили друг за другом драконы. Впереди ждали долгие года одиночества. Камилл выпрямился, посмотрел в пропасть. Затем подобрал оставшиеся на земле камни и швырнул вниз.

— До свидания, Роби, — тихо сказал он. — До встречи.

ВЛАДИМИР МАРЫШЕВ

БЕСПОКОЙНАЯ
УЛИТКА

Он поднялся и, не оглядываясь, пошел в ту сторону, где должна была быть деревня, — по теплой сухой траве, мимо теплых сухих стволов, жмурясь от теплого солнца, которого непривычно много было здесь, навстречу пережитому ужасу, от которого больно напрягались все мускулы, навстречу тихой странной надежде, которая пробивалась сквозь ужас, как травинка сквозь трещину в асфальте.

А. и Б. Стругацкие «Улитка на склоне»

Леонид Андреевич сбросил шлепанцы и сел, свесив босые ноги в пропасть. Ему показалось, что пятки сразу стали влажными, словно он и в самом деле погрузил их в теплый лиловатый туман, скопившийся в тени под утесом. Он достал из кармана камешки и аккуратно разложил их возле себя, а потом выбрал самый маленький и тихонько бросил его вниз, в живое и молчаливое, в спящее, в равнодушное и глотающее навсегда, и белая искра погасла, и ничего не произошло — никакие глаза не приоткрылись, чтобы взглянуть на него.

А. и Б. Стругацкие «Беспокойство»

Полоса красного опасного мха напоминала язык исполинского зверя. Казалось, он вытянул его, отравившись зловонными испарениями болот. Сам давно уже сдох, стал кормом для неисчислимого множества лесных обитателей, а язык все тянулся сквозь заросли, постепенно истончаясь. Вот он полностью истончился и закончился. А через несколько шагов закончился и Лес.

Кандиду открылась поразительная, неправдоподобная картина. Он увидел крутой обрыв, настоящую бездну. За его кромкой, далеко внизу, виднелось что-то бескрайнее, пестрое, буровато-зеленое, напоминающее цветом и хаотическим узором гигантский маскировочный халат. Кандид не сразу сообразил, что это еще один Лес — возможно, такой же, из которого он только что вышел.

На краю обрыва, свесив ноги, сидел человек. Он был худощав, черноволос и одет в слишком просторную для него серую куртку.

Человек развлекался тем, что кидал вниз камешки. Бросив очередной, он проследил за его полетом и довольно потер руки. Так, словно внизу распростерлась еле видимая отсюда мишень, и он каким-то чудом угодил в самое яблочко. Затем незнакомец слегка наклонил голову набок и, видимо, уловив звук приближающихся шагов, обернулся.

У него было странное лицо — несовременное, словно позаимствованное в одной из отдаленных эпох. Глядя на это лицо с резко очерченными надбровьями и характерным утиным носом, Кандид вспомнил идолов с острова Пасхи. Сходство было поистине удивительное.

«Кто вы?» — хотел спросить Кандид. Но вместо этого, подойдя поближе, почему-то выдал:

— Ну и пропасть... Сколько там до дна?

— Два километра! — с готовностью ответил человек. — Приблизительно. Да, кстати, позвольте представиться. Леонид Андреевич Горбовский.

— Что вы тут делаете? — машинально спросил Кандид. И тут же почувствовал себя неловко.

— Извините, Леонид Андреевич, — сказал он. — Меня зовут Кандид.

— Я знаю, — запросто, будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся, сказал Горбовский.

— Откуда?

— Видите ли, Кандид... Вы, наверное, думаете, что я сижу на краю обрыва и кидаю камешки в эту зеленую пену, мучаясь бездельем? Скажите честно — думаете, да? Да вы присаживайтесь. Вертикальное положение — самое неестественное, нерациональное и энергозатратное. Поверьте мне! Сидеть гораздо лучше. А уж лежать... Мой вам совет: если не хотите непрерывно увеличивать энтропию Вселенной — лежите побольше!

— Спасибо, — сказал Кандид, но и не подумал занять местечко рядом с Горбовским — напротив, отодвинулся подальше от края.

— Как будет угодно. Так вот, я сижу здесь не просто так, а поджидая вас, Кандид. Вся группа в сборе, оборудование свернуто, приказ к отбытию поступил. Мои коллеги мысленно уже дома и наверняка костерят меня последними словами за задержку. Но я не мог отправиться восвояси, не побеседовав с вами.

— Группа? Оборудование? — Кандид взгляделся в Горбовского, и его кольнула мысль: ни этот странный человек, ни загадочная группа, если она действительно существует, никоим боком не привязаны к Управлению. — А вы кто, Леонид Андреевич? И главное — откуда вы?

— С Земли, — сказал Горбовский и скосил глаза вправо, выискивая еще один подходящий камешек. — Но не с вашей. Дело в том, что существуют как минимум две Земли. На одной есть Лес, есть Управление, есть вы, Кандид. Важнейший показатель — уровень развития социума. По нашим меркам он соответствует примерно концу двадцатого века.

— Какой же в таком случае век у вас?

— Двадцать второй. Всяческое изобилие, самодвижущиеся дороги, скатерти-самобранки, китовые фермы и, конечно же, межзвездные экспедиции. Я много лет был звездолетчиком — хочется думать, не последним. А теперь вот увлекся этим проектом. Не буду описывать машину, в которой прибыла наша группа, — это

слишком сложно, сам путаюсь. Мы провели исследования, кое-что поняли, гораздо больше не поняли, а теперь должны возвратиться. Не потому, что надоело, а по физическим законам. Видите ли, вот-вот закончится цикл Хасимото-Айзенберга... Впрочем, к черту физику! Важно одно: мы уходим и вновь появимся нескоро. И вот, пока я еще не исчез из вашего мира, пока сижу здесь, свесив ноги, и развлекаюсь бросанием камешков в пропасть, мне хочется спросить. Скажите, вы твердо решили уйти из Леса?

— А вы как думаете? — Кандид почувствовал, как в нем растет раздражение к этому флегматичному гостю из будущего, любителю сидеть, болтая ногами, а еще больше — лежать, дабы не увеличивать энтропию Вселенной. — Чем спрашивать, лучше помогли бы. Ведь вы, наверное, всемогущи? Китов пасете, к звездам летаете... Что вам стоит взять и перенести меня туда... к своим?

Горбовский отодвинулся назад и поднялся. Он был высокий, угловатый и — это странным образом угадывалось в его скупых, размеренных движениях — невероятно сильный. Кандиду даже показалось, что он сейчас сгребет его в охапку и, без устали переставляя длинные ноги, отнесет в Управление.

— Рад бы, — Горбовский виновато улыбнулся, — да не могу. И никто из нас не может.

Он вытянул руку вперед, и его пальцы погрузились в грудь Кандида. Они были абсолютно бесплотны.

— Вот видите? Мы не можем путешествовать к вам в натуральном виде. Только как трехмерные фантомы.

— Но почему же...

— Почему не проваливаюсь на месте и могу кидаться камешками? Это тоже видимость. Умелая фокусировка плюс еще кое-какие хитрости. А доставить вас куда-то, честное слово, я не в состоянии. Только спрашивать. Ну и рассказывать — в пределах своего разумения, конечно.

— Хорошо, Леонид Андреевич. Тогда скажите мне, — Кандид кивнул в сторону пропасти, — что это?

Горбовский посерьезнел. И не просто посерьезнел — осунулся прямо на глазах.

— Конец первого этапа. И начало следующего. Лес закончился — да здравствует Лес! Понимаете?

— Нет.

— Мы и сами мало что понимаем. Но ясно одно: ваши надежды добраться до биостанции пока не оправдались. Достичь края Леса оказалось недостаточно. За этим краем — другой Лес. Где он заканчивается, нам неизвестно. И есть ли за ним еще одна такая же ступень — тоже.

— Неизвестно даже вам? — спросил Кандид, сделав ударение на «даже вам».

— Представьте себе, — вздохнул Горбовский. — Там, впереди, все слишком туманно, расплывчато. Эффект суперпозиции реальностей. Для нас он усугубляется еще тем, что мы — чужие в этом мире. Но если вы решитесь продолжить путь...

Кандид стиснул кулаки. Он отчаянно надеялся, что до биостанции осталось рукой подать, а эта чудовищная пропасть убивала надежду на корню. Во-первых, ему никогда в жизни не спуститься вниз. Это безумие! Но если даже каким-то чудом получится, то обратно уже не подняться ни за что. А вновь пробираться через Лес, не зная, кончится ли тот когда-нибудь, и уже не имея возможности отступить, вернуться в деревню, — сто-процентное, изощренное самоубийство. Да будь оно все проклято! Надо поворачивать назад. Вот только...

— Вам что-нибудь известно об этом... втором этапе? — спросил он Горбовского.

— Что-нибудь — безусловно. Но даже более чем скудная информация, которую мы там добыли, способна кого угодно поставить в тупик. Вот скажите — кто хозяйка Леса?

Кандид вспомнил девушку, без особых усилий, сомнений, нравственных переживаний завязавшую узлом

страхолюдного рукоеда. Славную боевую подругу, способную управлять. Наверное, уже всю управляет...

— Ну как — кто, — сказал он. — Женщины-амазонки, кто же еще?

— Вы уверены? — Горбовский потер пальцем седловину утиного носа. — Ну, тогда смотрите.

Леонид Андреевич повел подбородком в сторону обрыва, и прямо над пропастью, метрах в трех от кромки, возник голубоватый шар. Размером он напоминал надувной пляжный мяч, и на его оболочке вспыхивали белые искорки.

Шар начал раздуваться, затем его оболочка растаяла, и появилась висящая в воздухе объемная картинка. Кандид увидел поляну, заросшую странной белесой травой. Каждый стебелек завершался крошечным блестящим шариком, похожим на каплю росы. Посреди поляны возвышалась массивная фигура, словно высеченная из пористого камня — темно-коричневого, почти черного. Могло показаться, что это грубо сработанный языческий идол, если бы не совершенно невозможная вещь: на широких покатых плечах покоилась... идеально кубическая голова. Кандид тупо смотрел на нее, пытаясь уверить себя, что это всего лишь примитивный киношный трюк, и тут на поляну вышла девушка-амазонка в простом белом платье. Она походила на ту, что расправилась с рукоедом, но была выше ростом и тоньше в талии.

Дальнейшее напоминало дурной сон. Девушка упала перед темной фигурой на колени, потом распростерлась ниц. Примерно минуту она лежала неподвижно, затем начала извиваться всем телом.

На голове идола вспыхнули две кроваво-красные точки. Девушка сильно вздрогнула, словно ее прожег взгляд этих страшных нечеловеческих глаз, и стала подниматься — медленно, раскачиваясь из стороны в сторону.

Темный куб слегка повернулся налево — и девушка, уже стоящая в полный рост, безвольно шагнула в сторо-

ну. Похоже, ее страшила сама возможность сойти с «линии прицела» глаз-точек. Голова истукана крутилась все быстрее, и амазонка следовала за ней, как привязанная. Вскоре она перешла с шага на бег.

Это было отвратительно. «Так гоняют лошадей на корде», — подумал Кандид и, почувствовав, что его вот-вот начнет мутить, устоял под ноги. А когда вновь поднял глаза, воздух над обрывом не возмущала даже легкая рябь.

— Что это было? — ошарашенно спросил Кандид.

Горбовский сочувственно посмотрел на него.

— Один маленький эпизод из жизни нижнего Леса. Насколько уникальный, судить не берусь. Его подсмотрел и записал наш автомат-разведчик.

— Но вы-то можете объяснить, что произошло на поляне?

Горбовский развел руками:

— Понятия не имею. Первая мысль — о некоем религиозном обряде, но я уверен, что ошибаюсь. Тут что-то другое. Вообще у меня странное чувство. Боюсь, узнав разгадку, мы не поверим, что такое возможно. Это может оказаться выше нашего понимания.

— Зачем вы мне показали?.. Чтобы напугать?

— Ну что вы, Кандид. Просто не считал себя вправе умолчать о том, что знаю. Если хотите, решил развеять некоторые иллюзии. Для того вас и поджидал. Вы ведь, дойдя до края, наверняка предположили бы, что впереди вас не ждет ничего нового.

— Леонид Андреевич, вы говорите так, будто я уже собрался туда. Но это же глупо. Нелепо. Безрассудно.

— Конечно, конечно. — Горбовский кивнул. — Безрассуднее быть не может. Так я ведь что? я всего лишь проинформировал. А выбор за вами.

— Думаете, тут возможен какой-то выбор?

— Ну... — Горбовский хитровато прищурился. — Выбор возможен всегда. Да вот, к примеру...

Он нагнулся, снял с широкого глянцевитого листа здоровенную улитку и посадил ее на ладонь.

— Красавица! — с явным восхищением сказал Горбовский, погладив янтарно-желтую, украшенную темными дымчатыми разводами, раковину моллюска. Моллюск это стерпел, но, решив не искушать судьбу, втянул мягкое тельце в домик. — Так вот, Кандид. Не считал, сколько в верхнем Лесу таких улиток, — думаю, очень много. Живут себе, крутят рожками, скоблят листики и абсолютно ни в чем не нуждаются. Но вдруг находится одна беспокойная — и пускается вон из уютного Леса. Полжизни ползет, представляете? И ради чего? Чтобы в один прекрасный день добраться до края бездонной пропасти! Как думаете, жалеет она сейчас о своем опрометчивом решении?

Кандид задумался.

— А жизнь уже позади? — наконец спросил он.

— У нее — практически да. Но мы же с вами не улитки, верно?

Горбовский слегка наклонил голову набок, словно прислушиваясь к чему-то.

— Увы, — с сожалением сказал он, водворяя улитку обратно на лист. — Мне пора. Приятно было познакомиться. Может быть, еще свидимся. Следующий цикл Хасимото-Айзенберга начнется через...

Лицо Горбовского начало расплываться. Затем вся его длинная фигура заколебалась, пошла радужными волнами и распалась на фрагменты, которые спустя пару секунд растаяли в воздухе.

Кандид долго стоял неподвижно. Затем подошел к краю пропасти и осторожно заглянул вниз. Вдоль отвесной каменной стены змеились лианы с темно-зелеными ромбовидными листьями. Стена была увита ими до самого основания.

Кандид выбрал лиану потолще, вцепившуюся корнями в почву возле его ног, и потянул ее на себя. Она не

подалась. Он рванул стебель со всей силы — тот выдержал.

— Годится, — сказал Кандид.

И начал спуск.

МИХАИЛ САВЕЛИЧЕВ

ГРЕХ ПЕРВОРОДНЫХ

...одним из первых люденов был Павел Люденов, это наш Адам.

А. и Б. Стругацкие
«Волны гасят ветер»

...в составе группы «Йормала» на уникальном звездолете «Тьма» совершили погружение в черную дыру ЕН 200056. Связи с ними не было, да и не могло быть по современным представлениям.

А. и Б. Стругацкие
«Жук в муравейнике»

Документ 1

КОМКОН

Служебное

Дата: 21 декабря 37 года

Автор: Борис Фокин, руководитель
отряда Следопытов

Тема: ситуация на Тиссе, ЕН 63061

Содержание: обнаружение спасательной капсулы
на Тиссе

Высадка отряда Следопытов на планете Тисса звезды ЕН 63061 имела задачей обследование развалин, обнаруженных здесь ГСП и приписываемых предположительно Странникам. С самого начала подобная атрибутация найденных артефактов вызывала большой скепсис, ибо

что только не приписывалось пресловутым Странникам. Однако самые предварительные съемки силами ГСП показали наличие в скальных породах под развалинами некоей полости, которая вполне могла оказаться делом рук если не самой сверхцивилизации, то тех разумных существ, которые населяли Тиссу в незапамятные времена, когда ее солнце находилось в спокойной фазе.

Прибытие на планету и разворачивание экспедиционного лагеря Следопытов прошли в штатном режиме, и после поднятия полотнища с семигранной гайкой отряд приступил к проверке на месте имеющихся данных. Наличие полости подтверждалось, и мы предполагали, что скорее всего обнаружим нечто вроде «бомбы времени» — столь распространенное у цивилизаций на первых стадиях развития стремление увековечить память о себе путем обустройства тайных хранилищ произведений искусств и образцов техники.

С максимальными предосторожностями мы проникли в полость, которая представляла собой куб с ребрами десятиметровой длины, что сразу показалось странным — неужели древние строители придерживались аналогичной нашей метрической системы? Подобное выглядело чересчур антропоцентрично.

Однако самое неожиданное было обнаружено в центре хранилища.

Там находилась спасательная капсула стандартной серии «Пингвин-М», какие массово спускают со стапелей заводы в Харбине. Датировка самого хранилища позволила отнести время его создания примерно к двум миллионам лет до современной эпохи.

Итак, еще раз повторяю диспозицию: в хранилище, высеченном в скальной породе два миллиона лет назад, обнаружена стандартная спасательная капсула серии «Пингвин-М».

В капсуле находился человек в состоянии глубокой гибернации.

На данном этапе я принял решение о прекращении деятельности на Тиссе Следопытов и передаче дальнейших работ в компетенцию КОМКОНа.

Б. Фокин

(Конец документа 1)

Документ 2

Всемирный Совет,

Р. Сикорски (лично)

Конфиденциально (тайна личности!)

Дата: 23 декабря 37 года

Автор: зам. председателя КОМКОНа Г. Комов

Тема: находка на Тиссе

Содержание: ххх

Уважаемый Рудольф,

в приложении вы найдете документ, который описывает некоторые подробности находки на Тиссе. я же сообщая: только что получил подтверждение идентификации личности человека, найденного в спасательной капсуле.

Кассандра Люденова, 10-го года рождения, физик. Входит в группу «Йормала». По официальным каналам установлено, что в настоящее время пребывает на Земле.

В сухом остатке имеем два идентичных человека, один из которых продолжает находиться в состоянии глубокой гибернации (Фокин настаивает на процедуре реанимации), а второй — спокойно живет на Земле и занимается изучением черных дыр. И заметьте, Рудольф, — никаких Странников!

Кстати, что за группа «Йормала»? Мне так и не удалось выяснить, что она собой представляет.

P.S. Тест на клонирование — отрицательный. Ментальная и физическая идентичность личностей подтверждена.

Г. Комов

(Конец документа 2)

Документ 3

Всемирный Совет

Л. Горбовскому

Конфиденциально (тайна личности!)

Дата: 24 декабря 37 года

Автор: Р. Сикорски

Тема: специальная комиссия

Содержание: проект создания специальной комиссии по расследованию инцидента на Тиссе, ЕН 63061

...Исходя из вышеизложенного, учредить временную специальную комиссию по расследованию инцидента на Тиссе, ЕН 63061, и предоставить ей необходимые полномочия для опросов свидетелей, которые могут пролить свет на произошедшее.

Председателем комиссии назначить члена Всемирного Совета Рудольфа Сикорски.

Р. Сикорски

(Конец документа 3)

* * *

Он есть.

Он есть вне времени и вне пространства.

Он есть, и ничто не может нарушить его бытие.

Это не первый и не последний уровень его бытия. Он знает, что может меняться. Соскальзывать в примитивную сознательность чего-то крохотного, но высоко о себе мнящего. Либо подниматься в такие высоты, где остатки сознания преобразуются в яростную стихию космогонических сил. Один предел его породил, а другого он так и не достиг. Пока. Словно что-то удерживает его. Тончайшая нить, протянутая из бездны. Настолько тончайшая, что не стоит никаких усилий порвать ее и взмыть вверх, ввысь. Туда, где он действительно станет всем.

Но почему-то медлит. Размышляет.

Он дрейфует в пустоте и созерцает далекие и близкие звезды, галактики и объекты совсем уж фантастические, которым на нижнем пределе и названий не придумали. Он любит играть, и это его игра в примитивное существо — пребывать на уровне космического объекта и извлекать из памяти названия того, что видит. Хотя и слово «видит» предполагает наличие примитивных приемников узкого участка спектра.

Он не видит, он созерцает.

Иногда ему надоедает дрейфовать вдали от раскаленных шаров, и он меняет траекторию, чтобы приблизиться к ним и наслаждаться бытием чудовищной гравитации, высасывая из звезд плазму. Вокруг образуется раскаленный диск, струи бьют с полюсов, вытягиваются вдоль магнитных полей, а он, играя, отбирает у звезды материю и распыляет в пустоте. Спустя миллионы лет надоедает и это, и он отправляется дальше, оставляя после себя изрядно убавивший в массе и светимости шарик, окруженный кляксами пущенной из него плазменной крови.

Но порой к нему приближается нечто настолько мелкое, что кажется космической пылью. Однако оно проявляет к нему интерес. Исследует лучами. Бомбардирует еще более мелкой пылью. Он чувствует присутствие нечто, что можно счесть разумом, примитивным, ограниченным, первой ступенькой длинной лестницы восхождения к подлинным вершинам.

Они тщатся его понять. Понять — значит вместить. Но чтобы вместить безграничное в ограниченное, безграничное следует упростить. Свести сложность к простоте. И к пустоте. Ведь в нем нет ничего, кроме сложности и пустоты. А эти примитивные носители крохотных искорок, которые они сами принимают за пылающее пламя разума, пытаются его постичь. И даже решаются на крайнюю для себя меру — нырнуть в его сложность. Погрузиться в него не пылью своих созда-

ний, еще более примитивных, чем они сами, а войти самим в непроницаемую темноту его сознания.

У них нет никаких шансов. Та скорлупа, что должна защитить их от чудовищной гравитации, никуда не годится. Им предстоит погибнуть, исчезнуть навсегда, но нечто вроде любопытства возникает в нем. Что-то позабытое в невообразимо давние времена, когда он был подобен им — безрассуден.

И он смотрит, как гравитация корежит их скорлупу, как рвет на части тела, и ощущает раздражение, что подобная мелочь занимает его внимание. В мире чересчур много гораздо более интересных вещей, чем созерцать мучения примитивных существ.

Однако он словно раздваивается. Чем глубже в него проникает крошечная заноза, вознамерившаяся бросить вызов времени и пространству там, где время и пространства сливаются воедино, где каждый мельчайший сдвиг в пространстве означает огромный скачок во времени, настолько огромный, что у примитивных существ нет никаких шансов вернуться в привычный им мир, тем больше ему хочется сохранить ее.

Он наблюдает, как гаснут одна за одной искры жизни. И вот остается последняя. Крошечная. Готовая исчезнуть. Ей удастся спуститься глубже всех. И как порой перешагиваешь через гусеницу, чтобы не раздавить ее, так и он берет гаснущую искру и помещает туда, куда она стремилась.

* * *

— Мы предлагаем вам участие в эксперименте, — сказал Логовенко и замолчал. Надолго. Может быть, смущенный своим столь прямым заявлением, а может, ожидая ответной реплики Павла. Например: «В каком эксперименте?» или «А почему вы решили, что я хочу участвовать в экспериментах?».

Вообще этот визит выглядел странно. Все члены группы «Йормала» прошли обследование в Харьковском ин-

ституте психологии, получили вполне ожидаемое заключение о своей пригодности и полной готовности к миссии. Однако спустя несколько дней на экране видеофона возникло лицо Даниила Логовенко, и вот Павел вновь в Харькове, сидит в кабинете заместителя директора института и выслушивает весьма необычное предложение. Точнее, даже не предложение, а намек на предложение.

«И зачем я сюда вообще вернулся?» — с некоторой тоской подумал Павел. Более того, даже ничего не сказал Кассандре, лишь предупредив, что вернется в Свердловск к вечеру.

Логовенко продолжал молчать и внимательно рассматривал Павла.

— Я уже участвую в эксперименте, — не выдержал и прервал тишину Павел. — Вам это хорошо известно.

Логовенко скосил глаза на терминал, будто сверяясь с информацией, и кивнул:

— Погружение в черную дыру на уникальном звездолете «Тьма».

Его слова прозвучали насмешливо, что резануло слух Павла.

— Это важный научный эксперимент, — сказал он.

— Возможно. — Логовенко сцепил руки на столе, сделал странное движение большими пальцами, будто изображая вращение двух тяготеющих масс друг вокруг друга. — я не специалист в черных дырах, но, насколько помню, никакая информация не может быть из них получена. В чем же научная ценность подобного погружения?

— Моя жена — крупнейший специалист по физике черных дыр, — сказал Павел. — Вам лучше поговорить с ней. Она умеет рассказывать это... доступнее.

Логовенко поднялся и дошел до окна во всю стену, откуда открывался вид на утренний Харьков. Постоял там, покачиваясь с пяток на носки, затем сказал, не поворачиваясь:

— Вы не находите, Павел, что люди похожи на эти самые черные дыры? Наше сознание так же закрыто от других, как закрыты от остальной вселенной звезды, что пересекли предел Чандрасекара? — Павел было вскинулся поправить, но передумал. — На дворе двадцать второй век, коммунизм, товарищество и братство, но человек так и остается вещью в себе. я вот, например, предполагаю, что вы... гм... не говорите всей правды. Особенно психологам. Например, о том, что вам давно снится очень странный и навязчивый сон, в котором вы видите себя неким фантастическим космическим существом.

Павел немедленно вспотел, глубже втиснулся в кресло.

Логовенко обернулся:

— Вы не хотите погружаться ни в какую черную дыру. Разве не так?

— Это тоже обнаружило ментоскопирование?

Логовенко покачал головой:

— Ну что вы. Даже глубокое ментоскопирование не может извлечь всю информацию из вашей черной дыры... простите, из вашей души. Это моя интуиция, если позволите.

— Мое желание тут ни при чем, — отчеканил Павел. — Иногда приходится делать вещи, которые делать не хочется. Долг. Научный долг.

— А еще вы очень любите свою жену, — мягко сказал Логовенко. — И я могу предположить, что данный мотив — главная причина вашей решимости покончить с собственной жизнью столь... хм, экзотическим способом.

— Вы переходите грань. — Павел встал из кресла, поправил куртку. — Надеюсь, эта встреча последняя.

— Я подготовил отрицательное заключение на группу «Йормала», — сказал Логовенко.

Павел остановился на пороге. Обернулся.

— Почему? Из-за меня?! Вы не можете...

— Никак иначе, кроме как коллективное самоубийство, я не могу квалифицировать данный эксперимент. Да-да, я знаю, — Логовенко предупреждаясь поднял руку, — согласно современным представлениям о черных дырах, экипаж «Тьмы» переживет и Землю, и Солнце, и, возможно, нашу галактику. А может быть, узреет и конец света. Но сути дела это не меняет.

— Вы не правы, — загорячился Павел. — Понимаете, не все так просто... да, есть горизонт событий, и оттуда действительно никаких... но уникальность эксперимента в том и состоит... Послушайте, Логовенко, пригласите Кассандру, она вам все растолкует. Хотите, позовите академиков, Всемирный Совет, Горбовского...

Логовенко пристально смотрел на Павла, пока тот не осекся.

После некоторого молчания Павел начал:

— Так вы из-за...

— Что вы знаете об импульсных системах? — спросил Логовенко.

Документ 4

Извлечение из опроса Кассандры Люденовой (Тисса) членами специальной комиссии Всемирного Совета

С и к о р с к и й: Спасибо, Кассандра, ваш отчет о тех эффектах, которые вы наблюдали при погружении в черную дыру, будет передан специалистам. Нас больше интересует, что случилось потом.

К а с с а н д р а: Потом? Вы имеете в виду, когда мы пересекли горизонт событий?

М б о г а: Как вы поняли, что это произошло?

С и к о р с к и й: Это не представляет для нас интереса...

М б о г а: Нет, нет, Рудольф, представляет. Прошу вас, Кассандра.

К а с с а н д р а: я бы назвала это видениями. Предполагаю, что гравитация черной дыры настолько исказила

мое сознание... не только мое, конечно, но здесь я могу говорить лишь за себя... Вы понимаете?

Сикорский: Да.

Кассандра: В общем... я оказалась дома. Может показаться странным, а может, и вполне объяснимо с точки зрения психологии, но я действительно оказалась дома, и это не вызвало у меня особого удивления. Будто так и должно было случиться. Стоит пересечь горизонт событий, и ты оказываешься там, где... был счастлив.

Мбога: Простите, Кассандра, а что за дом вы имеете в виду? Вашу квартиру в Свердловске, в Тополе-5?

Кассандра: Нет. Это домик на берегу Волги. Поселок Красновидово, рядом с Казанью. Дом построили еще родители Павла, и мне там очень нравилось. Высокий берег, волжский простор.

Сикорский: Как вы поняли, что это всего лишь иллюзия?

Кассандра: я бы назвала это реконструкцией. Очень точной реконструкцией, разве что тот, кто ее сотворил, почему-то решил, что вишня должна цвести и летом.

Мбога: Что происходило, когда вы выходили за пределы этой... гм... реконструкции?

Кассандра: я вновь оказывалась внутри сада. Своего рода замкнутое пространство. В П-абстракциях это классифицируется как первый уровень топологической связности. Шаг наружу превращается в шаг внутрь. Но самое главное заключалось не в этом...

Мбога: Вы не хотите об этом говорить? У вас имеется такая возможность...

Сикорский: Прежде чем сослаться на тайну личности, подумайте...

Кассандра: Не в тайне личности дело. Я — ученый и, кажется, неплохой, поэтому понимаю, насколько ценны даже крупницы знания. А я столкнулась с чем-то... с кем-то... И еще там был пес. я так думаю, что пес.

★ Комов: Что за пес?

Кассандра: С огромной головой и большими глазами. И он... он разговаривал.

Комов: Значит, все же не пес?

Сикорский: Геннадий, это не так важно.

Мбога: Может быть, пес и был тем существом, которое поместило вас в это место?

Сикорский: Кассандра, так в чем заключалось главное?

Кассандра: В памяти. Каждая комната была памятью.

Сикорский: Простите, не совсем вас понимаю.

Кассандра: Стоило мне открыть дверь в какую-нибудь из комнат дома, и я видела в ней сцену из нашего прошлого с Павлом.

Мбога: Насколько я могу догадаться, эти сцены были...

Кассандра: Да, в основном почему-то наши ссоры с ним. Мы не так часто ссорились, разве что в последние месяцы перед стартом, но те картины, которые я видела, были только ссорами, будто ничего иного в нашей жизни не существовало. я не знаю почему так.

Комов: Это были голограммы или нечто иное?

Кассандра: Это была сама жизнь. я ощущала себя стоящей на пороге комнаты, наблюдая нашу очередную размолвку, и одновременно я была той Кассандрой, что спорила, доказывала, убеждала... Все подлинное. Все настоящее.

Сикорский: Вас не затруднит передать, хотя бы в общих чертах, суть ваших разногласий с мужем?

Мбога: Если это не совсем личное, конечно.

Кассандра: Нет, не совсем личное. Мы спорили о предстоящем погружении в черную дыру. Он... он сомневался в целесообразности эксперимента. я пыталась ему доказывать с расчетами на руках, что... Впрочем, он не понимал моих расчетов. Не понимал! Не поспевал за моими идеями...

Комов: Он вам... хм... завидовал?

Кассандра: Его самолюбие было, скажем так, уязвлено.

Комов: Кстати, вы упомянули, что пес говорил.

Кассандра: Это, наверное, смешно, но он отпускал весьма едкие замечания относительно наших с Павлом ссор. Остроумные замечания. Простите, а я могу тоже задать вам вопрос?

Мбога: Сколько угодно, Кассандра.

Кассандра: я нахожусь в изоляции... это не жалоба, я все понимаю, необычность ситуации... но скажите все же, какая сейчас дата? Сколько прошло времени с нашего погружения в черную дыру?

Мбога: Видите ли, Кассандра, сегодня...

Сикорский: Прошел месяц с того момента, как «Тьма» приступил к погружению.

Мбога: Рудольф...

Комов: Как вы думаете, а сколько времени прошло с момента вашего эксперимента и появлением в том доме?

Кассандра: Миллиарды лет.

Сикорский: Откуда такая оценка?

Кассандра: я видела небо над домом. И предполагаю, что вселенная эволюционирует до такого состояния через миллиарды лет.

(Конец документа 4)

* * *

Дом стоял почти на самом краю обрыва, и отсюда, с мансарды, открывался широкий вид на Волгу и тонкие шпили тысячектажников Казани. Павел отмахивался от комаров, а Кассандра разливала чай. В вазочках лежали крупные ягоды земляники. В июльской духоте ощущалось приближение обещанного синоптиками ливня.

— Расчеты — это всего лишь расчеты, — сказал Павел, принимая чашку из рук Кассандры. — Математика, конечно, отражает реальность, но никто не говорит, что отражение является безупречным. Всегда имеется вероятность ошибки.

Кассандра поправила широкую юбку и села в плетеное кресло. В сумерках платье белело особенно ярко на фоне ее темной кожи. Взяла чашку, отпила. Потянулась за земляникой. Павел поймал ее руку и сжал:

— Какой толк от знаний, которыми никто не сможет воспользоваться?

— Ты опять хочешь поссориться? — Кассандра вывободила руку, откинулась на спинку кресла.

— Мы ссорились утром, — сказал Павел. — Лимит ссор на сегодня исчерпан. Теперь мы просто спорим. Ведем глубоко научную дискуссию в рамках отдельно взятой ячейки общества. Или, если угодно, философскую. О пределах научных знаний человечества. В духе Канта.

— Иногда я жалею, что у нас нет детей.

— Ведь что такое черная дыра? Классический кантианский объект. Вещь в себе... прости, что ты сказала? — Павел замолчал, нахмурился. — Что-то о детях? Кстати, Абалкины хотят оставить посмертного ребенка... Звучит, конечно, дико, но с этой медицинской терминологией не поспоришь. Оставляют оплодотворенную яйцеклетку в эмбриональном сейфе. На случай, если мы не вернемся.

— Я не хочу, — качнула головой Кассандра. — К тому же мы вернемся. Даже в рамках классической теории черная дыра испаряется. Поэтому через несколько... миллионов лет мы выйдем из-под горизонта событий.

Она отпила еще глоток чая. Взяла ложечкой горсть ягод, посыпала их сахаром. Сахар оказался лишним.

— Ты веришь, что через несколько миллионов лет человечество сохранится в его нынешнем виде? И что ему будут интересны знания, которым в обед — даже не

сто, а миллионы лет? — Павел так резко отставил чашку, что чай плеснулся на белоснежную скатерть. Расплылось пятно.

— Подлинные знания не имеют срока давности. — Кассандра задумчиво накручивала на палец жесткий локон. — Да и с человечеством ничего не случится. Десяток миллионов от первого гоминида. Еще несколько миллионов — пустяк с точки зрения эволюции.

— А прогресс? Ты слышала о такой идее, как вертикальный прогресс? Человечество десятки тысяч лет пробиралось сквозь пещеры прогресса, заходило в тупики, преодолевало завалы, и вот наконец наступил момент, когда оно вышло из пещеры на равнину под яркое солнце и все пути открыты ему. В том числе и вертикальный.

— Это что-то из Строгова? Ты же знаешь, я не люблю Строгова. Кстати, у нас есть алапайчики. Хочешь? Только вчера доставили с Пандоры. Там, на Линии доставки, записано...

Павел встал и зашел в дом. Постоял, вглядываясь в темноту, но свет зажигать не хотелось. Прошел на кухню и набрал код заказа. Сигнал давно прозвенел, мигал зеленый огонек, а он все стоял, прижавшись лбом к панели охладителя. Стиснул кулак и несколько раз по ней ударил.

Кассандра молча наблюдала, как он водрузил на поднос предохранительный мешок с крючьями испарителей.

— Вот.

— Вижу.

— Не видишь, — сказал Павел. — Видишь горы и леса и не видишь... ничего...

Он сел у ее ног, прижался затылком к теплым коленям.

— Я не полечу.

Пальцы перестали перебирать его волосы.

Ему было легче, что он не видел лица Кассандры.

— Я не полечу. я остаюсь на Земле. Это... это глупо. Это настолько глупо, что ты со своим умом не понимаешь всей глупости «Йормалы». Да, я гораздо глупее тебя, я и половины не понимаю в твоих выкладках, но то, что это глупость, я даже не понимаю, я вижу. И еще... я чувствую, что не реализовал себя. я еще... зародыш чего-то большего, значительного... А погружение сотрет, изымет меня из этого мира.

Колени шевельнулись, и ему показалось, что Кассандра хочет встать. Еще сильнее прижался к ним затылком.

— Твое право, — глухо сказала она. — Это твое безусловное право.

— Прости.

— За что? я могу понять.

— За другое.

Кассандра наклонилась к нему, притронулась к щекам Павла, будто проверяя — не плачет ли он.

— За что я должна тебя простить?

Документ 5

Всемирный Совет

Л. Горбовскому

Статус: официальное заявление

Дата: 15 ноября 37 года

Автор: Павел Люденов, член группы «Йормала»

Тема: эксперимент по погружению в черную дыру
ЕН 200056

Содержание: наложение вето Всемирного Совета

Уважаемый Леонид Андреевич,

снабжаю свое письмо к Вам официальной шапкой, дабы оно могло восприниматься Вами не только в качестве личного обращения, но и как официальное заявление, если Вы, взвесив все «за» и «против», сочтете необходимым придать делу официальный ход.

Позвольте объяснить. я нахожусь в довольно двус-

мысленной ситуации, поскольку, являясь одним из основателей и со-руководителей группы «Йормала», считаю необходимым наложить на ее деятельность вето Всемирного Совета.

Но прежде несколько слов о самой группе (все официальные справки, где более подробно изложена история группы, прилагаются).

«Йормала» основана два года назад как некое вольное и совершенно лишенное официального статуса сообщество единомышленников — физиков-теоретиков в области черных дыр. В настоящее время это одна из перспективных областей экспериментальной космогонии, а моя жена — Кассандра Люденова — руководитель научной школы, которая активно разрабатывает модель Геделя-Эйнштейна-Вагнера, позволяющую, как нам кажется, получить наиболее полное описание происходящих вблизи горизонта событий физических процессов.

Некоторое время назад группа вышла с инициативой в Академию наук с предложением провести эксперимент по проверке полученных теоретических выкладок в рамках указанной модели. Для этого предлагалось собрать по уникальной технологии звездолет и на нем совершить нырок к горизонту событий одной из черных дыр в окрестностях альфы Персея (Мирфак). Наиболее перспективной с точки зрения физических характеристик представлялась ЕН 200056.

Очевидно, что подобное погружение, согласно нашим представлениям о черных дырах, не предполагает возвращения участников эксперимента в стартовую или близкую по историческим меркам точку пространственно-временного континуума. Поэтому со стороны Этической комиссии Академии возникли понятные возражения против подобного эксперимента. Однако с помощью влиятельного члена Академии доктора А. Бромберга данные возражения удалось преодолеть и получить мощности для продолжения работ.

Возможно, именно на этапе жарких дискуссий с членами Этической комиссии у меня возникли первые сомнения в оправданности эксперимента. Однако, что скрывать, я находился под воздействием азарта научного поиска, а все справедливые указания членов комиссии на то, что данный эксперимент есть завуалированная форма научного жертвоприношения, списывал на их же ретроградность. Они (члены комиссии) отстали от темпов современной жизни — вот какими словами я себя успокаивал.

Как бы то ни было, а звездолет «Тьма», спроектированный группой «Йормала», сошел со стапелей Харьковского завода и проходил ходовые испытания, когда по настоянию все той же Этической комиссии мы, члены группы, прошли обследование в Харьковском институте психологии. Результаты обследования вызвали у зам. директора ХИП Д. Логовенко многочисленные вопросы и сомнения в приемлемости подобных форм научного подвига и самопожертвования, но в ходе нашей частной беседы мне удалось убедить его в оправданности эксперимента.

Привожу указанные эпизоды лишь с той целью, чтобы показать наличие огромных сомнений и возражений против деятельности группы «Йормала» со стороны столь уважаемых организаций, а также свою роль в преодолении этих сомнений.

Однако и Савл порой обращается в Павла. А потому после долгих и мучительных размышлений заявляю:

1. Эксперимент группы «Йормала» является завуалированной формой убийства.

2. Эксперимент группы «Йормала», что еще хуже, является ничем не прикрытым групповым самоубийством.

3. Эксперимент группы «Йормала» должен стать предметом разбирательства Всемирного Совета, дабы члены Всемирного Совета внимательно изучили подоплеку эксперимента.

4. Эксперимент группы «Йормала» должен подпасть под вето Всемирного Совета, ибо он не оправдан даже получением каких-либо знаний, которые в любом случае не удастся передать из-за горизонта событий.

П. Люенов

(Конец документа 5)

Документ 6

Всемирный Совет

Комиссия по этике

Статус: официальное заявление

Дата: 20 ноября 37 года

Автор: А. Бромберг, старший консультант КОМКО-На, доктор исторических наук, доктор ксенопсихологии, доктор социотопологии, действительный член Академии социологии (Европа), член-корреспондент Лабораториума (Академии наук) Великой Тагоры, магистр реализаций абстракций Парсиваля.

Тема: группа «Йормала»

Содержание: наука не терпит ограничений!

Уважаемые члены Комиссии, ознакомившись с поступившей в мое распоряжение информацией, заявляю следующее.

Упомянутое дело выеденного яйца не стоит. Именно так. Да простит меня официоз, который следует блюсти при составлении подобных бумаг. Не мне вам объяснять, что наука не терпит и не потерпит никаких ограничений. Все, что может стать предметом научного поиска, таковым станет. Хотим мы этого или нет. Вводить научную инквизицию? Не позволим. Введете? Будем противостоять всеми силами.

И мой нос чует — подобные ветры уже задувают в коридорах Комиссии по этике, которой не терпится превратиться в нечто вроде контрольного органа. Излишне-

го. Как аппендицит. (Простите, конечно же, — аппендикс).

Желаете запретить науку? Что ж, ваш покорный слуга готов стать крупнейшим знатоком запрещенной науки, дабы свет знаний не угас в пыльной толще этических сомнений.

Dixi.

А. Бромберг

(Конец документа б)

* * *

Это казалось странным — в зеркале отражалась вся комната, но только не Кассандра. Она словно через стекло заглядывала туда, где имелась точно такая же гостиная, в зеркальном порядке обставленная старой мебелью, деревянной, а не растущей из пола там, где в данный момент нужна. Поэтому, чтобы пересесть к окну, надо перетащить кресло из угла и поставить там, где сейчас разлегся чеширский пес.

Чеширский пес усиленно чесался, выкусывал колючки между пальцами передних лап и вообще — всячески прикидывался обычным псом. Но при этом косил глаз на Кассандру, которая продолжала выискивать различия между тем, что отражалось в зеркале, и тем, что находилось в комнате. Не считая отсутствия по ту сторону зеркала самой Кассандры и чеширского пса, различий не наблюдалось.

— А если я переставлю мебель? — спросила она сама себя. Приятнее было бы общаться с собственным отражением, но таковое отсутствовало, увы. — Что мы увидим в зеркале? Или мы ничего в нем не увидим?

Чеширский пес улыбнулся. Так широко и зубасто, что полностью оправдал данное Кассандрой прозвище его странной огромноголовой породе. Обычные псы, насколько помнила Кассандра, не улыбаются. Впрочем, откуда ей знать? Она же не зоопсихолог, она — физик.

А раз так, то ее стезя — эксперименты. Проще просто — взять кресло и перетащить ближе к чеширскому псу. Вот так.

— И что же мы наблюдаем? — Кассандра уселась в кресло, вытянула ноги, уперлась пятками в бок чеширского пса. Пес оказался горяч, как грелка. Ленивым движением он отодвинулся от подобной фамильярности. — А наблюдаем мы соответствующее изменение обстановки.

— Ученая, — пробурчал пес, не прекращая усиленно чесаться.

— Может, у тебя блохи? — озабоченно спросила Кассандра. — Тебе чаще мыться надо, дружок.

Чеширский пес терпеть не мог, когда Кассандра его называла «дружок». И намекала про блох. И вообще присутствие Кассандры в доме его несказанно раздражало. Первые дни он неотступно бродил за ней и ругался на каком-то неизвестном ей языке, произнося нечто вроде «мас-саракш». Иногда разнообразя сочное словечко фырканием, бурчанием и подвыванием. Но хуже приходилось ночью, точнее — того, что здесь считалось таковой. Стук когтей разносился по всему дому, и Кассандра не могла уснуть, пока не приспособилась на одну подушку лечь, а другой накрывать голову, чтобы хоть как-то заглушить посторонние звуки.

Чеширский пес пристально выпучил на нее глаза, став похожим на сторожевую собаку из сказки «Огниво», а потом членораздельно произнес:

— Сквозь зеркало. Уходи отсюда сквозь зеркало.

Кассандра рассмеялась:

— Вряд ли из меня получится Алиса, а из тебя — чеширский кот. Ведь ты — пес. А я — Кассандра.

Однако вечером, когда небо потемнело и на нем проступило то, что и должно находиться во вселенной на пороге окончательной и бесповоротной тепловой смерти, Кассандра вспомнила слова чеширского пса и подошла к зеркалу. Пес громко храпел. Она коснулась зерка-

ла рукой. Поначалу ей показалось — ничего необычного, прохладная стеклянная поверхность. Каким и должно быть архаичное зеркало. Но стоило усилить нажим, как твердая поверхность подалась, прогнулась, а пальцы погрузились в нечто похожее на жидкость.

Кассандра отдернула руку. Ладонь покрылась зеркальной пленкой. Оглянувшись на храпящего чеширского пса, Кассандра теперь двумя руками уперлась в зеркальную поверхность. Чем глубже они входили, тем больше приходилось прикладывать усилий. Когда в зеркальную поверхность предстояло нырнуть головой, Кассандра заколебалась, но затем глубоко вдохнула, сделала еще шаг, другой, протискиваясь, продираясь, пока не ощутила, что вытянутые вперед руки свободны. Последний рывок, и она вышла из зеркала.

Дом исчез. Но и это место ей хорошо знакомо.

Каюта на двоих. Распахнутая во всю ширь и высь стена, за которой черная бездна. Орбитальная станция, с которой предстоит стартовать «Тьме». «Тьма» погрузится во тьму.

Как и там, в доме накануне конца света, она наблюдает со стороны. В кресле сидит Павел и смотрит в бездну. Она, Кассандра номер один, уже облачена в зеркальный скафандр, в котором отражается все, кроме Павла.

— Мне пора, — говорит Кассандра номер один. — Ты... проводишь?

Павел качает головой.

— Нет.

— Струсил. — Кассандра подходит к Павлу, трогает за плечо. — Ты ведь опять трусил?

— Это сделал я, — говорит Павел. — И трусость ни при чем. Все дело — в бессмысленности. Там, — он показывает пальцем в бездну, — за горизонтом событий нет никакого смысла. Поэтому я и написал Горбовскому. Доброму дедушке Горбовскому...

Кассандра отступает, будто хочет внимательнее его

рассмотреть — всего, во всей его предательской сущности. Замахивается и бьет по щеке. Поворачивается и идет к выходу.

— Нет!

Крик. Громкий, отчаянный.

— Я не пущу тебя, понимаешь? Не пущу! — Он перед ней. Падает на колени, обнимает ее ноги, вжимается. — Пойми... пойми... пойми... что мне сделать, чтобы ты поняла?!

— Дождись меня, — холодно говорит Кассандра. — Отложим объяснения. Миллиона лет будет достаточно? Или миллиарда?

Он поднимает лицо, глаза сумасшедшие.

— Ты... знаешь? Откуда?

Кассандра тяжело вздыхает и высвобождается из его рук:

— Ничего я не знаю и знать не хочу. Пиши свои кляузы и дальше. Хочешь Горбовскому, хочешь — господу богу. Мне некогда. Меня ждут.

— Я тебя дождусь. — Она уже на пороге, но что-то в его голосе заставляет ее остановиться. — я тебя дождусь, вот увидишь. Миллиард лет? Десять миллиардов лет?

— Иди к черту. — Дверь запечатывается.

Павел все еще на коленях. Лишь когда прошедшая по станции дрожь оповещает, что «Тьма» отстыковалась и приступила к погружению, он поднимается, возвращается в кресло и смотрит в пустоту.

* * *

Старик сидел на веранде в кресле-качалке, укутав ноги пледом. Он смотрел на реку, одной рукой поглаживая огромную башку чеширского пса, а в другой держа сигарету. Его древность была настолько глубока, что на лице не осталось ничего, кроме морщин.

— Здравствуйте, — сказала Кассандра и протянула ему чашку с кофе. — Будете?

Чеширский пес искоса глянул на нее и осклабился. Недоволен.

— Благодарю, — старик перестал гладить пса и взял кружку. — Прекрасный вид. я думал, что забыл все. Но за миллиард лет испаряются и черные дыры, а вот память остается. Удивительно, не находите?

Кассандра повернулась к реке, вдохнула холодный утренний воздух и только сейчас заметила, что наступила осень. Вишневый сад стоял голым, почерневшим от дождя.

— У вас, наверное, много вопросов ко мне?

Кассандра пожала плечами.

— Я не понимаю, как это возможно. я настолько ничего не понимаю, что у меня даже вопросов нет, потому что не знаю, какой ответ хочу получить. И хочу ли.

— А ведь вы верили, что знания, добытые в черной дыре, пригодятся людям, — старик побряхтел, устраиваясь поудобнее. Чеширский пес заворчал. — Как уютно вновь оказаться в этой оболочке.

— Они важны для вас.

— Почему вы так думаете?

Кассандра повернулась к старику, скрестила руки на груди.

— Иначе вы не стали бы меня спасать. Извлекать отсюда, — мотнула неопределенно головой.

— Всего лишь инстинкт, — старик поднес чашку ко рту и стало заметно как сильно у него трясется рука. Отпил, не расплескал. — Древний, как сама вселенная. Вы знаете, что случилось после вашего исчезновения в черной дыре? Нет, откуда... Простите, забываю насколько ограниченным существом был ветхий человек.

— И что случилось? Человечество погибло?

— Незадолго до вашего отлета была открыта так называемая третья импульсная система. Ее инициация в человеке позволяла превратить его в людена.

Кассандра вздрогнула.

— Людена?

— Да, это одно из самоназваний инициированных людей. По имени их Адама. Первого человека, который смог пройти всю спираль психофизиологического развития, проложив дорогу остальным.

— Этими... люденами стали все люди?

— Вы зрите в корень, Кассандра. — Кажется старик улыбнулся, но в гуще морщин было трудно разобрать — так ли это. — Нет, не все. В масштабах тогдашнего человечества — считанные единицы. Но это не удивительно.

— Что стало с остальными?

— Не знаю.

— Не знаете? Вы? С вашими возможностями?

— Видите ли, Кассандра, человек, превратившись в людена, теряет всякий интерес к остальному человечеству. Оно ему безразлично. Люден, конечно, сохраняет возможность вернуться на стартовый уровень, но это все равно... все равно как... — старик качнул сигаретой, — а, вот — все равно как большому и серьезному дяде изображать из себя малыша. Он размышляет над серьезными проблемами, а его заставляют ползать на четвереньках и агукать. Малыши ведь ползали на четвереньках и агукали? я не путаю?

— Нет.

— Но, что еще забавнее, это человеческое все равно остается в нас. Людены живут чудовищно долго, однако и у них конечный срок жизни. И чем ближе к концу, тем сильнее человеческое проявляется в нас. Понимаете? Маразм сверхсущества, наверное. Вот и чудим, кто во что горазд. Впадаем в детство. Впадаем в человечность. Только вот опять незадача — никакой человечности во вселенной почти не осталось.

— Только я, — сказала Кассандра. — Последний человек вашего умирающего мира. Ваша надежда на спокойную кончину, кончину как человека. Вы будете лежать в постели, а я — держать вас за руку. Так? Сиделка для люденов.

— Умирать — даже для людена препоганое занятие.

— Вот вы когда об этом вспомнили! Через миллиарды лет после того, как бросили человечество на произвол судьбы. Гордыня. Вот чем вы изначально были больны. Вот ваша ошибка или ошибка вашего Адама, который вдруг решил отсечь все, что вас связывало с человечеством, с людьми, с родными. Вы заигрались во всемогущество, черт вас побери!

Старик долго молчал, иногда опускал руку на башку чеширского пса и проводил сухой ладонью по жесткой шерсти, отчего в воздухе сгущался странный запах, похожий на нагретую канифоль. Чашка с кофе одиноко стояла на столе, почему-то покрытая изморозью. Как она там оказалась, Кассандра не заметила.

— Вы думаете, все дело в Адаме? — Он прервал молчание. — В изначальной стандартной спирали психофизиологического развития, которую проложил самый первый люден?

— Какое это имеет значение. — Кассандра посмотрела на небо. Оно казалось переполненным коричневыми шарами. Шары медленно дрейфовали, сталкивались, набухали и сжимались. — Какое это все имеет значение, — повторила она.

— У всего есть свои причины. Измените причину и получите иное следствие. Исправьте изначальную траекторию и...

— Это ведь ты, Павел? — тихо, почти неслышно, одними губами спросила Кассандра.

— Ты не верила, что можно встретиться через миллиарды лет, — старик сморщился, и Кассандре на мгновение показалось, будто он заплачет. Но нет, не заплакал.

— Встретиться можно, ждать — нет.

— Ты права, ты почему-то всегда оказываешься права. Ты до сих пор умнее меня. Помнишь решение Геделя уравнений Эйнштейна? Вселенная со стационарным временем. Вселенную, в которой возможно двигаться не только в будущее, но и в прошлое?

— Школьный курс физики, — усмехнулась Кассандра. — Третий или четвертый класс. Тензорная архаика. Или...

— Да, — кивнул старик. — Почему бы и нет? Уж на что-то наше могущество должно пригодиться? Изначально была допущена ошибка. Теперь мы хотим ее исправить. Изменить Адама. Искупить, так сказать, первородный грех.

— Каким образом? — Кассандра выпрямилась, сжала кулаки. — Соврать тебе, что ты самый умный? Солгать тебе, что все еще люблю тебя? Что готова отказаться от эксперимента только ради того, чтобы какая-то там ваша спираль развития была скорректирована? Нет... нет... не хочу...

Документ 7

Запись (источник и время неидентифицируемы)

Первая: Это было очень эффектно. я думала, что какая-то шутка...

Вторая: Есть еще вариант. Например, я — твой клон.

Первая: Но ведь это не так?

Вторая: Нет, не так. Я — это ты. Ты — это я. Парадокс временной петли. Сумасшедшая темпоральная физика.

Первая: Никогда не любила темпоральной физики. Она мне всегда казалась шарлатанством... но если ты — это я, то зачем я это говорю? Ты и сама все про меня... то есть себя... Ты сама все знаешь.

Вторая: У нас мало времени. Не будем его терять.

Первая: Еще один парадокс? У путешественника во времени нет времени?

Вторая: Послезавтра начнется эксперимент по погружению в черную дыру. Ты не должна в нем участвовать.

Первая: Объясни.

Вторая: В твоих... в моих... в наших выкладках допущена ошибка. Никакой информации получить не удастся. Черная дыра... это черная дыра. Это — истина. И как истина, она тавтологична.

Первая: Но твоё появление здесь и сейчас разве не опровергает ее?

Вторая: Всего лишь испарение. И немного посторонней помощи.

Первая: Испарение?! Но тогда... должно было пройти...

Вторая: Не считай, не важно. Миллиарды. Десятки или сотни. И поэтому ты должна остаться. Остаться с Павлом.

Первая: О чем ты говоришь?! Он — трус! Предатель! И ты хочешь, чтобы я... с этим ничтожеством... Эти последние месяцы перед погружением рядом с ним... были адом...

Вторая: Послушай, будь логична. Создалась временная петля. Ты ныряешь в черную дыру, дыра испаряется, там, через миллиарды лет, ты встречаешь нечто...

Первая: Не понимаю...

Вторая: Ты встречаешь нечто, что возвращает тебя почти в исходную точку... на несколько дней раньше исходной точки. Встречаешься сама с собой. Она отправляется в черную дыру, а старая версия мировой линии отменяется. Все. Петля.

Первая: Подожди... подожди... ты хочешь сказать, что для тебя... для нас это не первая такая встреча?!

Вторая: Порой я восхищаюсь собственным умом. Их должно было быть много... очень много...

Первая: И если их было много, то это означает, что петлю так и не удалось замкнуть? я не соглашалась... не соглашалась оставаться. Но... ты говоришь, что тот, кто тебя спас в будущем, все равно отправляет тебя назад. Раз за разом, раз за разом... Неужели это существо не понимает...

Вторая: Тебе осталось немного. Последний шаг.

Первая: Но это невозможно! Как же так?! Для человека невозможно прожить столько... и откуда у человека такие возможности?! Тем более у...

Вторая: Он хочет изменить свое прошлое. Разве непонятно? Он хочет, чтобы в этой версии пространственно-временного континуума ты осталась с ним. Потому что через некоторое время случится нечто, что изменит все человечество. Точнее — сначала очень небольшую его часть.

Первая: Но если я откажусь, то подведу всех тех, кто верит мне! Группа «Йормала» — это не только я.

Вторая: Вот для этого нужна я. Понимаешь? Я — это ты. И кто разберет, какая из нас более настоящая?

Первая: Но если возникла петля времени, то, значит, я до этого момента все равно не отказывалась? Так?

Вторая: Да. Когда я была на твоём месте... я не отказывалась.

Первая: Почему же ты думаешь, что я откажусь на этот раз? Что могло измениться?!

Вторая: я надеюсь, что попала в ту мировую линию вселенной, в которой ты все ещё любишь его...

(Конец документа 7)

* * *

Павел стоял на коленях. Прошедшая по станции дрожь оповестила, что «Тьма» отстыковалась и приступила к погружению. Он поднялся, возвратился в кресло и уставился в пустоту.

Он не слышал, как тихо лопнула перепонка люка, лишь когда ладони опустились на его плечи, слегка вздрогнул. А потом прижался щекой сначала к левой, а потом к правой.

Зеркальное покрытие скафандра слегка холодило кожу.

Документ 8

Конфиденциально!

Только для членов Президиума Всемирного Совета!

Экз. № 115

Содержание: запись собеседования, состоявшегося в «Доме Леонида» (Краслава, Латвия) 14 мая 99 года.

Участники: Л. А. Горбовский, член Всемирного Совета; Г. Ю. Комов, член Всемирного Совета, врио президента сектора «Урал-Север» КК-2; Д. А. Логовенко, зам. директора Харьковского филиала ИМИ.

(Извлечение)

Комов: А вам не кажется, что аморально повергать человечество в состояние шока? Создавать в массовой психологии комплекс неполноценности, ставить молодежь перед фактом конечности ее возможностей!

Логовенко: Вот я и пришел к вам — чтобы искать выход.

Комов: Выход один. Вы должны покинуть Землю.

Логовенко: Геннадий Юрьевич, я повторяю: несмотря на наши нечеловеческие возможности, способность активировать третью импульсную и переходить с уровня на уровень бытия, мы все равно остаемся людьми. Вы понимаете? Людьми! И никуда с Земли уходить не хотим — здесь наши семьи, родные, друзья. Ах, как было бы прекрасно, если бы людены на Земле не жили, если бы они теряли все человеческое, превращаясь в этакие сверхкосмические стихии! Тогда бы мы ушли, и никто бы не заметил. Не было бы этого разговора, в конце концов. Но наше общее несчастье в том, что человеческое из человека, даже на новом витке развития, никакими импульсными системами не выкорчевать. Мы не в силах оторвать себя от родных и любимых!

Горбовский: А!

Логовенко: Что вы сказали?

Горбовский: Ничего, ничего, я внимательно слушаю.

*(Конец извлечения)**(Конец документа 8)*

МЕЖДУ ПОЛДНЕМ И ПОЛНОЧЬЮ

БДИТЕЛЬНЫЙ КОМСОМОЛЕЦ

оздух! — фальцетом выкрикнул дед Михалыч, одноногий инвалид империалистической войны.

Рабочие — женщины, старики и дети — горохом посыпались с бруствера, в страхе поглядывая на высокое небо. К налетам фашистской авиации на строительстве оборонительных укреплений Лужского рубежа уже успели привыкнуть.

На бруствере остались двое. Михалыч, с кряхтением примеривающийся, как бы половчее сползти в траншею, и шестнадцатилетний школьник Аркаша. Длинный, худой, он задумчиво всматривался в синеву, где еле двигался угловатый силуэт вражеского самолета.

Аркаша достал из кармана несвежий носовой платок, снял очки и не спеша протер стекла.

— «Рама»! — громко возвестил он, водрузив очки на красивый, орлиный нос.

«Рама»... «рама»... «разведчик»... — пронеслось вдоль траншеи. — Вылезай, бабоньки!..»

Поругивая паникера Михалыча, рабочие полезли наверх. Старик, которому явно хотелось провалиться сквозь землю, виновато переминался с живой ноги на деревянную, но вспомнив, что он как-никак десятник, выпрямил спину и пробурчал, обращаясь к старшекласснику:

— Ты бы, милоч, за водицей сбегал, пока тихо... Кашеварить пора...

— Угу, — буркнул Аркаша.

«Сбегать за водицей» означало притащить два бидона воды из ручья, что скрывался в дальнем распадке. Аркаша слабаком не был. От природы рослый, он в охотку занимался боксом, да и десятки кубометров выброшенной земли даром не прошли, но в каждом бидоне помещалось двадцать литров, и нести их надо было с полкилометра. Разумеется, Аркаша не подал виду, что недоволен заданием. Михалыч был хоть и вздорным порой, но все-таки начальством, коего надлежало слушаться. Поэтому Аркаша, не мешкая, спустился под другую сторону бруствера, взял в тени самодельного тента старую «мосинку» без штыка, забросил ее за спину, подхватил бидоны и припустил к распадку.

В «мосинке» был всего один патрон, и взял ее с собой Аркаша скорее для проформы. В окрестностях хватало немецких диверсантов, но вряд ли старшеклассник обыкновенной ленинградской школы мог справиться с матерыми фашистскими десантниками, даже будь у него целая обойма. Шагать с винтовкой и бидонами было чертовски неудобно. «Мосинка» поддавала тяжелым прикладом под коленки, а бидоны приходилось держать на отлете. Солнце пекло голову. Аркаша пожалел, что оставил кепку на скамейке под тентом, однако не возвращаться же за ней. Его осенило, что, если свернуть на тропинку, путь, конечно, слегка удлинится, но зато можно будет проделать его большей частью в тени пыльных тополей, росших вдоль старого проселка.

Аркаша нырнул в тень и остановился, чтобы перевести дух. На расстоянии противотанковый ров, протянувшийся на много километров, казался лишь полоской желто-серой земли, а люди — подвижными черточками, которые то сгибались, то разгибались в едином механическом ритме. Отсюда не было слышно голосов, смеха, беззлобной перебранки и песен, скрежета вгрызающихся в неподатливую сухую землю лопат и гулко-го уханья, с каким вонзались в глинистые склоны кирки. Знойная тишина обволакивала, отодвигала привыч-

ные тревоги и мысли в синюю даль, где не было места войне.

Прислушиваясь к этой тишине, Аркаша подумал, что было бы здорово — вот прямо сейчас — узнать, что Красная армия одним могучим ударом все-таки выбила фашистскую нечисть из страны, как об этом грезилось в мирные годы, что маме, отцу и младшему братишке ничего не угрожает, что можно вернуться в дом на Выборгской стороне и снова возиться с самодельным телескопом и числами Вольфа. Но война напомнила о себе — глухими раскатами артиллерийского грома. Аркаша со вздохом поднял бидоны и углубился в распадок. Через несколько шагов он понял, что напрасно удлинил путь, потому что местность вокруг оказалась незнакомая.

Распадок пересекала старая бетонная дорога. В трещинах широких плит покачивались зеленые метелки пырея. Аркаша никогда не видел такой дороги. Она напоминала взлетную полосу аэродрома, с которого поднимаются тяжелые бомбардировщики. Дорога уходила вправо и влево, теряясь в узорчатых тенях, отбрасываемых кронами могучих — сто лет, не меньше, — лип и ясеней. Деревья-великаны плотно сгрудились у обочины, перепутались кронами, превратив старое шоссе в сумеречный, в прорывах солнечных пятен, тоннель. Как зачарованный, двинулся Аркаша вдоль этого удивительного шоссе, настороженно прислушиваясь к эху собственных шагов.

Автомобиль, длинный, обтекаемый, словно новейший истребитель, Аркаша заметил не сразу. Блестящий кузов настолько безупречно отражал чересполосицу светотени, что казалось, машина выкрашена в маскировочные цвета.

Странный автомобиль в странном месте... Может быть, это вражеская разведка? Аркаша видел однажды подорвавшийся на mine немецкий «Опель» — ничего общего с этим чудом техники. Диковинная машина со-

вершенно не вписывалась в мир, где жестокий враг накатывается на Ленинград с запада и севера, где каждый день погибают люди, даже те, кто не способен держать оружие.

— Добрый день!

Аркаша вздрогнул, выронил бидоны, они гулко стукнулись о бетонку.

У автомобиля стоял высокий, широкоплечий, легкомысленно одетый мужчина. Аркаша и представить не мог, что взрослый способен носить короткие штанишки, какие носят лишь малыши. Да и рубашка из переливчатой, радужной ткани тоже не вязалась с обликом серьезного человека. Мужчина улыбался. Улыбка у него была хорошая, искренняя, но Аркаша все-таки проникся к незнакомцу неприязнью.

С чего бы эдакий здоровяк — мускулы так и распирают по-клоунски яркую ткань — и не на фронте? Неужели все-таки шпион? В такой-то одежке!

Аркаша потянул с плеча винтовку.

— Предъявите документы! — потребовал он.

— Документы? — переспросил улыбчивый, слегка растерянно. — Какие именно, сударь?

Это старорежимное «сударь» покорило Аркашу. Он насупился и крепче сжал «мосинку», направленную незнакомцу в живот, уточнил:

— Удостоверение... И пропуск в прифронтовую зону.

— Прости... не сообразил, — проговорил улыбчивый. — У вас военно-историческая игра в Интернате... Верно!

«Что он несет? — подумал Аркаша. — Какая военная игра? С луны, что ли, свалился...»

— Предъявите документы, — на всякий случай повторил он.

— Извини, дружок, — развел руками незнакомец. — У меня только проектная документация... Вез, понимаешь ли, на полигон... Мы с ребятами всю ночь искали ошибку в расчетах и, кажется, нашли. И вот на тебе...

Эта старая кляча... — Он непочтительно пнул диковинную машину по колесу... — вздумала взбрыкнуть...

Полигон... Расчеты...

У Аркаши отлегло от сердца. Конечно, это свой. Наверное, какая-то секретная научная разработка для нужд фронта. Странно, что нет с собой удостоверения личности... А с другой стороны, с какой стати сотрудник серьезного ведомства станет предъявлять документы какому-то сопляку с дореволюционной винтовкой и молочными бидонами?

Аркаше стало неловко держать приветливого здоровяка на мушке, и он опустил «мосинку» прикладом к ноге.

— А что случилось? — спросил он, кивая на «взбрыкнувшую клячу».

Незнакомец смущенно почесал в затылке.

— Да понимаешь... Стыдно, конечно, но я ни бельмеса не смыслю в этих квазибиомеханизмах... Моя специальность — сверхтяжелые системы. А моих крошек через дигесталку не прокормишь...

Он удрученно заглянул под капот. Аркаша, не в силах справиться с любопытством, царапая прикладом винтовки по бетону, приблизился к машине и тоже заглянул. Он ожидал увидеть темный от масляного нагара корпус двигателя внутреннего сгорания, трубчатую решетку радиатора и туго натянутую ременную передачу, но вместо этого под капотом бугрилось что-то неприятно розовое, напоминающее скорее освежеванную тушу, нежели механизм.

— Что это? — спросил Аркаша, брезгливо морщась.

— Неужели никогда не видел? — изумился незнакомец. — Искусственная мускулатура, метаболический реактор, питающие биоэлементы...

— Вот здорово! — восхитился Аркаша, хотя, сказать по совести, ничего не понял. — Таковую машину нужно в распоряжение командующего или даже самого товарища Сталина! Хотя... у него есть, наверное...

— Сталина? — переспросил улыбчивый, хмурая высокий лоб. — Это, кажется, политический деятель был такой... Времен Второй мировой...

Сталин! Деятель!

Аркаша мгновенно подобрался, отступил назад, снова поднимая вороненый ствол винтовки. Сомнения исчезли. Так говорить о великом вожде и учителе мог только откровенный враг. Ловкий шпион это, а не секретный конструктор... Сдать его в особый отдел. А автомобиль — фронту.

— Руки вверх! — скомандовал Аркаша, щелкая затвором.

— Да что это с тобой, любезный? — сочувственно осведомился незнакомец. — Ты уж меня извини, но некогда мне играть в ваши игры... Ребята ждут. У нас график испытаний летит к черту...

— Подождут, — процедил Аркаша. — Сейчас я отведу вас куда следует, гражданин... Там разберутся, кто вас ждет и какие испытания вы тут проводите.

Аркаша говорил тоном бдительного комсомольца из довоенного фильма про разоблачение врагов народа, и ему очень нравилось произносить эти сдержанно-мужественные слова.

— Ого, я вижу, тут у вас все серьезно... — пробормотал улыбчивый, на всякий случай поднимая руки. — Ну, хорошо... Отведи меня в штаб, или как это вы называете... Все равно самостоятельно мне с этой колымагой не справиться... А у вас там, надеюсь, найдется какой-нибудь завалыющий птерокар... я только чертежи прихвачу, ладно?

Аркаша решил, что неплохо будет вместе со шпионом сдать и его бумаги.

— Берите! — разрешил он.

Незнакомец опустил руки и полез в кабину. Аркаша не спускал с него глаз, опасаясь, что шпион выхватит наган и пристрелит незадачливого «бдительного комсо-

мольца». Улыбчивый взял с сиденья пачку бумаг, вылез из кабины, захлопнул дверцу. Бумаги он держал в одной руке — пачка оказалась довольно толстой. Большой, глянцевито поблескивающий журнал выскользнул из нее и спланировал к ногам Аркаши. Развернулся. Аркаша невольно посмотрел вниз. Журнал был цветной, напечатанный на великолепной бумаге. На развороте красовался поясной портрет молодого военного. Военный улыбался открытой, почти детской улыбкой — очень похожей на улыбку незнакомца. Судя по форме и наградам — военный был советским летчиком. Причем — Героем Советского Союза! Вот только на плечах у него почему-то красовались белогвардейские погоны.

«Вражеская фальшивка», — подумал Аркаша и уже хотел отшвырнуть журнал ногой, но вдруг взгляд его упал на текст рядом с фотографией: «...исполняется 200 лет со дня первого полета в космическое пространство, совершенного русским советским летчиком-космонавтом Юрием Алексеевичем Гагариным 12 апреля 1961 года...» Аркаша забыл о «шпионе», обо всем на свете. Присел на корточки, принялся лихорадочно листать журнал. Невероятный, фантастический. И это была не «Техника — молодежи» с футуристическими фантазиями художников. Нет, журнал был сугубо серьезный, и иллюстрации в нем отражали эту серьезность и обстоятельность. Люди будущего — да, да, именно — будущего! — деловито, без излишнего пафоса осваивали космос. На фотографиях — цветных и необыкновенно четких — стартовали громадные ракеты, на Луне двигали какую-то «Большую антенну», гусеничные танкетки прокладывали трассы в рыжих пустынях Марса, люди в скафандрах любовались серебристой дугой кольца Сатурна над близким горизонтом крохотной планеты.

— Ах да... — проговорил улыбчивый, подбирая журнал. — Васятка просил привезти свежий номер «Спейс

Хьюмена»... Хорошо, что не забыл... Васятка, человек полезный в нашем деле, — добавил с лаской в голосе, — но весьма злопамятный...

Аркаша поднялся, во все глаза глядя на этого странного человека — обитателя далекого будущего, неведомым образом оказавшегося здесь, в нескольких километрах от фронта в июле тысяча девятьсот сорок первого года. Миллионы вопросов теснились в голове «бдительного комсомольца». Когда закончится война? В каком году свершится мировая революция? Есть ли на Марсе жизнь? Аркаша открыл было рот, чтобы выпалить все эти вопросы одновременно, как вдруг за спиной улыбчивого незнакомца из будущего омерзительно клякнул затвор и лающий голос выкрикнул:

— Halt!

Аркаша рванулся вперед, стараясь заслонить ничего не понимающего пришельца из двадцать второго века собой.

Немец — худощавый, белобрысый, немногим старше самого Аркаши — вскинул винтовку, но бдительный ленинградский комсомолец, образца сорок первого года, успел первым. Эхо выстрела раскатилось в древесном тоннеле. Фашист выронил оружие и опрокинулся на спину. Аркаша, еще не успевший осознать, что впервые в жизни убил человека, повернулся к улыбчивому, чтобы приказать ему драпать, покуда не подоспели другие фашисты, но... позади никого не было.

Машина, незнакомец, вековые деревья, да и сама расстрескавшаяся бетонка исчезли.

Пыльный проселок тянулся через распадок, прерываясь серебряной змейкой ручья. Подкованные сапоги убитого немца выглядывали из сухой, ломкой травы. Знойное июльское солнце стояло в зените, где все еще висела, словно приклеенная, фашистская «рама».

Гром артиллерийской канонады перекатывался от горизонта до горизонта.

ГРИГОРИЙ ПАНЧЕНКО

ГОРЯЧИЙ ЩЕБЕНЬ

Мы с ним познакомились на старой насыпи. То еще знакомство, скажу прямо: он навел на меня автомат.

Зато не забудется.

Автомат у него, как потом выяснилось, был допотопный, под слабенький боеприпас, так что даже на ближайшей дистанции мой экзo мог и не пробить. С другой стороны — на такой дистанции ведь и пробивать ничего не надо: даже очень средний стрелок без промаха влепит очередь в лицо.

А мой новый знакомый был стрелком весьма изрядным. Но это выяснилось еще более потом.

Пока же — стоим, я на гребне, он внизу; смотрим друг на друга (он — через прицел). Хлопаем глазами. То есть я. У него взгляд прицельно-безжалостный, немигающий.

Уж не знаю, чем это закончилось бы, но тут Иван на насыпь поднялся. Как и я, в полный рост, не оберегаясь. Мы в ту пору почти все дураки еще были... нет, скорее все-таки полудурки: прямо под огнем уже воевать умели, а вот во время затишья эти умения отключались намертво.

Иван, правда, сразу сориентировался. Рвани он в этот миг из-за плеча «эфу» и с ходу начини качать маятник — все у него получилось бы, он такой; вот только меня это ни разу спасти не могло. Так что просто махнул мне рукой и окликнул, будто бы раздраженно даже: мол, чего стоишь столбом? И тут же ему, как бы не замечая автомата, тоже: давай-давай, парень, или там дядя, кто ты ни есть, грузимся, тебе что, особое приглашение требуется? А потом присмотрелся — мол, так ты что, ранен? И спускается к нему.

(Тем временем, вижу, вдалеке Георгич — кувырк перекатом через гребень и залег там где-то во впадинке.

Все понял, конечно. Ну, он из своего «тайпана» промахов обычно не дает... хотя опять-таки: мне это помогло бы вряд ли. Разве только размен получится. Один на один.)

А Иван уже почти вплотную подошел, причем перекрывая линию прицела, так что длинноствол Георгича оказывается выведен из игры. И тут этот парень или дядя вдруг опускает свою машинку. Вычислил, значит, что мы не фашисты. Вовремя, пожалуй: еще немного — и он бы полетел в одну сторону, а автомат в другую.

Впрочем, Иван его всерьез осматривает на тему, ранен ли. Я, раз такое дело, тоже спускаюсь. Проверил только, как моя «эффа» в случае чего с плеча соскочит. Нормально соскочит, но и вправду лишнее: уже не к врагу иду, ясно.

— Со мной все в порядке, — тихо и как-то неуверенно говорит мой новый знакомый.

— В порядке, говоришь? — Иван только головой покачал. — Ну, может, и так...

Я присмотрелся — и сразу понял, что его удивило. Никакого экзо на «парне или дяде» в помине не было, только рваная... шинель это называется, кажется: еще допотопней автомата. Да не просто рваная — а пробитая очередью. Дважды, на груди и спине. Пять входных, а выходные не сосчитать, на всю спину сплошная дыра с неровными краями. Только клочья сукна топорщатся, густо заляпанные кровью, свежей.

Если не сообразить, что человек просто чужое обмундирование надел, с убитого, — чистая мистика получается. Другой вопрос, зачем вообще было надевать ее, шинель эту, настолько издырявленную.

И тут он вдруг разом сник, опустился наземь. Мы уж решили, что хоть одна из дырок настоящая, резко склонились над ним, чтобы зажать рану — и стукнулись лбами. Но я взвыл не от этого: коснулся тыльной стороной кисти чего-то горячего.

— Отбой, — сказал Иван громко, но ровным голо-

сом, имея в виду Георгия. — Ну, что там у тебя? — Это уже мне.

(Парень или дядя тем временем подтянул ноги, сел, демонстративно встряхнулся: мол, все нормально, сказано же!)

А я знаю, что там? Чему и быть у основания насыпи, как не щебню; а щебню точно не с чего быть горячим. Убеждая в этом самого себя, пошарил вокруг сначала взглядом, потом руками. И снова взвыл, только уже тише.

Это был синеватый осколок камня покрупнее. Ожог он мне руку, как уголь из печурки. Ничего такого-раз-такого, бывает и хуже. Просто очень уж неожиданно все получилось.

Таких осколков тут... много. Несколько. В первый раз я, наверно, вон за тот соседний хватанулся.

На нем, кстати, надпись, гравировка какая-то. Слово «Кто».

Обломок мемориальной доски это, что ли? Или надгробья? У них сейчас в обычае такое крушить и выбрасывать.

— «...И там разобьет его на части...» — читает Иван, склонившись над другим обломком, самым большим. Нет, вряд ли надгробье. Да и в любом случае температуру это не объяснит.

Мы вдруг отчего-то принялись собирать эти осколки, складывать их, как пазл. Все они были горячие, но если приноровиться, терпеть можно. Мне больше с надписями не попадались, но на одном был странный знак вроде печати: два креста, три хвоста, дырка с палочкой и четыре запятые. А рядом с ним глубокая выщерблина и кучно, как при стрельбе в упор, — несколько пулевых меток. От этого места, похоже, раскалывающие трещины и зазмеились.

Очередь по каменной плите дали, вот что. Из чего-то малокалиберного, но приставив дульный срез вплотную: вокруг — пороховой нагар.

★ Температуру это, конечно, не объяснит тоже. Тем более что именно в этом месте камень холоднее всего.

Я вдруг отдернул руку, ощутив, как разом, мгновенно и необъяснимо тепло уходит из всех осколков.

Мы с Иваном переглянулись. А потом вместе устались на нашего нового... не знаю, как его и назвать: не враг, но и в отряд ведь не принят.

Он тоже посмотрел на нас с какой-то странной улыбкой. Поднялся; мы тоже встали. Вставил на место чеку ананасовки, аккуратно загнул усики. Столь же аккуратно спрятал ее в карман шинели, широкий, видно, специально для этого перешитый.

Только тут до нас дошло, что все это время он так и держал в левой руке верную смерть, свою и нашу.

Да уж. Точно не враг. И право войти в отряд сейчас заработал железно.

— Ола, сеньоры, — окликнул нас издали Учитель, — вынужден прервать ваш здоровый детский сон. Машина ждет.

Он прав. Рассиживаться здесь по-любому не резон. А странностей на войне хватает.

Вот эти две очереди, к примеру. Которых не было. Одна, пробившая насквозь того, на ком прежде была надетта эта шинель, — ну ладно, это, может, вчера или еще когда случилось, в километрах отсюда. Но зато вторая, расколовшая ту каменную плиту с надписью... Воля ваша: она должна была прозвучать считанные минуты назад. А не было ее. Иначе я бы таким охламоном наверх не сунулся. Вообще не было стрельбы по ту сторону, мы всех по эту положили...

Через насыпь мы перешли все вместе. Наш новенький на самом гребне вдруг на миг как бы запнулся, устался себе под ноги. Понятия не имею, что он там высмотреть хотел: не рельсы же, еще, наверно, в прошлом веке снятые.

И еще раз запнулся, когда увидел транспортник. С издевательским восхищением пробормотал: «Какая техни-

ка...» Мне даже обидно сделалось: нормальный «Стегодон», таких сейчас тринадцать на дюжину.

— Ну, брат, не такая уж безобразная техника. — Иван словно мысль мою прочел. — Если не для спецопераций, то вполне и весьма. А на спецы другие слоники ходят. Давай, забираемся.

(Я видел, как он украдкой показал Курсанту и Князю большой палец. Те коротко кивнули. Что ж, по нынешним временам достаточно: они у нас костяк. Сейчас многие решения принимаются вот так, на ходу — и ошибок пока не было.)

Чтобы забраться, надо было сначала пройти мимо убитых: обоих наших уже переложили в 200-й отсек, конечно, а этих оставили здесь, всю дюжину, не до них. Оружие только собрали и уцелевшую экипировку. Эк-зо тут почти ни у кого и не было, это же не кадровики, а криминалитет из золотой бригады.

Я все еще следил за новеньким просто на всякий случай. Он на лежащих покосился с достаточным равнодушием, выдающим привычку и опыт. А когда надо было подниматься в десантное отделение — запнулся в третий раз, однако на самую крохотную миллисекундочку: тут же сообразил, куда надо поставить ногу. Но ясно, что «Стегодоны» для него на самом деле в новинку. То-то.

— Готовы? — осведомился Роберт и, дождавшись ответа, отсигналил в машинное. Водитель врубил воздушную подушку, нас плавно качнуло — понеслись, в общем. Я снова покосился на новичка, но не сумел понять, в диковинку ли ему такое.

Роберт пригнул к себе раструб бортжурнала и продиктовал:

— Эпизод завершен. Квадрат восемь дробь четыре дробь пятнадцать, запятая, три. Юлианский час три сорок семь. Итог боестолкновения: двенадцать дробь минус два плюс один, легкораненых трое, тяжелых нет. Уточнение: по окончательным итогам в группу принят новый боец с позывным...

Он сделал паузу, но новичок не откликнулся.

— «Парень или дядя»... — пробормотал Иван.

Шутки шутками, а это определение было метким, и к новичку оно подходило лучше некуда. Так-то он нашего возраста, под сорок: эта война — дело взрослых. Но когда ему случалось улыбаться — не просто молод, а словно бы в парнишку превращался, в тинейджера, прямо хоть мороженое ему покупай... и самим себе тоже, потому что мы с ним рядом, все, точно такими же пацанами делались. Как раз через пару дней, в одном совершенно чудном городке, будто застрявшем во временной складке, где нет никакой войны...

Впрочем, это тоже «из потом». А «из тогда» внимание на себя обратило другое: новичок, на тот момент целиком и полностью неулыбчивый, никак не включился на счет позывного.

Хотя вообще-то бывает. Я лично знал одного такого: книжный червь, специалист по Мендельсону, реальной жизни за пределами своего уютного кабинета не представлял напрочь и не хотел, а вот когда пришло время — дрался как черт.

Все мы тут его знали...

— Ну вот смотри: со своей семьей, друзьями, одноклассниками ты ведь в Паутине общаться будешь? — терпеливо объяснил Роберт. — Будешь. И не под собственным же именем, правильно? Сам понимаешь... Плюс в нашей базе данных тоже лучше без нужды не светить во избежание. Итак?

Новичок по-прежнему не отреагировал.

— Я, к примеру, Вайда, — продолжил Роберт уже с совершенно ангельским терпением. — Жил во время оно такой режиссер, да пребудут с ним все студии и творческие объединения от «Кадра» до «Аксона» ныне и присно, *Отен!* Ваня наш — Тахмасиб: тут объяснять, думаю, особенно не надо; ну и Зеннай, Курсант, иже с ним. Игорь — без вариантов Князь. Георгич — Нуси...

— Почему?

— По старой памяти, — угрюмо буркнул не Роберт, а Нуси как таковой. Князь посмотрел на новичка предостерегающе, но тот и не подумал переспрашивать.

— Вот. А Жорди наш Никулау Фелип — ни в коем случае не Филипп! — Микель Леонор Элай... э-э-э... виноват, Элиас Фаусти Дуардо — он Учитель. Самый настоящий, между прочим.

— Ола. — Учитель вежливо кивнул.

— Салудос, — неожиданно ответил новичок. И отсалютовал поднятым кулаком.

Жорди Никулау и так далее нахмурил брови, сосредоточиваясь, потом что-то ему понятное вспомнил, коротко просиял — и опять нахмурился, уже осознанно:

— Не надо шутить с этим, молодой человек. Любая политика отравляет души суетностью, но все-таки есть такая пропаганда, которой даже сейчас не место...

— Ну-ну, благородные доны, — вмешался Курсант, — это потом. Фашисты еще здравствуют, а вы уже сцепились. Давай, боец, определяйся с позывным.

— Барабанщик, — без колебаний ответил новичок.

— ...Барабанщик, — договорил Вайда в раструб.

Больше до вечера никто из нас ни слова не сказал. Турбина взвыла — и «Стегодон», переходя в динамический режим, заскользил по маршруту в метре над рельефом.

* * *

Кажется, они с Учителем что-то поняли друг о друге — и это им обоим не слишком понравилось. Несколько дней старались не общаться. Или, может, мне показалось. Из этих дней у нас только один оказался золотым: тот во «временной складке», я уже говорил. Остальные — чернее некуда.

В общем, хороший пулеметчик сверх прежнего штата пришелся очень кстати. И «виперу» он освоил буквально в одно касание, хотя машинка коварная, там же почти сплошь механика; для молодых ребят по их привыч-

ке к умному и квазиживому это прямо-таки как в верблюжьей упряжи разобраться. Ну да, к счастью, у нас народ постарше. я вроде об этом говорил уже.

Или это Учитель говорил, по возрасту в отряде самый старший...

Или это Учитель говорит. Прямо сейчас. Не спится ему.

— ...Слава богу. Больше не могу видеть мертвых мальчиков. Область знаний не моя, но в современной школе без генетики поведения никак, поэтому... Что?

(Кто-то возражает ему шепотом, даже не вполголоса.)

— ...Вот странная идея. Кто вам такое сказал? Тут нужно смотреть по приматам в целом, а у них оптимальный возраст войны обкатан на варианте горилл, это дело «среброспинных самцов».

(Снова тихий голос в ответ.)

— Никоим образом. Опять же: вот странная мысль! Все равно что сравнивать теплое и сладкое. Со времен энциклики *Humani Generis* уже свыше ста лет протекло, человечество тогда буквально стояло на четвереньках. Вы не слышали? Ну что ж... В любом случае, по моему глубокому убеждению, воевать, если уж приходится, должны они. То есть мы. А не *la adolescencia*, пускай им даже больше восемнадцати, и *la juventud plena*, опять же пусть они старше двадцати одного, так что искренне не считают себя мальчиками... Для этих возрастных категорий война — самое неподходящее дело. Вот именно. Вы совершенно правы: в основном они, «молодые взрослые», этим и занимаются все последние... Почему сто? Добрых двести уже лет. Если не двести пятьдесят. Четверть тысячелетия, подумайте только! Потому эта некалендарная четверть и получились... такой. За исключением, согласен. И с этим согласен, хотя... Но исключения только подтверждают правило, вам так не кажется?

(На этот раз собеседник отвечает долго, но еще более тихо. я уже почти нырнул в дремоту, когда вновь прозвучал голос Учителя.)

— Нет-нет, тут вы меня не переубедите. Всем нельзя, но им — более прочих. И ужé нельзя, потому что исчезло то детское бессмертие, которое существует где-то до пятнадцати лет, много до шестнадцати... Что с вами?

(Невидимый собеседник не произнес ни звука, но, видимо, его лицо в этот миг исказилось гримасой. Потом в темноте коротко блеснул огонек зажигалки.

А, вот это кто...

Он у нас единственный курящий. Этаким вот пережиток. Впрочем, есть, конечно, такие, не вывелись еще: ведь где-то Барабанщик добывает сигареты... Помню, в городке видел автоматический киоск.

Получается, я и вправду домыслил их конфликт. Вон как общаются. С нами старик на такие темы избегает говорить.)

— Попрошу вас, молодой человек, воздержаться от курения... хм, в классе, — несмотря на «хм», голос Учителя тверд — и дымком в отсеке действительно не пахло. — Ребята отдыхают. Да... Ребята... Должен вам сказать, что это первое бессмертие даже для самых черствых и прагматичных политиков, не к ночи будь помянуты, — палка о двух концах: управлять сумасшедшим народом, как известно, удовольствие маленькое. Ведь совсем юный примат только воюет лихо, а после он уже ни на что иное не годен. Нашел «упоение в бою» и под него подстроил весь свой еще не сформировавшийся поведенческий механизм.

— Не навсегда, — отвечает Барабанщик чуть громче, чем раньше, вполголоса. — Мне вот лет десять подряд снились люди, убитые мною в детстве. А потом... реже. Не каждую ночь. Терпеть все-таки можно — и работать тоже.

Вот трепач. Детство-то у всех нас было мирное. Даже у Учителя, хотя лично меня он, скажем, на добрых четверть тысячелетия старше. Ой, на четверть века, конечно.

Так и жду, что он сейчас скажет Барабанщику: « Попрошу вас, молодой человек, воздержаться от вранья в классе. У ребят уши вянут». Но Учитель молчит. А когда отвечает, то не о том:

— Так или иначе, для взрослых мальчиков это нельзя ни уже, ни еще. Ибо поведенческие механизмы матерых самцов у них тоже покамест заблокированы. А это не столько каноническая храбрость, сколько высокая стойкость, спокойная и твердая, без ажитации. Такое включается, видимо, примерно тогда, когда необходимое для воспроизводства количество детей созрело до уровня взрослой молодости. Не ранее. А на доживание до внуков эволюция особо не рассчитывала, поэтому всяко уже можно тратить свою седеющую шкуру на социум. «Старые ворчуны» из привилегированных частей гвардии, «седые усачи» — это все тот же базовый инстинкт. Именно они и должны составлять костяк. Если уж кому и грызться с питеками из другого стада, то как раз им. Хотя и им лучше не надо.

— «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...» — цитирует Барабанщик.

— Это, кажется, из вашей классики? «Не фейерверк, а просто трудная работа» — тот же автор?

— Э-э-э... Скорее, нет.

— Извините, тоже не моя тема. я больше вашу классику второй половины прошлого столетия изучал. Там тоже есть соответствующие типажи: Аалу Зеф, Саул Репнин, командор Макомбер.

— А вот это тема уже не моя.

— Понимаю. Кстати...

Учитель надолго примолк. Зашуршал чем-то: наверно, в рюкзаке своем рылся.

— Вообще-то правильно. — Барабанщик вежливо подождал продолжения, но не дождался. — Взрослым я как раз все так и ощутил: партиза... воевать — это примерно как посуду мыть: не слишком приятно, но

«надо — значит надо». Зато привыкания, нездоровой тяги к кастрюлемойству, уж точно не возникает.

— Вот-вот. — Учитель все еще шуршал рюкзаком, перекладывал в нем что-то. — Если получилось уцелеть — живи дальше, глядишь, и на внуков инстинкт включится, даже если исходным проектом он не предусмотрен. А когда воюют сами внуки, бойцовые котята, мальчишки...

— Кибальчишки, — угрюмо пробормотал Барабанщик себе под нос.

— Как вы сказали? Впрочем, все равно. Из них при таком старте вырастают, если по той же классике, сплошные ротмистры Чачу. В лучшем случае — Араты или Гепарды. Да где же... А, вот. Давно хотел вам показать.

На сей раз блеснул не огонек зажигалки, а какой-то совсем другой свет. Читалка, что ли? Так и есть: Учитель держал на ладони старенький тетрадеск. Приподняться было лениво, но экран несколько секунд смотрел прямо на меня, демонстрируя скан старинной обложки: нечто под названием «Intento de fuga», заснеженная равнина, копейщики на фороракосах, диковинного вида танки и доходяги в хламидах из мешковины.

— Я когда-то французский учил, — задумчиво произнес Барабанщик, — а по-испански разве что приветствовать могу.

— Сейчас, подождите, включу русскую версию... А страницы перелистывают вот так, это модель древняя, она сейчас мало кому знакома.

— Древняя...

Барабанщик принял у Учителя читалку — и склонился над ней. Долго сидел молча, поглощал страницу за страницей. Собственно, на самом деле не знаю, долго ли: сон накрыл меня, как обвалившийся бруствер.

Потом, просыпаюсь (я всегда просыпаюсь за несколько минут до подъема), слышу — снова разговаривают тихонько.

— ...Еще целый магазин остался, но руки уже не поднять, головы не повернуть тоже. А глаза еще видят. И такая тоска взяла... — в голосе Барабанщика и сейчас была тоска, лютая, беспросветная. — Вот тут его и увидел: прямо перед лицом, иначе бы никак. Единственный булыжник, на щебенке он точно клякса посреди листа. Настоящий, не выдуманный. Жаром пышет так, что щекой его ощущаю. И печать, хотя я ее нарочно сочинил совсем уж «по-детски», иначе... опасно было. И надпись: та самая. «Кто снесет этот камень на гору...»

— И вы, значит, все-таки исхитрились его разбить?

— Ну как сказать... Не знаю, может, это иначе называется. Потому и все остальное получилось... иначе. Или потому, что не сам я его на гору занес. Да и считать ли тот холмик горой... В общем, руку не поднять, но палец на спуске еще шевелится. И ствол, он в поле зрения, прямо на камень направлен. Вот я и... А теперь стыдно, но уже ничего не вернуть. Получается... Это получается — дезертир? Не сумел одну жизнь прожить как надо, доделать свое — убежал спасаться... Так?

— Не говорите глупостей, молодой человек, — сухо обрывает его Учитель. — Все вы доделали, никуда не убежали. А если кому и стыдно, так это мне, старому дураку: потому что этими разговорами лишил вас ночного отдыха.

— Отдохну еще, — все так же тоскливо говорит Барабанщик.

— Увы, разве что завтра ночью: сейчас всего двадцать секунд осталось. Десять. Пять. ВНИМАНИЕ, МОЛОДЫЕ ЛЮДИ! ПЕРЕМЕНА ЗАКОНЧЕНА. ПРОШУ СЛЕДОВАТЬ НА УРОК. То есть — подъем!

Одновременно с этими словами Учителя задребезжал зуммер на его тетрадеске: громко, противно, будто и вправду школьный звонок.

Впрочем, звук утренней побудки приятным не бывает.

* * *

На следующую ночь Барабанщику отдохнуть не довелось.

Прямо как в фильме все вышло: только обозначь какое-то намерение — и ты покойник. Хуже всего, конечно, фото своей девушки показать и заговорить о скорой свадьбе. Ладно, чего уж там... Мы не в фильме о войне, а на войне и есть. Но все равно — сработал штамп.

Там развалины были, сонар не берет, а место такое, что технике есть где укрыться. «Мамонт» не «Мамонт», а вот какой из боевых слоников поменьше...

Одному надо было пойти и разведать: на своих двоих, без прикрытия. Пошел Барабанщик. Между прочим, никто ему не приказывал, вызвался исключительно добровольно.

Пятнадцать шагов сделал. На шестнадцатом, поравнявшись со вставшей дыбом бетонной плитой, вдруг резко развернулся к нам, крикнул: «Немцы!», взмахнул рукой — граната у него уже наготове была...

Успел ли ее метнуть — не знаю: из-за плиты ударил плазменный разряд, а после такого что-то разобрать трудно.

Там «Ананкус» был укрыт, у него оба метателя плазменники. На пехотинца, да еще одного, такой залп тратить, конечно, глупо — но, должно быть, экипаж растерялся. Или не оказалось в нем умелого пулеметчика.

«Ананкус» мы накрыли сразу, он едва успел второй раз пальнуть — мимо, неприцельно. А Барабанщика никто никогда больше не видел, даже мертвым.

Почему он крикнул «Немцы!» — поди знай теперь. Кто угодно там мог быть, теперь и не распознать в асфальтовом озере, да и смысла нет: у падановцев почти такой же интернационал, как у нас. К сожалению, это тоже реальность.

Помню, Учитель тогда опустил на колени прямо возле той бетонной плиты и долго стоял так. Мы дума-

ли — молится, но когда я подошел к нему, мол, дон Жорди, скорблю вместе с вами, однако пора, здесь нельзя оставаться, идемте, — оказалось, он рисовал что-то маркером на одном из обломков. Совсем бессмысленные закорючки: крестики, хвостики, дырка с палочкой и запятые вокруг всего этого.

— Пощупай, — говорит, — горячий...

Я потрогал рукой — и верно. Ну так там все каменное крошево на десятки метров вокруг до сих пор оставалось горячим.

Как же иначе: после плазменного-то залпа.

НИКА БАТХАН

СОЛНЕЧНЫЙ ГОРОД

Свет накатывал мощным потоком — огромные панорамные окна совсем не сдерживали его. Майское буйство торжествовало, сверкая праздничной синевой неба, белыми стрелами новеньких башен-высоток, сочной зеленью лесопарка, перламутровой лентой Ташлицы. За окном, должно быть, пахло цветами, мокрой черемухой. А с больничным химическим духом не справлялись никакие кондиционеры.

Я сидел на уютной тахте, скрестив ноги, делал вид, будто по уши занят новостями, мелькающими в планшете. Остальные столпились по другую сторону коридора — говорили, молчали, кусали губы, вскидывались на любой шорох, долетавший из-за блестящей двери с надписью «реанимация». На меня не смотрел никто. Чистоплюи. я знал, о чем они думают. Даже Мишель не решился бросить вслух обвинение, но приговор читался на лицах однокашников и бывших друзей. Не скажу, кто из них без греха, камней мне хватило.

Ученики Г.А. не собирались вместе больше двадцати

лет — после истории с Флорой лицеистов разнесло по стране. Кого-то забрали родители, кто-то сам увильнул, только мы с девочками доучились последний год, а потом поступили в пед. Созванивались, общались, с Мишелем ездили на Байконур, с Кириллом опускались на дно морское отстреливать осьминогов, но как-то по-рознь — стеснялись, что ли. Г.А. мог бы созвать всех, но не торопился — оставив лицейскую программу, он зарылся в воспитание малышей, нянчился с детским садом, после переключился на особых детишек и остался работать в «Вишенке». Он всегда радовался звонкам и визитам учеников, но держался холодно, стал замкнут. Со временем все ребята (кроме Иришки, конечно же) перестали докучать Г.А. своей жизнью.

Настоящий Учитель, он вырастил хороших детей.

Про Микаэля и так все знают. «Муж благородный, увенчанный славой». Планетолечик, герой, побывал в Третьей Лунной, чудом спасся с Венеры, девять раз поднимался в космос и ещё полетает. Здоровье у Мишки, как у слона, силы воли полно и характер счастливый. Удачно женился на смешливой, веснушчатой лаборантке, не надышится на неё. Прошлой осенью сына родили.

Энтузиаст Кирилл стал разводить рыб в Приморье, о его тресковых плантациях была статья в «Известиях». В свободное время писал картины из жизни обитателей моря, делал выставки по району. Семьянин и дом у него уютный.

Чистюля Зоя (кто б мог подумать) уехала в Африку, делать новых людей из подростков, служивших в бандах Судана. Присылала страшные фотографии — иссиня-черные, татуированные мальчишки с глазами убийц, беременные двенадцатилетние девочки, увешанные оружием. Один из Зойкиных подопечных в прошлом году поступил на физфак в Ташлинске.

С Аскольдом несколько лет было плохо — он сумел наконец понять, что его диктаторские замашки и жизнь

коммунара несовместимы, но не смог принять это. Подался к «дикобразам», много пил, схлопотал условное, мы с Мигелем по очереди его вразумляли. Когда под «кайфом» на мотоцикле влетел в дерево, пролежал полгода, врачи думали, что не встанет. Но силы духа Аскольду нашему не занимать — поднялся. С благословения Г.А. окончил институт, занялся биомеханическими протезами, говорят, творит чудеса. Мы с ним последние годы не общались — из-за Иришки.

«Легкое сердце живет долго». Глупышка так никем и не стала. С четвертого курса вылетела замуж, родила двух дочек подряд, ушла от мужа, отправила детей в интернат — тогда только-только вводили семидневное обучение. Пробовала себя на сцене, собирала киберов, волонтерила, спасала орангутанов и какие-то редкие пальмы. Аскольдиус был влюблен в Ирэн с шестого класса, но ему никак не удавалось вклиниться между двумя грандиозными проектами. Иришка нарисовалась в Ташлинске на юбилей матери, Аскольд пригласил её в гости, объяснился, был груб — я сам видел синяки. Г.А. тогда очень жестко поговорил с ним. А спасенная Иришка незаметно приклеилась к дому учителя. Шептали всякое, но я не верил. И до сих пор не верю — не тот человек Г.А., чтобы жить со своей ученицей.

А я... для своих сорока двух достиг многого, очень многого. Куратор системы интернатов Ташлинского района, директор комплекса «Леонардо» для особо одаренных детей, уважаемый педагог, известная личность в области, из Москвы регулярно звонят. Благодарности, награды, почести, письма от учеников. С личной жизнью не задалось, но сын есть, в Аньюдинском интернате, сорванец и отличник, учителя хвалят. Публикуюсь, готовлю докторскую: «преимущества раннего и позднего старта в общественном образовании». Устал от кое-какеров — нельзя детей раньше трех лет отправлять в систему, как котят раньше месяца нельзя забирать

у кошек. И доказывать свою правоту устал. «Из кучи ча-вги не слепишь одного туйвана».

Двери медленно разъехались, запахло озоном и хлоркой. Вышли врачи. Ребята бросились к ним, загомонили шепотом. я ещё раз удивился, что ни Нуси, ни дочь Г.А. не дежурили у палаты. А с другой стороны, мне всегда казалось, что ученики и есть его настоящая родня. Какие же они до сих пор дети!

Подождав, пока врачи освободятся от назойливого внимания, я осторожно двинулся следом. За поворотом придержал за локоток высоченного брюнета с роскошной шевелюрой, в голубом халате и старомодных очках на длинном носу. Он опередил мой вопрос:

— Не могу дать прогноз. Третий инсульт, кома, развивается полиорганная недостаточность. Он борется, но сами понимаете — возраст, нагрузки, организм изношен. Если стабилизируется, попытаемся прооперировать, удалить тромб.

— Почему не сейчас?

Врач вздохнул, мизинцем поправил дужку очков:

— Говорю же вам русским языком — полиорганная недостаточность. Всё отказывает, понимаете?

Я понизил голос:

— Может быть, нужно что-то особенное? Лекарства, специалисты, техника? я позвоню в Оренбург, в Москву.

— Для Носова город самое лучшее соберет по кусочкам, сами же понимаете! Только за сегодня два спринтера «готов, мол, пожертвовать органом для пересадки». Довели человека, мерзавцы, поздно заторопились!

— История с Флорой стоила ему здоровья, — понимающе кивнул я.

— Если б только она, — вздохнул врач. — Я, знаете, сам из бывших флюеров, чудил в молодости. Носов многим «кустам» тогда мозги на место поставил, показал, зачем жить и куда расти. Помните, он говорил: пе-

ресадить свою доброту в душу ребенка — это операция столь же редкая, как сто лет назад пересадка сердца.

Я кивнул, медленно узнавая. Двадцать три года назад у врача была пышная борода, волосатая грудь и повадки гориллы. Он тоже узнал меня. Мне показалось, что врач сейчас ударит прямо в лицо, могучим хирургическим кулаком. Но он плюнул мне под ноги и ушел.

Дался им этот штурм! И никто, ни одна сволочь не понимает, что у меня тогда не оставалось другого выхода.

Я спустился вниз в больничное кафе, заказал синтетическую котлету с натуральным горошком, стакан сока, чашечку кофе и устроился у окошка, чтобы спокойно перекусить. За столиками болтали и сплетничали молодые интерны, заботливый внук помогал дряхлой прабабушке справиться с электронным меню, перешептывалась влюбленная парочка. Мельком заглянула экскурсия — два десятка голенастых подростков, с ними Учитель. я улыбнулся, ощутив гордость, — поколение уже выросло в интернатах, под присмотром заботливых опытных педагогов, никакие неумные, неопытные, а то и жестокие родители не влезали грязными лапами в тонкий процесс воспитания человека. Штурм библиотеки не был, не мог быть ошибкой, и, повторись тот день, я поступил бы так же.

...Шел к концу удивительно жаркий август, раскаленное небо совсем не давало тени. Мы с Михайлой сидели в старом-добром «Кабачке», потягивали ледяное вино и лениво беседовали. Он уже рассказал о кошмарных венерианских бурях, свирепых болотах и Урановой Голконде, добраться до которой не представлялось возможным. я в ответ поделился «пальцевой грамотой» от Г.А. — метод, разработанный для слепоглухонемых детей, как оказалось, прекрасно помогал развивать и здоровых. Глумливый Михель заметил, что вскорости и грудные младенцы начнут цитировать Шекспира. «Как часто нас спасала слепота, где дальновидность только подводила», — парировал я. «Всё, что достигнуто

дрессировкой, нажимом, насилием, — непрочно, неверно и ненадежно», — ответил Миха. «Правду говорить легко и приятно», — я выдвинул тяжелую артиллерию.

Константин Августович, начальник гормилиции, прервал увлекательный спор самым бесцеремонным образом. Из сумбурных объяснений обычно сдержанного майора я понял одно — надо тотчас садиться в машину и спешить к центральной библиотеке. Мишель решил ехать с нами.

Пока водитель — молодой лейтенант, сверкающий новенькими погонами, — включив сирену, гнал по душным улицам Ташлинска, Константин Августович, отдышался и разъяснил ситуацию. У меня волосы встали дыбом, Мика коротко выругался. С сентября вступал в силу указ о всеобщем полном образовании. В семидневные ясли детей принимали с трех месяцев, в сад с двух лет, в школу-интернат — с шести. С первого класса обучение в интернатах делалось обязательным. Ничего удивительного, проект готовился долго. В Ташлинске последние годы работала одна дневная гимназия, остальные перепрофилировали. Несколько семей «недзяк» занимались домашним обучением и детей в школы вовсе не отдавали. Указ встал им поперек горла. Мало того — в городе окопались сектанты, приверженцы какой-то церкви. я думал, их давно расточили — ан нет, прятались по подвалам. Так вот, два десятка семей с детьми, от грудничков до подростков, заперлись в библиотеке и под угрозой коллективного самоубийства отказались отправлять детей в интернаты. У библиотеки уже собрались все первые лица города — мэр, председатель горкома, начальник горздрава, майор безопасности. Вы, товарищ Мытарин, нам просто необходимы. Надо найти общий язык с преступниками и попытаться спасти детей.

Взвизгнув колесами, автомобиль вырулил на площадь. я выскочил из машины, Мишель и майор за мной. Народу было почти как на демонстрации, только вместо ощу-

★ — щения праздника горло перехватывало от жути. В любой момент могло случиться непоправимое. Двухэтажное, бело-розовое здание библиотеки казалось совсем мирным — если не считать грубо намалеванных транспарантов, свисающих из окон. «Венец стариков — сыновья сыновей, и слава детей — родители их», «Ребенок должен расти в семье», «Мой дом — моя крепость» и ещё какая-то ерунда. Средневековые лозунги, дремучая, косная дикость. Прикрываясь возвышенными словами, мерзавцы грозили смертью собственным детям. Жаль, что тюрьмы нынче отменены — только больницы и санатории, комплексное лечение закоренелых преступников. Здесь бы не помешала кутузка, с тараканами, вшами, холодным полом, угрюмыми стражниками в ржавых доспехах... нет, стражники были раньше. Г.А. бы, наверное, как всегда, призвал к милосердию — а разве можно за это щадить?

Окно второго этажа распахнулось, картинно красивый длинноволосый мужчина с мегафоном в руке выглянул наружу.

— Я не прошу у вас многого! Просто задумайтесь — кому мешает, что ребенок растет в семье? Кому мешает, что мать и отец воспитали сына по своему образу и подобию, вложили душу в дитя? Зачем стричь всех под одну гребенку, одинаково одеваться, делать одни и те же прививки, заставлять читать одни и те же книги?

...Узколобый фанатик! Он никогда не слышал об индивидуальных программах для каждого первоклассника, о школьном портфолио, системе профессиональных тестов и оценках экспертов. Такие невежды, как он, когда-то сожгли Бруно и отравили Корчака газом.

Я почувствовал, что переполняюсь гневом, — точно так же, как двадцать лет назад, закипел яростью, увидав окружившие лица «сцепки». Умница Мишель положил мне на плечо руку:

— Не горячись, Гор! Кулаками тут не поможешь.

Прекрасно поставленный, сильный голос заполнил пространство площади.

— Истинно говорю вам, кто совершит одного из малых сих — никогда не войдет в царствие небесное! Бог послал нам свободу выбора для нас и наших близких. Мы живем в свободной стране и можем распорядиться своей свободой, выбрать ту жизнь, которая нас устраивает. Руки прочь от наших детей!

Нестройный хор подхватил «Руки прочь от наших детей». Не хватало только Джихангира.

— Прости им, ибо не ведают, что творят! Игорь, эти люди напуганы, их злость происходит от страха и косности. Тебе ли их не понимать?

Я обернулся. Г.А. почти не изменился, так же легко улыбается, поблескивает глазами, разминает в задумчивости короткие пальцы. Но похудел сильно, морщины исчертили лицо, набрякли веки. Почти старик. Сердце кольнуло жалостью, я постарался улыбнуться в ответ, но не смог.

— У них дети. Много детей. А если кто-то из безумцев подожжет шнур — или что там за адская машина запрятана?

Мягкое сомнение, едва заметное движение подбородка.

— Не будь ребенком, откуда у них бомба? «Неедяки» никогда не применяют насилие к людям, сектанты тоже мирный народец. Они всего лишь привлекают к себе внимание, пробуют быть услышанными. Как Христос хотел проповедовать с креста — и ошибся.

— Этот вон соловьем разливается, проповедничек!

— У него нет другого оружия. Игорь... — Г.А. замялся, неловко переступил с ноги на ногу. — Ты сейчас большой человек, Игорь, чиновником стал, руководителем. А я — простой педагог в интернате для безнадежно больных. Помоги мне пройти в здание. Там... там тоже мои ученики. я сумею убедить их отпустить детей и самим выйти наружу.

— Да, конечно!

Я согласился прежде, чем подумал. Сработала память детства — Г.А. всегда мог решать проблемы. И сейчас, чем черт не шутит, сумеет убедить ополоумевших «неедяк». А обидеть его не обидят — я вспомнил трясущегося «хомбре» и разгром лаборатории.

Константин Августович (легок на помине) уже спешил ко мне с легкостью, удивительной для столь грузного человека.

— Позвольте, Игорь Кондратьевич, на два слова.

Мы отошли с площади в какой-то тихонький переулок. Майор поспешил рассказать — только что позволили из Оренбурга. На армейском вертолете отправили шашки с усыпляющим газом, из последних разработок нетравматического оружия. Будут в Ташлинске через час, сбросят шашки на здание, останется только собрать спящих и разделить на преступников и детей. А пока нужно каким-то образом избежать эксцессов.

Я сделал значительное лицо:

— Отправьте парламентаря, заговаривать болтунам зубы. Да хоть товарища Носова — его все в городе уважают, даже «неедяки».

Потный майор потряс мне руку и затрусил назад. Через минуту мегафон рывкнул:

— Пропустите парламентаря. К вам идет Носов Георгий Анатольевич! Он несет медикаменты, еду и воду.

Я запомнил — тесная площадь, залитая до краев солнцем, проход между двумя рядами солдат и Г.А., ссутулившийся под тяжестью рюкзака с продовольствием. Со второго этажа сбросили веревочную лестницу, Учитель полез по ней, осторожно перехватывая ступеньки. ...Могли бы и дверь открыть, или там у них баррикада?

Гомон стих, проповедник заткнулся. «Неедяки» «неедяками», но Г.А. действительно знал весь город, за него беспокоились. Я мерил шагами скользкую плитку — двадцать восемь шагов вдоль фасада библиотеки, разворот и снова — раз, раз! Микелито отошел в тень, от

жары или от переживаний хваленое здоровье космолетчика дало сбой. я видел, что из носа у него пошла кровь, но не в силах оказался приблизиться хоть на минуту, отвлечься от напряженного ожидания. Минуты сыпались желтым песком в часах.

Наконец изнутри в здании что-то заскрежетало. Затем приотворилась дверь, и появился Г.А. с хнычущим грудничком на руках. За его брючины цеплялось трое малышей, сзади вышагивали ещё три до ужаса серьезных дошколенка постарше. Безошибочно выцепив меня из толпы, Учитель вручил младенчика:

— Принимай ценный груз. И вы, птицы мои, облепите этого доброго дядю — он мой ученик, знает тысячу сказок. Про Емелю хоть помнишь?

Я-то помнил, а малыши дружно сделали личики. Как большинство «дикорастущих» детей, они предпочитали стереовизор книгам. Ничего, это мы исправим.

— Проследи за маленькими, пожалуйста. Там ещё двадцать школьников, четверо старших наотрез отказались жить в интернате. Им осталось год-два доучиться. Как думаешь, пойдет ли РОНО навстречу?

«Пусть попробует отказать», — подумал я, но произнес другое: — Дура лекс сед лекс, Георгий Анатольевич, наша задача сохранить им жизни, а не идти навстречу. я считаю, что «неедяки» совершают очень серьёзное преступление, доверять им детей — значит становиться сообщниками. Сперва они выйдут все, без ультиматумов и условий. А детали обсудим, когда все закончится.

— Закон никогда не наказывает ПРЕСТУПНИКА. Наказанию подвергается всего лишь тварь дрожащая — жалкая, перепуганная, раскаивающаяся, — возразил Г.А. — Они не преступники, а родители, они всего лишь хотят оставаться отцами и матерями.

— Ребенку не нужен хороший отец, — снисходительно парировал я. — Ребенку нужен хороший Учитель.

— Все существа метафизически состоят из мощи, мудрости и любви, поскольку они имеют бытие, и из немо-

★

щи, неведения и ненависти, поскольку причастны небытию. Откуда? — Лицо Г.А. просветлело, он продолжил, не дожидаясь ответа. — Мы строим светлое будущее, возводим Город Солнца — неужели пара-тройка семей может обрушить строение? Пойдем со мной, Игорь, ты сам все поймешь.

Младенец заворочался у меня на руках. я увидел, что это прехорошенькая девочка с большими, внимательными ореховыми глазами.

— Вы ступайте, Георгий Анатольевич, а я её здесь подержу.

Учитель молча вернулся в здание. я попятился к автомобилям «Скорой помощи», избегая недоуменного взгляда Мишеля, сунул ребенка на руки первой встреченной медсестре. Откуда-то сверху уже доносился гул вертолетных лопастей.

В тот час никто и подумать не мог, что усыпляющий газ опасен. я понял, что натворил, когда стали выносить тела и «Скорые», включив sireны, помчались в городскую больницу. Четыре трупа — две женщины, школьник и проповедник — старинный пистолет у них все-таки был, и две пули в стволе нашлись. У выживших — нарушения речи, памяти. Г.А., казалось, отделался легче прочих, только слегка пошатывался при ходьбе. Но через полгода у него случился первый инсульт, ещё через год второй. Третий имеет все шансы добить Учителя. И за все это время мы не сказали друг другу ни единого слова.

Отставив недоеденную котлету, я резко встал — что-то холодное словно кольнуло мозг. В коридоре меня обогнала торопливая бригада. На этаже кипела свирепая суeta. Ученики столпились у выхода, поминутно мешая врачам и сестрам. Иришка плакала взхлеб, как на похоронах. Странно, неуместно смотрелись детские слезы на стареющем личике. Зоя кусала пальцы, Аскольд сжимал кулаки, Кирилл тоже плакал. Мишель молчал.

Ещё один человечек — маленький, толстый, неопрятный, с заискивающими ладошками и пронзительным взглядом — ходил из угла в угол, бормотал что-то на чужом языке, зажав под мышкой антикварный, распухший портфель. При виде его я шарахнулся.

Немыслимая невозможная надежда на миг поселилась в сердце — бывают же чудеса, самодельные, собранные руками! Когда колонна автомобилей повернула на Флору, нам казалось: остановить хищные вещи не легче, чем бронепоезд на полном ходу. Но пришла телефограмма прямиком из Москвы, секретарша не поленилась оседлать мотоцикл, привезла им депешу, и враги безропотно откатились назад, растворились в редющем утреннем тумане, в запахе волглых тряпок и подгорелой каши. В тот день рядом с нами тоже стоял смешной лысый, потирающий потные ладошки маленький человек. Он твердил как молитву: все обойдется, мальчики, все обойдется. Может, и сейчас?

— Нет! Нет! Нееееет! — забилась в крике Иришка, Мишель обнял её, пытаясь успокоить. По его лицу протянулись две влажные дорожки. Врач — тот самый, огромный, обволосенный — бормотал слова утешения и, похоже, сам чуть не плакал.

Я оперся о стену. «Не успел, — крутилось в голове, — не успел». я однажды предал учителя, предал, глядя ему в глаза. я поступил бы так же тысячу раз подряд — ради будущего, ради детей. Но учитель не говорил со мною, и я молчал. И теперь это уже не исправить.

Ученики по одному прошли к лифту. Ни один из бывших друзей не поднял глаза на Игоря К. Мытарина. Пыль рудничная, грязь манежная... Вдруг я почувствовал прикосновение потной ладошки, услышал вкрадчивый голос:

— Записка, мой славный. Последняя от него.

Листочек обыкновенной бумаги в клеточку. Расплывающийся дрожащий почерк.

...В истории было много случаев, когда ученики предавали своего учителя. Но что-то я не припомню случая, чтобы учитель предал своих учеников... Откуда? Прощай.

Подпись: *Г. А. Носов.*

Я не знаю — заслужил ли прощение.

АГАТА БАРИСТА

КОРХО ЧИХЕЛ?

1

«...вернулся с обхода позже обычного — шёл медленно, почти вслепую, по тросу — откуда-то из ущелья налетела шальная апрельская метель. Прежде чем занести показания в журнал и отправить данные в Хургаб, пришлось отогреться заранее приготовленным крепким чаем из термоса. Потом он переоделся, с простодушным удовольствием нырнув в белоснежный свитер с вереницей угловатых коричневых оленей на груди и спине, поужинал ячменной кашей, оставшейся с утра, вымыл тарелку и ложку, тщательно протёр стол — хотя в этом не было никакой необходимости, налил вторую кружку чая и перенёс её в бывшую фотолабораторию, в которой устроил подобие кабинета.

Как только он зашёл в комнату, то сразу увидел, что на старых осциллографах, складированных в углу за ненадобностью и накрытых домотканым полосатым пледом, восседает Вайнгартен, умерший от апоплексического удара три года назад в Мюнхене. Отчётливо скошенное на левую сторону лицо Вайнгартена было налито тёмной взбунтовавшейся кровью, глаза навывкате суме-

речно тлели, слоновьи ноги широко раскинулись, чтоб было куда свисать необъятному брюху.

Они были одни, значит, Вайнгартен пришёл поговорить. Когда поблизости находился шуганец Имомали, единственный работник, оставшийся на станции, Вайнгартен молча маячил то там, то здесь, но в переговоры не вступал. День назад Имомали отпросился навестить родственников и ещё до непогоды ушёл вниз, в Алтын-Кош.

— Корхо чихел? — раздалось из угла.

— Хуб. Здравствуй, Валя, — сказал Вечеровский, усаживаясь за рабочий стол, и подумал: «Может быть, сегодня». — Хочешь чаю? На кухне ещё остался.

— Издеваешься, сукин сын? — весело ответил Вайнгартен. — Ты мне ещё коньячку предложи.

Живой Вайнгартен никогда не позволил бы себе называть его сукиным сыном. Именоваться сукиным сыном всегда было привилегией Малянова. Но теперь Вайнгартен, отбросив прежний пиетет, не стеснялся в выражениях, и Вечеровский испытывал странное удовлетворение по поводу этого факта.

— Коньячку я и сам бы не против. Но нету — закончился.

— Закончился, — эхом отозвался гость. — Как и всё в этой жизни, старик. Как и всё в этой жизни.

Тёмная туша в углу зашевелилась, заколыхалась, будто бы устраиваясь поудобнее. Вечеровский отхлебнул чай, придвинул поближе пепельницу, достал из ящика стола фланелевую салфетку, пучок разноцветных ершей и взял из сине-зелёной щербатой пиалы столетний бриар, ожидавший ежедневной чистки. Он выбил из трубки пепел, выкрутил мундштук и принялся неторопливо прочищать канал.

— Погодка-то — а? — светски начал Вайнгартен и поёжился, словно он тоже выходил на обжигающий ветер. — Мороз градусов тридцать. А ведь апрель месяц. В Париже каштаны цветут. Давно хотел тебя спросить, а чего ты стал каждую зиму сюда забираться? Мог

бы себе Мальдивы-Шмальдивы всякие позволить, ты самый хитрый из всех нас был, — это мы, лопухи, из-за кордона дублёнки да виски тащили, а ты за бугром втихаря акциями баловался... Так почему сюда? Романтика? Хемингуэй? Киплинг?

Вечеровский помедлил, затем ответил.

— Тогда уж Лукницкий и Станюкович. Который не Константин, а Кирилл.

— А что, их несколько было? — удивился Вайнгартен. — Не знал. Как говорится, век живи — век учись. Но всё же, почему сюда?

— Здесь чайник быстрее закипает, — сказал Вечеровский и посмотрел в угол через круглую дырочку в мундштуке. — Если серьёзно, то мне здесь по-особенному думается. Видишь ли, есть задачи, для решения которых требуется сосредоточенность. Есть задачи, для которых требуется предельная сосредоточенность. И есть задачи, которым нужен ты весь, со всеми потрохами, до последнего нейрона.

— Одна из семи проблем тысячелетия? — проявил осведомлённость Вайнгартен.

— Скорее, восьмая, — ответил Вечеровский. — И не тысячелетия, а миллиарда лет. А это место — сильнейший стимул для разрешения моего вопроса.

— Ага, ага. — Вайнгартен важно покивал тремя подбородками. — я сижу на крыше мира, свесив ножки над обрывом?

Вечеровский пожал плечами.

— Не совсем. Но можно и в таком ракурсе посмотреть. К тому же ничто не отвлекает. Почти.

— Если мавр мешает, мавр может и уйти, — буркнул Вайнгартен.

— Тебя, Валя, я всегда рад видеть, — довольно искренне произнёс Вечеровский и невольно вспомнил дебютное явление Вайнгартена позапрошлой зимой. Хоть он подсознательно и ожидал чего-то подобного, а всё-та-

ки эта синяя перекошенная рожа по первости пронимала его до самых печёнок.

Вайнгартен мрачно хмыкнул.

— Да уж, я получше рыжего карлика буду. Слава богу, у Мироздания есть вкус. Хороша была бы парочка — рыжий карлик и рыжая жердь. Весь вечер на арене.

— Действительно смешно, — подтвердил Вечеровский.

— Впрочем, почему Мироздание? Может, меня прислал товарищ Ашока лично. А? Как думаешь?

Вечеровский с сомнением приподнял выцветшую — песок с солью — бровь, взял новый ёрш, сложил его вдвое и приступил к чистке чубука.

— Шутка, — отступил Вайнгартен. — Это меня занесло. я когда начинаю не о тебе, а о себе думать — кто я? что я? какого хрена я? — мне так тошно становится, будто с тротуара в трясину шагнул и уже начинаю грязью захлёбываться. И внутри болит. — Тёмные губы Вайнгартена скривились, как от горького лекарства, буйная седая прядь волос упала и полностью скрыла один глаз. Второе око был чёрно, выкачено и печально. Демон, подумал Вечеровский, потому что ему вдруг вспомнилось врубелевское толкование слова «демон» — «душа».

— Так что, отец, давай лучше о тебе, родимом, — с тяжёлым вздохом сказал демон и поскрёб могучую диафрагму.

Оба помолчали. Наступила тишина, сквозь метровую стену ангара, заполненную слоями войлока, фанеры, дерева и воздуха, извне не доносилось ни звука, только громко тикали наивные настенные ходики в виде охотничьей избушки, которые Вечеровский, утомлённый постоянным звоном в ушах от ватного молчания станции, привёз из родительской квартиры.

— Ну, раз обо мне, то я тоже давно хотел спросить. — Вечеровский отложил трубку и стал рассматривать свои руки — их тёмную сухую кожу в мелкую сеточку, по-

крытую янтарным горным загаром, почти скрывшим веснушки, длинные узловатые пальцы, овальные, коротко остриженные ногти. — Это не слишком важно, но я хочу понять... Хотя, наверное, поздно спрашивать...

Вайнгартен, встрепenuвшись, подался вперёд.

— Валяй, отец, не стесняйся, выкладывай, что тебя гложет — Вселенная ждёт, затаив дыхание!

Вечеровский бледно улыбнулся.

— Может, вспомнишь, несколько лет назад вы у Димы Малянова собирались большой компанией, когда у него дочь родилась. я заходил ненадолго, Глухов ещё друга привёл, тоже востоковеда... забыл, как его звали...

Вечеровский, морщась, щёлкнул пальцами.

— Славка Пастухов, что ли? — подсказал Вайнгартен.

— Да, точно, Вячеслав, а потом ещё черноморский родственник нагрязнул... что-то такое с балетом... — Выпуклый лоб Вечеровского опять пошёл волнами.

— С балетом? Балерину, что ли, с собой привёл? — Вайнгартен, облизнувшись, возвёл масляные очи к потолку. — Не было никакой балерины. Там у нас вообще баб не было.

— По-моему, Вова его звали.

— И что в этом балетного?

— Не важно. Важно, что они, эти Слава с Вовой, меня тогда под орех разделили... с ожесточением каким-то, чуть ли не предсказывали, что рано или поздно я, — Вечеровский подвигал щекой, подбирая нужное слово, — э-э-э, окажусь под забором. У меня даже создалось устойчивое впечатление, что они меня за монстра принимают... и потом, ещё несколько раз... были случаи... Скажи, Валя, я что, э-э-э... неприятен людям?

Вайнгартен откинулся назад с видом глубочайшего удовлетворения и скрестил руки на груди, спрятав ладони под мышками.

— А то! — довольно хохотнул он. — Монстр, не монстр, а пачек тебе накидать всем хотелось, это я, отец, прямо скажу!

— За что же мне пачек кидать? — Вечеровский оторвался от созерцания своих ногтей и поднял внимательные глаза на Вайнгартена.

— А за всё, — охотно пояснил тот. — Ты же среди нас, нервных, рефлексирующих, напуганных, словно чёртов принц крови на чёртовом белом коне гарцевал. Рубашечка крахмальная, галстучек в полоску, и всё тебе нипочём. И один ты у нас д'Артаньян.

— Галстучек в полоску, и всё мне нипочём, — задумчиво в нос промычал Вечеровский. — Шансон, однако.

— А главное, никому не хотелось этого твоего... го-меопатического... слишком уж жутко было. И обидно. У всех семьи, жёны, дети, все повязаны по рукам и ногам. Один ты был свободен, как ветер в поле. Думаешь, завидуют только славе, богатству и счастью в личной жизни? Чужая свобода, старик, вот что не даёт спать по ночам человечеству. Чужая свобода!

— Значит, вы дружно решили, что я — эдакий вольный сын эфира, — ровным голосом проговорил Вечеровский. — Джонатан Ливингстон Чайка. Вольтеровский простак, авангардный джаз.

— Скажешь, нет? — запальчиво осведомился Вайнгартен.

В ответ Вечеровский засмеялся. Но этот смех не был довольным, сытым марсианским уханьем. Так скрипит старый карагач, искорёженный бесконечными ветрами, засечённый снежными вихрями, засушенный безжалостным...

2

«...в Москве, когда лежал со своей непонятной болезнью в Морозовском институте. Она была его лечащим врачом, и её звали Елена. Елена была и прекрасной, и премудрой, и почему-то ей понравились его веснушки, его рыжие брови, его нескладная сутулая фигура и даже его математика. Их отношения пробивались к свету,

как стебли камнеломки сквозь асфальт, потому что впервые в жизни Филипп заинтересовался женщиной, у которой работа отнимала ещё больше времени, чем у него. Каким-то невероятным образом они всё-таки спелись и начали летать друг к другу из Ленинграда в Москву, из Москвы в Ленинград, и от этого в голове у Филиппа время от времени начинал крутиться заснеженный вальсок из какой-то сентиментальной новогодней киноистории про запутавшегося москвича и мрачноватую питерскую блондинку. Потом обрушились «дни затмения», как их назвал Малянов, и он, полагая, что времени для долгих раздумий нет, тридцать три раза за сутки переменяв решение, вывел Елену из-под удара, поставив скоропостижную и весьма болезненную точку.

— Я ведь был истово уверен, что расклад навсегда. Видел перед собой силу — слепую, бесчувственную, которую невозможно вписать в систему координат человеческой логики и человеческих ценностей. Цунами ведь не остановится, чтобы обогнуть детский сад. Моя завроженность этой силой была настолько велика, что никаких других вариантов развития событий я не представлял. Делай, что должен, и пусть будет, что будет.

— А теперь? — прищурившись, спросил Вайнгартен.

— А теперь... Изволь. Однажды я пробирался вдоль узкого русла горного ручья. Случайно поднял глаза и заметил на стене, на высоте двух-трёх метров, пятна густого синего цвета. Было похоже, что это выход на поверхность лазуритовых линз. Пока я стоял, задрав голову, сверху вдруг раздался грохот, и совсем рядом пронеслась гигантская глыба. Она упала как раз на то место, где должен был проходить я. Камень, упавший сверху, был таким большим, что перегородил собою всё русло. Бег ручья был прерван, начала образовываться запруда. Мне стало любопытно, и я задержался. Воды набиралось всё больше, и наконец её стало так много, что ручей прорвался и помчался вниз по правому берегу, обогнув камень.

Вечеровский замолчал, взял кружку с терпким остывшим чаем и большими медленными глотками допил его до дна.

— Ну? — спросил Вайнгартен. — И чего?

— И ничего, — ответил Вечеровский, со стуком поставив пустую кружку на стол. — Осенью как раз проходил мимо. Слева камень лежит, справа ручей течёт.

Вайнгартен, выпрямившись, смотрел выжидательно.

— Камень лежит, ручей течёт, — повторил Вечеровский с горечью и устало провёл ладонью по лицу. — Я научился обходить красные флажки Мироздания, Мироздание научилось обходить меня. Эра антибиоза закончилась, не успев начаться. Давление исчезло. Возможно, потому что откуда-то из глубин Космоса в нашу сторону уже двинулся гигантский астероид, или магнитными полюсами управлять легче, чем людьми. Кто знает? Не думаю, что Мироздание отступилось, это невозможно. Оно лишь нашло более рациональный путь... — Вечеровский пристально взглянул на Вайнгартена. — Ты мне ничего не хочешь сказать, Валя?

Вайнгартен безмолвствовал.

— Во всяком случае, Дульбекка, которому я отдал твою работу, получил Нобелевскую премию, жив и здравствует до сих пор. Правда, очень уж ратует за мораторий на исследования в области генной инженерии.

— Конечно, чего ему теперь, — ядовито отозвался Вайнгартен. — Нобелевку свою он уже получил. За мою ревертазу.

— Не за ревертазу он Нобелевку получил, — нетерпеливо возразил Вечеровский. — А за то, что не убоился. Я ведь ему всё детально поведал, у него волосы натурально дыбом стояли. А ревертазу твою взял.

— Да-а, не убоился! Только перед самой Нобелевкой у него дочь в автокатастрофу попала, инвалидом осталась. А с моими девчонками всё в порядке! Всё! Не хочу больше про это! — резко перебил Вайнгартен. Очер-

★ тания его фигуры тревожно всколыхнулись, и по Вайнгартену будто бы прошли мерцающие полосы, как это бывает при плохом приёме антенны. Потом полосы пропали, и Вайнгартен с прежней живостью продолжил: — Ты сам-то, ты, железный пижон, не жалеешь? Института не жалко? Карьеры? Сейчас бы уже в академиках ходил.

— В академиках? — Вечеровский отмахнулся. — Не смей меня. я сам себе карьера — не жалуюсь.

— А Елены не жалко?

Вечеровский подумал, затем объяснил:

— Деревья заперты на ключ, но листьев, листьев шум откуда?

Вайнгартен поморгал глазами, тяжело посопел, потом уверенно констатировал:

— Жалеешь!

Вечеровский длинно посмотрел в угол.

— Через год после нашего расставания Елена вышла замуж. Мужем её стал известный спортсмен, альпинист, скалолаз, экстремал и ещё бог знает кто, — продолжил он. — Елена ушла из Института и стала ездить как врач с его командой. Бросила всё... всё-таки мы были очень похожи. Лет пять назад здесь неподалёку проходил отборочный этап перед Гималаями. Базовый лагерь установили на высоте пятьдесят три ноль ноль.

— А-а-а, что-то слышал.

— Землетрясение в Афганистане пять лет назад. Восемь баллов. Так что и здесь аукнулось — с гор пошла лавина. Ударной волной лагерь смело в пропасть. На месте стоянки снег со льдом был спрессован, как бетон. Из сорока человек никого не нашли. Только обломки, части снаряжения, тряпки какие-то...

Вечеровский поднялся из-за стола и подошёл к окну. За окном было темно, и только у самого стекла панически мельтешили белые хлопья, предчувствующие скорую весну. Глядя в темноту, Вечеровский глухо произнёс:

— Вот поэтому я и купил эту станцию пять лет назад.

— Купи-и-ил?

— Заплатил всем. Наши, конечно, по традиции, цену заломили, будто это швейцарское шале. Деньжищ сюда в своё время прорву вогнали, да только кому, кроме меня, сейчас нужна брошенная метеостанция на чужой земле... Умерили аппетиты и списали с баланса. Усушка, утруска, самовозгорание. С Хургабом было проще договориться — самовозгорелось немедленно. я ведь для них ещё и наблюдения веду.

— На кой ляд?

Вечеровский пожал плечами.

— Мне не сложно, а людям надо. К тому ж километром ниже Муссойский завал и Карезское озеро. Если завал прорвёт, смочет всё к чёртовой бабушке до самой границы. Зимой я слежу, летом — двое надёжных ребят, из местных. Так что работа как работа. И отличная смена рода деятельности, эдакая перезагрузка мозга.

— Устаёшь? — задушевно проворковал Вайнгартен. — Тема пошла?

Вечеровский живо обернулся. Глаза его блеснули неожиданно весело.

— Вам ли не знать? — усмехнулся он. Вайнгартен в ответ сделал большие глаза.

— Кому это — «нам»?

— Готов озвучить свою версию. Но тогда уж, извини, придётся называть вещи своими именами.

— Говори, — буркнул Вайнгартен и тут же подёрнулся мелкой трусливой рябью.

Вечеровский, вернувшись за стол, заметил это и строго сказал:

— Не трясись! — И продолжил более мягким тоном: — Начнём с того, что в первую же нашу встречу мне показалось, что ты, Валя, не грубая поделка, призванная запугать меня или сбить с толку... было в тебе что-то такое невыразимое, какая-то тонкая материя... и это направило мои размышления в определённую

★ сторону. Думаю, ты являешься чрезвычайно удачной посмертной реконструкцией психологического облика моего старинного приятеля Валентина Вайнгартена. С функцией приёмо-передающего устройства и с некоторым перепрофилированием, если так можно выразиться. Получился такой вот Валентин Вайнгартен, которого больше всего на свете интересует не он сам, а Филипп Вечеровский.

— Я — кадавр! — трагически простонала фигура в углу и стала оседать в кучу, приобретая пирамидальные очертания не то муравейника, не то термитника, внутри которого ворочались тяжёлые клубы аспидного пара.

— Валя, не паникуй, я ещё не закончил, — терпеливо напомнил Вечеровский. — Постарайся собраться. Это нужно прежде всего тебе самому. Надо оставаться человеком, несмотря ни на что.

— Кем-кем? Человеком? — желчно булькнула куча. — Легко тебе говорить!

— По-моему, мы уже выяснили, что у меня галстучек в полосочку, и всё мне нипочём. Пусть. я не говорю, что всё просто. Всё архисложно. Полагаю, об этом ты и так догадывался, ничего принципиально нового я тебе не сообщил. Могу заверить, в моих глазах ты являешься вполне полноценной личностью, и я всегда буду относиться к тебе именно так. Да, ты не самостоятелен физически, но разве эти обстоятельства уникальны? Люди с ограниченными возможностями, парализованные, без рук, без ног, не раз доказывали, что могут нести звание человека достойно...

— Легко тебе говорить, — повторила куча, но через минуту Вайнгартен вновь обрёл человеческий облик, хоть и затуманенный некоей дымкой смятения.

— Я обещаю тебе, Валя, что при первом же контакте с твоими демиургами, я подниму вопрос о твоём положении.

— Ты же не верил в контакт!

— Всё меняется в этом мире. Как-то я вообразил цивилизацию, которая столкнулась с Мирозданием намного раньше, чем мы. Если я уверен, что мы, люди, в состоянии изучить законы Вселенной, то почему я отказываю в этом иным? А контакт, разумеется, будет, иначе к чему вся эта петрушка? С кем — с маленькими зелёными человечками или с большими красными медузами — не так уж важно. Я был бы рад, если бы мы оказались более близки по духу, нежели по внешнему виду, и...

И в этот момент донёсся шум — кто-то колотил по входной двери.

Вечеровский прервался и замолчал, высоко задрав брови.

— Чёрт! — дёрнулся Вайнгартен. — Чёрт, чёрт, чёрт! Слишком рано!

— Наоборот, — невозмутимо сказал Вечеровский. — Поздновато для гостей.

Он встал, сунул в зубы нераскуренную трубку, одёрнул свитер с оленями и пошёл открывать. У порога Вечеровский задержался, чтобы посмотреть в маленькое мутное зеркальце, висевшее у двери, пригнулся и пригладил волосы.

— Не ходи туда, — сказал ему в спину Вайнгартен. — Сейчас тебе никто не поможет — ещё рано.

Вечеровский оглянулся.

— Сам не хочу, — небрежно ответил он и вдруг разразился своим знаменитым марсианским уханьем. Вечеровский подмигнул Вайнгартену, смотревшему на него печально, и вышел из комнаты.

Вслед ему нёсся вопль:

— Ты пижон, Вечеровский! Продержись три дня! Три дня, Вечеровский!

Он постоял перед входом. «Бароны ещё повоюют», — пробормотал он и отворил. За дверью обнаружилась

группа молодых людей, загорелых и бородатых. За плечами у них виднелись оружейные стволы. Позади всех маялся Имомали с встревоженным и виноватым лицом.

— А-а-а-а! Родственники? Ну что ж, welcome! — с дьявольским подъёмом воскликнул Филипп и широко распахнул дверь. — Корхо чихел?...»

ТИМУР АЛИЕВ

ВТОРОЙ УХОД МАРСИАН

1 августа

Господи, неужели снова? Неужели мой неугомонный зять и его дружки опять взялись за старое? А я только порадовался за свою девочку, что нашла покой с мужем. И вот просыпаюсь посреди ночи и вижу, что творится что-то непонятное, а Харон накануне уехал зачем-то в Марафины...

Но обо всем по порядку.

Около двух часов ночи меня разбудило странное щемящее чувство в груди. Поначалу я решил, что это приступ. До сих пор сердце никогда серьезно не беспокоило меня, но все когда-то случается впервые. Немудрено при той жизни, что мы ведем несколько месяцев подряд. Вся эта нервотрепка вокруг марсиан и полное неведение относительно нашего будущего не могли не сказаться на моем организме. Конечно, переживания остались в прошлом, но разве можно вернуть утраченное здоровье?

И такой пот меня прошиб от этих мыслей, что, невзирая на будущее утреннее брюзжание Гермियोны, я встал и выпил рюмочку коньяка. Как в старые времена. Совсем чуть-чуть, на дне, для успокоения нервов и расширения сосудов.

А затем вышел подышать воздухом. И увидел в густых предрассветных сумерках чьи-то силуэты.

Грешным делом я снова подумал на Артемиду с господином Никостратом. Ну а что? Муж — из дома, любовник — в дом. А никто и не виноват, жене нужно больше внимания уделять.

Но пригляделся и понял, что это сосед Миртил загружает вещами свой грузовичок. Я окликнул его и спросил, почему он мешает спать людям, ведь нет никаких причин для беспокойства, а тот в своей манере отмахнулся раздраженно: «Ладно, ладно, спите. А они придут и прямо вас в постелях придушат». Я попытался объяснить ему, что марсиане не такие, что в мире торжествует закон и порядок, а он снова свое твердит: «Я их видеть не видел, знать не знаю. Вот только тишина подозрительная».

Загрузился, семью в кабину запихал и умчался к родственникам в деревню. А не успел дым от его таратайки развеяться, как и мой зять появился. Снова грязный, осунувшийся, но веселый. «Радуйтесь, крысы, — говорит, — ушли марсиане. Сами ушли и безо всякого боя. Три дня как улетели. Одни вы придурками здесь сидите, знать ничего не знаете».

Я так и сел. Вот оно, чувствую, не зря в груди болело. «А как же желудочный сок? — спрашиваю. — Кто его теперь покупать будет?»

Он оскалился страшно, аж в темноте зубы белые стали видны, захохотал надрывно: «А кто цену больше даст. Может, венериане? Только дождитесь, пока они вас завоюют...» — и в дом ушел.

А я так и остался сидеть на лавочке под окном, его слова обдумывать. Нет, что-то мудрит Харон. Одно дело — Марс. И к Земле самая близкая планета, и климат более-менее с нашим схож. Но с Венеры вряд ли кто прилетит. Нет там жизни. А если и есть, то на нашу она совсем не похожа.

Господи, только бы не с Венеры. Только бы пронесло.

2 августа

Из-за всей этой ночной катавасии спал я плохо, видел кошмары, в которых меня душил краб с Венеры. И вроде как умом я понимал, что не бывает у ракообразных щупалец, а воздуха все равно не хватало.

В итоге встал я поздно, позавтракал без аппетита и с твердой мыслью зайти в аптеку за сердечными каплями вышел из дома. А по дороге заглянул на «пятачок».

Ну и конечно, все наши уже были на месте, обсуждая уход марсиан. Всезнайка Силен уверял, что марсиане и не собирались захватывать Землю, а пролетали мимо и остановились желудочного сока прикупить: «Взяли, сколько им требовалось, и дальше полетели».

«И куда же дальше, на Солнце, что ли?», — ехидно поинтересовался Парал.

«А может, и на Солнце, — отпарировал Силен, — да только желудочный сок им как топливо для кораблей был нужен».

И тут мы все вспомнили Миртила с его бензоколонкой, где он вечно бензин всякой гадостью разбавляет, и сразу согласились с Силеном.

А Полифем обхватил меня своими ручищами (даром что одной ноги у него нет, так он руками силу компенсирует, и от его объятий мне всегда плохо становится) и как пошел мне в ухо орать, слюной брызгая: «Мы победили, Аполлон, ты понял, победили, наша самооборона сработала, как в молодости надрали мы кое-кому задницу, так и теперь надрали». Ага, а то я не помню, кто кому и как на самом деле задницу надрал в нашей с ним молодости.

И тут Пандарей с важным, как всегда, видом вышел из участка и заявил: «Никакие это не марсиане были, а с Альфа Лебеда». Ну, мы его на смех и подняли: «Да разве возможны такие дальние перелеты?» А Парал так и сказал: «Ошибся ты, старичок, они не с Альфа Лебе-

дя, а с Альфа Мента были». Пандарей сразу надулся и давай нас разгонять: «А ну, рразойдись! Пособники марсианские! Колационисты!»

Это он «коллаборационистами» хотел нас назвать, а слово выговорить не сумел. Но я не стал его поправлять, мне по своим делам нужно было идти. Вот только решил я прежде в мэрию заглянуть, узнать, что будет с приемом желудочного сока.

Вошел внутрь, а там не протолкнуться, коридоры забиты народом, все галдят, радуются. Насилу в приемную пробился, спасибо бывшим ученикам, пропустили.

А в приемной, как всегда, господин Никострат ногти полирует. И вроде пилочка та же, а вид у секретаря мэра какой-то совсем иной. Героический прямо-таки. И курточку он свою щегольскую на военный камуфляж сменил. Сразу мне того лейтенанта напомнил, что нас с Полифемом в молодости в атаку на танки повел и звезду за это потом получил.

Вот и господин Никострат сияет так, будто в лотерею выиграл. «Вы, — говорит, — господин Аполлон, не переживайте, идите домой и сдавайте желудочный сок. Директивы прекращать сбор пока не было. И вообще, — говорит, — сегодня не до вас, у нас официальное мероприятие, награждение героев сопротивления марсианским захватчикам». «Неужели моего зятя наградят?» — мелькнуло у меня соображение, которым я в приемной и поделился незамедлительно. А этот хлыщ поморщился, глазом задергал, как раз тем самым, синяк под которым только-только зажил, и заметил, что начальству виднее, кто награду заслужил, а кто нет. И что помимо моего зятя у нас есть немало достойных граждан, что с риском для жизни собирали данные о марсианах, будучи внедрены в их среду.

И так он меня этими словами поразил, что забыл я и про аптеку, и про успокоительные капли и домой побрел.

А там меня снова огорошили. Едва я на порог ступил, как Гермiona выдала: «Пока одни аппетит бесполезно нагуливают, другие действуют». Оказывается, все наши соседи уже заявления на компенсацию подали. Как пострадавшие от марсиан. И опять я один ничего не знаю. А между тем компенсации заслуживаю не меньше других. Если не больше. Разве не меня с моим больным желудком марсиане постоянно лишали желудочного сока?

И такая досада меня обуяла, что хоть плачь. Ведь видел в мэрии толпу, а не догадался спросить — что за люди и зачем они там? Мог бы уже сегодня заявление подать. А то потом набежит неизвестно кто, и близко не пострадавший от марсиан, и жди своей очереди годами.

И точно. Выглянул я во двор, а там палатками все заставлено. Родня Миртила из деревни приехала. И сам уже вернулся, и родственников за собой притащил.

Свесившись из окна, я окликнул ближайшего фермера и спросил — по какой надобности они прибыли в город? А тот мне и заявляет: «Мы как есть дважды пострадавшие от марсианцев». Марсиане якобы заставили их вначале все посевы извести, а затем инопланетные злаки принудили выращивать. «Но мы не городские какие, — говорил он, подкручивая ус, — мы своей земли патриоты, марсианцам показали злаковую культуру».

Неграмотный фермер, правда, вместо словосочетания «злаковая культура» «лаковая купюра» использовал, но я его все равно понял. Вообще заметил, что от частого общения с Миртилом и его родственниками моя речь на фермерскую стала похожей. Словно набралась на языке некая масса слов и незаметно наружу вырывается. Есть в физике такой принцип — накопления критической массы, он, кстати, и к человеческой душе относится. Собирается, собирается в ней что-то, а потом раз — и прорвало, потекло по новому руслу. Человек совсем другим делается.

Ну ладно, что-то я расфилософствовался. Вообще-то фермер мне много чего рассказал. По его словам вы-

ходило, что вдобавок они новым посевам удобрений не досыпали и потому теперь заслуживают компенсации за саботаж. «Мы не городские какие, мы свое кровное требуем», — грозился он.

Одним словом, завтра я встану пораньше и сразу в мэрию, чтобы меня фермерское стадо не затоптало.

Вот только куда пропал этот несносный Харон? Как ушел с утра, так и нет его до сих пор. Бедная Артемида места себе найти не может, извелась вся. Но я ее успокаиваю, объясняю, что Харон, как видный деятель антимарсианского движения, должно быть, сильно занят. И сам на это надеюсь. Может, хоть сейчас мой зять окажется при власти? Было бы очень кстати. И с компенсацией помог бы. Пришел бы я завтра в мэрию, а меня уже встречают, по парадной лестнице ведут.

Ладно. Это я перебрал с фантазиями. Завтра видно будет.

3 августа

Снова не добрался до аптеки. Перехватили на «пяточке». Подхожу, здороваюсь со всеми, а они как-то странно смотрят, косятся, отвечают невнятно. я понять ничего не могу.

И тут Пандарей из участка выходит и спрашивает: «Аполлон, а ты почему не в суде?» У меня ноги так и подкосились. «В каком суде?» — лепечу, а сам думаю — неужели за желудочный сок в пособничестве обвинить хотят, так я не один такой, нас много сдавало. Спасибо Полифему — он как хлопнул меня по плечу, да как гаркнул: «Штафирки гражданские, в тылу отсиделись, да как они смеют военных людей судить, не переживай, Феб, мы им не дадим спуска, твоего зятя защитим». И только тогда я понял, что это не меня, а зятя моего касается. Спрашиваю — что случилось-то? Ну и выяснилось, что Силен с утра видел, как привезли Ха-

рона в наручниках в суд, а потом люди трепались, будто мой зять предателем оказался.

У меня словно камень с души упал. Какой из моего зятя предатель? Харон человек несдержанный, небось в глаз кому засветил от эмоций, а люди, как всегда, все неправильно поняли. «Не могло этого быть, — объяснил я своим, — вы что, он же против марсиан воевал».

Наши сразу успокоились и на тему компенсаций переключились. Пока Силен не рассказал потрясающую новость про господина Никострата, который получил-таки орден — как герой сопротивления. «Да разве это ж орден, — возмутился Полифем, снова ко мне апеллируя, — помнишь, Феб, какие у нас награды были, настоящие, не то что эти нынешние фитюльки». А Пандарей пояснил, что «секретаря господина мэра в столицу вызывают» — для перевода на большую должность. Тут уже наши засомневались. Ладно звезду на грудь, но чтобы повышение в столицу! А Парал, как всегда, ввернул: «Ты бы еще, старичок, сказал, что ему не губернатор, а сам президент вручать награду будет», — и все начали хлопать по спине Пандарея, а тот разозлился и принялся орать, чтобы мы не собирались больше чем по трое, поскольку, хотя враг и повержен, но режим чрезвычайного положения никто не отменял. Так прямо и сказал — «режим чрезвычайного положения».

И я побрел в аптеку. Но по дороге решил-таки в суд заглянуть. А на входе охранник стал и меня внутрь не пропускает. «Не велено, господин Аполлон», — говорит. Как же так, говорю, ведь я заслуженный учитель, гражданин, почему не велено? А он на своем стоит. И так я ему растолковывал свои права, и этак, что он согласился наконец начальника привести. И выяснилось, что его начальник — мой бывший ученик Эсхил. Так себе был ученик, поведения только примерного, да язык был неплохо подвешен, что в суде и пригодилось. Вот выходит он и говорит — «Я вас сильно уважаю, господин Аполлон, но ваш зять — форменный негодяй, коллабо-

рационалист подлый, марсианам пособничал. Уважаемые люди, герои сопротивления, своими глазами видели, как он на марсианской машине домой приезжал. Теперь его будут справедливым судом судить, и даст господь, справедливо покарают через соответствующую процедуру».

Я так и обмер. Ну и дела! Теперь ясно, что никакая это не ошибка. Бывает, конечно, что суд ошибается, но люди-то правду знают, от них ничего не скроешь.

От волнения у меня даже пот на лбу выступил, я из кармана платок вытащил и тщательно вытерся им. Эх, не видать мне теперь компенсации как своих ушей. За такого зятя не то что получить что-то, своего бы не лишиться. Нет, ну и Харон-то каков! Надо же, сколько живу, не перестаю поражаться лицемерию людей. Какие ведь речи он задвигал против марсиан, и как убедительно. Неужели это была всего лишь маска? Как хотите, а не верю, что он к марсианам сознательно подался! Скорее имело место то, что я и называю накоплением критической массы. Уверен, все эти последние события так на него повлияли, что он переродился и даже не заметил, как оказался на стороне марсиан. Удивительно, но факт!

Вот только как мою дочь угораздило с таким слабохарактерным человеком связаться? Хотя я и сам хорош, не разглядел вовремя перемену в зяте.

Тут толпа у входа в суд зашевелилась, забурлила, и сквозь нее Харона повели. Шел он, голову опустив, на людей не глядел, от стыда, наверное, за сущность свою двуличную.

И так я смотрел на него, что, видно, он почувствовал, поднял голову и прямо мне в глаза уставился. И узнал, конечно, даже подался ко мне всем телом, будто извинения прося, но я окатил его таким разочарованием и презрением, что он отвернулся и сплюнул себе под ноги.

А ученик мой, Эсхил, руками развел, что, дескать, с коллаборациониста взять, ладонь в крепком пожатии

стиснул, крепитесь, мол, и следом двинулся. Ну а я домой отправился, не переставая возмущаться в душе. Какой, однако, хам, на меня, своего тестя, плюет. И это после всего того горя, что он принес нашей семье. Нет, надеюсь, вся эта история станет для моей дочери настоящим уроком, и она выйдет наконец замуж за достойного человека, способного уважать и ценить хорошее отношение.

Не забыть бы только завтра купить капли в аптеке, а то так и не доживу до этого счастливого дня.

ДАРЬЯ ЗАРУБИНА

ОДИН

И вот — один. Уже друзья далеко,
И трижды проклята моя дорога.
Девиз был — «Все за одного»,
И в этом был успех.
Успех пришел — и никого.
Лишь я — один за всех.

Ю. Ряшенцев
«Баллада опасной дороги»

У-Янус исчез ночью с воскресенья на понедельник. Всю неделю он нервничал, несколько раз заговаривал с А-Янусом, и видно было, что собирался сказать что-то важное, но в последний момент вспоминал о другом, не менее важном, и припускал прочь по институтскому коридору, рассеянно отмахиваясь от изумленных коллег. Он забывал спрашивать о том, что было вчера — и сотрудники начали путать Янусов, потому что последнее время внешне они почти не различались. Все знали, что это означает, и, втайне жалея обоих, терпели странности У-Януса, осторожно пытаясь выведать у А-Януса, кого он прочит в свои преемники, когда «все случится».

Особенно усердствовал Выбегалло, которому третий год не удавалось выбить средства на новый проект «Голубой ковчег». Суть проекта заключалась в том, чтобы забросить под купол выведенной из эксплуатации станции «Венера-2» «всякой твари по паре», и всего через двести—триста лет наблюдений... После отказа в государственном финансировании Выбегалло некоторое время терроризировал представителей большого, среднего и даже малого бизнеса, но и там не преуспел и окончательно утвердился, что передовое исследование просто обязан финансировать НИИЧАВО. Пользуясь старыми связями, оставшимися еще со времен исследования павианьего наречия, он выписал для работы из Сухумского питомника двух орангутанов, полагая, что такое рвение не останется незамеченным. И не ошибся. Эксперимент заметили все. Орангутаны, помещенные «для сохранности» в свободную клетку вивария, очень быстро выучились у вурдалаков из соседнего вольера играть в «пьяницу» и выражать свое неодобрение относительно несправедливости окружающего мира недвусмысленными и чрезвычайно экспрессивными жестами. Один из них, орангутан по имени Ева, и продемонстрировал на большом заседании Ученого совета, куда Выбегалло «для наглядности, значить», притащил своих питомцев, причесанных, подбритых и выраженных в крахмальные сорочки и «во избежание» подгузники.

Неудача не сломила, а, напротив, раззадорила профессора. Обвинив «некоторых закоснелых личностей» в нетолерантном отношении к сексуальным меньшинствам, он попытался привлечь на сторону «Голубого ковчега» прессу, но не слишком преуспел. Узнав, что в эксперименте предполагается участие четырех гетеросексуальных пар «для размножения, значить», подборники сексуальной дискриминации охладели к теме. Зато ею живо заинтересовались Выбегалловы аспиранты, которых было количеством как раз восемь, по четыре гетеросексуальных особи обоего пола. Когда же прошел

слух, что для чистоты эксперимента на голубой планете дублями не обойтись и Выбегалла выбивает финансирование на дополнительную надбавку за работу во внепланетных условиях, — сотрудники Амвросия Амбруазовича попытались по большей части перевестись в другие отделы вплоть до внезапного открытия у себя предикторских способностей, тяги к исследованию смысла жизни или незапланированной беременности. Спасаясь от насмешек молодых коллег, Выбегалло переименовал проект из «голубого» в «венерианский», а те, в свою очередь, окончательно окрестили его «венерическим». Спасти положение мог только счастливый случай, который виделся Амвросию Амбруазовичу в смене руководства. Он искренне надеялся, что Янус выберет себе в преемники кого-то из тех, с кем Выбегалле под силу будет справиться или хотя бы договориться.

А-Янус нетерпеливо отмахивался от карьеристов. Эксперимент вошел в решающую стадию, и он, подготавливаемый азартом исследователя, почти все время проводил в своем кабинете, куда перенес все необходимое оборудование.

Он был избавлен от необходимости бояться неудачи, чем не мог похвастать никто из коллег не только в институте, но и во всей истории мировой магии. А-Янус знал, что эксперимент обречен на успех, причем успех этот достигнут будет скоро — подтверждением тому было их с У-Янусом сходство, нет, уже почти тождество. Час, к которому он готовил себя с четырнадцати лет, когда узнал, что старик-крестный, пожелавший удалиться на покой столичный профессор, — не дальний родственник по материнской линии, а он сам, в далеком будущем совершивший прорыв в науке.

Поэтому когда У-Янус с горящими глазами влетел к нему в кабинет ранним утром в субботу, А-Янус только холодно поднял на него глаза, не желая позволить самому себе испортить ход эксперимента.

— Получилось! — Воодушевление У-Януса казалось каким-то болезненным. — У меня получилось! У тебя! У нас! Это триумф, Янус Полуэктович! Об этом и напечатать не грех?! — У-Янус похлопал крестника по плечу. — Суббота началась в понедельник! Или наоборот, кто теперь...

— Мне казалось, у вас, Янус Полуэктович, — холодно отозвался А-Янус, в раздражении по привычке переходя с собой на «вы», — не было сколько-нибудь значимых разработок. А вот я сейчас на финальной стадии эксперимента, которым институт будет отчитываться по министерскому гранту. И если мы не хотим новых сокращений кадров, стоит подумать о том, как доказать, что мы все еще являемся форпостом российской магической науки...

У-Янус не слушал его. Он подошел к плазменной панели на стене кабинета, на краешке которой сидел маленький зеленый попугай.

— Фотончик, — заворковал он ласково. — Ты теперь понимаешь, да, дружище. Ты все понимаешь. Он — нет, а ты... ты умница. На сахарок.

— Сахар-рок, — повторил попугай и, неловко спланировав с панели на стол, перебрался на рукав, а по рукаву на плечо У-Невструева.

— И второго забирай, — рассердился А-Янус. — Буквально перед твоим приходом Саваоф Баалович зачем-то притащил. Как ты своего терпишь? Он же постоянно кричит. Да что там, он ругается, Янус! И оба постоянно лезут мне на плечо, стоит из клетки выпустить. Как медом намазано. Не знаю, как за такое короткое время у меня настолько развилась любовь к птицам, что ты просто неразлучен со своим попугаем. я сейчас чувствую себя в курятнике. я ученый с мировым именем, обсиженным попугаями!

У-Янус подошел к высокому стеллажу у окна, где на одной из высоких полок томился в клетке под платком второй Фотон.

— Зер-рышко пер-рцу, — объявил попугай, едва У-Янус снял платок, но выбираться наружу не торопился, опасно покосился на А-Януса, снова с головой ушедшего в работу. На трех мониторах всплывали и сворачивались окна с результатами эксперимента, и А-Невструев, опустив на глаза очки для работы в виртуальной лаборатории, яростно сшивал и смешивал в воздухе невидимые данные.

— Я его люблю, потому что он понимает... — ласково проговорил У-Янус, протягивая в клетку ладонь с крошками колотого сахара. — Вы, Янус Полуэктович, не понимаете, а он... понимает.

В субботу У-Янус заходил еще раз, поздно вечером. Принес обратно клетку с Фотоном, естественно, забыв закрыть дверцу, и проклятый попугай накрошил сахар Невструеву на плечо. У-Янус попросил уделить ему минуту. А-Янус ответил, что минуты сейчас нет, и пообещал найти её завтра.

На следующее утро У-Янус исчез.

Сперва А-Янус не придавал этому значения. Признаться честно, даже не заметил, что в кабинете только он и Фотон номер два, который от тоски возился в клетке и бормотал себе под нос: «Др-р-рамба! Др-рамба!» Янус переставил клетку подальше от стола и включил попугаю плазму. Тот затих, уставившись на бороздящие небо звездолеты. Лишь изредка повторял что-нибудь вроде «Стр-ранный ор-рбитальный пер-реход» или «Кр-рах! Гор-рят! Атмосфер-ра гор-рит!». Кино ему нравилось больше, чем щипать коготками пиджак Невструева, чему Янус Полуэктович был несказанно рад.

Совість навязчиво напоянала, что стоить все-таки переговорить с У-Янусом, ведь «час икс» где-то совсем рядом. Эксперимент входит в решающую стадию, и счет идет на дни.

Скоро в их общей истории найдется она, «точка ноль», в которой А-Невструев превратится в У-Невструева и заскользит обратно по временной оси. А У-Нев-

струев... он просто исчезнет. Сойдет на нет для тех, кто живет в привычной системе координат. А-Невструев понимал, что осознавать такое нелегко, и твердо уверился, что обязательно поговорит с самим собой, как только будет чуть-чуть свободнее.

Он слышал, как кто-то вошел в комнату, опустился в кресло.

— Мне еще буквально пару минут, — пробормотал А-Янус, не снимая очков, — и мы поговорим.

— Тр-ройка... кр-руче впр-раво... смер-рч... — объявил попугай, по-видимому, резюмировав последние полчаса просмотренного фильма.

— А Янус где? — произнес негромко глубокий голос. — Вы зачем попугая заперли?

Невструев торопливо снял очки и, извиняясь, вышел из-за мониторов. Саваоф Баалович махнул на соседнее с тем, что занял сам, кресло — садись, мол.

Крепкий, жилистый, загорелый, он был полной противоположностью Невструевым. А-Янус все лето не выходил из лаборатории, и У-Янус вынужден был взять на себя административную работу в институте и на предприятиях, так что обоим загореть было особенно негде и некогда.

Янус еще раз извинился, отпер дверцу клетки и попугай тотчас выпорхнул и уселся на стол, внимательно следя правым глазом за фильмом на панели, а левым — за тем, что происходило в комнате.

— Вы ведь заметили, что Янус Полуэктович пропал? — деловито проговорил Один. — Близко уже? Когда? Сегодня ночью?

— Едва ли, — отмахнулся Невструев. Его так и тянуло обратно к столу, к мониторам и расчетам. — Вербализацию почти досчитал, но вот опыты на материи начну не раньше среды.

— Янус Полуэктович пропал, — вежливо повторил Саваоф Баалович. Смахнул пылинку с белоснежного костюма.

— Сами понимаете, непростое время. я вспылil вчера. Но мы помиримся. Определенно... Вот в среду приступлю к испытаниям вербализации и...

— Значит, сегодня, — проговорил Один тихо.

Янус, нетерпеливо меривший комнату шагами, остановился и посмотрел на великого мага так, словно надеялся — шутит.

Саваоф Баалович не шутил.

— Вы ведь, Янус Полуэктович, уже подумали, кто будет руководить институтом, когда... все случится? — Он переплет темные пальцы и теперь внимательно глядел в глаза Невструеву.

— Еще нет, я был занят, — отмахнулся тот. — Этим должен был заняться У-Янус. Не может такого быть, чтобы сегодня...

— Именно сегодня. И в этом сегодня вы уже существуете один. И в полночь прыгнете не в это утро, а во вчерашнее. Вы уже там, друг мой, и в этом вчера вы так ничего и не решили. Придется сегодня.

— Старшие не желают менять свои отделы на институт. И их можно понять, — Янус бросил тоскливый взгляд на мониторы.

— Я могу поговорить с Кристобалем Хозевичем, — задумчиво произнес Один. — Федор Симеонович у нас тянет несколько министерских грантов, и по президентской программе в его лаборатории работа полным ходом. Его ни в коем случае не стоит отрывать, но Хунта...

— Будь мы в средневековой Испании, я отдал бы институт в руки Хунты и перекрестился. Но сейчас? Хунта, кстати, уже объявил мне, что ему некогда заниматься бумажками и расшаркиваться с министрами... Признаться, до недавнего времени я думал про Амперяна. Из него мог бы выйти неплохой администратор. Жаль, вот так... безвременно. Вы ведь сами проследили в лаборатории, чтобы все прошло как следует?

— Кр-рематорий, — повторил попугай, — безвр-ременно...

— Да, жаль. — Саваоф Баалович кивнул. — Вы все-таки зря не пришли на церемонию погребения. Многие ожидали. Эдуард был хорошим ученым, неплохим магом... Наверное, стоило произнести речь. Это было бы уместно.

— А какой смысл во всем этом, если человека уже нет? Трепотня. А у меня время ограничено! Мне работать нужно!

— А если Ойра-Ойра? — прервал его Один.

— Стар, — отмахнулся Янус. — Это ведь для магов не возрастное, а скорее душевное. Хороший ученый, талантливейший, а искры какой-то нет в нем. Была, не спорю. А теперь исчезла. Нет в Романе Петровиче чего-то такого, что позволило бы ему стать хорошим руководителем института. Именно потому, что уж очень любит он... простите за выражение, порулить. Кафедрой, отделом — да! И то, знаете ли, многие уже заговаривали, что дорвался, слишком лютует. Но институт...

— События дня, — оборвал его звонкий голос ведущей теленовостей. Попугай нахохлился и от внимания даже открыл клюв. — Группа российских исследователей обнаружила огромные запасы рублидия в кратере Ричи. По словам руководителя экспедиции Ивана Литова, резерв огромен. Главы мировых держав выступили...

— А если Корнеев? — все так же, не повышая голоса, спросил Саваоф Баалович, но его тихий голос легко перекрыл восторженные вопли плазменной панели.

— Корнеев — прекрасный работник, но груб. Никуда не годится. Вы можете себе представить, как он будет отчитываться в министерстве?

— Да, Виктор Палыч дурак редкий. Но прелесть, — улыбнулся Саваоф.

— В своем роде, — согласился Янус. — Опять требует новый транслятор. Руководи он институтом — он нас разорит.

— Привалов?

— Саша для такой работы слишком добрый, простодушный. Он даже Выбегалло отказать не может. Хунта обмолвился, проект новый затевает. Примитивный пока, но Привалов трудяга, может, и вытянет. — Невструев хотел сказать еще что-то, но попугай захлопал крылышками и громко вскрикнул, возбужденный новостями. Янус щелчком выключил звук, и попугай затих, только обиженно смотрел черным глазом да старательно чистил перья. — Вы еще Выбегаллу мне предложите с его орангутанами!

— Зачем Выбегаллу. А вот насчет орангутанов я бы подумал. Ева — очень харизматичная особа, лет тридцать—сорок... — Саваоф Баалович рассмеялся.

— Пусть Янус Полуэктович в этом разберется. Мне работать... — начал сердито А-Янус и осекся. Саваоф Баалович словно не заметил его замешательства — он смотрел на птицу. Попугай перелетел на плечо Невструеву.

— Прочь! — Фотон спорхнул на стол, уселся на крепление очков для виртуальной работы и язвительно повторил: «Пр-рочь».

— Поймите, друг мой, — спокойно проговорил Один, не меняя позы. В его темных мудрых глазах дрожал в самой глубине крошечный огонек — словно где-то далеко в чердачном окошке горела свечка. — Завтра для вас все закончится, и завтра же начнется, но уже иначе. И там, за полночь, еще очень длинный и непростой путь. Но поверьте мне, там не только прошлое, но и будущее. Множество знаний, затерянных в веках, которые вы, вооруженный грядущим, сумеете воскресить. Великие люди, великие цели, великие беды, но и свершения не менее великие. Сейчас вам кажется, что уйти с головой в работу — лучший выход. Мы, маги, все так

считаем. И если вы думаете сейчас о том, что завтра вас не будет...

— У меня просто будет другое завтра. я буду им. И у меня в будущем, то есть в прошлом, еще лет триста... — Янус махнул рукой, отгоняя птицу, которая с любопытством заглядывала в блестящую поверхность очков.

— Больше. Намного больше.

— ...только не у меня. У него, Януса Полуэктовича, ученого с мировым именем. Янус-администратор даже не может выбрать себе смену! А завтра меня уже не будет! Будет тот, другой я. И я с самим собой даже не поговорю... Как стыдно. Так сколько у меня еще? Вы знаете, что там будет? Хотя да, вы, верно, все знаете.

Один кивнул.

— Др-рамба, — пробормотал попугай. Янус рассерженно схватил птицу поперек туловища, сунул в клетку и закрыл платком. Один с улыбкой покачал головой.

— Зря сердитесь, Янус Полуэктович. Долгое время только Фотон будет вашим единственным другом. Пройдет несколько столетий, прежде чем вы сумеете выпрямить для себя время. Прислушайтесь к Соломону. Молодой человек дает неплохие советы, но не допускайте его к расчетам. И ни в коем случае не отказывайтесь от джиннов, которых он будет вам дарить. Невежливо. Выбросите потом где-нибудь в море, поглубже. И лучше пассивизировать. Поверьте, вас ждет интереснейшее прошлое. В тысяча пятьсот пятьдесят третьем году вы наткнетесь на презанятное уравнение, которое окажется на проверку интегро-дифференциальным уравнением Высшего Совершенства. Решайте численно. У вас получится.

— Но это вы решили уравнение Высшего Совершенства? — Янус потер виски, не в силах понять, к чему клонит Один.

— Да, Янус Полуэктович. Я. И вы. Тот вы, которого нет в нашем с вами сегодня.

Невструев смотрел на старого мага, на темное от загара, испещренное морщинами лицо, блестящую лысину и пытался представить Саваофа Бааловича на несколько сотен лет моложе.

— Он был честнее. я с четырнадцати лет знал, что он — это я. Он был рядом, учил меня. А вы? Почему вы не были рядом с ним? Отчего не научили...

— Он всегда знал. С этой самой минуты. И я учил. Кому как не мне знать, как непросто столько лет быть одному среди людей. Жаль, Фотончик всего лишь птица. А их век не слишком долгод. Вы всегда ощущали, что ваша жизнь детерминирована существованием этой петли, поэтому после полуночи вам будет не так уж сложно привыкнуть. И поначалу я буду подсказывать, с кем вы беседовали вчера, пока не войдет в привычку. я очень хорошо все помню.

— Но почему Один? В бога играете, Саваоф Баалович? Тысячелетия одиночества сделали вас самодовольным?

— Я просто подумал, что три Януса Невструева на один институт — слишком много. Разве нет? А с Хунтой я поговорю. По нашим временам испанская нотка в руководстве — не так уж плохо. На самый крайний случай у нас остается Выбегаллова Ева. Доброй ночи, Янус Полуэктович. Удачи с вербализацией. я оформлю бумаги для министерства, а вы — не забудьте выпустить Фотона.

Янус какое-то время стоял неподвижно посреди кабинета, но обругал себя, открыл дверцу клетки и торопливо надел очки для работы в виртуальной лаборатории. Фотон опасливо попррыгал по столу, понял, что гроза миновала, и перелетел ученому на плечо.

Саваоф Баалович постоял немного у двери, слушая, как попугай бормочет что-то про рубидий, и пошел прочь. По темному коридору вслед за эхом полетело вспугнутое его шагами недетерминированное будущее.

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН

ОДНАЖДЫ В БАРЕ

— Вот вы всё больше про падших ангелов пишете...

Произнесено это было с мягким упрёком. Настроение у меня тут же испортилось. я не пишу про падших ангелов. Стало быть, опять с кем-то перепутали...

Вздыхнув, я поставил на край стола высокую кружку со светлым и, что немаловажно, халявным пивом, а затем как бы между прочим поправил болтающуюся на шее ламинированную картонку, где всё было ясно указано: имя, фамилия, род занятий.

Собеседник понял.

— Нет, я не о вас лично... я вообще о фантастах...

В баре было дымно и шумно. Мы сидели за неприметным столиком, притулившимся у стеночки слева от входа. Прочие участники «Интерпресскона» возлежали прямо на полу — тесно, как моржи на побережье. Они вздымали пенные кружки, что-то горланили, и называлось это мероприятие — «Партия половой жизни». За пиво платили спонсоры.

Не знаю, почему оторвался от коллектива мой собеседник, но меня на пол не тянуло сразу по двум причинам. Во-первых, джинсы жалко, во-вторых, не люблю и не умею пить лёжа.

А собеседник продолжал:

— Представляете: падший чёрт! А?

— Было, — сказал я.

— Где?

— У Гоголя. В «Сорочинской ярмарке».

— Разве?.. — Низкое чело его омрачилось. Он подумал — и отхлебнул. — Ну и что? Кто его сейчас читает, Гоголя?

Было довольно душно, рубашку мой собеседник растегнул чуть ли не до пупа. На мохнатой груди болта-

лась такая же, как у меня, картонка, на которой (не верь глазам своим!) значилось: «Святослав Логинов, писатель. Санкт-Петербург».

Странно. Если этот тип поменялся бейджами со Славкой, то, стало быть, они как минимум знакомы. А если они знакомы, то почему я этого типа не знаю? Нет, совершенно точно, я видел его впервые.

Впрочем, картонка могла сменить хозяина не раз и не два.

«Да, реинкарнации не существует, — сам собою возник афоризм, — но в крайнем случае можно обмениваться бейджами».

Записать, что ли?

— А я вот знал одного такого... — Носитель чужого бейджа усмехнулся. — Работника щипцов и кочерги...

— Истопника? — рассеянно спросил я, нащупывая ручку и тщетно оглядывая столы в поисках салфетки.

— Нет, чёрта...

Оп-паньки! Кажется, сейчас здесь будет скучно... Более чем кому-либо мне знакома была эта пренеприятнейшая манера — обкатывать таким вот образом очередной сюжет на собеседнике. Тот же, скажем, Святослав Логинов (чьё ламинированную картонку присвоил мой визави), помнится, одно время сильно этим злоупотреблял. Был случай, когда в осаждённом Тирасполе обедавший с нами фронтовик в ужасе бежал из-за стола, так и не дослушав душераздирающего Славкиного признания в донорских связях с энергетическими вампирами...

Может, сходить за пивом к стойке и там задержаться? Он, глядишь, за это время к кому-нибудь другому прилепится... я взглянул на свою кружку. Почти полная. Жаль.

А незнакомец держал паузу. Ждал, что скажу.

— Ну, привет ему, — сказал я, не теряя хладнокровия. Он осклабился, подмигнул.

— Передам... А знаете, за что его из пекла попёрли?

— «Нашла блажь сделать доброе дело»? — процитировал я с утомлённым видом.

— Да если бы! Хотел как лучше... то есть как хуже. М-да... — Он помрачнел и залпом осушил свою кружку. — Допивайте, я принесу...

Иду с кольцом — они стоят,
Они стояли ровно в ряд,
Они стояли ровно в ряд —
Их было девять!.. —

самозабвенно горланила «Партия половой жизни».

Терпеть не могу допивать пиво второпях, однако пришлось. Мой собеседник простёр волосатые лапы, сграбастал обе кружки — и, осторожно переступая через лежащих, направился к стойке. Теперь я был просто обречён выслушать историю до конца. Если таковой вообще имеется... Вдруг у него сразу сериал задуман?

Наверняка ведь соавторство предложит! А гонорар — пополам...

— И как вам? — с надеждой спросил он, возвратясь.

— Пока не очень, — честно ответил я, принимая полную кружку. — Ну попёрли из пекла... И что?

Незнакомец приуныл.

— Вот и господин Логинов то же самое говорит, — сказал он, вздохнув. Выпятил задумчиво свои несколько вывороченные губы, помолчал. — Нет, зря вы, зря! Сюжет хороший. Тут в чём приколы-то?.. Обычно чёрт работает на результат, так?

— Простите?.. — не понял я.

Он сморщился и с досадой поскрёб низкие надбровья.

— Н-ну, главное — душу забрать. А условия, обозначенные в договоре, он выполняет... как бы это выразиться...

— Спусти рукава?

— Да нет, не то чтобы спустя рукава, но... с наименьшими затратами. А этот... работник щипцов и кочерги... взял да и понял вдруг, что душа-то как раз чепуха, ме-

лочь!.. Ну что такое одна душа в наше время? А вот сам процесс — эт-то, знаете ли... Кладёзь возможностей!

Я отхлебнул пива и с интересом взглянул на собеседника. Определённо он начинал мне нравиться. В сбивчивых речах его затеплилось вдруг некое благородное безумие — пока, правда, трепетно, слабенько...

— Значит, душа, говорите, мелочь... — я подумал. — А что не мелочь?

Он посмотрел на меня с недоумением.

— Душ пятьдесят...

Пять с плюсом!

В этот момент в дверном проёме показалась высокая фигура Бориса Стругацкого. Классик российской фантастики шагнул в сизое от табачного дыма чрево бара — и приостановился в растерянности. От стойки его отделило метров пятнадцать, но всё пространство пола было выложено телами писателей, фэнов, художников, редакторов и, кажется, даже спонсоров.

— К нам! К нам! — приветственно загомонило лежбище. — Борис Натанович, к нам!..

Секунду Борис Натанович оторопело изучал бредовую эту картину, затем пожал плечами — и покинул бар.

— Всё-таки эти фэны, — несколько сдавленно заметил мой визави, — бывают иногда удивительно бесцеремонны...

— Да уж... — согласился я. — Кстати, а Стругацкому вы свой сюжет предложить не пытались? Насчёт чёрта...

Он уставился на меня во все глаза.

— Ну а что? — продолжал я без тени смущения. — Про падшего ангела у них уже было — в «Хромой судьбе»...

Теперь мой собеседник ошарашенно смотрел в опустевшие двери. У него даже лоб испариной покрылся.

— Нет! — хрипло и отрывисто вымолвил он наконец. — Да у меня язык не повернётся... Ну сами при-

киньте: кто он и кто я!.. — Бедняга моргнул несколько раз подряд, потом до него наконец дошло: — А-а... Это вы так шутите?..

Мне стало неловко — и я дружески пожал ему мосластое волосатое запястье.

— Да не берите в голову! Давайте лучше про вашего чёрта... Что он там натворил-то?

Незнакомец посопел, отхлебнул и вновь погрузился в какие-то свои, по всему видать, не слишком ясные мысли.

— Обидно! — посетовал он вдруг. — Из пекла выперли, а сами теперь по его системе работают...

— Вы к сути, к сути, — подбодрил я его. — И давайте без экивоков: «друг», «знакомый»... Говорите просто: «герой». Или «персонаж». А то все эти сюжетные рамочки-виньетки, рассказ в рассказе... Утомляет.

Усмехнулся, кивнул:

— Хорошо. К сути... Ну вот, скажем, подписывает клиент договор: так, мол, и так, передаю душу в вечное пользование, а взамен желаю разбогатеть...

— И только-то? — жёлчно осведомился я. — А как насчёт славы, любви, таланта? Или по нашим временам этого уже не просят?

— Редко, — сказал он. — Крайне редко. Так вот... Можно, конечно, по старинке: выдать клиенту, сколько ему там надо для счастья, — и все дела... А теперь сравните: одна из наработок моего... э-э... героя. Уговорить клиента, чтобы тот основал финансовую пирамиду, а самому стать у него, ну вроде как консультантом... Хлопот, конечно, полон рот, зато уже через полгода вас осаждают чёртова прорва обманутых вкладчиков, и каждый сам (обратите внимание — сам!) норовит всучить свою душу, только бы этого вашего клиента (главу пирамиды) посадили, взорвали, под поезд сунули... Ну и тут уже смотришь, с какой группой вкладчиков работать. Представляете, сколько на этом наварить можно?..

— Душ?

— Душ...

— А если клиент в придачу к деньгам потребует еще и гарантию безопасности? — подсёк я.

Незнакомец скорчил гримасу и вновь отхлебнул.

— Полагаю, Березовский так и сделал... — сообщил он, утирая пену с вывороченных губ. — Потому и жив до сих пор. Но это скорее исключение. Обычно рассуждают как? Будут деньги — будет безопасность... А то и вообще не рассуждают. Чего там рассуждать! Дают — бери...

И он опять посмотрел на меня выжидательно.

— Хм... — уклончиво молвил я. — Сама по себе выдумка, в общем, неплоха, но... Как-то это всё у вас немножко громоздко выстроено... А договор на передачу души составляется только самим чёртом? Или можно действовать через третьих лиц?

Похоже, что вопрос мой застал его врасплох.

— А лица — люди?

— Естественно.

— Да можно, наверное... — сказал он, помаргивая. — Как-то даже в голову не приходило... А что это даёт? В сюжетном, конечно, плане...

— Многое. Прежде всего не надо никакой вспомогательной финансовой пирамиды. Всё делается куда проще. Покупает чёрт душу и вместе с деньгами вручает клиенту несколько бланков договора. И ставит условие: если эти бланки вернутся к нему уже заполненными и подписанными, предыдущий договор расторгается — и душа вновь отходит клиенту. Деньги чёрту, естественно, не возвращаются...

Мой собеседник слушал меня с напряжённым вниманием. Затем глаза его стали вдруг тупыми-тупыми — и он оторопело затряс головой.

— Да всё просто! — вскричал я. — Та же самая пирамида, только не финансовая, а... Ну, в общем, с душами!

Он облизнул свои вывороченные губы, затем, не говоря ни слова, вскочил, сгрёб опустевшие кружки — и устремился к стойке, непостижимым образом вгоняя ступни между лежащими впритык фантастами. Я же в который раз проклял свой не в меру проворный язык. Чужих находок мне не надо, но и разглашать свои тоже не стоит. А хорошая вышла бы сценка: герой (скажем, программист) сидит дома, пишет... И приходит к нему давний приятель, вышибает, гад, из рабочего ритма, начинает канючить: выручай, дескать, будь человеком, всего один договор остался неподписанный. И предлагает за сделку какую-нибудь смешную сумму — рублей двести... («Дурак ты, выгоды своей не чувствуешь! Тебе что, трудно пойти составить пять договоров? Вон сколько бомжей у гастронома тусуется! Да из них любой что хочешь за червонец подпишет — не глядя! Полсотни — им, полторы сотни — себе! Считать умеешь?..»)

— Знаете... — искренне сказал собеседник, ставя на стол уже не две, а четыре полные кружки. — С такими проектами вас бы тоже в два счёта из пекла попросили!

— Спасибо! — вежливо поблагодарил я — не то за пиво, не то за комплимент.

— Но всё же до чертяки моего вам далеко... — сказал он с самодовольным видом. Даже пальчиком погрозил. Корявый был пальчик, неухоженный. — Ох, далеко... Вы, кстати, кто по политическим воззрениям?

— Некропатриот.

— Как!? — не поверил он.

— Считаю себя гражданином Советского Союза, — нехотя пояснил я. — Ну а поскольку такой страны больше нет, то, стало быть...

— А-а... — Он покивал. — Понимаю. Тогда вас тем более должна заинтересовать главная проделка этого моего... м-м... персонажа... из-за которой его, собственно, из

пекла и попёрли. Вот послушайте. Запросил некий клиент за душеньку свою — ни много ни мало — миллион...

— Долларов?

— Нет. Доллар тогда стоил шестьдесят с чем-то копеек...

— Свят-свят-свят! Это вон аж когда было?..

— Вот именно! И представьте...

— Стоп! — безжалостно прервал я. — Неувязка номер раз. В ту пору все поголовно исповедовали атеизм. А безбожнику так и так ада не миновать... Какой тогда смысл приобретать душу?

— Да, — признал он. — Но, понимаете, случай был особый. Клиент — актёр театра музкомедии, крещёный, подрабатывал в церковном хоре...

— Ну, допустим... — подумав, согласился я. — Дальше...

— И всё бы ничего, попроси он миллион — и только! Сами понимаете, с миллионом рублей наличными в Стране Советов путь один — к стенке. А он, стервец такой, в довесок к миллиону (точь-в-точь как вы говорили) догадался поставить условие: трачу деньги безнаказанно... Вот вы бы как поступили на месте чёрта?

Я пожал плечами.

— Сплавил бы клиента за «железный занавес»... в капстрану какую-нибудь...

Глаза моего собеседника вспыхнули.

— Вот! — торжествующе вскричал он. — То есть пошли бы по линии наименьшего сопротивления... А мой знакомый убедил клиента чуток подождать, а он-де пока быстренько развалит Союз и построят в России капитализм!

— Ничего себе — быстренько! — подивился я. — Это ведь пришлось бы лет десять—пятнадцать ждать... Как же клиент-то согласился?

— А в договоре сроки не были указаны!

— Неплохо! — вынужден был признать я.

— Это что! — в полном восторге вскричал мой собеседник. — Он ведь его и с миллионом нагрел! Вы ин-

фляцию учитываете? Да к тому времени пара ботинок миллион стоила!

— Тогда неувязка номер два, — сказал я. — Такого работника — и гнать из пекла? А формулировка?

Собеседник нахохлился, помрачнел, взялся за кружку.

— Формулировка дурацкая! — с отвращением буркнул он. — Нарушение профессиональной этики! Уроды... — Помолчал — и вдруг умоляюще вскинул глаза. — Может, возьмётесь, а? У вас бы получилось, я знаю! А я вам всё про него расскажу: и как он искусственную почку Андропову отключил... и как Горбачёва в генсеки пропихивал...

Я смотрел на него и отрицательно мотал головой.

— Почему? — жалобно спросил он.

— Опять политика, — сказал я. — Меня и так уже критики достали! Говорят, что я скорее сатирик, чем фантаст. Чуть ли не публицист... А сами написать не пробовали?

— Да пробовал... — безрадостно отозвался он. — Не получается. Пока рассказываю, вроде складно выходит, а сядешь за клавиатуру...

— А вы на диктофон, — посоветовал я.

— И на диктофон тоже. Только включу — слова пропадают, мысли разбегаются... Может, всё-таки...

— Нет-нет! — решительно сказал я, стараясь не замечать его искательного взгляда. — Даже и не просите! Тема хорошая, но не моя. Не обижайтесь...

— А я на вас так рассчитывал... Думал: прочтут, поймут...

И столько неподдельной горечи прозвучало вдруг в голосе незнакомца, что я невольно поднял глаза. И пожалуй, зря. Уж больно у него вид был несчастный. Уныло склонённые рога, бессильно упавший хвост — всё это производило самое удручающее впечатление.

— Простите, но... Ничем не могу помочь.

Фраза далась мне с трудом. Знал, что обижаю, но куда податься? Тема-то и впрямь не моя.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ КИБЕРРЕАЛЬНОСТЬ

«Петербургское небо мутилось дождем», — почему-то вспомнилось ему.

По старой, странной, еще со школы оставшейся привычке он подумал о себе в третьем лице и тотчас смутился, словно его мысли зависали облачком над головой и каждый прохожий мог прочесть их. На самом деле об этой причуде не знал никто, даже Бронтозавровна. Особенно Бронтозавровна. Если одноклассники просто начали бы гоготать, то Бронтозавровна, наверное, улыбнулась бы по-доброму и предложила бы прочесть «Поединок» Куприна. И Игорь бы сгорел от стыда. Но Бронтозавровна, разумеется, ни о чем не ведала, и Игорь прочел Куприна уже взрослым, узнал, что разделяет свою причуду с безвременно погибшим поручиком Ромашовым, и покраснел так, что сидевшая за соседним столиком в читальном зале библиотеки девушка приняла это на свой счет и еще долго с интересом поглядывала на Игоря.

Хотя нет, услышь каким-то образом Бронтозавровна эту фразу, она, недовольно поморщившись, повторила бы слово «вспомнилось» таким тоном, будто обнаружила гусеницу в своей тарелке с салатом, и спросила бы: «То есть сам герой был думать не в состоянии? За него думает некая сила? Возможно, это такой специальный кибер для думанья?» И вот тогда Игорь сгорел бы от стыда окончательно.

Он перешагнул через зеленую полосу, отделяющую обычную ленинградскую улицу от Музейного квартала — одного из двенадцати островков, где был воссоздан Старый Петербург, и в который раз удивился тому, как меняется походка, когда идешь по брусчатке. Становится

неловкой, раскачивающейся, словно неровности покрытия постоянно сбивают с ритма. Наверное, люди, жившие здесь в XIX веке, этого не замечали. А может быть, вымощенная мостовая казалась им удивительно гладкой по сравнению с обыкновенными российскими дорогами, где «вязнут спицы расписные в расхлябанные колеи».

И тут же он снова одернул себя. Что еще за «вымощенная мостовая»? Тавтология-с, сударь! Даже тавтология-сь. Кстати, «тавтология-сь, сударь» — это еще один пример тавтологии, ведь почтительный словоерс именно обращение «сударь» и обозначает. Но, положим, какой-то оробевший чиновник из какой-нибудь Калужской губернии вполне мог сыпать словоерсами и тавтологиями, в первый раз попав в «блистательный Санкт-Петербург». Ну да, печально известный «штабс-капитан Словоерсов» из «Братьев Карамазовых». И довольно об этом.

Но почему он вообще вспомнил эту строчку Блока? Небо над Музейным кварталом, как и над всем Ленинградом, было ясное, весеннее. Правда, из небольшой тучки сыпался мелкий дождик, — вероятно, синоптики решили полить клумбы, — но Игорю даже в голову не пришло накинуть капюшон: редкие капли ласково касались мостовой и цветов на клумбах, но чтобы промокнуть под ними, нужно было очень постараться.

Ожил браслет на руке, подав знак, что соединился с местными транспондерами и готов указать путь к здешним достопримечательностям, если это понадобится.

Игорь вышел к Неве, по которой еще плыли белые и прозрачно-хрустальные дворцы — последний ладожский лед уходил в море. В подъездах домов, выходящих на набережную, застыли дворники, газетчики и лоточники, переживавшие дождь. Точнее, киберы, изображавшие дворников, газетчиков и лоточников. Людей сейчас здесь не было: будний день да еще и межсезонье.

Едва лоточники заметили приближающегося к ним Игоря, как закричали наперебой:

Конфеты «Шутка»
не в шутку,
а всерьез —
вкусней апельсинов,
душистей роз.

От «Фабричной карамели»
мы убытков не имели.
И налево, и направо,
всюду ей хвала и слава!

Долой запивающих до невязания лык,
не пей «Трехгорное» пиво, —
пей «Двойной золотой ярлык».

Игорь обошел их, поморщившись, но поманил рукой газетчика — кибера с маской веснушчатого мальчишки, обряженного в гимназическую форму, — и взял у него газету, в которой был список открытых музеев. Зажмурившись, ткнул наугад, обнаружил, что выбрал «Дом купца Кельха», поморщился и свернул с набережной в глубь квартала.

* * *

Гуляя по улицам Старого Петербурга, он не мог не вспоминать Бронтозавровну. Так и видел ее презрительно наморщенный нос, так и слышал любимую фразу из любимого Булгакова: «Поздравляю вас, гражданин, соврамши!»

На самом деле его учителя звали Бронислава Захаровна, это имя ребята из четвертой комнаты Ленинградской средней школы номер 117 мгновенно превратили в Бронзахаровну, и, поколебавшись немного в неустойчивом положении, оно соскользнуло к Бронтозавровне, да там и осталось.

Бронислава Захаровна была очень полная да еще и двигалась неловко, как-то дергано, словно заводная игрушка. Зато могла с ходу перечислить всех выдающихся летчиков Первой и Второй мировых войн, их наибо-

лее значимые воздушные бои, назвать крупнейшие танковые сражения и технические характеристики танков, принимавших в них участие, рассказать о самых результативных шпионских операциях времен холодной войны. «Только болваны не учат историю и вынуждены повторять ошибки своих предшественников», — такова была ее коронная фраза.

Группа Бронтозавровны одно время была неустойчивой, постоянно меняла состав, из нее уходили одни ученики, приходили другие, соблазненные запасниками исторических музеев, где Бронтозавровну знали, встречали уважительно, почитали за честь предложить ей руку, когда она с трудом поднималась по лестнице, и были готовы по первой просьбе показать ее ученикам, что и как было устроено в прошлые эпохи, дать посидеть в кабине танка ИС-2 или американской «летающей крепости» Б-17, провести мастер-класс по фехтованию на шпагах или стрельбе из мушкетов. Потом, удовлетворив любопытство, они уходили, на смену им приходили новые, интересовавшиеся уже подробностями Карибского кризиса и тем, кому было выгодно убийство Кеннеди, а Бронтозавровна относилась к этой смене лиц с поистине бронтозавровским спокойствием. Она никогда не пыталась пустить пыль в глаза, понахватавшись общих сведений из БВИ, никогда не обманывала своих учеников, даже в самых что ни на есть педагогических целях. Она словно говорила им: «Я — та, кто я есть. Эксперт в совершенно определенной и довольно узкой области. И об этой области я могу рассказать вам всё, что вы захотите. А вдобавок я могу научить вас быть теми, кто вы есть». Во всяком случае, Игорь понимал ее позицию именно так.

В конце концов вокруг Бронтозавровны сформировалась своя группа — пять человек, которые твердо решили стать историками. «Только лучше не идите в историю Второй мировой, ребята, — по-дружески советовала им она. — Когда я была профессором, то подготовила до-

вольно много аспирантов в этой области, у них сейчас свои ученики. Боюсь, народу там теперь столько, что не протолкнуться. Нет, я верю в ваш энтузиазм и остроту ваших локтей, но разве не интереснее будет найти свою тему?»

Порывшись в БВИ, Игорь узнал, что Бронтозавровна была не просто профессором истории Ленинградского университета, но и экспертом по оружию массового поражения; ее периодически вызывали для консультаций, если где-нибудь находили какой-то грозный «подарок из прошлого» вроде тайного хранилища химических или биологических боезарядов.

Тогда Игорь, которому случалось видеть протезы, высовывавшиеся из рукавов и из-под брючин Бронтозавровны при резких движениях, вообразил себе, что она пострадала при вскрытии одного из таких хранилищ. Он даже провел собственное расследование, встретившись с друзьями, коллегами и бывшими аспирантами Бронтозавровны. Он говорил, что пишет сочинение на тему «Человек, который на меня повлиял». Игорь узнал очень много о подвигах Бронтозавровны на научной ниве, о том, как она искала танки KB-1 в болотах под Ленинградом, как работала в международной группе, наконец-то обнаружившей подлинную легендарную Янтарную комнату, как разоблачила не менее легендарного афериста Арнаутова, который много лет «заимствовал» свои статьи из работ малоизвестных немецких историков XX века. Наконец, где-то через два месяца хождений и расспросов, бывший соученик Бронтозавровны по Ленинградскому университету проболтался, что она пострадала в юности из-за «осложнений после фукамизации». И оставил Игорю еще одну загадку, ответа на которую он не нашел до сих пор: не сама ли Бронтозавровна, узнав об изысканиях своего ученика, дала разрешение рассказать эту историю. В принципе версия легко могла оказаться правдой, так как Бронто-

завровна поддерживала контакт с университетскими приятелями, и они скорее всего сообщили ей о визите Игоря и его изысканиях. Но спросить об этом у самой Бронтозавровны он не решился бы даже сейчас, спустя столько лет.

* * *

Следуя указаниям браслета, Игорь свернул на Литейный, пересек Шпалерную и Захарьевскую, повернул на Сергиевскую. Когда он достиг дома, облицованного розовым и светло-желтым песчаником и чем-то неуловимо напоминавшего ракушку, браслет на запястье радостно запищал, подсказывая, что его хозяин у цели. Повинуясь дальнейшим указаниям браслета, Игорь прошел под аркой.

Здесь обстановка разительно изменилась. Игорь словно попал во двор старого замка. За его спиной возвышались стройные готические башни. Перед ним было строение с высоким заостренным сводом, напоминавшее средневековый баптистерий, и лишь голова лошади на фронтоне подсказывала, что это конюшенный корпус. Туда и вел Игоря браслет.

Открыв дверь, он попал в современное помещение, в одной части которого за темной стойкой сиротливо жались друг к другу пустые вешалки для одежды, а в другой, сидя за столом, читала какую-то толстую книгу девушка. Услышав скрип открывшейся двери, она подняла голову и улыбнулась:

— Добро пожаловать в наш музей! Вы в первый раз у нас?

— Да, никогда не был.

— Не удивительно, мы только что открылись. А живете в Ленинграде или приезжий?

— Жил когда-то в детстве, теперь в Москве, получился маленький отпуск, и вот решил съездить на родину. Гулял сегодня по вашему кварталу, и браслет привел меня сюда.

— Отлично! Надеюсь, у вас будет повод приятно удивиться...

Она была очень молода — наверное, студентка первых курсов, — и даже дежурные фразы получались у нее как-то мило и неофициально. Девушка отбросила за спину темные волосы, собранные резинкой в «конский хвост», и вышла из-за стойки.

— Пойдемте, я вам всё покажу.

Они прошли в соседний полутемный зал. Девушка нажала кнопку, и на стену начали проецироваться кадры из старой экранизации «Войны и мира». Та самая сцена, которую бабушка Игоря когда-то называла «Наташа Ростова танцует вальс со Штирлицем». На другой стене появился фасад дома, который Игорь уже видел с улицы.

— Вы в музее «Дом купца конца XIX — начала XX века», — заговорила девушка профессиональным «лекторским» или в данном случае скорее экскурсоводским тоном. — Сейчас мы предлагаем вам две программы. «Бал в купеческом доме» и «Обед в купеческом доме». С помощью киберанимации вы сможете словно бы перенестись в прошлое и увидеть залы этого особняка такими, какими они были в начале двадцатого века.

— То есть... у вас в музее киберы?

— Да, и выглядят они вот так.

Девушка снова щелкнула кнопкой, и Штирлица, танцующего с Наташей Ростовской, сменило изображение стоявших неподвижно мужчин и женщин, одетых по моде начала XX века. Фигуры медленно вращались, давая возможность рассмотреть себя со всех сторон. Дамы с перетянутыми талиями и чуть отставленными назад ягодицами, в длинных до полу платьях переливчатых зеленовато-голубоватых тонов. Мужчины в строгих черных фракных парах со смешными галстуками-бабочками, в цилиндрах и с тростями в руках.

— Это же андроиды! — сердито возразил Игорь.

— Ну что вы, — поспешила успокоить его девушка. — Откуда андроидам взяться на Земле? Это просто киберы, оформленные в виде людей.

— То есть стоит андроиду оказаться на Земле, как он тут же превращается в кибера? — съехидничал Игорь.

— Нет-нет, — поспешно возразила девушка. — У киберов очень простая программа. Они будут выполнять предписанный им сценарий, будут отвечать на поставленные вами вопросы, но выйти за рамки сценария они не смогут.

— А если я спрошу их мнение, например, о последних открытиях на Леониде?

— Они скажут вам, что ничего об этом не знают. В их базах данных нет Леониды. Ну что, рискнете отправиться на бал? я покажу вам несколько простейших танцев, а киберы будут вам помогать. Будет весело!

— Не стоит, давайте лучше обед.

— Это тоже хороший выбор. Все блюда специально приготовлены по рецептам девятнадцатого века шеф-поваром гостиницы «Октябрьская». Берите с каждой переменной блюд столовый прибор, лежащий с внешнего края.

— С внешнего края чего?

— Других приборов. Ну, вы увидите. Впрочем, киберы запрограммированы так, чтобы не замечать нарушений этикета. В конце концов, это — развлечение, а не урок истории. Вся программа построена так, чтобы вы насладились вкусными блюдами в веселой компании.

— Звучит неплохо.

— Если вас что-то не устроит, вам достаточно будет сказать только: «Окончен бал, погасли свечи!» — и киберанимация сразу остановится. Но, надеюсь, что вам понравится. Вот за этой дверью вы можете переодеться. Там на стене вы найдете схемы, на которых указано, как нужно одеваться. Если что-то будет непонятно, спрашивайте, не стесняйтесь.

* * *

Минут через пятнадцать Игорь, облаченный во фракную пару, вновь вышел в вестибюль, держа в руках шелковый галстук, почему-то черного цвета.

— Вы не поможете?

— Конечно.

Девушка ловко завязала ему бабочку и немного отошла назад, любуясь своей работой.

— Выглядите просто отлично! Желаю хорошо повеселиться. Открывайте дверь, ступайте по коридору, и вы окажетесь в вестибюле дома. И помните: киберы запрограммированы делать всё, чтобы ваше пребывание в этом доме было приятным. Не стесняйтесь обращаться к ним с вопросами, если они у вас возникнут. И приятного аппетита!

— Спасибо.

Игорь открыл дверь, на которую показывала девушка, и увидел неосвещенный коридор. Когда дверь захлопнулась за спиной, стало совсем темно, и только тонкая цепочка из горящих на стене лампочек указывала путь. Очевидно, это путешествие по темному проходу должно было настроить гостей на «перемещение во времени». Коридор вскоре кончился. Игорь толкнул следующую дверь и оказался в просторном помещении, залитом светом. Вверх уходила белораморная лестница, по стенам висели пейзажи с зелеными пиниями и эмалевосиним, купающимся в солнечных лучах морем. На ступенях замерло несколько дам и кавалеров. Едва Игорь сделал первый шаг, как фигуры тут же пришли в движение, начали подниматься по лестнице, где-то зазвучал веселый венский вальс, а стоящий в вестибюле лакей поклонился Игорю и сказал:

— Поднимайтесь, сударь. Хозяйева ждут вас.

Игорь прошел вслед за гостями через несколько нарядных залов и увидел столовую, отделанную, как и внутренний дворик, в средневековом стиле. Стены

были затянуты дубовыми панелями, сплошь покрытыми резьбой, которую хотелось рассматривать, словно картинки в старой книге. Там ярились драконы, на оконных витражах дамы и кавалеры раскланивались друг с другом. Мелодия вальса сменилась торжественной органной прелюдией.

Хозяин и хозяйка, сидевшие во главе стола, ласково кивнули гостю. Лакей указал Игорю на его место. Игорь сел и осмотрелся. Его соседкой оказалась очаровательная девушка в розовом платье. Она радостно улыбнулась Игорю. Кроме них, здесь собралась еще полудюжина гостей. Внимание Игоря привлекла пара, сидевшая напротив — военный в мундире с орденами и дама в белом платье, шитом золотом, поверх которого было надето черное бархатное распашное платье с разрезанными рукавами. На голове у дамы красовался тюрбан из черного бархата, сколотый брошью, с заткнутым в нее длинным голубым пером.

Хозяин, важный, усатый, встал из-за стола, высоко поднял бокал с шампанским и провозгласил:

— За здоровье его величества и высочайшего семейства! Ура!

Все чокнулись и выпили. Слуги принялись разносить блюда.

— Могу я предложить вам, сударь, холодное говяжье филе, нашпигованное каштанами, или вы предпочтете сига, фаршированного шампиньонами?

— Пожалуй, попробую сига, — сказал Игорь.

— И я тоже, — подала голос его соседка; на ее шее сверкало ожерелье из бриллиантов и темных рубинов.

Лакей с поклоном положил им на тарелки по куску рыбы и по паре ложек гарнира, после чего отошел к стене.

Игорь попробовал рыбу и улыбнулся даме:

— Кажется, мы сделали правильный выбор. Не знаю, каковы каштаны в это время года, но сиг превосходен.

— Да, наши хозяева могут позволить себе хорошую

★ — кухню, — отозвалась она. — Вы знаете историю этой семьи?

— К сожалению, нет, — ответил он. — я недавно приехал.

— О, это действительно целая история. Дом построен на деньги хозяйки. Она из богатой купеческой семьи. Ленские прииски, волжские пароходы, заводы. У семьи хозяина денег почти не было, зато у них было дворянство. Сначала она вышла замуж за старшего брата нынешнего хозяина, но он вскоре умер, а ее родители мечтали о том, чтобы внуки были дворянами. Да и семье мужа не хотелось упускать деньги. И она вышла за младшего брата. Только подумайте, что за жизнь! Быть разменной монетой для своих родителей.

— Действительно, это ужасно, — охотно поддакнул Игорь.

Лакеи убрали тарелки с холодными закусками, подали суп — ботвинью с огурцами и пирожки к ней.

— Да и вся наша жизнь ужасна, — продолжала девушка с жаром. — Мы только зарабатываем деньги и тратим их! У нас нет цели, нет возможности приносить пользу обществу! Мы не стремимся к самореализации, не стремимся понять, в чем наше призвание! Мои родители, — она указала на мужчину в мундире и даму в тюрбане, — даже не пытались понять, к чему у меня есть склонности, а мои учителя учили меня только танцам, французскому языку и хорошим манерам.

— Да, это действительно ужасно, — повторил Игорь. — Практически невыносимо. Всё, хватит. Окончен бал, погасли свечи.

* * *

Развязывая на ходу галстук, Игорь снова прошел по коридору, на этот раз хорошо освещенному. Девушка вскинула голову, посмотрев на него с испугом и удивлением.

— Почему вы так быстро? Вам не понравилось?

— Да. Не понравилось.

— Еда?

— Да нет, еда как раз вполне адекватная. В отличие от... Короче, вашей вины здесь, вероятно, нет, но соедините меня с вашим директором. И поскорее.

Девушка кивнула:

— Сейчас вызову. Пройдите в ту кабинку в конце зала. И... мне очень жаль.

— Мне тоже, — коротко бросил Игорь. — Да, и включите запись разговора. Это будет официальный документ.

— Ой... — выдохнула девушка.

Игорь вошел в кабинку. Экран видефона уже светился. Игорь увидел стандартно обставленный кабинет и светлую макушку с коротко остриженными и от этого торчащими в разные стороны волосами, склонившуюся над кипой бумаг.

— Катенька? — спросил обладатель макушки, не отрываясь от чтения. — Соскучилась? Можно партию в шахматы чуть погодя. Ты пока расставляй фигуры, а я тут закончу...

Он наконец поднял голову и, совсем как Катенька, ойкнул и покраснел. На вид ему было не больше тридцати. Игорь вспомнил, что в характеристике, которую он читал в Управлении, директор музейной зоны «Литейная часть» Виктор Константинович Семечник был назван «молодым, талантливым и амбициозным». Игорь тогда еще подумал, что из этих трех слов получится хорошая аббревиатура «МТА» и можно выпускать такие значки и награждать ими подобные дарования.

Молодой, талантливый и амбициозный директор меж тем справился со смущением и спросил куда более сухо:

— Простите, чем могу помочь?

Игорь улыбнулся и поднес к считывающему сенсору свое удостоверение Управления исторических музеев и выставок.

— Вынужден сообщить вам пренеприятнейшее известие, Виктор Константинович. К вам приехал ревизор. Инкогнито из Петербурга.

— То-то мне всю ночь сегодня снились крысы! — директор пытался поддержать шуточный тон, но было видно, как он растерян. — Мы ведь только что открылись. Еще и месяца не отработали!

— Тем не менее наворотить уже успели, — сурово отрезал Игорь. — Давайте разбираться. Начнем с самого начала. Почему у вас киберы-разносчики читают стихи Маяковского?

— Я подумал, что это хорошие звучные стихи, они дают представление об эпохе...

— Совершенно верно. Дают. Только эпоха не та. Маяковский писал их в двадцатые годы двадцатого века, а у вас заявлен дореволюционный период. Это анахронизм, милостивый государь. Да к тому же «вкусней апельсинов, душистее роз» — это про папиросы «Шутка», а вовсе не про конфеты.

— Но я подумал: папиросы сейчас всё равно не продают, а хорошие стихи пропадают. Да и в принципе какая разница — десятиные или двадцатые годы, когда речь идет о рекламе конфет и печенья? Это же не политические лозунги!

— В самом деле? До революции кому-то могло прийти в голову выпускать «Фабричную карамель»? Поздравляю вас, гражданин, соврамши!

На экране было видно, как Виктор сглотнул, пытаясь сдержаться и не ответить напрашивающейся ехидной репликой. Игорь оценил его такт и сбавил обороты:

— Понимаю, вы руководите, по сути, развлекательным учреждением, и вам кажется, что главное — это произвести впечатление на зрителя. Но к сожалению, эффект получается противоположным. Вот смотрите. Вы называете этот музей «Домом купца». А ваш персонаж — дворянин и его жена-купчиха. Она, конечно, по-

лучает дворянство, но он-то не принадлежит к купеческому сословию.

— Он управлял ее заводами, — вставил Виктор.

— Всё равно это не делает его купцом. Теперь что касается вашего званого ужина. К фраку надевали белую бабочку и белую жилетку, а черную бабочку носили со смокингом. Но это детали, это легко исправить. Хозяева садятся раздельно, с обоих торцов стола, это тоже легко исправимо. Существовали очень строгие и сложные правила того, как следует рассаживать гостей, согласно их возрасту и социальному положению, но этим даже можно пренебречь, так как это довольно трудно воспроизвести в наших условиях. Но вот что действительно важно — хозяева должны встретить гостей, поприветствовать их, представить друг другу и подобрать каждому кавалеру даму, которую он поведет к столу. Только затем они входят в столовую, опять же по чинам, то есть более почетные гости идут впереди. Первым идет хозяин дома и ведет под руку самую почетную гостью, следом — хозяйка под руку с самым почетным гостем. Кстати, если обед проходил в кругу друзей, хозяйка могла вести того из гостей, кто первый раз пришел в дом и не знаком с большинством присутствующих... Да, вот еще что: обед начинался с супа. Его могли разлить до того, как гости сядут за стол. Следом шли холодные мясные закуски, за ними горячие и так далее. А у вас получился какой-то комплексный обед в пансионате «Осинушка»: закуски, первое, второе и компот. И вряд ли в реальном петербургском доме подали бы каштаны ранней весной. Не сезон.

— Еще скажите, что сейчас Великий пост и мяса на столе вообще не должно быть, — уныло произнес молодой директор.

— А вот это как раз спорно. В начале двадцатого века к соблюдению религиозных установлений относились уже как к делу личного выбора, и хозяева вполне могли

предложить гостям мясные блюда. Но к сожалению, всё это — отнюдь не главная моя претензия.

— Понятно.

Молодого, талантливого и амбициозного было уже жалко. Он так весело игрался с киберами, а потом пришел гадкий дядька и разрушил его «песчаные замки». Но что поделать? Это история, детка, а она — дама жестокая.

— Хочу сказать о вашей недоэмансипированной дамочке. Жил в конце восемнадцатого века во Франции такой юрист Жан Антельм Брилья-Саварен, был большим гурманом и написал книгу «Физиология вкуса». Так вот, он писал, что приглашать друзей на обед — значит принимать на себя ответственность за их удовольствия, пока они будут у тебя в гостях. А у вас гостя посадили к истеричной девице с совершенно неприличным для ее возраста ожерельем. Которая тут же начала злословить о хозяевах! И ее матушку, кстати, представили почему-то в костюме фрейлины и с тюрбаном.

— Тюрбаны вошли в моду после «Русских сезонов» Дягилева в Париже, — быстро возразил Виктор. — Сам Поль Пуаре...

— Да, но не с придворным же костюмом! И зачем даме надевать его, когда она идет на ужин в частный дом? И почему она так дурно воспитала свою дочь?

— А что, скажете, в Петербурге не было таких девиц? История о хозяевах правдива! — Молодой директор приободрился. — Вы рано ушли. У меня дальше по сценарию хозяева отправляются пороть на конюшню лакея, который случайно разбил чашку.

— Очень хорошо, что я этого не видел, — вздохнул Игорь. — Может, они еще и Му-Му утопили? Какая порка, помилуйте? Крепостное право еще полвека назад отменили. Вычли бы из жалованья, максимум — уволили без рекомендаций. Но не при гостях.

— Вас послушать, так они были ангелами! — Молодой человек проявлял всё большую напористость. —

Конечно, обмануться легко: серебряный век, томные дамы в жемчужно-серых платьях. Элегантная коляска, в эротическом бизниси эластично шелестела по осезнелому песку! Опомнитесь! Сотни тысяч умирают от голода, столько же — от холеры и тифа. На заводах дети работают по двенадцать часов и получают копейки! На пороге Первая мировая война! А вы умиляетесь: «Ах, какие они были деликатные, какая у них была культура!»

— Вы правы, Виктор Константинович, совершенно правы, — ответил Игорь. — Но именно потому, что вы правы, вам и нет нужды кричать об этом. Ведь люди, по сути дела, приходят в гости к вам. Именно к вам, а не к киберам. А любезные хозяева стараются развлекать гостя, а не поучать его. Да, гости могли бы обсуждать за столом и голод в Поволжье, и подготовку к грядущей войне, но они же этого не сделали! Вместо этого у вас девица стонет, что ей не дают учиться.

— А вы считаете это неважной проблемой? я думаю, наоборот, нашим современникам ее переживания будут понятны.

— Конечно. Но это будет ложное сочувствие. На самом деле ваша героиня просто пустая фанфаронка. Да, женщина пока не может учиться в университете. Но уже почти тридцать лет работают Бестужевские курсы — почему она хотя бы не попыталась поступить на них? Были и врачебные курсы для женщин, и педагогические, и инженерные.

— Но ведь обычный человек с улицы ничего об этом не знает, а если ему прочесть лекцию о женском образовании в дореволюционной России, он заскучает, — возразил Виктор.

— И вы решили обмануть его для его же блага? — быстро спросил Игорь. — Очень опасная стратегия. Вы понимаете, кому вы уподобились? Наша идеология опирается на естественные потребности человека, освобожденного от необходимости бороться за выживание. Она не нуждается в пропаганде, и особенно в пропаган-

де, основанной на лжи. Современный человек в состоянии сам разобраться, что для него хорошо, а что плохо, иначе мы не были бы там, где сейчас с вами находимся. Моя позиция ясна? Именно ее я изложу в своем отчете.

— Конечно. — Как ни старался Виктор сохранить лицо, всё равно он выглядел как побитый мальчишка.

Игорь хотел сказать ему что-то утешительное вроде: «Продолжайте работу, у вас большой потенциал, а не ошибается тот, кто ничего не делает», — но решил сохранить молодому человеку остатки самоуважения. Поэтому бросил только:

— До свидания, еще увидимся.

И вышел из музея.

* * *

С Невы налетел ветер. Игорь закутался поплотнее в плащ, поднял повыше шарф и зашагал к Литейному, составляя в уме текст отчета. Нужно успеть написать его сегодня. На завтра он взял отгул. Завтра его ждут бывшие одноклассники, они вместе поедут на Комаровское кладбище. Старый обычай отмечать сороковой день совершенно иррационален, но, похоже, не собирается отмирать. За сорок дней как раз успевают пройти шок и первая боль, и можно вспомнить, кем был для тебя ушедший человек и почему он тебе дорог.

Бронислава Захаровна прожила до обидного мало: всего семьдесят с небольшим лет. Впрочем, она как-то вечером, когда они с Игорем праздновали его назначение в Управление исторических музеев и выставок — так себе праздник, но зато повод повидаться, — изрядно захмелела и обмолвилась: «Знаешь, я ужасно устала таскать свое тело». Больше она никогда к этой теме не возвращалась, но Игорь знал, что за ее словами стоит нечто, чего он трусливо надеялся никогда не понять.

Но всё же, несмотря на то, чего она лишилась, ее короткая жизнь была наполнена смыслом. Она сберегала, возвращала по кусочкам память об умерших людях, о давно утраченных жизнях. И подготовила себе смену, чтобы ее работа не прервалась. Сумеем ли мы сделать столько же за наш, надеюсь, еще долгий век, нам только предстоит узнать. Вот что скажет Игорь завтра на Комаровском кладбище, у могилы Бронтозавровны.

О'РЭЙН

ДНО СОВЕСТИ

Был первый день лета — когда Солнце начали включать на час раньше, а выключать — на полчаса позже, чтобы дать больше света начинавшему вызревать где-то далеко на юге урожаю.

Анита стояла над обрывом, чувствуя кожей голых ног щекотку густой, необыкновенно мягкой травы. Воздух ощутимо пах кварцем, как солярий или кабинет физиотерапии в поликлинике.

На Аните была короткая майка, джинсовые шорты и дешевые резиновые шлепанцы. В нормальном мире на всех таких уже много лет стояло клеймо «мэйд ин чайна», но в Городе не было Китая. Хотя китайцев наблюдалось порядочно, но Анита не различала, часть из них вполне могла быть корейцами или киргизами. Вместо китайского признания в середине подошвы красовалась стилизованная буква «Г», а может, и не «г», а просто прямой угол с завитушками.

Анитина соседка Эма, румынская стриптизёрша из девяностых годов, считала, что «Г» означает «Город». У Аниты же было своё, исконно русское мнение по поводу этой буквы. Качество товаров из магазинов Города это мнение обычно подтверждало.

— Ты подумала? — спросил Наставник из-за ее плеча. — Так одна была рюмка или все-таки две? И смотрела ли ты на дорогу?

— Вам-то что? — сказала Анита.

— Мне — ничего. В той же мере, что и тебе. Просто картинка никак не складывается.

...такие глаза, он смотрел на нее целую вечность...

...длилось меньше секунды...

...тошнотворный, а потом колеса сразу подпрыгнули, как на лежащем полицейском, и провалились в него, в мягкое...

...захрустело...

...и удар о руль...

...крик, как будто само мироздание забралось к ней в голову многоголосым сиреным воем...

Именно тогда Аните пришла в голову мысль убить своего Наставника.

«Хорошо бы, если бы его не было, — подумала она. — Но сам он не исчезнет. Поэтому...»

Она шагнула вперед через траву, к краю. Уступ, на котором раскинулся Город, обрывался в пропасть, в бесконечную сине-зеленую пустоту.

— Осторожнее, — сказал Наставник. Он стоял чуть позади нее, за левым плечом. — У бездны нет дна.

— Почему? — пробормотала Анита, наклоняясь вперед, чувствуя, как дыхание перехватывает от невообразимой глубины, как затягивает взгляд темнеющая далеко внизу муть.

— У кольца нет конца, — ответил Наставник тихо. — Давай просто сядем и поговорим, хорошо?

Анита покорно кивнула, шагнула назад. Горло у нее сжалось от мысли, что, если бы они стояли наоборот — Наставник впереди, а она на полшага сзади — то она могла бы броситься всем телом и сильно его толкнуть, а потом склониться над обрывом и смотреть, как исче-

зает в тенях пропасти человек с искаженным в крике добрым лицом.

Она подняла голову и посмотрела Наставнику прямо в глаза — светло-карие, внимательно прищуренные. Она проиграла сцену убийства в голове снова и снова, чтобы проверить, понимает ли он, что у нее на уме — Эма говорила, что Наставники умеют читать некоторые мысли.

— Как новая работа? — спросил Наставник, улыбаясь все так же приветливо. Анита улыбнулась в ответ.

— Осваиваюсь потихоньку, — сказала она.

Он не догадался.

Ничего ни в чем не понимает Эма, дура сисястая, немудрено, что судьба её до Города довела.

— Прекратились ли сны? — голос Наставника был таким участливым, что Аните захотелось убить его как можно скорее, прямо сейчас.

Она достала из кармана пачку сигарет, села в траву и закурила.

— Почти, — сказала она наконец. — Редко теперь снятся. Но прошло-то уже полгода, сколько ж можно, да?

— Значит, ты рада, что живешь в Городе? — спросил Наставник ровно. — Ни о чем не жалеешь? Не мечтаешь изменить жизнь? Вернуться обратно?

Анита докурила, поднялась, опять подошла к обрыву.

— Нет, — сказала она, бросая вниз окурок. И вдруг вскрикнула.

— Ой, что это? Что это внизу?

Наставник встал с ней рядом, наклонился над пропастью. Анита внутренне собралась. Сейчас или никогда. Решится она или не решится? Тварь она дрожащая или...

— Что там? — спросил Наставник.

Анита криво улыбнулась, чуть подалась назад и изо всех сил толкнула его в спину. Теряя равновесие, он повернулся к ней лицом, исказившимся от усилия

удержаться, коротко охнул, нелепо взмахнул руками. И упал, камнем полетел вниз.

— Смерть, — сказала она. — Там смерть.

И села на край, свесив ноги, закуривая новую сигарету.

Теперь она была совсем одна, сама по себе. Без На-ставника.

В квартире опять было шумно — Эма привела гостей. Играла громкая электронная музыка, какие-то румынские напевы. Песню Анита слышала по-русски, в Городе все языки воспринимались как свой — но сам музыкальный рисунок фраз, бряцающий ритм казались избыточными, витиевато-восточными..

— Ну скажи, ну скажи, — пел мужчина, — почему так больно прямо тут, в сердце?

— Потому что, потому что, — отвечала женщина чуть визгливо, — приворожила я тебя.

Анита поморщилась — судя по тексту и голосам, ворожея была вспыльчива и истерична, а ее любовник — занудлив и слащав. Она нажала на кнопку кассетника, обрывая любовные страдания румын или турок и выводя на первый план смех и разговоры в их небольшой гостиной. В коридор тут же выглянула Эма — она была уже пьяна, и ее обильный макияж начинал расплываться.

— Аниточка! — воскликнула она, чуть растягивая согласные. — А у нас же тут весело! У нас же тут мальчики! И для тебя есть очень славный, тоже русский, как ты любишь, Юрой зовут. Юрец-молодец! Ну пойдем же, познакомлю. А где музыка моя?

— Кончилась, — сказала Анита. Эма обняла ее и потащила в комнату.

— Это моя соседка и подруга Анита! — объявила она громко. — Она очень хороший человек! И не пьет, — подумав, добавила она. — Аниточка, это мой новый друг Арсен по прозвищу Хром, его не трогай, его я буду са-

ма, я просто влюблена в его длинные ресницы! Вот тут Юрец — я тебе говорила, мы с ним оба сюда пришли из двухтысячного года, только он из Таганрога, а я — из Тими... Тимишоары...

Эма была настолько пьяна, что уже начинала заикаться. Анита кивнула гостям, присела у края стола, положила себе салат. Еще немного, и Эма полезет на стол — танцевать. Хотелось успеть поесть.

— Вы такая красивая... и не пьете?! — к Аните склонился Юрец — провинциальный бычок под тридцатник, крупные губы, голубые глаза в белесых ресницах.

— Угу, — кивнула Анита и поднажала на салат.

— Ну а если со мной? — спросил Юрец томно. — Может быть, даже... на брудершафт?

Анита отодвинулась от него, но он налил две рюмки и настойчиво ей протягивал одну. Водка выплескивалась на его удивительно волосатое запястье. Аните захотелось встать, поднять стул и с размаху опустить на белобрысую голову так, чтобы щепки полетели во все стороны.

Она отстраненно вспомнила, как Наставник нелепо охнул, теряя равновесие. Подумала о том, что если у пропасти нет дна, то он и сейчас там летит вниз — в темноте, раскинув руки. И будет вечно лететь, пока не умрет от истощения. Хотя... не будучи человеком, может ли он умереть?

— Нужно ли Наставникам пить и есть? — спросила она вслух.

Высокий сумрачный Арсен услышал ее через стол, чуть вздрогнул и посмотрел внимательно. Пьяная Эма ластилась к нему с соседнего стула, но он выглядел совершенно трезвым. Ресницы у него действительно были необыкновенно густыми и длинными, затеняли глаза.

— Им, может, и не надо, — жарко забормотал Юра. — А тебе, вижу, надо. Давай же рюмочку. Со мной-то, а?

— Отстань от девочки, Юр, — сказал Арсен задумчиво. Голос у него был густой, сухой, прохладный.

— Не, ну а чо, Хром, пусть выпьет!

Внутри, в голове, Анита летела с Наставником в бесконечную пропасть, бессмертная, отчаявшаяся. Чтобы прервать это падение, она взяла поставленную перед нею рюмку и выпила одним глотком. Потянулась и налила себе еще. Выпила. Молча. Еще раз. И еще. Отставила тарелку и рюмку, поднялась из-за стола. Все смотрели на неё.

— Приятно было познакомиться, — кивнула Анита и ушла на балкон своей комнаты. Из оставленной гостиной раздался смех, веселые возгласы Эмы, потом в коридоре снова заиграла кассета. К счастью, стены глушили переживания певцов. Анита сидела с закрытыми глазами, вдыхала и выдыхала сигаретный дым, слушала, как жаркое водочное опьянение начинает расходиться по телу, туманить голову.

Когда она открыла глаза, на соседнем балконе, через полутораметровый пролет, стоял Арсен. Он смотрел на нее серьезно и внимательно, будто пытался в ней кого-то угадать.

— Где же Эма? — спросила Анита.

Арсен пожал плечами, не отрывая от нее своего теплого, темного взгляда.

— Она там... с Юркой... Ей уже все равно с кем.

— А тебе?

— Мне никогда не все равно, — сказал Арсен, глядя ей прямо в глаза, и Аните вдруг стало ужасно горячо. Она шагнула назад.

Арсен легко, как огромный черный кот, перемахнул через перила, прыгнул и оказался рядом с нею на ее балконе. Он взял Аниту за подбородок, поднял ее лицо к своему.

— Не вздумай спорить, — сказал он.

Он накрыл ее рот своим, и Анита как будто исчезла, растворилась в горячем потоке. Они шагнули в комнату, упали на кровать, срывая друг с друга одежду. Тела двигались, набирая ритм, а самой Аниты при этом как бы

и не было, была лишь слегка помнящая себя блаженная пустота, и от этого стало так мучительно хорошо, что она не смогла удержать крика.

И снова.

И снова.

Она проснулась голой, на сброшенном на ковер одеяле. В балконную дверь лился желтый фонарный свет.

— Откуда ты взялась, чудо такое? — спросил Арсен. Он лежал рядом и улыбался. — Почему я тебя раньше не встречал никогда? я же по всему Городу работаю, много людей вижу. Ты кем работаешь?

— Была секретарем в мэрии, — сказала Анита. — Теперь буду продавщицей в «Эксперименте». Знаешь супермаркет за площадью Ганди?

— Ну, значит, познакомились бы не сегодня-завтра, — улыбнулся Арсен. — я продукты доставляю от фермеров в магазины Города. В «Эксперимент» мясо подвожу. Овощи сезонные. У тебя какие любимые?

— Помидоры, — сказала Анита мечтательно, сглатывая и вдруг понимая, какая она голодная. — У нас в Краснодаре были летом такие вкусные, мясистые, сочные, знаешь?

— Ха! — усмехнулся Арсен, вытягиваясь на полу и забрасывая руки за голову. — Краснодарские помидоры — ерунда против армянских! А как моя бабушка их мариновала — ах! Знаешь, с кинзой и острыми перчиками?

— Что же ты сюда сбежал от своих помидоров с перчиками? — язвительно спросила Анита и тут же пожалела, мысленно бросилась вслед за слетающими с губ словами — удержать, поймать, прежде чем они вонзятся в эту смуглую грудь.

— Прости, прости, — зашептала она, потянувшись поцеловать, загладить свою оплошность — ведь нельзя о таком спрашивать, это почти как о Наставнике спросить, как обнажиться заставить, да не по-постельному, а куда глубже.

Арсен усмехнулся, будто понял ее испуг и порыв. Прижал ее плечи к полу, бросил свой горячий вес сверху.

— Восемьдесят восьмой год, — сказал он. — Спитак. Землетрясение. Одиннадцать с половиной баллов по двенадцатибалльной шкале. Тридцать секунд. Двадцать минут до полуночи. Город в развалинах. Весь. Те, кто проснулся, позавидовали тем, кто не проснулся. Мне было двадцать пять. У меня была беременная жена...

— Ты ее любил? — спросила Анита сквозь выступившие слезы.

— Не знаю, — ответил Арсен. — Родители нас поженили. Мы еще не успели разобраться. Но возможно, наверное — да. Поэтому когда мне предложили принять участие в Эксперименте, я думал недолго. Что не отменяет моей тоски по помидорам. Вот уже пять лет я тут, а по ним все скучаю.

— У нас в холодильнике есть банка, — всхлипнула Анита. — С уксусом. Хочешь?

— После, — сказал Арсен и поцеловал ее страстно и требовательно, потянул, перевернул на живот.

Одной из последних в Анитиной голове промелькнула мысль «лишь бы он не спросил, почему я здесь». И потом еще немножко про Наставника, все летящего сквозь пустоту.

Ей снилось, что она шла по длинной, плохо освещенной улице, а перед нею бежал мальчик. Когда он забежал под фонарь, то казался совсем маленьким, лет пяти, но потом его тень вытягивалась, и Анита понимала, что это подросток, старшеклассник. Почему-то ей было очень важно его догнать, что-то ему сказать. Или о чем-то предупредить. Или попросить.

Но мальчик все бежал впереди, расстояние между ними никак не сокращалось, и Анита рассердилась.

— Ну тебя! — крикнула она.

— Ну его! — эхом отозвалась Анитина мама, выходя на крыльцо большого красного здания с кирпичными

колоннами. — Сам виноват. Не сомневайся, дочка. Он сам виноват. Это просто несчастный случай, могло случиться с каждым.

Аните очень хотелось в это поверить и перестать бежать. Но мальчик остановился под дальним фонарем, он ждал. Она шагнула за ним.

— Анита! — позвала мама. — Аниточка, не ходи. Есть два типа людей, дочка. И я пробивалась, и по головам шла именно для того, чтобы ты к первому принадлежала. И отсюда, с нашего места в мире, то, что с тобой случилось, — трагично и неприятно, но и только. Мы сделаем условное тебе. Подождем полгодика, а там поедешь учиться в Англию, потом вообще в Москве осядешь.

Анита сделала еще пару шагов. Мальчик ждал под фонарем.

— Дура неблагодарная, — прошипела мать. — А ну-ка сюда иди, пусть этот щенок сопливый к черту катится. Их в мире, знаешь, сколько? я про его семью все знаю — алкаши, наркоманы. И этот бы скололся к двадцати годам. Ничего бы не вышло из него путного. Пил бы, жрал да срал еще несколько лет, тоже мне потеря. Иди ко мне, Аниточка! Брось его, не думай! Теперь-то тебе еще легче должно быть, без Наставника твоего дурацкого.

Анита заколебалась, повернулась посмотреть на мать, внезапно понимая, что совершенно не помнит, как та выглядит — помнит только мягкие крепкие руки, улыбку в глазах, три звездочки на синих прокурорских погонах. Увидеть маму Анита не успела — проснулась.

В резком утреннем свете Эма выглядела как потасканный, много лет не евший вампир.

— Забрала армянчика? — сказала она устало. — я же вроде с ним хотела... А просыпаюсь — этот рядом, как его... — Она пощелкала пальцами.

— Юра? — подсказала Анита, сгружая ей на тарелку кусок омлета.

— Точно, — обрадовалась Эма. — Юрец-молодец. И ничего, кстати, хорошо себя проявил. А колбаски не осталось?

— Вы вчера еще до моего прихода все сожрали.

— Ах да. — Эма взлохматила пальцами свои короткие темные волосы. Потянулась за вилкой.

— Ну и забирай Арсена, — сказала она. — Все равно ведь ненадолго. Он ни с кем подолгу не может. Ломаный он. Поврежденный. я в стрип-баре знаешь как научилась в людях разбираться? Бывало, приходит такой — мышцы бугрятся, два ствола за поясом. А копни чуть — внутри сидит дрожащий от ужаса семилетний пацан, которого велосипед несет по этим смертным горкам, и вот он сидит, в руль вцепился и педали наяривает, только чтобы не упасть... Мда...

Она вздохнула.

— А час спустя этот мужик жарит тебя на кожаном диване в подсобке, и хорошо если традиционно, без вывертов, и тогда думаешь — а какая разница, что там у него внутри и какие там травмы?

Эма принялась за омлет. Она работала в клубе «Радуга» в Тимишоаре, в голодных для Румынии девяностых. Сначала просто танцевала, потом раздевалась, а потом и остальное. Запуталась, проворовалась, все плотнее садилась на кокаин.

Город и Эксперимент подвернулись ей очень вовремя, как, наверное, и всем тут.

— Что мы здесь делаем? — спросила Анита. — Что такое Эксперимент? Может, мы вообще умерли, и это — посмертие?

— Эксперимент есть Эксперимент, — пожала плечами Эма. — Может, инопланетяне нас в аквариум засунули и смотрят, какие у нас кнопки. А может быть — это не для них, а для нас шанс что-то понять. Передай хлеб, а? Вставать лень. А что умерли, не думаю. У меня любимый был одноклассник, Мариус. Его сразу после школы цыгане пристрелили, когда зоны сбыта делили.

Он мне всегда говорил, что после смерти меня дождет-ся, что будет стоять у ворот и в рай не пойдет иначе, как со мной за руку. Он знаешь какой был сильный и упер-тый? Раз его здесь нет, значит, я еще не умерла.

Эма поднялась, покачнулась, оперлась на стол.

— Эх, пивка бы сейчас! — сказала она горько. — Ну почему тут нет пива? А ты по чему скучаешь больше всего?

— По Интернету, — сказала Анита. — По френдам на фейсбуке, по ютюбу, по блогам...

— Навертели вы всего за пятнадцать лет, — махнула рукой Эма. — У нас ничего такого не было, Интернет был для лохов, я скучаю по простым, нормальным удо-вольствиям. Пойду этому... Юре бутерброд отнесу. Арсен спит?

Анита кивнула.

— Ты его поспрашивай, он этими штуками интересу-ется, — сказала Эма. — Ну, история Города, кто сюда попадает, откуда, как, такое всякое. Тайные струны.

Задев плечом дверной косяк, она ушла в свою комна-ту. Анита задумчиво отхлебнула остывший кофе.

Арсен еще спал. Анита вдруг поняла, что хочет сидеть и смотреть, как он спит, как мерно поднимается и опу-скается смуглая грудь. Чувство было неожиданным, и она тут же на себя разозлилась, потом на него и поэ-тому громко стукнула стулом о пол. Вставать пора. К ее удивлению, Арсен не шелохнулся, не вскочил, просыпа-ясь, а лишь открыл глаза — он не спал, а следил за нею из-под ресниц!

— Смешная ты, — сказал он. — Страстей в тебе мно-го. Они бурлят, кидают тебя туда-сюда. Но ты молодая еще, выправишься.

— Спасибо за ценное мнение, о мудрый господин, — поморщилась Анита. — Не желаете ли выпить кофе, чтобы усилить вашу необыкновенную проницатель-ность?

Арсен рассмеялся, поднялся с пола, поцеловал ее, взял чашку. Голый, как был, шагнул на балкон.

— Доброе утро! — крикнул он кому-то. — Прохладно сегодня!

Потом вернулся к Аните.

— Ветра сегодня не будет, — сказал он.

— Тут сильно и не дует, — возразила Анита.

— В Городе — нет, а если на юг ехать, через болота, к фермам — то очень даже. Но ветра не будет, доедем хорошо.

Анита вопросительно подняла брови.

— Собирайся на четыре дня, — сказал Арсен. — Я смотаюсь за телегой, предупрежу в «Эксперименте», что ты со мной поедешь овощи для магазина закупать. Эксклюзивное предложение! Они не смогут отказаться!

Он оделся, вышел в коридор. Анита только сейчас заметила, что он хромает на левую ногу — несильно, но явно ее привлекает. Арсен поймал ее взгляд, смутился.

— Да... — сказал он. — Я — Хром. Один-ноль в пользу бетонной балки. Иногда ноет на погоду.

Анита вышла из дома через час, как договаривались.

Арсен ждал ее на большом возке, в который была запряжена грустная пегая лошадь.

— Как лошадь зовут? — спросила Анита.

— Буцефал, — ответил Арсен с улыбкой. — Для тебя — Буца.

Анита пригнулась, посмотрела лошади под живот.

— Это кобыла, — заметила она.

— Я вижу — ты разбираешься в животноводстве, — сказал Арсен. — Такой специалист мне нужен! Поехали.

Телега затряслась на раздолбанном асфальте.

— Мне всегда было интересно, — сказал Арсен. — Каким образом Наставники определяют или создают материальную базу для Города? Кто тут этот асфальт, например, клал? Чем укатывал? я здесь живу уже пять лет, я очень общительный...

— Да уж, — рассмеялась Анита.

— ...и могу предположить, что людей здесь, в Городе, около полумиллиона...

— Четыреста тридцать шесть тысяч с копейками, — сказала Анита. — я же работала в мэрии, там учёт.

— ...и все, с кем я разговаривал, пришли сюда из временного промежутка с семьдесят девятого — мне было шестнадцать лет, я ездил вожатым в «Артек», там было много горячей комсомольской любви на взморье — и по две тысячи двенадцатый год...

— Я из двенадцатого, — вставила Анита.

— ...где попадают в затруднительные ситуации самые прекрасные девушки всех времен и народов. Что дает нам общий период времени, в который люди приглашаются для данного этапа Эксперимента — тридцать три года. А техника тут вся на уровне семидесятых—восемидесятых, да и то какого-нибудь захудалого колхоза под Смоленском. Автомобилей мало, стальной конь не спешит на смену крестьянской лошадке. Телефонизация никакая. У вас там, через двадцать пять лет, как с телефонами?

— У нас мобильники, — сказала Анита. — У всех. Даже у бомжей на вокзалах.

— Откуда на вокзалах бомжи?! — схватился за сердце Арсен. — Вы что же, не построили коммунизм? Да ладно, не красней, шучу. Знаю я, что вы там построили. И как.

Они переночевали на телеге, под рогожей. Было душновато, пахло сеном, Анита кусала губы. Арсен сказал ей, что вокруг — никого, обжитые кварталы Города остались позади, можно кричать, но она стеснялась.

На следующий день начались Болота. Они растворяли ландшафт потихоньку, незаметно — только что еще ехали среди пустых приземистых каких-то зданий, периодически попадалась труба или водонапорная башня — а вот уже и мир вокруг дик, как будто никаких

людей никогда и на свете не было, легкий туман клубится над темными впадинами, скользит между зеленых, странно изогнутых ветвей, и мир пахнет влажной землей, гниющим деревом и почему-то йодом.

— Там дальше зелень начинается, — сказал Арсен. — Поля, плантации, у кого-то даже сады... Смотри, трава какая между дорогой и болотами. Мягкая, шелковая, как шерсть большого зверя. Хочешь, остановимся, я тебя в траву завалю?

Анита неуверенно рассмеялась. Арсен огляделся и внезапно посуровел.

— Тихо, — сказал он. — Слишком тихо. Сейчас гон у краснух, со всех сторон должен страстный рев стоять.

— Они опасные? Они какие? — У Аниты было очень много вопросов.

— Не опасные, — отмахнулся Арсен. — Здоровые и дурные. Такие... как крокодилы лохматые. Людей не трогают. Лягушек жрут.

Анита чуть успокоилась, хотя животное, описанное как «близкое к крокодилу» ей встречать в дикой природе все равно не хотелось.

Арсен спрыгнул с возка, передвинул что-то под сеном ближе к краю, пошел рядом, чуть заметно прихрамывая. Буца косилась на него, поворачивала голову, натягивая поводья.

— Иди, иди уже, — миролюбиво прикрикнул на нее Арсен. — Еще полчаса и будем на ферме Андреек.

Но лошадь вдруг заржала, принюхалась и остановилась.

Анита вскрикнула, в глазах у нее помутилось. Поперек дороги лежал человек — на животе, вытянув перед собою руку, нелепо разбросав ноги.

...как тот, как тогда, в луже крови, еще секунду назад живой и внимательный, удивленный, сероглазый, и вдруг сразу — разбитый и сломанный, раздавленный машиной...

...это ребенок, это ребенок, обожемойэторебенок...

— Это не ребенок, — отозвался Арсен. Она, кажется, говорила вслух. — Это Кун Андрейко, фермер. Он китаец, маленького роста. Быстро сюда, помоги!

Анита прыгнула с телеги, побежала, как во сне.

— Ты за плечи, я за ноги, — скомандовал Арсен.

Они перевернули Куна. Его рубашка была разорвана, живот — окровавлен и раздут, с глубокой, но почти бескровной раной выше пупка. Рот и подбородок покрыты засохшей грязной слизью. Он часто дышал с каким-то страшным бульканьем, глаза его закатились под лоб, кожа была зеленоватой и влажной.

— Что за напасть! — бормотал Арсен, разрывая рубашку и быстро, умело осматривая и ощупывая лежащего человека. На солнечном сплетении его пальцы замерли, он чуть надавил и тут же с ужасом отдернул руку.

Кун открыл глаза, повел вокруг безумным взглядом и захрипел. Понять было ничего нельзя, но он показывал вверх и кричал, потом снова откинулся назад и потерял сознание.

— Бери теперь за ноги, — сказал Арсен сквозь зубы. — Плечи тяжелее. Понесли, быстро.

Они уложили Куна на телегу, прикрыли рогожей.

Арсен достал из-под сена короткое темное ружье, положил его на колени и погнал Буцу, не жалея.

— Ты врач? — спросила Анита, подпрыгивая на сиденье. Ей было страшно.

— Да, — ответил Арсен. — Но не такой.

— А какой?

— Ухо-горло-нос.

— Что у него с животом? Ты так дернулся...

Арсен ответил не сразу.

— Не знаю, — сказал он. — Не уверен. Но там, внутри, было что-то очень горячее, большое, твердое. И живое.

Фермерша стояла у плетня, беспокойно вглядывалась вдаль. Завидев их, замахала рукой.

— Это Галя Андрейко, — сказал Арсен Аните. — Она тут... всею голова.

Гале было лет пятьдесят, у нее были рыжие волосы, заплетенные в толстую косу, и круглое строгое лицо. Выслушав короткий доклад Арсена, она кивнула, сжав губы. Побежала к телеге, осмотрела Куна, погладила, что-то ему зашептала.

— Бена позови, — велела она Аните. — Он за домом, копает там, быстрее! В дом идите, мы занесем...

Бен оказался жилистым американцем средних лет в красной бейсболке. Сидя на корточках, он любовно окучивал невысокий кустик марихуаны. В зубах у него дымилась самокрутка.

— Мы привезли вашего... — Анита замялась, не зная, кто кому кем приходится. — Кун ранен. Сильно.

— А ты кто? — спросил Бен, поднимаясь с тяжелым вздохом и выражением лица «я так и знал, что все будет плохо».

— Я — Анита, с Арсеном приехала. — Анита сбивчиво рассказала ему про тело на дороге, молчание красных, про рану и состояние Куна. Бен мрачно кивал, а когда они вошли в дом, внезапно ухватил ее за задницу.

Анита взвизгнула и отскочила.

— Не дергайся, чего ты, — процедил Бен. — У меня беспокойство и дурные предчувствия, может мужик на секунду расслабиться и отвлечься? Корма у тебя, кстати, отличная. Молодец, девка.

Вопреки обстоятельствам и здравому смыслу Анита почувствовала себя немного польщенной.

Кун лежал на низком топчане, раздетый догола, маленький, немолодой, беззащитный.

Галя стояла рядом на коленях, омывала его холодной водой. Бен опустился с другой стороны. Положил руку

Куну на живот, надавил, отдернул и длинно, замысловато выругался. Поднял глаза на Арсена.

— Сможешь вырезать?

Арсен покачал головой.

— Ни инструментов, ни анестезии, вообще ничего. Шить нечем. Только измучаю и кровью истечет.

Кун вдруг открыл глаза и попытался приподняться.

— Их... сотни, — сказал он отчетливо. — В ложбине между холмами Большие Груды. Личинки... в краснухах. я видел. Лежат, как бревна. Вылупятся — на Город полетят. Будет конец Эксперимента. И смерть от них очень... очень... не... приятна. я прошу прощения...

На губах у него опять запузырилась слюнь, а потом он откинулся назад и начал кричать. Монотонно, громко, страшно. Аните хотелось обхватить голову руками.

...кровь изо рта, тело дергается, смотреть на это ужасно, все внутри рвется, голова плывет...

...отвернуться к машине, ведь почти новая, а вмятина какая большая, думать о вмятине, о починке, покрасить надо...

...к умирающему пацану жопой повернулась и стала машину свою разглядывать, сука бесчувственная, коза дрраная, да, был запах алкоголя, товарищ сержант, и качалась она...

Галя выдохнула обреченно, сжала зубы, посмотрела на Арсена.

— На, — сказала она, доставая из-за пояса широкий острый нож. — я вчера наточила. Краснух забивать собирались, окорочка куриные из них нарезать. Ты же врач, знаешь, как...

— Не могу, Галя! — в ужасе отшатнулся Арсен. — Я же клятву давал.

— На хрен выметайтесь тогда во двор, — закричала она. — Все сама, всегда все сама!

Она опять упала на колени перед Куном. Он уже не орал — хрипел, глаза выпучились и покраснели.

— Сейчас, мой хороший, — сказала Галя и погладила его по груди. Голос у нее дрожал, а рука — нет. — Сейчас, мой любимый...

Арсен крепко ухватил Аниту за плечо, вытащил во двор. За ними, ссутулившись, вышел Бен. Анита достала пачку сигарет, закурила с третьей попытки.

— И мне, — попросил Арсен.

Аните захотелось говорить о чем угодно, не связанном с мучительным криком и непонятным кровавым ужасом.

— Если краснухи как крокодилы, — спросила она. — почему окорочка у них... куриные?

— Ну, если ты на вкус различить не можешь, какая тебе разница почему? — буркнул Бен. — Вас, оглоедов городских, поди прокорми. Вот в Техасе у нас в восемьдесят втором начали ужесточать стандарты для фермеров...

— А вы здесь кто? — перебила его Анита. — Вы Гале... друг?

— Муж я ей, — хмыкнул Бен.

— А как же?... — Анита показала в сторону двери.

— И он муж, — кивнул Бен. — Хочешь — тоже к нам в семью возьмем? У нас тут на ферме, видишь, как интересно, не то что у вас в городе. А, Арсен? Отдашь девку?

Арсен молча курил, глядя в никуда.

Крик в доме внезапно прервался, стало тихо, будто уши забили ватой.

Бен закрыл лицо согнутой в локте рукой и заплакал.

Арсен затаился поглубже, выдохнул дым.

— Первые годы я здесь занимался разведкой, — сказал он. — Искал воду, резервуары с топливом, всякое такое. Работал в библиотеках, в архивах...

Он прислонился к стене и говорил с закрытыми гла-

зами. Из дома, чуть шатаясь, вышла Галя. В руках у нее было полотенце, она все терла, терла им ладони.

— Я читал старый дневник, — сказал Арсен. — Какого-то умного мужика из предыдущего этапа Эксперимента. Тетрадь в линейку. Синяя. Там было про народные волнения. Про павианов. А еще — про «главную тайну Города», про то, что мы все бессмертны. И сколько бы мы тут ни прожили — пять минут или пятьдесят лет, как бы ни умерли — от сердечного приступа или от нападения дикого зверя, мы возвращаемся назад, в ту минуту своей жизни, когда сказали Наставнику «да». И время выходит на новый круг. Откуда пришел Кун?

— Из плохой жизни, — ответил Бен. — Хотя кто тут из хорошей-то... В девяносто седьмом Гонконг вернули Китаю, туда все бедняки деревенские на заработки бросились. Набивались в комнатухи крохотные, жили, как в электричке. Спали чуть ли не вповалку. Кун уже сломаться был готов — запутался совсем, заработался. С них семь потов гнали за гроши. И вот он сюда, в Город... А теперь, думаешь, обратно?

Галя шагнула во двор мимо Арсена. Посмотрела на небо, на белесую монету солнца, уже тусклеющего перед выключением.

— Какая разница, что ждет за смертью здесь, в Эксперименте? — сказала она и всем, и никому. — Что за гробом не конец, а другая жизнь — про то нам попы и раввины веками долдонили. И что ж, от этого кому-то умирать не больно и не страшно? Или тем, кто остается, легче, если расставание все равно — навсегда?

Она плюнула в пыль. Глаза у нее были сухие. Бен подошел, обнял ее за плечи. Они стояли, опершись друг на друга, крепкие, как земля.

— Тоже мне, тайна Города. Смерть есть смерть. Дорога в один конец. На вот, Арсен, — Галя протянула ему тот же острый, досуха вытертый полотенцем узкий нож. — Иди делай свое «не навреди». Вскрывай. Хотя

я уже знаю, что ты там найдешь. Эти суки крылатые пару месяцев назад появились. Близко мы не видели, только издалека.

— Они на вид как гибрид ос-наездников и летучих мышей, — объяснил Бен. — Здоровые — с овчарку. Обездвиживают ядом — краснухи вот совсем двигаться не могут, люди, видать, с трудом. Личинки откладывают. Твари... — Он со свистом выдохнул сквозь сжатые зубы.

— Двух лучших краснух у нас утащили, — сказала Галя. — Гену и Чубакку. Кун их искать отправился еще вчера...

Она обреченно махнула рукой. Арсен взял нож и пошел в дом. Галя кивнула Аните и повела ее в летнюю кухню, чтобы молча, не чокаясь, пить мутный, ужасно горький самогон — Анита даже не хотела спрашивать из чего.

— Ох как тяжело-то. — Галя склонилась над серой скатертью, уставившись на свои руки. — А ты вот, Бен, что самое ужасное в жизни сделал?

Бен был уже совсем пьян. Он сидел очень прямо и смотрел перед собою стеклянными глазами.

— Птицеферму поджег, — сказал он медленно. — сосед-фермер у меня контракт увел на окорочка и на муку костную. Меня аж трясло от злости. Поджег. Ночью. А у него там сын в подсобке ночевал. С родителями разругался, решил домой не показываться, лег на мешки с кормом и уснул.

— Сгорел? — в ужасе спросила Анита.

— Не весь, — ответил Бен и налил себе еще. — Ногу обжег. И лицо чуть-чуть.

Он замолк и выпил.

— А я сбила мальчишку, — неожиданно для себя сказала Анита. — Мы диплом обмывали, я коньяку напилась, за руль села. Разогналась по проспекту, и тут телефон зазвонил. я раз — за ним потянулась, секунда все-

го, потом раз — и руль не выкрутить, а меня на тротуар выносит. Пацан стоит, смотрит. Еще секунда — и все...

Она выпила горькую, горькую рюмку. Легче ей не становилось. Никому за столом не становилось.

— Так ты это... из тюрьмы сюда? — спросила Галя.

— Домашний арест, — сказала Анита, чувствуя, как загораются щеки. — У меня мама... прокурор городской.

— А, понятно, — сказала Галя. Анита смотрела в стол.

Вошел Арсен, в наглухо застегнутой куртке и с ружьем.

— Анита, нам пора, — сказал он. — Нужно побыстрее добраться до города и собрать отряд. У нас очень мало времени. Личинки нужно уничтожить до того, как они вылупятся. Взрослых особей — перестрелять. Иначе это действительно будет концом Эксперимента. По крайней мере этой его стадии.

— В ночь поедете? — мрачно спросил Бен. — Они и в темноте летают.

— По-над обрывом поедем, в объезд, — сказал Арсен. — Один хрен ночевать придется, за день до города не добраться.

Он вздохнул, почесал в затылке.

— Личинка у меня на телеге, в мешок замотанная. Будете смотреть?

Галя покачала головой, прикрыла глаза. Бен колебался, но тоже отказался.

— Кун... готов, — сказал Арсен. — Шить было нечем, я мешком заматал. Одеть надо.

Галя встала из-за стола, не качаясь. Коротко обняла Арсена, кивнула Аните.

— Пойдем, Бен, — сказала она. — Пойдем прощаться. Могилу надо под липой выкопать, пока свет есть.

— Смотрите там, — сказал Бен. — Мы Куна похороним — и тоже поедем по болотам, наших предупреждать. Мы бы, может, и без вас справились, да осторожные же все, свои фермы не оставят, нам общей силой

трудно выдвинуться. Ну а если не пришлете отряд, тогда уж сами...

Анита тоже поднялась, но самогон оказался коварным, ноги у нее задрожали, Арсен ее подхватил, чтоб не упала.

Потом ее долго тошнило у телеги, когда она увидела, как небольшой сверток из мешковины, приткнутый в угол и пахнувший кровью, чуть заметно пошевелился.

— Я скучаю по звездам, — сказал Арсен, когда они лежали ночью на сене и смотрели в темное небо. В болотах вокруг что-то слабо мерцало голубоватой, прозрачной люминесценцией, и беззвездное небо казалось по контрасту еще более черным, нависало над ними распахнутой крошечной бездной. — Хоть это и банальность, но на звезды смотреть — это как будто немножко молиться, мечтать о высоком. Я вот, комсомолец, всегда молился бесконечности, которую люди когда-нибудь покорят и познают. Мы полетим сквозь пустоту космоса и посеем свои семена. И они взойдут на других планетах. Тут этого нет. И мне кажется, что я заперт в этом безмирье и безвременье. Иногда — как в надежном укрытии, иногда — как в душной кладовке, но заперт.

— А я скучаю по морю, — сказала Анита. — Оно такое огромное, мощное. То спокойное, то грозное. Мы все вышли из моря. Внутри мы все — море. По любому морю можно уплыть в любое другое. Кроме Аральского, — добавила она, подумав. — И можно перестать плыть, как только надоест или устанешь. И просто уйти в глубину...

— Не переставай плыть, — сказал Арсен. — Никогда нельзя переставать.

Он вздохнул.

— Поспать бы. Но опасно, да я и не усну, наверное.

Через минуту он уже спал, глубоко, беззвучно, как ребенок. Анита положила ружье себе на колени, села на край телеги.

Буца, привязанная к оглобле, покосилась на нее, переступила копытами, фыркнула. Мешок с личинкой был под телегой и очень ее нервировал. Аните и самой было беспокойно представлять, как неведомая гадость вылезает из мешка, и подкрадывается снизу, хоть Арсен и сказал, что она не успела развиться и уже сдохла.

— Ты стрелять-то умеешь? — спросил тихий голос. Анита дернулась всем телом, поворачиваясь, упираясь взглядом в невысокую полноватую фигуру, будто вырезанную из черного картона на фоне слабого свечения болота.

Наставник.

— Вы упали, — сказала она, думая, что спит.

Наставник зажег спичку, поднял ее к лицу. Анита увидела, что он улыбается.

— Иногда когда ты упал до самого низа — тогда и начинается верх, — сказал он. — И только так ты можешь вернуться к тем, кому ты нужен.

— У кольца нет конца, — прошептала Анита, глядя в небо.

— Да, — сказал Наставник. Спичка догорела, теперь он был только голосом в темноте, тенью темнее других теней. — Нет дна у совести. Нет предела у любви. Нет конца у дороги. Спи, Анита. Сапыги сегодня не нападут.

Она ощутила на волосах его мягкую руку.

— Сапыги? — спросила она. — Так они называются? Откуда они? Зачем вы с нами так? Что эти сапыги должны показать? Почему в мире все так жестоко? С нашим все понятно, но этот-то ваш, тут необязательно, зачем же вы?

Никого, кроме лошади, не было рядом. Анита вытерла слезы, легла в сено рядом с Арсеном и тут же уснула.

— Сапыги, значит? — говорил Арсен, подбадривая Буцу щелчком поводьев. Она недовольно мотнула хвостом, но пошла быстрее. — Вот, значит, какая у нас следующая фаза Эксперимента.

Дорога шла у самого Обрыва, на безопасном расстоянии — шагов двадцать, но у Аниты сердце все равно замирало. Поверхность была вся в выбоинах, телегу сильно трясло от скорости, Анита измучилась.

— К вечеру доедем, — сказал Арсен, мельком взглянув на солнце. — Потерпи.

Но они не доехали.

Сапыг было три. Они летели низко, стелились над травой, над ржавыми проплешинами болотной воды, над дубленой, сухой глиной.

Первой их заметила Буца, заржала, не замедляя бега, повела назад выпученным безумным глазом.

— Не уйти, — сказал Арсен. — Они быстрее.

Он с трудом остановил лошадь, прыгнул, накрыл ее голову попоной, сунул в колеса телеги деревянный брусок. Буца всхрапывала, нервничала, но стояла смирно.

Не сводя взгляда с приближавшихся сапыг, Арсен поднял ружье.

— А мне? — хрипло спросила Анита. — Хотя что-нибудь.

Арсен пошарил под сеном, достал крепкий металлический крюк на деревянной ручке.

— Я им ящики двигаю, — сказал он. — Больше ничего нет. Держись, девчонка! Пройдут дожди...

И он коротко, горячо поцеловал ее. А потом они выставили перед собой оружие и стали ждать сапыг.

Ту, что была ближе всех, Арсен разнес двумя выстрелами. Бум, бум, отвратительный всплеск, сапыга закричала, как назгул, упала, покатила по глине, хрустко ломая крылья. Вторая летела прямо на Аниту, но она вспомнила свои три года карате в школе и, сгруппировавшись, откатилась в сторону. Сапыга, коротко вскрикнув, пролетела мимо, исчезла за краем обрыва. Третья развернулась в воздухе и понеслась на Арсена, раскинув кожистые крылья.

— Осторожно! — крикнула Анита.

Арсен, закусив губы от напряжения, перезаряжал ру-

жье, и Анита, заорав, выхватила брус из колеса телеги, метнула его вверх. Это отвлекло сапыгу; ударив крыльями, она дернулась в сторону, потеряла драгоценную секунду, и ее голова размером с футбольный мяч тоже разлетелась от выстрела.

— Молодец! — крикнул Арсен, начал поворачиваться, поскользнулся на хромой ноге и выронил ружье. — Ох, молодец, я бы с тобой...

Анита закричала, потому что последняя сапыга вылетела из-под обрыва и неслась к Арсену со спины, она была уже в секунде от него, уже выставила свое жало-йцеклад, ему было уже никуда не деться.

Сейчас острый хитин пробьет кожу и мышцы, отравит парализующим холодом, загонит внутрь жадное, чужое, которое изгрызет и измучает. И Арсен будет кричать, как кричал Кун, и умирать будет долго, потому что никто для него из любви не сделает того, что было сделано вчера на ферме. Анита уж точно не сможет, она не такая.

И если тайну Эксперимента он угадал правильно, то Арсен опять окажется на больничной койке в Ереване с раздробленной ногой, и ему будет двадцать пять, и будет восемьдесят восьмой год, и мир будет полон смерти, потерь и всего, что этому миру предстоит.

Анита поняла, что крик висит в воздухе, и что это — её крик. Она закрыла собой Арсена, и лапы сапыги вцепились в ее плечи, чуть царапая кожу сквозь одежду, и в ее груди торчит жало размером с заправочный пистолет, и по всему телу от него расходятся волны ледяной боли. От сапыги пахло старым чуланом, невымытыми волосами и горячим пластиком. Кожистые крылья застыли. Огромные фасетчатые глаза поглощали свет сотнями идеально выпуклых шестиугольников. Что-то горячее, чужое пошевелилось в груди Аниты, и жало потянулось наружу. Сейчас отлетит и нападет на Арсена.

— Хрен тебе, не уйдешь, — сказала Анита, размахнулась немеющей рукой и глубоко вонзила в тело сапыги свой крюк. Качаясь, совсем не чувствуя отнимающихся ног, похромала к обрыву. Десять шагов. Пять.

Арсен что-то ей кричал, все было как сквозь вату. Кажется, он просил, чтобы она остановилась. Или говорил ей о бессмертии. Или вообще молчал, и его не было, и Города не было, и Эксперимента.

И самой Аниты не было. Никогда.

Она проглотила горькую вязкую слюну во рту и, не оборачиваясь, шагнула с обрыва в черную, прохладную, тянущую сердце восторгом падения бездну.

— Продолжаем, — сказал Наставник. Анита сидела на синей в белую полоску кухне в своей хорошенькой квартирке в доме на Офицерской. Над чайником струился пар — он только что вскипел и отключился.

Анита схватилась за грудь — сердце билось часто, ледяная тоскливая боль никуда не делась.

— Ты от нее не умрешь, — сказал Наставник и помешал кофе в красивой фарфоровой чашке. — Ты ее вскормишь, перерастешь и посмотришь, что из этого выйдет...

Зазвонил телефон. Анита была под домашним арестом, но отвечать на звонки ей разрешалось. Плохо видя из-за слез, держась за стенку, она прошла в прихожую, сняла трубку.

В трубке молчали.

Она знала, кто это был. Знала, что он не увидит, но опустилась на колени и долго так стояла, держа трубку у уха.

— П-простите меня, — сказала она, когда голос наконец послушался. — Простите меня. Простите. Простите. Собеседник молчал, но Анита слышала дыхание.

— Что мне сделать? — спросила она. — Пожалуйста, скажите.

— Из окна прыгни, тварь, — наконец сказал тот, кто

ей позвонил. — Открой и прыгни. Ты на шестом этаже? Должно хватить.

— Вы правда этого хотите? — спросила Анита, чувствуя, как то, что было у нее в груди, начинает грызть острыми зубами. — Вам станет легче?

Она поднялась с колен, прошла на кухню — за столом никого не было, пенка на кофе чуть-чуть вращалась. Анита широко раскрыла окно, поставила руки на подоконник.

— Если вам станет легче, я, наверное, прыгну, — сказала она, стараясь быть честной. Было страшно, но раз надо — то надо.

— Мне не станет легче, — медленно ответил отец убитого ею мальчика. — Никогда уже не станет. Закрой окно, дура.

И он положил трубку.

Анита стояла у окна, уперевшись горячим лбом в пластиковую перекладину. Снаружи была нежная осенняя ночь — тополя роняли листья, где-то лаяла собака. У подъезда был припаркован патрульный автомобиль.

Во двор въехала еще одна машина. Остановилась под фонарем. Из нее вышел человек — высокий, крепкий, почти совсем седой. Прихрамывая, он сделал несколько шагов к дому, остановился, поднял голову и посмотрел прямо на Аниту.

Не двигаясь, они долго-долго смотрели друг на друга сквозь ночь.

МАЙК ГЕЛПРИН

МОЛЬ

Совладелец частного сыскного агентства «Иголка в стогу» Герман Иванович Солдатов слыл человеком обстоятельным. Правда, когда Солдатов служил в санкт-петербургской сыскной полиции в должности надзи-

рателя, считался он, напротив, ветрогоном и выжигой. Знался с ворами, с картёжниками, с хипесниками и прочей сомнительной столичной публикой. В притоны заходил запросто, в воровские малины и на квартиры, где играли на интерес. Немудрено, что до старшего надзирателя Солдатов не дослужился, а был по-тихому из уголовного сыска отчислен и уволен в отставку без выплаты содержания.

Был Герман Иванович высок, рыжеволос, рыжеус и голубоглаз. Горькую шибко не пил, но при случае не отказывался. С девками особо не путался, но мог иногда загулять. Попусту языком не трепал, но и за словом в карман не лез.

С Полиной Петровной Вяземской Солдатов познакомился при самых что ни на есть любопытных обстоятельствах. Произошло это в ночном питейном заведении на Лиговке, которое по иноземной моде именовалось баром. Полина присела рядом с отставным сыщиком на высокий табурет у стойки, извлекла из сумочки британскую сигаретку и милостиво дождалась, пока Солдатов поднесёт зажигалку. Изящно прикурила, представилась, посетовала на ударившие под Рождество морозы и, наклонившись к новому знакомцу, доверительно сообщила, что замёрзла до неудобно сказать чего. Солдатов поняливо кивнул. Щёлкнул пальцами и велел нести для дамы «Русскую особую».

Выпивать, однако, Полина не стала, а, мило покраснев, извинилась и направилась в дамскую комнату. Солдатов проводил её задумчивым взглядом, после чего убедился в отсутствии бумажника в боковом кармане пиджака. Тогда из внутреннего он извлёк и бросил на стойку купюру трехрублёвого достоинства, сказал «без сдачи» и, вальяжно ступая, двинулся на выход.

Выбравшись на мрачную, занесённую колючим январским снегом Лиговку, Герман Иванович вмиг всякую вальяжность утратил. Он метнулся под арку проходно-

го двора, скорым шагом его преодолел и, оказавшись на задках питейного заведения, поспел как раз вовремя, чтобы ухватить за локоть Полину, покидающую дамскую комнату через окно.

— Побеседуем? — предложил Солдатов, предъявив несколько старомодный пистолет системы «Купцов Калужский». — Ну-ну, не отказывайся, милочка, пройдем в авто, у меня дома нам будет удобно.

Получасом позже Герман Иванович разлил по фарфоровым чашечкам китайский жасминовый чай и, подперев могучим кулаком подбородок, довольно бесцеремонно стал гостью разглядывать.

— Нравлюсь? — сухо поинтересовалась та.

Солдатов с ответом помедлил. Сублинная черноволосая визави красавицей не была, но интересной назвать её можно было без всяких натяжек. А ещё, пожалуй, дерзкой. Какая-то особенная у неё дерзость, что ли, рассудил отставной сыщик. Не та, что присуща вульгарным столичным штучкам и бесцеремонным нагловатым провинциалкам.

— Вполне нравишься, — подытожил Солдатов. — У меня, если позволишь, вопрос.

— Нет.

Герман Иванович пригубил чай, подкрутил рыжие, подковкой усы.

— Нет так нет, — легко согласился он. — Но ты ошиблась: я не спрашиваю согласия, прежде чем уложить девку в постель. Меня интересует, что ты собиралась делать с моими кредитными картами.

Гостя пожала плечами.

— Снять со счетов деньги, естественно.

Солдатов саркастически хмыкнул.

— Каким образом, милочка?

— Кабацкая шансонетка тебе милочка. Меня можешь называть Княжной.

Солдатов и бровью не повёл — воровской кличкой его было не удивить.

— Да хоть Царевной, милочка. Итак, твоя светлость, каким образом ты собиралась свести деньги с карт? В «Первом императорском» мазуриков не жалуют.

— Я не воровка, — гостья внезапно потупилась. — Вернее, не была ею. я на самом деле княжеского рода, училась в Смольном, потом в университете на плетельщицу, — она устало махнула рукой. — Не доучилась: батюшка изволил разориться. Мы с братом остались без средств, понимаешь? Тогда я...

— Сидела? — прервал Солдатов.

— Два года, на Соловках. Неделю назад вышла на волю. Остальное ты знаешь.

— Понятно. — Солдатов отставил чашечку в сторону. — На плетельщицу, говоришь, училась... Так ты, значит, моль, княжна Полина Петровна?

— Да, — гостья решительно кивнула. — Я — моль. И не из последних.

* * *

В марте 2008-го, через два месяца после знакомства, на Поклонной открылось сыскное агентство «Иголка в стогу». За шесть последующих лет агентству удалось обзавестись серьёзной клиентурой и солидной репутацией. За мелочёвку вроде квартирных краж, подлогов и брачных афер компаньоны братья перестали. Всем этим занималось теперь дочернее предприятие, укомплектованное десятком ловких, сноровистых сыскарей с перспективным будущим и сомнительным прошлым. В головную же контору, переехавшую с Поклонной в центр, на Владимирский, заходили теперь люди сплошь состоятельные, серьёзные и с делами деликатного свойства.

Алексей Емельянович Суворин, владелец издательского дома «Суворин и сыновья», явился под вечер, когда нежаркое августовское солнце, закатываясь, ласкало последними лучами гордый адмиралтейский шпиль.

— Большая шишка, — определила Полина, бросив небрежный взгляд на припарковавшийся у поребрика «Альбатрос» ручной сборки.

— Не просто большая, — заметил Солдатов, у которого была профессиональная память на лица. — Господин Суворин — особа, входящая к государю. Столп отечественной культуры, можно сказать.

Издательский дом «Суворин и сыновья» недавно отпраздновал полтора года со дня основания. Его владельцы традиционно занимали высокие государственные должности и во многом и вправду влияли на развитие российской культуры. Как в плане книгопечатания, так и в целом.

— Присаживайтесь, Алексей Емельянович, сделайте милость, — предложил посетителю Солдатов. — Позвольте представить вам Полину Петровну Вяземскую, мою компаньонку и...

— Да-да, крайне приятно, — прервал визитёр. — Прошу прощения, у меня не так много времени, а история, которую я собираюсь вам поведать, достаточно необычна. Десять дней назад мы получили рукопись...

Рукопись пришла в издательский дом «Суворин и сыновья» обычным путём — по плетёночной почте. Это было единственным обычным обстоятельством во всей истории. Всё прочее вызвало немалое удивление у обоих издававших виды сыщиков. Автор рукописи сведений о себе не сообщал и именовал себя АБС. Присланное им сочинение называлось «Пикник на обочине». И просил АБС за своё сочинение ни много ни мало полтора миллиона рублей. На счёт в цюрихском банке, в месячный срок.

— Сколько? — ошеломлённо переспросил Солдатов, стоило издателю озвучить сумму.

— Полтора миллиона, сударь. Или семь с половиной миллионов американских долларов — по курсу.

— Но позвольте... Это же абсурд.

— Абсурд, абсурд. — Суворин покивал. — Когда рецензент впервые мне доложил об этом, именно так я и подумал. И продолжал думать до тех пор, пока с рукописью не ознакомился. Она, безусловно, стоит таких денег, господа. Да что там — я заплатил бы господину АБС вдвое или втрое больше, будь я уверен, что истинный автор — он.

— Вот как, — после короткой паузы осторожно проговорила Полина. — Вы полагаете, рукопись краденая?

— Наверняка. Собственно, отправитель письма этого особо и не скрывал. И за автора рукописи себя не выдавал. По словам господина АБС, досталась рукопись ему случайным образом, а настоящего сочинителя уже нет в живых. Кроме того, произведение «Пикник на обочине» не единственное: у АБС, дескать, есть ещё два десятка за тем же авторством. Понимаете, господа, если всё действительно так, то публикации этих произведений принесут многие и многие миллионы. Сочинители подобного уровня рождаются раз в столетие, если не реже. Отказ от сделки для меня равносильен потере огромной суммы. Тем паче, что АБС, откажи я ему, наверняка обратится к моим конкурентам. Однако согласиться на сделку означает подвергнуть издательский дом непомерному риску — в том случае, если объявится истинный автор рукописей и предъявит судебный иск. А сдаётся мне, что появится он всенепременно. Или его законный наследник, или же доверенное лицо. Так или иначе, мы не знаем, в чём именно заключается афера, а узнать это необходимо.

— Ясно, — подытожила Полина. — Вы хотите, чтобы мы отыскиали человека, который скрывается под псевдонимом АБС?

— Для этого я и пришёл к вам. Срок истекает через три недели, за вознаграждением я не постою. Пока что я распорядился перевести на цюрихский счёт аванс —

десятую часть от запрошенной суммы — в знак декларации намерений. Что скажете, господа?

Сыщики обменялись взглядами.

— Мы берёмся за ваше дело, сударь, — за обоих церемонно ответила Полина. — Переправьте, пожалуйста, письмо АБС на наш адрес. Вместе с рукописью, разумеется.

* * *

— Это сочинение — бомба, Герман, — сказала Полина на следующее утро. — Настоящая.

Не искушённый в изящной словесности Солдатов недоверчиво хмыкнул и подкрутил усы.

— Так уж и бомба.

— Так уж. Можешь поверить литературному вкусу урождённой аристократки. Фантастическая философская притча, причём «фантастическая» во всех смыслах. Ну и ещё. Мы имеем дело с молью почти наверняка.

— Ладно, — вновь подкрутил усы Солдатов. — Поработаем.

К вечеру Полинина гипотеза подтвердилась. Письмо, отправленное издателю неведомым АБС, прошло через полдюжины плетёчных узлов, прежде чем достигло адресата. Выяснить, откуда оно было послано, возможным не представлялось.

— Бьюсь об заклад, что и не представится, — бросила Полина устало. — Запрос в «Плетёчный Надзор» я, конечно, послала. Но на успех особо не рассчитываю.

Солдатов согласно кивнул. Плетёнка была величайшим изобретением двадцатого века. Разработанная в российских университетах и предназначенная для обмена и хранения информации система за какие-то полтора десятка лет превратилась в исполина, опутавшего мир и преобразовавшего его под себя. Плетёнка породила множество новых занятий и профессий — тысячи и тысячи людей становились плетельщиками и оплёт-

чиками, вязальщиками и оцифровщиками, настройщиками и узловиками. Однако появилась и ещё одна профессия, криминальная, для самых умелых, рискованных и беспринципных. Представителей этой профессии называли молью. Боролись с молью истою, давили её безжалостно, но искоренить не могли. Слишком осторожной, изворотливой и неуловимой оказалась моль, слишком живучей.

— Итак? — подвёл итог первому дню сыска Солдатов. — Что у нас есть?

— Практически ничего. — Полина пожала плечами.

Солдатов кивнул: на скорые результаты он и не рассчитывал. Отыскать моль в плетёнке было чрезвычайно сложно, она попросту могла находиться где угодно.

— С АБС необходимо установить связь, — сказала Полина. — Одностороннюю: на двустороннюю он не пойдёт. Нам придётся размещать в плетёнке объявления для него. В текст включим несколько первых строк рукописи, чтобы понял, что информация предназначена ему. Сложнее другое: заставить АБС отреагировать на эту информацию. Так или иначе, свяжись, пожалуйста, с господином издателем, спроси позволения от его имени истребовать у АБС фрагменты остальных рукописей. Пускай всего лишь по паре страниц из каждой. За дополнительное вознаграждение, естественно.

— Зачем нам это? — удивился Солдатов. — Ты хочешь убедиться, что другие рукописи существуют?

— Я как раз уверена, что они существуют. Но нам нужны хоть какие-то зацепки.

— Что ж, почему бы и нет, — поразмыслив, рассудил Герман Иванович. — Алексей Емельянович — человек состоятельный, лишняя трата его не разорит. Ну а я пока что начну розыски с другого конца.

Полина понимающе усмехнулась. «Другим концом» были накопленные Солдатовым связи. В Санкт-Петербургской сыскной полиции, в частности.

* * *

— Интересно, платили ли когда-нибудь пятьдесят тысяч рублей за десяток отрывков, наудачу выдернутых из литературных сочинений? — задумчиво проговорила Полина. — Однако прелюбопытная история получается.

— Да? — заинтересовался Солдатов. — Какая же?

— Я изучила фрагменты самым тщательным образом. Получается вот что: в отличие от «Пикника на обочине», не привязанного к исторической действительности, прочие тексты с ней согласованы. Только вот беда — согласованы весьма странно. В частности, в них фигурирует человек по прозвищу Ленин. В честь этого Ленина названы улицы, проспекты, учебные заведения и даже города. И ещё один человек по прозвищу Сталин. Тебе это о чём-нибудь говорит?

Солдатов пожал плечами.

— Ни о чём абсолютно. А тебе?

— Представь, мне тоже не говорило. До тех пор, пока я не додумалась прочесть плетёнку. Выяснилось любопытнейшее обстоятельство: оба индивида были арестованы и расстреляны по приказу государя Николая Александровича в 1916-м, за год до победы над Германией в Великой войне. Не только эти двое, расстреляли целую группу уголовников и бутовщиков. В общем, я приобрела монографию за авторством профессора Виноградова, это историк, современник тех событий. Монография у меня в цифровике. Так вот: профессор Виноградов выдвигает гипотезу, что победе мы во многом обязаны именно этому обстоятельству — своевременному устранению Ленина, Сталина и остальных.

— И что же? — удивился Герман Иванович. — Я, прости, не улавливаю причинной связи.

— Сейчас уловишь. — Полина заодно подмигнула. — Насколько мне удалось понять, в сочинениях АБС оба субъекта не были расстреляны. А, напротив, способствовали низвержению государя и узурпировали трон.

Вместе или по очереди — неясно, но это и не так важно. Теперь улавливаешь?

Солдатов помялся.

— Боюсь, что не вполне, — осторожно ответил он.

— Видишь ли, сначала я предположила, что творчество АБС пришлось на время царствования Алексея Николаевича. я решила, что АБС сочувствовал восстанию коммунистов 1923 года и был репрессирован вместе с ними, а рукописи его — утеряны. Тогда предположение, что он вывел свои фантастические миры, исходя из коммунистических воззрений, стало бы логичным. Однако, поразмыслив как следует, я от этой теории отказалась.

— Почему же? — подался вперёд Солдатов.

— АБС явно родился позже. По всей видимости, уже после кончины Алексея Николаевича. Судя по встречающейся в рукописях терминологии, АБС застал космические полёты и высадку Боброва на Луну. Наверняка застал Великий Застой в Штатах. Также наверняка — первые цифровики, только почему-то своего героя оцифровщика назвал программистом.

— Хм-м... — Солдатов кашлянул. — И какие из этого выводы, милочка?

Полина фыркнула.

— Ещё раз назовёшь меня милочкой, и я тебя пристрелю. Вывод всего лишь один — дело это гораздо более запутанное, чем поначалу нам представлялось.

— Ничего. — Солдатов заливчато подкрутил усы. — Будем распутывать. Собирайся, через два часа мы вылетаем в славный град Красноярск.

— Зачем? — удивилась Полина.

— Там нас ждёт встреча с весьма интересным человеком.

— И что это за человек?

Солдатов заговорщицки подмигнул.

— Моль. Кличка — Корсар.

— Вот как. И что он там делает?

— Как что? — развёл руками Герман Иванович. — Сидит, естественно.

* * *

Копию досье на сидельца по кличке Корсар Герману Ивановичу уступил за полсотни целковых давний его знакомец, архивариус при тайной сыскной канцелярии. Был Корсар молюю особого толка — книжной. Поначалу тянул информацию из архивов и частных библиотек по мелочи, потом вошёл во вкус. Последней его аферой стало хищение полного собрания сочинений некоего Левина за три месяца до издания. Корсару удалось распродать пару миллионов экземпляров с десятка плетённых узлов и сбросить выручку на счета в иноземных банках, прежде чем его отыскали и упрятали за решётку.

Солдатов захлопнул папку с досье, когда самолёт пошёл на снижение.

— Способный выюноша, — сообщил он уюмстившейся в соседнем кресле напарнице. — Целое собрание сочинений свёл. Напомни, пожалуйста, кто такой этот Левин.

— Стыдно не знать, — с укоруизной отозвалась Полина. — Левин Поликарп Евгеньевич, беллетрист. Всю жизнь, считай, писал в стол, а стоило пять лет назад умереть, выяснилось, что он гений. Права на издание откупили у наследников за миллионы, половину сам государь Павел Александрович внёс, из личных средств. Представляю, сколько замков разгрыз этот Корсар, пока добрался до депозитария на издательском узле. Что ему за это дали?

— Десяточку. Трёшницу уже отсидел.

Оказался Корсар бледным анемичным молодым человеком с узким нервным лицом и колючим взглядом.

— Сигаретку позвольте, — попросил он, усевшись на табурет в комнате для свиданий. — Зачем пожаловали?

— За помощью, — поднёс зажигалку Солдатов. — Не безвозмездно, разумеется. Мы отблагодарим.

— Это каким же образом? — выпустил дым через нос Корсар.

— Начальник тюрьмы — знакомец моих знакомцев. Тебе ведь ещё семь лет сидеть? Хорошая еда, сигареты, выпивка, свежие газеты, книги... Взамен много не просим: нам нужны всего лишь сведения о некоторых твоих приятелях. Что скажешь?

Корсар усмехнулся.

— Напрасно пришли, — ответил он. — Моль своих не отдаёт.

— Так уж и не отдаёт, — подкрутил усы Солдатов. — А за деньги?

Корсар затушил сигаретный окурочок о подошву казённого ботинка.

— Мы не в Штатах, уважаемый, — насмешливо сказал он. — Взятки не берём-с.

— Ну а девочку на ночь? — предложил Герман Иванович. — Из поселенок. я организую.

— Нет.

— «Нет», значит? — угрюмо повторил Солдатов. — По-хорошему, значит, не хочешь...

— Постой, Герман, — подалась вперёд Полина. — Не надо ему угрожать. Цифровик, — бросила она. — Последняя шайба, отечественного производства, мозг пять интелов, четыре уровня разделёнки и полный комплект требухи.

У заключённого загорелись глаза.

— Связь? — быстро спросил.

— Без границ, земля — космос — земля, курьерская скорость. Завтра будет у тебя.

— Ты плетельщица?

Полина улыбнулась.

— Хуже, — сказала она. — Я — моль.

* * *

— Такие дела под силу троим, — буркнул Корсар сутки спустя. — Сомневаюсь, что есть кто-то ещё, кого я не знаю.

— Имена, фамилии. — Солдатов раскрыл блокнот. — Адреса.

Заключённый с Полиной разом расхохотались.

— У моли нет имён, — отсмеявшись, поведал Корсар. — Адресов тем более. Это в задрипанных Штатах такие, как я, свободно расхаживают по улицам. Дают в лапу и идут грызть тайники, а на законы поплёвывают. я назову клички и дам ключи от комодов, больше не просите.

— Каких ещё «комодов»? — нахмурился Солдатов.

Полина вздохнула.

— Посиди спокойно, — попросила она напарника, — а мы поговорим. Комоды — это не по твоей части. Слушаю тебя, Корсар.

— Книгами занимаются Нетопырь, Купчина и Князь. Герман Иванович скрестил на груди руки.

— «Князь», — недовольно проворчал он. — Сплошные аристократы, гиббона мать.

* * *

Следующие две недели Герман Иванович провёл в хлопотах. В Книжной Палате он заказал сводный отчёт по российскому книгопечатанию и тщательно его изучил. В архиве тайной сыскной канцелярии прокорпел двое суток подряд. Затем встретился с деканом университетского исторического факультета и добрых четыре часа пытал того насчёт вековой давности расстрела бунтовщиков. В институте литературоведения получил заключение экспертов касательно сочинения «Пикник на обочине» неведомого АБС. Нанёс визит в «Российский союз литераторов», где ознакомился с порядком реги-

страции авторских прав. И, наконец, посетил головную контору «Плетёночного надзора» на Фонтанке.

Там Солдатов поболтал с секретаршей, угостил воронежским пивом старшего оцифровщика и зазвал в «Метрополь» двух бывалых надзирателей. Дождавшись, когда оба захмелели, спросил:

— А не попадалось ли вам, господа, что-либо эдакое вовсе особенное? Какая-либо, с позволения сказать, чертовщина.

— Конкретней, — обронил тот надзиратель, что был помоложе. — Какая именно?

— Ну, к примеру сказать, хищение добра, у которого нет хозяина.

Надзиратели переглянулись.

— Было, — сказал тот, что постарше, и махнул рюмку «Русской особой». — Было пару раз. Вот, например, проходила у нас по одному делу моль по кличке Помещик...

Помещик торговал в плетёнке недвижимостью. Доверчивым покупателям предоставлял фотографии загородных домов в Петергофе, Павловске и Царском Селе. Предоставлял также документацию и географические карты с привязкой к местности. Взимал задаток и исчезал. Впоследствии выяснялось, что отснятого во всех подробностях строения не существует. И не только в том месте, где ему согласно документации следовало находиться, а вообще и как такового.

— И где сейчас этот Помещик? — полюбопытствовал Герман Иванович.

— Да поди знай, — развёл руками надзиратель, что помоложе. — Деньги отстирал и жирует себе где-нибудь. Как он эти фотографии слепил, ума не приложу. Эксперты тоже в недоумении. Талантливый, в общем, сволочь. Или взять, например, другого, по кличке Шофёр. Этот автомобилями торговал, по той же схеме. Якобы старинными, собранными по индивидуальным заказам. Есть, знаешь ли, любители ретро-авто, коллекционеры.

* * *

— Увы, результата нет, — доложила Полина за неделю до истечения отпущенного издателем срока. — В комодах я порылась. Недолго: моё присутствие обнаружили и сменили замки, квалификации, чтобы подобрать ключи, мне не хватило. Следы тех троих я нашла. Но только следы. В общем, отыскать пресловутую иголку в стогу гораздо проще, чем моль в плетёнке.

— Что ж. — Солдатов подкрутил усы. — Это всё?

— Почти. АБС, кто бы он ни был, видимо, догадался, что мы ищем его. На последние мои объявления он не ответил. Думаю, и не ответит.

— Ладно, — небрежно обронил Солдатов. — Оно и к лучшему.

— В каком смысле «к лучшему»? — изумилась Полина.

— В самом прямом. Господин Суворин, оказывается, обратился не только к нам, но и в государственную службу. Господа из «Надзора» нашего АБС вычислили. И, как мне сообщили, со дня на день возьмут.

— Из «Надзора»? — опешила Полина. — Ты уверен?

— Так мне по крайней мере сказали.

— И... И кто он?

— Один из наших троих. — Герман Иванович привычным жестом подкрутил усы. — Нетопырь, Купчина или... — Солдатов выдержал паузу. — Или Князь. Кто именно, мне сообщить не пожелали.

На следующее утро старший компаньон частного сыскного агентства «Иголка в стогу» явился в контору пораньше. Ознакомился с оставленной Полиной запиской, в которой та сообщала, что срочно отбывает в Москву по делу, не терпящему отлагательств. Тяжело вздохнул и до полудня терпеливо читал «Пикник на обочине», тщаь понять, что в этом сочинении эдакого особенного. Понять не удалось. Телефонный звонок застал Солдатова недоумевающим по поводу того, где именно служил персонаж по имени Ричард Нунан, которому Герман Иванович сочувствовал как коллеге по ремеслу.

— Да! — рявкнул Солдатов в трубку.

— Она в Москве, — доложил сыскарь из дочернего предприятия. — Мы «довели» её до гостиницы «Двуглавый орёл», что на Тверской. Поднялась в триста шестнадцатый.

— Понял, вылетаю. Глаз с номера не спускайте! Если они попытаются его покинуть, задерживайте любой ценой.

— «Они»? — переспросил сыскарь.

— Да. Там их наверняка двое.

* * *

Мелодраматические эффекты Герман Иванович не жаловал. Поэтому врываться в триста шестнадцатый номер гостиницы «Двуглавый орёл» он не стал, а скромно постучал в дверь рукояткой «Купцова Калужского».

— Открывайте, открывайте, господа моль, — велел Герман Иванович в ответ на вопрос «Кто там?». — Гость на порог, счастье в дом. Или правильнее сказать «в комок»?

Полминуты спустя Солдатов, поигрывая «Купцовым Калужским», пересёк гостиничный номер, уселся в кресло и закинул ногу на ногу.

— Дверь запири, — приказал он, смерив взглядом рослого и поджарого брюнета с дерзким лицом. — Ну, здравствуй, князь Владимир Петрович. Или тебе приятнее, если я стану говорить просто «Князь», без имени?

— Как вам будет угодно, — брюнет не изменился в лице. — Могу я спросить, каким образом вы нас нашли?

Солдатов не ответил. Дело Полины Петровны Вяземской за двое суток, проведённых в архиве тайной канцелярии, он изучил досконально. Старший брат Полины Владимир проходил по этому делу свидетелем, хотя дознаватель и подозревал, что затеял аферу по хищению средств со счетов в «Первом императорском» именно он, а не осуждённая на два года сестра. За Владимиром был, тем не менее, установлен тайный надзор, но месяц спустя Вяземский из-под надзора бежал и скрылся. Дальнейших сведений о нём в деле не имелось.

— Выгораживать братца, что же, вошло в привычку? — перевёл взгляд на Полину Солдатов. — Когда ты поняла, что это он?

— Когда... Когда услышала... — Полина потупилась.

— Что услышала?! — рявкнул Солдатов.

— Когда услышала кличку «Князь».

— Я так и думал. До меня это дошло несколько позже. Но всё же дошло.

— Насчёт «Надзора» ты соврал? — тихо спросила Полина. — Оплётчики Володю не искали? Ты просто напугал меня, чтобы...

— Не напугал, а спугнул, это разные вещи, — поправил Солдатов. — Не суть важно. Излагайте. По порядку и очень подробно.

— Смысла нет, вы всё одно не поймёте, — бросил Князь. — А даже если поймёте, то не поверите.

Герман Иванович подкрутил усы.

— А ты, твоя светлость, попробуй, — язвительно предложил он. — Как знать, может статься, и пойму. И даже поверю. Другого выхода у тебя в любом случае нет.

Владимир Вяземский помялся, переступил с ноги на ногу.

— Что ж, извольте. Вы знаете, что такое «портьера»?

— До недавней поры не знал. Но теперь в курсе.

Портьерой моль называла образованную плетёнкой субстанцию, материального воплощения не имеющую. Условно считалось, что портьера покрывает Землю подобно сплошному облаку, что в ней хранится вся накопленная человечеством информация и продолжает накапливаться новая.

— Несколько лет назад самые искусные из нас обнаружили, что в портьере имеются чужеродные образования, — неспешно говорил Князь. — Содержащие некую информацию, человечеству не известную. И нащупать эти образования в конгломерате информационной пыли крайне трудно. Тогда появилась гипотеза, что информация просочилась из другого мира в тех местах,

где портьеры обоих миров соприкасаются. Этот другой мир, хотя и похож на наш, во многом с ним разнится.

Солдатов задумчиво кивнул. Нечто подобное он и предполагал.

— Дальше, — бросил он.

— Понимаете, дальше всё на уровне догадок. У нас ограниченная информация — только та, что моль сумела добыть, прогрызая дыры в портьере, эдакие информационные туннели, неустойчивые и нестабильные, то и дело норовящие схлопнуться. Мы считаем, что начавшаяся в 1914-м Великая война расколола мир напополам. В той, другой его половине, Россия Великую войну проиграла. Там, кстати, эту войну называют Первой мировой. Потому что вслед за ней была и Вторая, ещё более страшная.

Подперев стволом «Купцова Калужского» подбородок, Солдатов слушал о том, как в отколовшемся мире всё пошло наперекосяк. О том, как царский трон узурпировали преступные банды и к власти пришли террористы и людобои. О новой войне, о репрессиях и голодоморе. О застое, отбросившем Россию назад в развитии и технологиях. О том, что лишь в последние годы страна стала оправляться и вставать на ноги.

— Там тоже есть плетёнка, — подытожил Князь, — они называют её Сетью. И узлы, которые называются серверами. Моли удаётся нащупать только самые оживлённые, с самым интенсивным информационным потоком. Так я полгода назад прогрыз путь к серверу под названием Флибуста. На нём были книги, тысячи, миллионы краденых книг. Стягивать информацию оттуда невероятно трудно, поверьте. Процесс крайне медленный и нестабильный. я потратил несколько месяцев, прежде чем завладел тем, что было на самой востребованной полке. Они, впрочем, называют полки страницами. Так-то. Теперь вы знаете всё.

— Нет, не всё, — бросил Солдатов жёстко. — я навёл справки. На том, что ты стянул с этой полки, можно

сделать миллионы. А если завладеть другими полками и подойти с умом, то миллиарды. Значит, так, светлости: третья часть — моя. По рукам?

Князь не ответил.

— Ты опоздал, Герман, — устало сказала Полина. — Мы оба опоздали.

— Это ещё почему?

— Видишь ли, наши миры стали сближаться.

— Что? — оторопел Герман Иванович.

— Начался обратный процесс, — за сестру ответил Князь. — Он пока ещё не набрал обороты, но разрыв уже затягивается. Понимаете, у них тоже есть моль, они называют её хакерами. Их моль проникла к нам, как и мы к ним. На этой самой Флибусте есть сочинения некоего Пелевина. По косвенным данным, личность его в том мире неизвестна. Теперь подумайте: не книги ли это нашего П. Е. Левина, уворованные Корсаром и стянутые у него хакерами?

— По той же причине Володя не рискнул объявить себя автором трудов АБС, — добавила Полина. — Понимаешь, весьма возможно, что в недалёком будущем портьеры обоих миров сольются в одну, общую. А возможно, вслед за портьерами сольются и сами миры.

Минут пять молчали. Солдатов пытался собрать разрозненные мысли воедино, но ему это упорно не удавалось.

— Не понимаю, — со злостью сказал он наконец. — Что мешает стянуть информацию с этой вашей Флибусты сейчас? Наймём плетельщиков, снабдим их цифровиками, и пускай себе тянут под нашим началом. Пока там что-то сольётся или разольётся, мы успеем сколотить состояния.

— Нет, не успеем, — криво усмехнулась Полина. — Я уже говорила тебе: мы опоздали. Флибусты больше нет, третьего дня её, к сожалению, прихлопнули.

— Как это «прихлопнули»? — ахнул Герман Иванович.

— Да так — ликвидировали. По закону. Миры, увы, сближаются, Герман: у них теперь тоже, видишь ли, по-

★ явились законы против моли. Пока, правда, не такие строгие, как у нас.

Герман Иванович поднялся. Сунул «КК» в карман и, глядя себе под ноги, пошагал на выход. На пороге обернулся.

— Агентство «Иголка в стогу» прекратила своё существование, — с горечью сказал он. — Младший партнёр собирался надуть старшего. Да и старший тоже хорош.

— Мы все хороши. — Полина потупилась. — Хотели стать богачами за чужой счёт. Знаешь, Герман, я думаю, то, что у нас ничего не вышло, — справедливо. Кстати, АБС — это не один человек, а двое. В том, другом мире, их уже нет в живых. Однако их сочинения будут жить вечно. Должны жить вечно. И вот что мы с братом по этому поводу думаем...

* * *

— Мы распутали дело, — пожал руку издателю Солдатов. — Позвольте представить вам Владимира Петровича Вяземского. В сложившихся обстоятельствах доверенное лицо АБС в нашем мире — он.

— «В нашем мире»? — удивился Алексей Емельянович. — Что это значит?

— Долгая история, — махнул рукой Солдатов. — И к делу не относящаяся. Важно то, что господин Вяземский даёт разрешение на публикацию рукописей. Агентство «Иголка в стогу» выступит поручителем. Условия сделки, однако, меняются.

— Что ж, — потёр руки Суворин, — прекрасно. Каковы новые условия, позвольте узнать?

— Я отказываюсь от гонорара, — твёрдо заявил Князь. — Вы опубликуете рукописи за авторством братьев Аркадия и Бориса Стругацких так, чтобы их сочинения стали достоянием человечества. Причитающуюся сочинителям часть прибыли я, как распорядитель, жертвую в пользу нуждающихся. И пусть никто не уйдёт обиженным.

ПОЛНОЧЬ

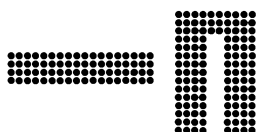
ДМИТРИЙ НИКИТИН

КОПЫТО СМЕРТИ

...и письменные доносы какой-то сволочи, которая знала о группе всё и была, может быть, даже членом группы...

А. и Б. Стругацкие
«Обитаемый остров»

Приветствую, уважаемый Копыто! — Для вас — Семьсот одиннадцатый! Почему так срочно? Вы понимаете, как я рискую, встречаясь с

вами?

— Семьсот одиннадцатый, как всегда, всем недоволен! — Человечек снова вяло засмеялся. Маленький, зажатый в углу мощной фигурой собеседника. И этот человек его — Мемо Грамену, Копыто Смерти, одного из зачинателей подполья, террориста до мозга костей — держит своими мягкими ручонками за горло. Так держит, что не вырваться!

— Умник, то есть господин государственный прокурор, считает, что Гэла Кетшефа пора ликвидировать. Со всей основной группой.

— Массаракш! Послушайте, Кох! Нельзя ли подождать несколько дней? я вот-вот получу назначение на юго-запад. Тогда и кончайте с Гэлом! И ко мне — никаких подозрений. я же столько сделал, чтобы оправдаться перед штабом. Два нападения на башни. Лично расстрелял командира гвардейской бригады.

— И тем спасли его от трибунала. Завтра, к одиннадцати, соберете группу у Кетшефа. Да, еще. Надо обеспечить при задержании вооруженное сопротивление...

— Хотите засадить меня надолго?

— Будете свободны уже через день. Планируется одна акция...

— Да если я появлюсь сразу после ареста, со мной никто разговаривать не станет! В подполье, знаете, не доверяют тем, кому слишком везет. Два успешных побега подряд...

— Не беспокойтесь, будет надежное прикрытие. Ротмистр Чачу гарантирует.

— Чачу — это хорошо. Первая хорошая новость за сегодня.

— Итак, Копыто, по какой причине общий сбор?

Ответа ждала вся боевая группа: прямой, как палка, Гэл Кетшеф со своей высохшей супругой Орди Тадер, тихий однорукий головорез Тик Феску по кличке Вепрь, и этот, новенький... И все как один не любят его, угрюмого ворчуна Мемо Грамену. Уважают — как опытного бойца, лучшего пулеметчика подполья, но не любят. А у него нет к ним никакой неприязни. Но дело есть дело. Скоро Гэл и остальные, видимо, умрут. Ну и что? Сами они сколько людей отправили к Мировому Свету? А теперь не повезло им. Вернее, не теперь, а год назад, когда Копыто попался на акции, и его сломали в охранке. Интересно, выдержали бы другие? Орди не сломалась, когда взяли ее ребенка. Не сломалась, но умерла. Теперь не живёт, только мстит. Да и сам Гэл — «философствующий покойник», как однажды отозвался о нем Кох. А мертвые живому не товарищи.

— Говори же, Копыто!

Что ж, протянем время, зальем уши.

— Новости о Волдыре. Он, похоже, рассорился с Отцами. И у него есть люди, пулеметы, взрывчатка...

Гэл покачал головой:

— Мы не будем иметь дело с этими бандитами. Хватит того, что берем оружие у хонтийцев.

— Я ставлю вопрос на голосование!

— Хорошо, голосуем. Кто за переговоры с Волдырём? Птица? Против! Вепрь? Против! Студент? За? Тогда мой голос решающий. я — против! Предложение Копыто отклоняется. Не понимаю... — Гэл скривился, схватился руками за голову. — Так, быстро расходимся!

Соображает! Лучевой удар в неурочное время. Значит, рядом передвижной излучатель, облава. Но разбежаться они не успеют. Массаракш! Как же больно! Всё тело будто один больной зуб, и его выворачивают клещами, расковыривают крючком. Орди и Вепрь валятся с ног, а новичок, ничтожество, катается по полу, выдавая себя и остальных истошным криком. Но Гэл держится, заряжает трясущимися руками сразу два «герцога». Достал пистолет и Копыто. На лестнице грохочут подкованные сапоги.

— Я к двери!

Мемо доковылял до темной прихожей. В дверь молотили прикладами. Потом ударили автоматной очередью, сбивая замок. Послал в ответ пару выстрелов прямо через доски. Прихожую заволокло пороховой гарью. Мемо отступил в боковой коридор. Был бы пулемет, хрен у него кто прошел! Еще бы и башка болела поменьше...

Дверь с треском распахнулась. Первым в квартиру ворвался ротмистр Чачу. Мемо выпалил ему над головой. Два автоматчика застряли в дверях, мешая друг другу. Кого подстрелить — рыхлого толстяка или рослого детину? Пока думал, рослый протиснулся и, словно видел в темноте, вцепился в руку с пистолетом. Мемо не успел опомниться, как чудовищный рывок поднял его в воздух и опрокинул вниз головой, так что ноги задела низкий потолок. Отвратительно хрустнули зажатые, как в тисках, пальцы, и Мемо всем своим грузным телом обрушился на пол, теряя от удара сознание.

В целом всё прошло нормально. Ну, почти... Гэл чуть не застрелил Чачу. Ротмистра выручил тот же здоровенный гвардеец, что вырубил Мемо. Скрутил Гэла голы-

ми руками. Копыто рассмотрел этого парня на заседании тройки, где тот стоял конвойным. На голову выше остальных, и лицо такое странное. Особенно глаза — живые, подвижные, наивные по-детски, но будто выверливают тебя насквозь. Очень неприятное ощущение. И не то что этот тип казался слишком опасным, в свое время Копыто валил и не таких силачей. Просто чувствовалось — с ним надо всегда быть настороже, точно рядом с нехищным, но очень большим зверем. И еще Копыто был уверен — этот юнец чует, что внутри людей. Вот стоит молокосос за спиной и удивляется, чего это Мемо такой спокойный, когда выносят ему смертный приговор.

Когда группу развели по одиночкам, к Мемо зашел Чачу и объяснил, как всё будет дальше. Чёртов психолог! На расстрел Мемо поведут на пару с Орди Тадер. Исполнять приговор назначат уже знакомого ему кандидата Мака Сима. Ротмистр уверял, что этот фрукт сломается — не сможет стрелять в женщину. Тогда сопляку останется только бежать вместе с приговоренными. План был хорош. Но вдруг гвардеец решит всё же стрелять? На этот случай, успокоил Чачу, автомат будет заряжен холостыми патронами.

Гвардеец Сим поступил непредсказуемо. Стрелять в карьере не стал. Но и вместе с Мемо и Орди не пошел. Просто отпустил их, а сам двинул по тропинке назад. Может, решил разобраться с Чачу? Да, не прогадал ротмистр с холостыми патронами. Впрочем, Мемо это уже не волновало. В подполье поверили, если не Мемо, то Орди. Копыто стал руководителем новой группы. Но для надзора из штаба прислали Дэка Потту, он же Генерал. Впрочем, этот пока не мешал. Мемо деловито, без лишней спешки готовил акцию, которой господин государственный прокурор придавал особое значение. У группы было всё — явки, оружие, транспорт. Оставалось только сыграть срежиссированный хозяевами Ко-

пыто спектакль: «Атака выроdkов, наймитов Хонти, на гордость и надежду нации — башню противобаллистической защиты». Настоящий пропагандистский блокбастер, который увидит потом каждый житель Страны Отцов!

В разгар подготовки Орди привела того самого странного Мака Сима. Мемо хотел его ликвидировать, уж больно дикие истории тот рассказывал... Но Мак, оказалось, умел снимать боль при лучевых сеансах. Ну, понятно, после этого в группе его только на руках не носили. Болван! Да при таком умении Неизвестные Отцы ему бы всё дали, передрались бы из-за него! Вообще не прост этот горец. Очень не прост. Если они там у себя, за Алебастровым хребтом, все такие, то, пожалуй, Отцам вместо вторжения в Хонти надо бы срочно горный пояс укреплять. Как бы те горцы пострашней белых субмарин не оказались! То, что Мак силен, как медведь, и в рукопашной мастер, каких мало, — это ладно. Но ведь он действительно, в полной темноте видит. И нюх у него — как у упыря. Пули (если не в голову) его не убивают. Излучателей он не боится. Радиации не боится. Вообще ничего не боится. А Мемо, когда с ним рядом, вечно в страхе. Ну а вдруг горец этот не только дозиметр, но и ментоскоп внутри себя имеет?

Главную же свинью «Съел ножик» (так «мах сим» на воровском жаргоне) подложил перед самой акцией. Генерал перенес время атаки. Ясно, Мак ему в уши надул со своими волшебными таблетками. С ними вроде можно в самый момент вечернего сеанса идти, когда выроdkов уж точно не ждут. Мемо возражал, как мог, но против приказа штаба не пойдешь. В итоге под свет софитов и стрёкот кинокамер башню и правда подорвали. Едва ли за рухнувшую башню ПБЗ Умник имел благодарность от Папы. Но кино получилось — высший класс, хотя и дороговатой вышла съёмка. Из группы погибли трое, в том числе — Орди Птица. Мемо в нужный момент прострелил себе ногу, но уползти не успел. Го-

рец утащил его, потерявшего сознание (Копыто мог изобразить обморок не хуже Вепря). А в конце Мак едва сам не сбежал, что, конечно, было бы провалом. Главные герои фильма, предупреждал Кох, обязаны лично присутствовать на скамье подсудимых! Но ротмистр Чачу, умница и хитрюга, оказался на высоте — вычислил и взял Мака даже без стрельбы.

Вновь о чудо-горце Копыто слышал через полгода, когда всю шла война с Хонти, и на фоне неудач на фронте Департамент общественного здоровья постепенно брал к ногтю военных и охранку. Мемо тогда был в штабе подполья и туда же по просьбе Аллу Зефа рекомендовал Мака Сима. За прошедшее время «Съел ножик» сильно переменялся. Это был уже не тот глуповатый мальчик, что показывал чудесно зажившие раны в лесной сторожке. Заматерел, побледнел, серьезный такой стал, деловой. И глаза у него стали другие — не живые, стеклянные, прямо как у ротмистра Чачу. Нет, не к добру Мак снова объявился. Впрочем, в новую драку не лез, вел себя куда потише. Крутился в штабе среди умеренных. Что-то там вещал о контрпропаганде, перевоспитании в духе гуманизма и высокой морали. По всем раскладкам считался теперь неопасным. Умеренные — они что? Мечтают об эволюции режима, свободных выборах, протестных выступлениях. Пусть! Сколько будет легальных выроdkов, даже если все эти голые обезьяны соберутся на улицах? Сто? Двести тысяч? А сорок миллионов простых граждан пойдут за Отцами. Господина прокурора беспокоили не умеренные, а Вепрь и Генерал с их боевиками. Сам Мемо, может, и задался бы вопросом, — с чего это Мак вдруг стал таким тихоней. Но в тот момент его больше занимало, что будет с ним самим, когда как Деверь скушает вслед за Тестем и Умника. Захотят ли «оздоровители» принять человека опального прокурора? Зависит от того, с чем он к ним придет.

— Семьсот одиннадцатый! — панические нотки в голосе Коха выдавали крайнее волнение. — Умник только что послал Ножику в Центр. Да, в Центр! Он теперь знает, где Центр, и может туда пройти! Этот может! Возьми его сам, тихо возьми!

Копыто положил наушник, посмотрел на миску с недоеденной кашей. С недавней поры Кох задумывался о новом покровителе и оправданно считал Мемо в этом своим единомышленником. Впрочем, дело могло выгореть. Если взять сейчас Мака, заставить рассказать о планах Умника, а потом передать показания Деверю, тот может это оценить. А вдруг у горца с Умником получится захватить Центр? Тогда Умник станет новым Папой, а Копыто... Копыто может стать при нем новым Деверем. Особенно если расскажет Умнику про этот звонок Коха. Ладно, посмотрим, как всё пойдет. Вряд ли, впрочем, хорошим кончится.

Мемо собрался, оседлал мотоцикл и покатил к Департаменту специальных исследований. Когда из высоких железных ворот выехал автомобильчик Мака, сел ему на хвост, держась в отдалении. Похоже, горец ничего не заметил. Вот так новость! У хлебной лавки в машину подсел однорукий Вепрь. Умеренный Мак встречается с главным экстремистом подполья! Мемо связался по радиофону с Кохом и велел подключить его к «жучку» в автомобиле горца. Через минуту Мемо уже слушал, как Мак говорил Вепрю, что благодаря его советам появилась возможность проникнуть в Центр.

Провёл мальчишка Умника, да и всех провёл за нос на пару с этим леваком! Вовсе не хочет он, как господин прокурор планировал, смену правительства устраивать. Уничтожить Центр он хочет. Всю систему лучевого ментального воздействия. У него в багажнике — термическая бомба! А дело становится опасным. Сейчас Кох думает: что делать дальше? как остановить сбесившегося Мака? Кому звонить — Умнику или Деверю? А Деверь

или Умник должны будут связаться с Папой, но сначала решить — не провокация ли тут одного против другого. Запутаются лапками наши пауки в своей банке в такой суматохе. А времени мало. Значит, выручать всех, как всегда, придется ему — старому толстому Мемо Грамену.

Как назло, на центральных улицах — сплошные пробки и заторы. Огромные грузовики и автобусы заслонили маленький юркий автомобильчик. На перекрестке Мемо встал на красный свет, а горец успел проскочить. Тогда Копыто расчехлил пулемет и, дав очередь в Мировой Свет, рванул наперерез. Под истошный визг тормозов мотоцикл промчался среди раздавшегося железного потока и повернул на Лесное шоссе, спеша догнать пропавшего Мака. И вдруг дорогу перегородил, выкатывая через подмятые кусты, полутанк патруля. Мемо перебросил пулемет на руль и ударил по кургузой машине длинной очередью. Урановыми пулями! Броневик остановился, зачал и с лязганьем съехал обратно в кювет. Но тут и сам Мемо попал под обстрел с другой стороны улицы.

Свалился вместе с мотоциклом, отлетел, обдираясь об асфальт, к дереву на обочине. Два гвардейца приближались перебежками, прикрывая друг друга автоматным огнем, не давали поднять голову. Пули глухо стучали в землю и звонко — в ствол дерева. Мемо хрипел, пытаясь вытащить придавленный мотоциклом пулемет. Позади стрелявших вдруг вырисовался офицер. Поднял руку с пистолетом, два раза пыхнул дымком. Оба гвардейца повалились на дорогу тряпичными куклами. Офицер неторопливо убрал пистолет в кобуру. Мемо поднял мотоцикл. Двигатель цел, спущенные колеса — ерунда! Ротмистр, нет, уже бригадир Чачу равнодушно смотрел прозрачными ледяными глазами. Как всегда, быстро соображает, — если Копыто Смерти так спешит, значит, спешит по делу.

Вихляя из стороны в сторону, мотоцикл докатил до поворота автострады. Где же Мак? Мемо поправил го-рошину микрофона в ухе. Голос Вепря: «Кто бы мог по-думать... Все знают, что здесь телецентр и радиоцентр, а здесь, оказывается, еще и просто Центр». Ага! Теле-центр! Мотоцикл, дожевывая резину, помчался в сто-рону огромного серого куба, видневшегося над кро-нами деревьев. Что там изрекает сейчас горец: «Имей-те в виду и расскажите своим друзьям. Вы живете не на внутренней поверхности шара. Вы живете на внеш-ней поверхности шара...» Правда? Так вокруг — мир на-изнанку! Ну и чему теперь удивляться? Мы родились и прожили свои паршивые жизни в самом настоящем массаракше!

Мемо подъехал к центру. Обнаружив на стоянке зна-комый автомобиль, остановился за углом — так, чтобы не заметили. Из здания доносилась автоматная стрель-ба. В машине — один Вепрь. Значит, Мак уже там. Если его прикончат, останется не дать Вепрю взорвать на ме-сте бомбу, что в багажнике. А вот если у Мака полу-чится...

И тут на Мемо обрушился лучевой удар. Да еще ка-кой! Черное излучение! Будто всё неохватное, сверка-ющее металлическим блеском небо легло ему на плечи всей своей тяжестью, наливая жилы и кости расплав-ленным жгучим свинцом.

Уличные зеваки, обсуждавшие суету в радиоцентре, после депрессивного удара осели на мостовую, распу-стив в смертной тоске сопли и слюни. Вепрь в маши-не лежал в обмороке. На этот раз, похоже, в настоя-щем. А Мемо терпел. Он, оказывается, мог терпеть. Тог-да, в охранке, его пытали черным излучением. Он уже прошел все круги отчаяния, все глубины боли. Может, те прошлые пытки отключили что-то в его голове, так что сейчас у излучения не было над ним полной силы. Как не имело оно никакой силы над Маком Симом. Кто

он? Волшебник из сказочной страны Зартак? Результат удачной мутации? Или действительно пришелец с небесного шара? Ему удалось то, что не могли сделать боевые группы подпольщиков, субмарины островитян и атомная артиллерия хонтийцев — поразить Страну Отцов в главный нервный центр, сосредоточение всей власти. Но Мемо Грамену может остановить его!

Лег на асфальт, положил ствол пулемета на бордюр. Когда в дверях появится Мак, возвращаясь за бомбой, Мемо откроет огонь. Будет бить в голову, чтобы уже не ожил. В горошине радифона шипел голос Умника. Он был в курсе всего. Скрипя зубами, теряя сознание от боли, диктовал, советовал, умолял — заменить Мака. Идти в радиостудию, продиктовать запись, потом в аппаратную, переключить с депрессивного на поле повышенного внимания. И твой голос будет слушать, и тебе будет повиноваться огромная страна, которой ты вбиваешь в миллионы голов новую бесспорную и абсолютную истину. И Неизвестных Отцов сменяют какие-нибудь Огненосные Творцы Революции. А он, Мемо Грамену, станет живым богом, попирающим копытом вселенную...

И ничего не изменится. Как раньше, будут сытые пастухи при покорном им голодном стаде. И будут голодные волки, которые мечтают насытиться, убив пастухов и сами став пастухами. И дважды в день будет полчас выкручивающей наизнанку боли, и каждую минуту будет страх от удара в спину... Зато он будет господином... Господином марионеток, которых дергают как за веревочки невидимые, но всесильные лучи! Гэл и Орди — нет, они не были мертвыми! Только они и были по-настоящему живыми среди толп неживых. Что говорил Гэл: человечество — не трава, покорно склоняющаяся перед бурей. Каждый человек может стать Мировым Светом! Светом, дающим жизнь людям!

Копыто рычал в сжатый до хруста кулак. Излучение, терзающее каждую клетку тела, стирало и сдирало

с Мемо Грамену наросшие за черные, мертвые месяцы и годы смердящие, окостеневшие наслоения лжи, предательства, жестокости. Из выжженной, казалось, до основания, оголенной души его поднималось что-то давно забытое, яркое, живое... Мемо смотрел, как Мак Сим выходит, забирает из багажника бомбу, уносит в здание центра, перешагивая через лежащих. Что понимаешь ты, горец, в нашем страхе, в нашей боли? Но ты сделал то, что давно должны были сделать мы сами! И я благодарен тебе, впервые благодарен за что-то другому!

Мак вернулся, сел в автомобиль и уехал. Сколько времени осталось до взрыва? Десять минут? Мемо выдернул из уха продолжавший зудеть голосом Умника микрофон. Пошел, тяжело шаркая подошвами, в серый куб. Вестибюль был завален телами — слабо шевелившимися, бессильными сдвинуться с места. Что же ты, горец? Только что в машине усаживал удобнее отключившегося Вепря, а здесь — оставил столько обреченных. Или для тебя они не люди — враги, дрянь? Найти, обезвредить бомбу? Нет, пусть у тех, кто останется в живых, будет шанс. Но эти? И даже молоденькая девчушка в съехавших набок очках, лежащая за конторкой? Мемо с усилием поднял девицу, вынес наружу. Потом вернулся в вестибюль. Грызя истерзанные губы, оттаскивал и оттаскивал безвольные, мягкие, как у кукол, тела к дверям. Одно за другим. И кучей сталкивал катиться по ступеням.

Вдруг боль пропала, оставив звенящую тишину в голове. Мир изменился, наполнился голосами. Люди понимались, недоуменно оглядывались, не понимая, что произошло. Бомба сработала! В подвале уже разливается огненная бездна! Счёт идет на секунды! Мемо подхватил брошенный пулемет, дал очередь в потолок и заорал хриплым басом:

— Здание заминировано! Всем срочно выйти!

Гвалт. Визг. Топот множества ног. Дикая свалка у дверей. Мемо примерился и выбил пулеметным огнем ку-

сок внешней стеклянной стены. Через новый выход тут же ринулись истошно орущие, до смерти перепуганные люди. Здание дрогнуло, тяжело застонало всеми своими простенками и перекрытиями. Часть пола просела, между плит внизу страшно просвечивало что-то ослепительное, белое, жаркое. Орущая толпа рвалась из вестибюля наружу. С верхних этажей, похоже, прыгали прямо из окон. Нечем было дышать от удушающего жара, в воздухе стояла белая пыльная пелена. Поток бегущих иссякал. Мемо тоже зашагал к выходу. Толстый, очень толстый мужчина, протискиваясь вперед, сильно толкнул некрасивую женщину с рыбьим лицом. Та упала, попыталась встать, не смогла, — видно, подвернула лодыжку. Мемо рывком поднял ее, закинул на плечо. У самых дверей земля вдруг ушла из-под ног. Со звоном вылетали последние уцелевшие стекла, стены трескались и валялись внутрь, к огненному кратеру. Мемо успел кинуть женщину к дневному свету, а сам не удержался, упал на спину и неудержимо уже заскользил под уклон. Напоследок ему хотелось сказать самому себе что-то вроде: «Смерть! я не твое копыто!», но почему-то вспомнилась недоеденная утром каша...

СЕРГЕЙ УДАЛИН

ПЕРЕД ТЕМ, КАК ЗАХЛОПНЕТСЯ ДВЕРЬ

Не вижу, почему бы благородному дону не поиграть немного в благородных донов.

В детстве мы все играли в героев любимых книг. Да и став взрослыми, порой возвращаемся к этой забаве. Правда, игры наши тоже повзрослели. Нам уже не интересно просто повторять сюжет книги. Теперь мы придум-

мываем, что было до, или после, или как было «на самом деле». А ещё — что было бы, если...

Одно такое «если» давно не даёт мне покоя, только я опасался выпускать его на волю. Нужно дать ему созреть и дорасти самому. Но не могу удержат... вырывается... оживает...

...и вот я подъезжаю к небольшому городку, примечательному лишь тем, что это самое восточное, самое близкое к арканарской границе поселение в герцогстве Ируканском. Назовём его, скажем, Шиндар — у скромного городка не должно быть слишком звучного имени. А он таки очень скромен. Но мне даже нравится, что тщеславные провинциалы хотя бы в этом не пытаются соперничать с имперским блеском Эстора. Высокие стены, окна-бойницы и крепкие ворота здесь важней изящных башенок и мраморных колонн.

Зря я о них вспомнил — тут же захотелось в Эстор, оставленный семь лет назад. Но пока я не могу вернуться, у меня неотложное дело — в этом городишке, а возможно, и ещё восточнее.

Я путешествую один. Мои слуги бросили меня умирать от лихорадки посреди Туханских болот. И чтобы скрыть свою подлость, отослали домой чей-то высохший труп с изъеденным язвой лицом. Говорят, он так и лежит в нашем семейном склепе. Моё же лицо, хвала святому Мике и тем монахам, что подобрали и выходили меня, не пострадало. И силы постепенно возвращаются. Только шесть лет, проведённых в монастырской лечебнице, назад уже не вернёшь.

Набирать в услужение новых трусов и предателей взамен прежних я не спешу. От горстки чем попало вооружённых оборванцев я как-нибудь отобьюсь, а арбалетный болт в спину на лесной дороге может получить и предводитель большого отряда. И вряд ли чёрная лихорадка отступилась от меня лишь затем, чтобы всё решил какой-то шальной выстрел.

Я въезжаю на мост. Хамахарский жеребец недовольно ржёт — ему не нравится ступать по скользким камням — и я не слышу вопроса стражников, охраняющих въезд в город. Однако догадаться несложно.

Услышав моё имя, стражники начинают пятиться, пока не упрутся в перила моста. Хорошо хоть в воду не свалились. Совсем мальчишки, щуплые и веснушчатые, в помятых кирасах, явно с чужого и более мощного плеча. Либо в городе не хватает здоровых мужчин, либо наместник, испугавшись слухов с той стороны границы, объявил общую мобилизацию.

Впрочем, мне нет дела до этих юнцов. Но какая-то неодолимая сила заставляет взглянуться в их лица. И я заранее знаю, что увижу не только благоговейный ужас, но и робкое, затаённое ожидание. Как и у всех, кого я встречал на заставах и постоянных дворах Арканарского тракта.

Чего они ждут от меня? Вроде бы я ничего не должен этим простолюдинам, не давал никаких обетов, не объявлял ни за что наград. Но они всё равно смотрят.

Один из стражников решается снова спросить:

— Позвольте узнать, благородный дон, с какой целью вы прибыли в Шиндар?

Хороший вопрос. я и сам смутно представляю, с какой целью. Просто чувствую, что где-то здесь нужно искать разгадку мучающей меня тайны. Но не объяснять же это каждому встречному.

А может, и не нужно ничего искать, мне и так известен ответ, только не хочу в этом признаваться. Или боюсь? И не хочу признаваться, что боюсь.

Давно копившееся раздражение выплёскивается на голову бедного парнишки:

— Твоё-то какое косорылое дело? Давай, пошевеливайся, убирай рогатку.

Слова ещё недосказаны и не расслышаны, но я уже знаю, что будет дальше. То же, что и всегда. Ответ надежды на конопатом лице сменится — нет, не обидой,

а разочарованием. Я, видите ли, опять не оправдал ожиданий. А разве должен был? Разве я бродячий акробат, за жалкие гроши развлекающий толпу, или фокусник, исполняющий желания?

Да полно, не в этом дело. я опять пытаюсь обмануть себя: они ждут чего-то такого, что непременно сделал бы тот другой, о котором ходят смутные слухи по всей империи. Самозванец, присвоивший моё имя. О нём-то я на самом деле и хочу узнать — кто он такой, чего добивался, откуда взялся и куда пропал? Именно поэтому я оказался здесь, у самой границы с Арканаром.

— Как угодно вашей милости, — ворчит парнишка, освобождая дорогу, — только господин наместник меня всё равно спросит, зачем благородный дон пожаловали. Да и вас тоже.

— Хорошо, зайду я к твоему наместнику, — отвечаю я уже мягче и поправляю золотой обруч с изумрудом.

Красивая вещица. Очень подходит к моему исхудавшему после болезни лицу и чёрным с сединой волосам. я купил её месяц назад у одного соанского купца. Вроде бы обруч сняли с головы казнённого мятежника. Но мой род такой древний, так высоко стоит в имперской иерархии, что мы выше даже предрассудков. Мне украшение понравилось, и наплевать, кто его носил раньше.

Город выглядит так, словно только что пережил нашествие северных варваров. Разбитые окна, болтающиеся на одной петле двери, подозрительные бурые пятна на стенах. Пахнет недавним пожаром. По улицам бродят компании молодых ребят, судя по виду, подмастерьев, громко кричащих что-то маловразумительное: «Ирукан — для ируканцев» или «Убирайтесь домой, попрошайки». Впрочем, меня они обходят по стеночке, да и разъезды конной стражи — тоже. И я пропускаю их беспрепятственно, не вмешиваясь без нужды в бурление здешней жизни.

Из толпы на перекрёстке вырывается пожилая женщина и бежит ко мне. Её седые волосы растрёпаны, серое платье изодрано и испачкано грязью, босые ноги изодраны в кровь. Она цепляется обеими руками за седло и с молчаливой, отчаянной надеждой смотрит на меня пронзительно голубым правым глазом. Левый, наверное, тоже голубой, но его почти не видно за громадным лиловым синяком, расплывшимся на пол-лица. Хотя смотрит она скорее не на меня, а на мой обруч.

А вот мастеровые с опаской разглядывают мои мечи. Я поддёргиваю перевязь, чтобы им было лучше видно. Напряжённое молчание затягивается, но я не собираюсь его прерывать.

Наверное, они бы ещё долго так стояли, но из-за угла появляется конный патруль, и я передаю несчастную служителям закона. Они намного старше, чем стражники на мосту, и похожи на опытных воинов, так что за судьбу женщины можно не волноваться. Вот только... в её взгляде я улавливаю уже знакомое разочарование. Опять? А теперь-то почему? Что за день сегодня такой, печень Каты Праведного?!

В кабинет наместника я вхожу с намерением рассказать об увиденном в городе. Но застаю на втором слове, заметив, что дон Дага в комнате не один. Его самого я опознаю по висящему над столом портрету, чуть ли не в обнимку с герцогом. Но у окна стоит коренастый, тучноватый человек в сером дорожном камзоле с таким же, как у меня, обручем в каштановых волосах. Услышав моё имя, он вздрагивает и впивается в меня широко раскрытыми карими глазами. Его взгляд мешает сосредоточиться, и я излагаю свои впечатления более кратко и сбивчиво, нежели собирался.

Дон Дага, худой и бледный человек средних лет с излишне вытянутым и крайне невыразительным лицом, пожимает плечами:

— А что вы ожидали, дон Румата? Город переполнен беженцами из Арканара, и наши ремесленники недовольны, что пришлые отнимают у них работу. К тому же соглашаются на меньшую плату. Многие почтенные горожане близки к разорению. я не вправе осуждать их за недовольство, хотя иногда оно принимает nepзволительные формы. Вот и герцог тоже обеспокоен...

Вялое движение рукой в сторону окна.

— Позвольте представить — благородный дон Гуг. Прибыл из столицы, чтобы разобраться на месте и доложить результаты его светлости. А без приказа из Ирукана я, увы, ничего не могу поделать.

— Но я-то могу, — заявляю я скорее из чувства противоречия.

Наместник задумчиво смотрит на меня.

— Скажите, благородный дон, — приторно улыбается он, — как долго вы намерены пробыть в Шиндаре?

— По обстоятельствам, дон Дага, — в тон ему отвечаю я. — А почему вы об этом спрашиваете?

В лице наместника появляется что-то птичье, что-то от грифа-стервятника. Губы плотно сжаты, глаза прищурены.

— Я настоятельно рекомендую вам, дон Румата, уехать как можно быстрее. В городе и так неспокойно, и одно ваше появление может подвигнуть недовольных на необдуманные действия.

— Простите, но при чём здесь моё появление?

Дон Дага хищно усмехается.

— Мы, конечно, живём в глуши, но кое-какие слухи и до нас доходят. Нужно просто сопоставить факты: сначала вы приехали в Арканар, и вскоре при неясных обстоятельствах умер король Пиц Шестой, а в городе началась кровавая резня, которую смогли остановить лишь воины Святого Ордена. А теперь вы появляетесь в Ирукане. Нам бы не хотелось повторения арканарских событий.

— Я никогда не был в Арканаре! — взрываюсь я.

— Глупо отрицать, дон Румата, — качает головой наместник. — Вас видели сотни людей, многие из них поселились у нас и охотно подтвердят мои слова.

— Говорю же вам, меня там не было! Это был мой двойник.

— А этот роскошный обруч он, надо полагать, у вас одолжил?

Мне трудно с ним спорить, поскольку он лучше осведомлён. До меня долетали лишь отголоски тех слухов, что ходили здесь, в Ирукане.

— Этот обруч, — я все ещё пытаюсь говорить спокойно, — я купил месяц назад на тиханском рынке. Намного позже событий в Арканаре. Кроме того, полагаю, в мире существует несколько таких обручей. Один из них мы видим сейчас на благородном доне Гуге?

— Уж не хотите ли вы сказать, добрейший дон Румата, что это он отравил короля Арканара?

— Что вы сказали? — удивлённо бормочет посланец герцога, выходя из оцепенения. Но ни я, ни наместник не обращаем на него внимания.

— Уж не хотите ли вы сказать, мудрейший дон Дага, что это я его отравил?

— Не сами, разумеется. С помощью шарлатана, выдаваемого за известного лекаря Будаха Ируканского.

Не знаю, как мне удаётся сдержаться. Наверное, пределы удивления человеческой наглостью я давно миновал.

— А не кажется ли вам, милейший дон, что такие обвинения нужно доказывать? Хотя бы собственным мечом. Посмотрим, так ли ловко вы обращаетесь с оружием, как со словами.

— Нет, не кажется, — не моргнув глазом отвечает наместник. — Доказывать нужно вашу связь с Аратой Горбатым и Вагой Колесом. А разговоры о том, что вас забрала из Арканара нечистая сила, я всё-таки склонен списать на буйное воображение простонародья. — Ядо-

витая усмешка вновь искривляет его лицо. — Что касается дуэли... я ведь правильно истолковал ваши слова?

— Правильней некуда.

— Так вот, с великим сожалением, вынужден отказаться. Находясь на службе его светлости, я не имею права принять вызов. Может, как-нибудь в другой раз.

— Хорошо, я буду ждать, — усмехаюсь в ответ я.

— Только ради святого Мики не здесь, — уточняет он. — Послушайтесь моего совета, дон Румата, уезжайте! А то ведь наш народ тёмн и неграмотен, он и в слухи о нечистой силе поверить может.

Интересно, где тут у него прячутся арбалетчики? — закусив губу от ярости, думаю я. — Иначе с чего он такой смелый?

— Да, ваш народ и вправду не достоин такого мудрого наместника, как вы. Но я обещаю исправить это несоответствие. Всего хорошего, благородный дон Гуг.

Я разворачиваюсь к двери и не отвечаю на последнюю дерзость наместника:

— Даю вам срок до завтра, дон Румата.

В конце концов, кто он такой, чтобы драться с Руматой Эсторским? — успокаиваю я себя...

...Дон Румата выходит из кабинета, и я, дон Гуг, остаюсь один на один с наместником. я всё ещё потрясён неожиданной встречей с Тошкиным двойником. Как же так получилось? Куда наши-то смотрели? Хорошо хоть он с Антоном нос к носу не столкнулся.

Но до чего же он всё-таки похож! Не на нынешнего Антона, а на того, каким его привезли из захлебнувшегося кровью Арканара. Худого, бледного как сама смерть, поседевшего в один день...

Я обрываю воспоминания. Сейчас не до них. Кажется, в воздухе опять запахло кровью.

— Что всё это означает, милейший дон Дага? — спрашиваю я наместника.

Тот отвечает на удивление спокойно:

— Вы же видели, что творится в городе, дон Гут. Нам не сдержать народного недовольства.

Да мы и не пытаемся, — мысленно заканчиваю за него я.

— Теперь, когда доблестный дон Румата начнёт делать глупости — а он непременно начнёт, — мы свалим ответственность за беспорядки на него, а сами останемся чисты перед герцогом.

Он самодовольно хохочет.

Ну и ловок же ты, подонок! — думаю я, изображая одобрительную улыбку. — В одну минуту всё просчитал и алиби заготовил.

А я ведь чуть не решил, что у меня после встречи с Руматой тоже воображение разыгралось. Повсюду кровавые путчи мерещатся. Нет, дружище, нужно доверять интуиции. Как тогда сказал Александр Василич? «Надо было действовать, а не советоваться с дураками, которые ни черта не понимали...»

Только как действовать? Убить этого Дагу? Это ничего не изменит, он сам признался, что не контролирует ситуацию. Значит, снова программа-минимум — спасти тех, кого можно спасти. Хвала святому Мике, время есть. Дага сказал: до завтра...

— ...Скажи, отец Патик, много у вас беженцев из самого Арканара? — спрашиваю я трактирщика, приканчивая второй кувшин ируканского. Гадость, разумеется, но как раз под стать моему настроению. — я имею в виду — из столицы.

Я решил заночевать на обычном постоялом дворе. Всё равно в этом городишке не найдётся ни одного дома, достойного принять Румату Эсторского.

Трактирщик задумчиво жуёт губами.

— Так откуда мне знать, добрый дон? Много, наверное, да только я не спрашивал. Сейчас опасно стало спрашивать. Знаю только, что через два дома, в сторону площади, живёт отец Киун, красильщик. Вот он точно из Арканара.

— Отчего же точно?

— Так он сам говорил. И это... зачитывал.

— Вот как? Он, значит, читает?

— И пишет, добрый дон. Сейчас вспомню, как он свою книгу называл... Ах да, «О прискорбных и противных человеческому разуму событиях, имевших место в Арканаре в последний год правления Его Величества короля Пица Шестого». Вот!

— Ай да красильщик! — усмехаюсь я, стараясь не выдать волнения.

— Так ведь он только здесь в красильщики подался, добрый дон, — объясняет Патик. — А там учёным человеком был. За что и поплатился... ну да вы небось сами знаете.

— Да уж знаю, — на голубом глазу вру я.

— Оно, конечно, — вздыхает трактирщик. — Отец Киун, кстати, и вас в книге поминал добрым словом.

Тут я не выдерживаю и ударяю кулаком по пропитанному вином и маслом столу.

— Что-о-о? Да как он смел?

— Очень смел, добрый дон, очень, — успокаивающе бормочет трактирщик. — Уж я ему говорил: не показывай, отец Киун, никому свою книгу. Времена сейчас, знаешь, какие. А он в ответ: времена такие, какими мы им позволяем быть. Да что там, — расстраивается Патик, — учёный человек, одно слово.

— Надо будет вз.. взглянуть на твоего учёного, — с трудом выговариваю я. — Где, говоришь, он живёт? Хотя, ладно, завтра напомним. А сейчас спать.

До комнаты меня сопровождает смазливая рыжеволосая служанка. Потом сопровождает и дальше. Руматы Эсторские и в постели остаются выше предрасудков. Она извивается, стонет и комкает простыню. Через пару часов я отпускаю её, подарив ползолото, но всё же замечаю разочарование в её прощальном взгляде. Мышца Думы Блаженного, а этой-то я чем не угодил?..

...Хамахарский жеребец, поднимая пыль, словно сон-анский тяжеловоз, мчит меня по просёлочной дороге, уходящей от тракта в сторону леса. На скаку я поминую всех святых и каждую часть их тел по отдельности. Этот подонок Дага снова ухитрился нагадить мне. Вернее, кто-то из его подручных, но какая разница? Увёл прямо из-под носа единственного в городе человека, способного рассказать правду о том, самозваном, Румате. Кухарка сообщила, что отец Киун вышел из дома перед обедом в сопровождении стражника и не сказал, когда вернётся. Не обязательно бывать в Арканаре, чтобы догадаться — никогда.

Я опоздал всего на полчаса — всё-таки перестарался накануне с ируканским. Ещё полчаса и ползолотого потребовались, чтобы выяснить — с самого утра в пыточные подвалы никого не приводили.

Я совсем отчаялся, но тот молоденький стражник у городских ворот дал мне новую надежду. Вот ведь как бывает — Румате Эсторскому тоже пришлось смотреть на простолюдина с надеждой. Так или иначе, но человек, похожий по описанию на отца Киуна (а с ним ещё десяток горожан и один вооружённый всадник), два часа назад вышел из ворот Шиндара. Мальчишка даже заметил, как, пройдя немного по Арканарскому тракту, караван свернул на просёлок. Ползолотого он заслужил честно.

Но сейчас я уже различаю вдали на извилистой светло-охряной полосе дороги крохотную тёмную точку. Рядом с большим тёмным пятном. Если они доберутся до леса, никакого Киуна я там уже не найду. Что ж вы так покорно плетётесь, словно свиньи на убой? А ведь действительно на убой — что ещё можно с ними делать в глухом лесу? А обвинят во всём — зверь Пэх меня укуси — конечно же, иноземного дона Румату.

Вот что, оказывается, замыслил Дага! Значит, придётся освобождать всех, а не только Киуна. И само собой,

ни о каком выкупе, ни о каких переговорах со стражником речи быть не может.

Кажется, я узнаю его. Это посланец герцога — дон Гуг. Какая неожиданная встреча! Выходит, и он заодно с Дагой...

...Всё складывалось как нельзя лучше. Мне удалось беспрепятственно вывести горстку арканарских беженцев из города. Отсидеться до ночи в лесу — не проблема. Возможно, их и вовсе не хватятся до утра. А ночью прилетит вертолёт и увезёт их в горы. Дон Кондор, то есть Александр Василич, сдался почти без боя — видно, и на него история с Антоном подействовала. Всё складывалось хорошо, но...

Вот он мчится, напыщенный высокородный дурак. Одному святому Мике известно, что сейчас творится в его пропитанных лучшими эсторскими винами мозгах. Наверное, хочет устроить благородный поединок. Глупец, он даже не догадывается, с кем связался. Но как же он похож на Антона!..

...Ещё немного, и я их настигну. Дон Гуг наконец догадывается, что драки не избежать, и хватается за меч, но в каждом его движении сквозит неуверенность. Как я его понимаю! Биться один на один с лучшим фехтовальщиком империи — безнадёжное дело. Извини, благородный дон, но я не могу оставить тебя в живых. Ты ведь такого потом обо мне нарасказываешь. И ты видел, как дон Дага обвинял меня во всех смертных грехах. Сам он рано или поздно ответит за оскорбление, но ведь ты не остановил его и, значит, согласен с ним. Вот и умрёшь вместе с ним, даже чуть раньше.

Ведомые на заклятие горожане тоже оглядываются. Вот этот, маленький и лысый, в бурой накидке с откинутым капюшоном, судя по всему, и есть Киун. И в его

взгляде мне снова чудится что-то странное. Не надежда и не разочарование, как прежде. Но и не радость. Так что же вам всем от меня надо?..

...Мне не хочется его убивать, но что поделаешь? Он слеп и глух и ровным счётом ничего не понимает. Просто хочет драться, отомстить за поруганную честь. Или он уже помирился с Дагой — кто их, благородных донцов, разберёт. Тогда вскоре должны появиться и другие. Значит, нужно спешить. Убить одного мерзавца ради жизни десяти хороших людей. Кто меня осудит? Никто. Даже Александр Василич, даже я сам.

Может, всё-таки попытаться сбить с коня, обезоружить, связать? Но на это потребуется куда больше времени и сил. А я так устал. И потом, я же не Антон, чтобы играючи с ним справиться. Значит, решено.

И вдруг всё расплывается у меня перед глазами. Вместо пыльной ируканской дороги возникает заброшенное шоссе с облупившимся дорожным знаком, самодельный арбалет, испуганный взгляд Анки и мальчишеские ладони, измазанные соком земляники. Тошкины?.. Мои?..

Нет, не могу. Не поднимается рука. Это ведь почти Тошка. А Тошка — это почти я, половина меня. Как отрезать от себя половину?..

...Дьявол! я теряю управление — герои больше не слушаются меня. Сейчас они скрестят клинки, и в живых останется только один. А я не хочу смерти ни тому ни другому, но не могу ничего придумать, чтобы остановить схватку. я совсем запутался... Кто из них сейчас я?.. За кого из них я?..

Секунда растерянности, и меня выбрасывает из этого не мной придуманного мира. Дверь между мирами захлопывается, но я успеваю разглядеть, как толстый и нелепый отец Киун бросается лысой головой вперёд в узкую щель между дерущимися.

И мечи застывают в воздухе...

ЕВГЕНИЯ ХАЛЬ,
ИЛЬЯ ХАЛЬ

СЕРДЦЕ СПРУТА

Теперь не уходят из жизни,
Теперь из жизни уводят.
И если кто-нибудь даже
Захочет, чтоб было иначе,
Бессильный и неумелый
Опустит слабые руки,
Не зная, где сердце спрута
И есть ли у спрута сердце...

*А. и Б. Стругацкие
«Трудно быть богом»*

— Кира! — шептал Румата, стоя у входной двери.

Кира осталась там, у окна, одна арбалетная стрела торчала из горла, другая из груди.

Он медленно снял со лба обруч с камерой и бросил в угол. Он больше не работник Института Экспериментальной Истории Антон. Он — Румата Эсторский, один против спрута.

...Теперь не уходят из жизни,
Теперь из жизни уводят.

Мощный удар выбил дверь. Толпа взревела. Площадь перед домом пламенела факелами, блики огня плясали на серых остроконечных капюшонах псов Ордена. Румата шагнул вперед. Сухие глаза, сжатые губы, в каждой руке по мечу. Толпа стихла и подалась назад. Стоявшие в первых рядах попытались было отступить, но сзади напирали.

— Первый на мечах в мире, — пронеслось по толпе.

— Во имя господи! — несмело сказал командир серых Ракта.

— Перебью как собак! — страшным голосом сказал Румата, едва разжав колючую проволоку губ.

Вращая мечами, он пошел на толпу.

Предводитель шагнул назад. Умирать не хотелось. Еще полгода назад толстопузый папаша порол его, тщась приспособить к торговле лежалой мукой и засахарившимся вареньем. Только жить по-человечески начал: власть получил в Ордене, сладко спал, жрал от пуза, мордой в грязь макал тех, кого угораздило оказаться на пути. Румату Эсторского убивать не велено, а велено, малость покалечив, связать и доставить во дворец. Поди свяжи лучшего в Арканаре фехтовальщика! Он сам кого хочешь покалечит!

— Может, это... скажем, что дома не застали? — заскулил помощник Ракты в ухо хозяину. — У него глаз дурной, сухой и страшный. Он нас всех в капусту порубит.

— А пошли они все! — выдохнул Ракта и дал отмашку отступать.

Румата вклинился в толпу. Псы Ордена бросились прочь. Он рубил тех, кто не успел убежать. Не толпу рубил, а серые щупальца спрута, что тайно опоясали весь Арканар. Спрут ухмылялся в лицо. Обрубленное щупальце сменялось другим.

— Пощадите, благородный дон! — мальчишка в остроконечном капюшоне, поразительно похожий на Уно, скулил у ног, закрывая голову руками.

Меч замер в воздухе.

Румата опомнился. Он стоял среди убитых, по мечам стекала кровь, собиралась струйками в лужицу у ног.

— Вот ты и стал таким, как я! — продолжал ухмыляться спрут.

Румата затряс головой. Попятился, тяжело дыша. Стиснул зубы. Эти люди же не ведают, что творят.

— Да полно? Люди ли это? — ехидно хихикнул спрут.

Румата вспомнил о Кире, Арате Горбатом, бароне Пампа. Не помогло.

— Пшел вон! — крикнул Румата мальчишке и бросился в дом.

На минуту присел на лестнице, ведущей на второй этаж, в спальню. Нужно отдохнуть, всего пару мгновений, прийти в себя. Кружилась голова, и стучало в висках. Времени не было. Он метнулся вверх по лестнице. Споткнувшись о порог, ввалился в спальню. Мёртвая Кира лежала у окна. Румата сорвал с кровати одеяло, пал на колени, прикрыл ее, осторожно, медленно, словно боясь разбудить. Приподнял, поцеловал в холодные губы.

— Прости, маленькая! — прошептал он.

— Дон Румата, — раздался за спиной тихий, вкрадчивый голос.

На пороге стоял Угорь, правая рука Ваги Колеса, главы преступников Запроливья.

— Почтенный Вага ждет благородного дона в укромном месте. я проведу вас.

Румата отпустил Киру, поднялся. Его шатнуло.

— Подожди здесь.

Он быстро прошел в кабинет, запер за собой дверь. В кабинете Кира перед смертью прибрала, расставила книги, вытерла пыль. Румата ощутил странное чувство болезненной раздвоенности. Он знал, что нужно спешить, действовать, но никак не мог заставить себя.

Он отжал скрытый рычаг за книгами — шкаф мягко откатился в сторону. В тайнике лежал пузатый мешок с золотом. В течение нескольких ночей Румата не отходил от синтезатора. Вага Колесо жаждал золота, много золота, так много, что мешок с трудом удалось вытащить наружу. Вслед за ним Румата извлёк из тайника чемоданчик, плоский, почти невесомый, похожий на почтовый конверт. Сунул за пазуху, секунду помедлил и шагнул к дверям.

— Сюда, благородный дон.

Икающий лес был, как обычно, неприветлив, тёмный и злобный. Угорь скользнул между деревьями, просочился сквозь злой, шипастый кустарник, раздвинул ветки,

освобождая проход. Румата шагнул вслед. Вага Колесо ждал, уютившись на кособоком пенёчке. Этой ночи он не должен был пережить, он никак не мог её пережить, слишком многим стоял поперёк дороги этот тёмненький, страшненький старичок. Румата остановился. Вага Колесо бодро поднялся ему навстречу. Живёхонький, как всегда. Вспомнилось, что за последние двадцать лет Вагу казнили четырежды. И каждый раз при большом стечении народа.

Старичок, кряхтя, согнулся в поклоне.

— Ты можешь сесть, почтенный, — бросил Румата.

Вага вновь поклонился и опустил на пень. Он был отвратителен, но иногда — чрезвычайно полезен, буквально незаменим.

— Вы, благородный дон, так тронули стариковскую душу, — точка редкую, медленную слезу, умильно проворковал Вага, — что я согласился на время покинуть сынов моих. — Он скорбно опустил голову. — Подумаю, как они без меня там, и сердце болит.

— Я принес тебе лекарство от болей в сердце. — Румата скинул мешок с золотом на землю.

Угорь выскользнул из-за спины, потянулся к мешку, но Вага с неожиданным проворством наступил ему на руку. Угорь пискнул от боли. Вага ослабил тесьму, бросил в мешок быстрый взгляд, довольно кивнул.

— Сын мой, отдай благородному дону тот редкостный товар, что мы для него добыли.

Угорь потёр придавленную руку, затем выудил из кармана небольшого, с пол-ладони, серебряного спрута с алыми глазами-бусинами.

— Видите, благородный дон, — Вага вновь прослезился, — как вспомню, сколько усилий приложили сыны мои, только чтобы вам пособить, сразу слезы умиления на глаза наворачиваются.

Румата упрятал спрута за пазуху.

— Излагайте подробности, — велел он.

— Станных чужаков выследили дети мои. Очень

странных, благородный дон. Появляются эти чужаки словно бы из воздуха, а вокруг них голубой свет, как у посланцев божьих. — Вага сладко улыбнулся от избытка чувств. — Стремятся они в Икающий лес все как один с эдакими безделушками в руках. А приложив безделушку к старому дубу, что сожжён молнией, будто под землю проваливаются.

— Где этот дуб? — нетерпеливо спросил Румата.

— Неподалёку. Пешим шагом — оно дальше будет, а на коне — так и утомиться не успеете.

Румата спешил к дубу, достал из-за пазухи спрута, приложил к горелой коре. Алые глазки-бусинки недобро сверкнули. Вокруг сгустилось голубоватое облачко, земля под ногами ухнула вниз.

Румата едва устоял на ногах. Оглянулся по сторонам. Он стоял посреди просторного бункера без окон. Три стены были уставлены сейфами, на четвёртой мигала голубым и фиолетовым дюжина прямоугольных экранов. Перед ними громоздилась конструкция в форме молнии, явно пульт управления.

На крайнем слева экране мерцали бордовым стилизованные латинские буквы. Румата шагнул ближе, прочёл на немецком: «Бюргербройкеллер, 1923, Мюнхен». Вгляделся в изображение: огромный пивной зал был под завязку забит людьми. Высокие кружки с шапками пены поверху, массивные деревянные столы, снующие с подносами кельнеры в домотканых рубашках. И щуплый неказистый человечек с тёмной щёткой усов посреди зала. Человечек дёргался, бесновался, отрывисто вылаивая рубленые фразы. Он казался карликом, случайно забредшим в страну исполинов.

Внезапно спрут потеплел в ладони, рука Руматы сама потянулась к экрану. Спрут распух, распустил щупальца, он стал мягким, податливым, как пластилин. Рука втянулась в экран. Костяшки пальцев щёлкнули по пивной кружке на столе. Вокруг них начало сгущаться го-

★ лубоватое облачко. Румата понял: еще миг, и его втянет полностью. Он отдернул руку, отпрянул назад, в бункер. Спрут вновь стал холодным и твёрдым.

Румата шагнул к следующему экрану. Внизу была надпись на итальянском. Мысленно поблагодарив институтских преподавателей, он прочитал: «Рим — открытый город»¹.

Хрупкая женщина в черном бежала через площадь, вдоль рядов автоматчиков в железных касках. Раскинув руки, словно крылья, упала, скошенная автоматной очередью.

...Теперь не уходят из жизни,
Теперь из жизни уводят...

Румату передёрнуло, прошибло ознобом. Он понял. Наивные ученые из Института Экспериментальной Истории думали, что фашизм уничтожен. А он взял и выжил. Окреп во влажных лесах Бразилии, набрал силу в аргентинской сельве. А сейчас хваткими щупальцами спрута опутал Арканар.

Пока пламенные коммунары строили космические корабли, инженеры спрута создавали временные порталы. Пока земные историки рассуждали о Проблеме Бескровного Воздействия, спрут собирал и вооружал серых штурмовиков.

— Подумать только! — ошарашенно пробормотал Румата. — До сих пор на Земле воображают, что самыми сложными проблемами занимается нуль-физика.

Спрут был одновременно везде: и в настоящем, и в прошлом, и в будущем. Подобно китайскому дракону, что кусает себя за хвост. Щупальца тянулись сквозь хронопорталы, затягиваясь петлёй на горле истории. Той истории, которую он, Антон, еще не ставший Руматой Эсторским, сравнивал с Анизотропным шоссе. Он-то думал, что скелет прикованного к пулемету фашиста остал-

¹ Используется фрагмент из художественного фильма «Рим — открытый город».

ся там, у взорванного моста. Но черный провал рта мёртвого пулемётчика скалился на него с экранов сейчас.

Он, Румата, видел страшную тень, наползающую на страну, но никак не мог понять, чья это тень. Мы не физики, мы — историки, вспомнились слова дона Кондора. У нас единица времени, не секунда, а век, и дела наши — это даже не посев, мы всего лишь готовим почву для посева.

Всходы взошли. На сотнях планет история идет своим чередом. Но туда уже пришел спрут. Пока они выжидали, осторожничали, примеривались да нацеливались, звери ежедневно и ежесекундно уничтожали людей.

И если кто-нибудь даже
Захочет, чтоб было иначе,
Бессильный и неумелый
Опустит слабые руки,
Не зная, где сердце спрута
И есть ли у спрута сердце...

У спрута есть сердце. Вот оно — Румата его нашел. История — не Анизотропное шоссе с движением в одну сторону. История — это спрут, закинувший щупальца сквозь пространство и время.

Кто-то из великих сказал, что первая жертва фашизма — это разум¹.

Разум землян, обернутый в розовую, сладкую вату общества коммунаров, успокоился и задремал, покачиваясь на ласковых волнах гуманизма. Сглаживание углов, защита Арканара и арканарцев от явных исторических ошибок, пережитых в своё время землянами и Землёй, — как красиво звучали основные постулаты Института Экспериментальной Истории.

Румата шагнул к центральному экрану — самому большому, оправленному в золочёную раму. Достал чемоданчик, похожий на почтовый конверт. Чемоданчик

¹ Изречение принадлежит Борису Стругацкому.

передала с Земли Анка. Она, единственная, поверила. Нет, не благородному дону Румате — она поверила Антону, которому не хотели, не смели верить коллеги, теоретики и практики, умные, вдумчивые, рассудительные, осторожные люди.

Золочёная рама была собрана из щупалец спрута, змеящихся по стене. Вместо присосок на конце каждого щупальца поблескивала вытянутая золотистая молния — знак «СС». На экране был королевский дворец и дон Рэба в опочивальне. Спрут вновь потеплел, размяк, налился багровым и превратился в сердце. Оно забилося в ладони, стремясь к хозяину.

— Подожди немного, — сказал Румата спокойно.

Из Анкиного чемоданчика он достал мину. Аккуратно пристроил к лицевой панели пульта управления, установил временной механизм на полминуты. И вскинул к экрану руку с сердцем спрута.

— Пошёл!

Румату подхватило, втянуло вовнутрь. За спиной прогремел взрыв. Румату швырнуло в покои дона Рэбы. Он покатился по полу, больно ударившись плечом о край стола. Спрут вырвался и прыгнул в руки хозяина. Румата вскочил на ноги, рванул из ножен мечи. Враг стоял напротив. Дон Рэба. Не высокий, но и не низкий, не толстый и не очень тощий. Не блещущий никакими особенными мыслями. С лицом, которое не запоминается, которое похоже сразу на тысячу лиц. На тысячу щупалец спрута. Усреднённое ничто. Идеальная оболочка, которую можно заполнить всем, чем угодно.

Три года назад он вынырнул из заплесневелых подвалов дворцовой канцелярии, мелкий, незаметный чиновник, угодливый, бледненький, даже какой-то синеватый. Потом тогдашний первый министр был вдруг арестован и казнен, погибли под пытками несколько одуревших от ужаса, ничего не понимающих сановников, и словно на их трупах вырос исполинским бледным грибом этот цепкий, беспощадный гений посредственности. Он ни-

кто. Он ниоткуда. Шепотом поговаривали даже, что он и не дон Рэба вовсе, что дон Рэба — совсем другой человек, а этот бог знает кто, оборотень, подменыш.

Так и есть. Подменыш. Подлинное лицо спрута. Без усиков щеточкой, как у Адольфа. Без холодной надменности Муссолини. Смешно, подумал Румата, я три года следил за ним и не понял, что он такое. Впрочем, если бы он следил за мной, тоже ни черта бы не понял.

Румата рванулся, лезвия мечей серебряными дугами прошили воздух. И — не достали. Рэба метнулся к гобелену на торцевой стене. Спрут в его руке полыхнул багровым. Рука дон Рэбы втянулась в гобелен. Голубоватое облачко окутало его силуэт.

На мгновение Румата замешкался. Дон Рэба смотрел на него холодными, рыбьими глазами навывкате. В них не было страха. В них было нечто такое, отчего Румата растерялся, запутался. За долгие годы в Арканаре он многое повидал в глазах тех, кто оказывался перед лицом смерти: страх, мольбу, даже надежду. Но он никогда не видел... додумать он не успел. И удар нанести не успел. Над головой громыхнуло, рывкнуло, помещение заволочло дымом.

Патрульный дирижабль... усыпляющий газ, — теряя сознание, понял Румата...

— А потом? — спросила Анка.

Пашка отвел глаза, несколько раз хлопнул себя ладонью по колену, наклонился и потянулся за земляникой у себя под ногами. Анка ждала.

— Потом... — пробормотал Пашка. — В общем-то никто не знает, что было потом.

Передачик он оставил дома, и когда дом загорелся, на патрульном дирижабле поняли, что дело плохо, и сразу пошли в Арканар. На всякий случай сбросили на город шашки с усыпляющим газом. Дом уже догорал. Сначала растерялись, не знали, где его искать, но потом увидели... — Он замялся. — Словом, видно было, где он шел.

★ Пашка замолчал и стал кидать ягоды в рот одну за другой.

— Ну? — тихонько сказала Анка.

— Пришли во дворец... Там его и нашли.

— Как?

— Ну... он спал. И все вокруг... тоже... лежали... Некоторые спали, а некоторые... так... Дона Рэбу там не нашли... — Пашка быстро взглянул на Анку и снова отвел глаза. — Забрали его, то есть Антона. Доставили на Базу... Понимаешь, Анка, ведь он ничего не рассказывает. Он вообще теперь говорит мало.

Анка сказала:

— Ты не давай ему много думать. Ты с ним все время о чем-нибудь говори. Глупости какие-нибудь. Чтобы он спорил.

Пашка вздохнул.

— Это я и сам знаю. Да только что ему мои глупости?.. Послушает, улыбнется и скажет: «Ты, Паша, тут посиди, а я пойду поброжу». И пойдет. А я сижу... Первое время, как дурак, незаметно ходил за ним, а теперь просто сижу и жду...

...Поплавок чуть качнулся, по воде пошла рябь. Антон подсек, аккуратно подвел рыбу к берегу, вытащил, освободил и бросил обратно в воду.

Говорить Антону не хотелось. Купаться тоже.

Поплавок дрогнул. Антон собрался подсесть, но внезапно увидел под водой исполинскую рыбину. Она лишь слегка тронула наживку, не заглатывая, а теперь оттуда, из-под воды, внимательно разглядывала рыбака.

Так смотрел на Антона дон Рэба. Холодными, рыбьими глазами. За секунду до того, как исчезнуть за gobелом на торцевой стене. Антон тогда не понял. Он понял сейчас.

Превосходство — вот что было в глазах дон Рэбы там, во дворце. Оно было и здесь, в глазах исполинской рыбины.

Насмешка и превосходство.

Я вижу крючок, я знаю, что ты хочешь меня поймать. Но я уйду в глухой омут, в серую топь, и тебе не словить меня, потому что тебе никто не поверит.

Ты пошел по запретному пути. По анизотропному пути истории, по которому ходить нельзя. Там нет поворотов направо и нет поворотов налево, там можно только вперед. И где-то посередине этого пути установлен «кирпич», словно вещий камень на распутье. Любой знает, что, уткнувшись в камень, нужно повернуть назад. И Пашка знает, и Анка, и остальные. А ты пошел напролом.

Рыба вильнула хвостом и стала уходить на глубину. Антону показалось, что она подмигнула. Тогда он рванулся, головой вперед бросился в озеро. На дне было пусто. Рыба насмешливо наблюдала за рыбаком из-за коряги в зарослях тростника.

АЛЕКС ГРОМОВ,
ОЛЬГА ШАТОХИНА

НАСЛЕДИЕ ОТЦОВ

Если постоянно делать добро из
зла, то зла может не хватить...

Мунован Муноги,
консультант в светлом будущем
по темному прошлому

ГЛАВА 1

ОТЧИЙ ДОМ

Столица, конечно, не блистала безупречной чистотой и не благоухала одними лишь цветочными ароматами, но по сравнению с тем, что дон Ратра слышал от отца, картинка изменилась к лучшему. Улицы все-таки стали

малость почище. Да и виселицы с телами казненных не торчат на каждом перекрестке.

Помощник управляющего имениями благородного дон Ратры захохотал по двери латной рукавицей. В доме слышались негромкие шаги, на миг мелькнула полоска света из чуть приоткрытого глазка-бойницы. И все снова стихло. На этот раз в дверь начали стучать не только стальным кулаком, но и рукоятью меча, а ближайший воин на всякий случай уже держал наготове арбалет.

— Жить мирно не хотите? — донеслось из-за двери. — В пытошную захотели? Сейчас стражников позову!

— Отворяй, хозяин вернулся!

— Какой хозяин?! Дома он!

— Настоящий! Отворяй, а то хуже будет!..

Наконец дверь распахнулась.

— Ну чего надо здесь?!

Навстречу вышел хмурый толстоватый мужчина в далекой от изящества и местами заляпанной, хотя и дорогой одежде. По виду — типичный слегка разбогатевший купец скорее всего — из какой-то глухомани.

— Кто такие? Мой дом!

— И у кого ты, смерд ожиревший, дом благородного дон Ратры купил? А ну покажи купчую, пока я тебя тут на четыре или восемь частей не приказал разделить!

Произнеся эту грозную тираду, помощник управляющего сурово умолк и еще суровее сдвинул брови. В Арканаре всякий демонстрирующий излишний гуманизм и уважение к чужим правам лишался головы и имущества первым.

Дон Ратра в надменном молчании наблюдал за происходящим. Ибо не подобало благородному дону лично объясняться с каким-то торговцем, занявшим самовольно или по чьей-то мошеннической проделке столичную резиденцию отца.

В пустовавший дом купец, как выяснилось, вселился полгода назад — на правах непонятого субарендатора. Теперь он клялся, что ведать не ведал об истинном владельце особняка, поскольку был обманут фальшивыми бумагами, ему предъявленными... Да не подумает благородный дон, что купец второй гильдии посмел бы покушаться на недвижимость его светлости...

Имя купца дон Ратра — пусть не светлость, но ведь не обсуждать же тонкости титулования с таким ничтожеством, — не расслышал и переспрашивать не собирался. Повелел тому в качестве особой милости убраться из дома со всеми пожитками и немногочисленной челядью за два часа, поручив помощнику управляющего проследить, чтобы купец не унес лишнего. А что не успеет собрать за два часа — то уже не его будет.

...Здесь должен быть отцовский тайник, в котором не только сокровища, но и ключи к неким важным тайнам. В том числе — власти в Арканаре.

ГЛАВА 2

В ЦЕНТРЕ ПАУТИНЫ

Однако найти тайник в доме дон Ратра не успел. В дверь постучали, и ничуть не менее властно, чем стучал в нее нынешним утром его верный помощник управляющего. Именно он сейчас говорил с неведомыми пришельцами, а потом слегка растерянно доложил господину:

— Там письмо для благородного дона... Желают только лично в руки передать.

— Ну зови, — кивнул Ратра.

Вошел человек с военной выправкой, в орденской одежде. За его спиной маячил стражник в парадной форме.

— Благородный дон Ратра? — спросил гость.

— Он самый, — лениво отвечивал тот. — Чем обязан вашему визиту?

Орденский протянул ему внушительного вида конверт, на котором красовалась массивная сургучная печать. Дон Ратра помедлил, ожидая, что теперь незваные гости уберутся прочь, но они стояли и таращились на него. Пришлось вскрыть конверт и прочесть короткую записку. В нескольких казенных фразах содержалось весьма повелительное приглашение прибыть завтра в такое-то время в резиденцию наместника Ордена. Во дворец, который, как уже знал дон Ратра, по старой привычке именуется королевским.

— Благородный дон будет?.. — учтиво, но без всякой попытки заискивать поинтересовался орденский.

— Будет, будет, — раздраженно отозвался Ратра. — Ибо считает необходимым засвидетельствовать свое почтение великому наместнику дону Рэбе.

И только услышав эти слова, посланцы наконец-то удалились. А дон Ратра погрузился в невеселые размышления. Похоже, со времени, когда отец покинул Арканар, здесь не так уж многое изменилось, как показалось в первый момент. И то, что виселицы не торчат на каждом углу, еще ничего не значит... Рукописи, кроме патриотических и надзирательных, сожгли, пепел рассеяли по ветру. Немногочисленные уцелевшие сочинители, поэты и ученые, прозябали при дворе наместника.

В центре всего и вся был Рэба, старичок с геморроем и подагрой, наместник Ордена в Арканаре. Он казался бессмертным, а может быть — просто вечным.

По городам и весям бывшего Арканарского королевства изредка проходил не особо жалуемый властью слухок, что все эти знахари, целители и прочие чародеи вкупе со всякими прочими учеными растлителями умов сгинули не случайно, а были собраны в потаенном месте для поддержания сил дона Рэбы и его ближайших сподвижников, а значит — и мирового порядка. Вторая часть тех же слухов, напротив, всячески поддерживалась Орденем. А именно: если что-то случится с доном Рэбой,

то на Арканар тотчас обрушатся всяческие беды и напасти.

И вот дон Ратра переступил порог дворца, все еще именуемого королевским, хотя короля в нем давно не было. Он шел по коридорам и вспоминал дневники отца, которые тот писал на досуге, вспоминая события, в которых ему выпало участвовать.

«Дон Рэба, дон Рэба! Не высокий, но и не низенький, не толстый и не очень тощий, не слишком густоволос, но и далеко не лыс. В движениях не резок, но и не медлителен, с лицом, которое не запоминается, которое похоже сразу на тысячи лиц. Вежливый, галантный с дамами, внимательный собеседник, не блещущий, впрочем, никакими особенными мыслями... А может быть, дон Рэба просто глупый и удачливый интриган, сам толком не знающий, чего он хочет, и с хитрым видом валяющий дурака у всех на виду?»

— ...Настоящий ученый, как вы себя называете, должен не задавать вопросы, после которых отправится в рудники. Если, конечно, наш новый знакомый не откажется по достоинству оценить мое миролюбие. И провести время за обедом в приятной беседе.

Да, конечно, он так и выглядел, как говорилось в дневниках, — человек без возраста и особых примет, если не считать таковой цепкий острый взгляд. Помнится, ему предсказывали от силы полгода жизни после прихода Ордена на эту землю... С тех пор прошло двадцать с лишним лет, а дон Рэба все еще жив и процветает, чего нельзя сказать о его противниках.

— Вы, наверное, как и ваш незабвенный родитель — верю, что он жив и здоров и продолжает быть светлым рыцарем на грязном полотне мироздания, — считаете меня таким всеохватным злодеем?

— Ну, вы тут преувеличиваете, дон Рэба, — возразил дон Ратра. — Вы — государственный муж, а исполнение дел государственных со злодейством несовместимо.

— Правильные слова, но звучат ли они в вашем сердце или только в ваших устах? Порой кто-то должен стоять наперекор всему, в том числе — жалости, столпом мироздания, и я не могу иначе.

— Куда может отлучиться кормчий?

— Еще немного — и я поверю, что вы попросите у меня место на государственной службе. Так попросите?..

— Как говорил один мудрец, служить бы рад — прислуживаться тошно.

— Наверное, он ведал оскудевшими финансами. И заодно — королевской благотворительностью. Но тем, кто думает о благе других — хотя и качестве своей прихоти, — все равно приходится общаться либо с людьми не слишком тонкой душевной организации, трудящимися в подвалах, в фартуках, залитых кровью. Либо — с нами — теми, кто медленно, но верно совершенствует мир.

— А других нет?

— Романтические помыслы хороши в будуаре, а не в практике мироздания.

— Слушая вас, не могу избавиться от желания — когда-нибудь не просто вспомнить нашу беседу во всех ее подробностях, но буквально перечесть. Если нам всем посчастливится и вы создадите свой уникальный трактат по искусству правления...

Тут дон Ратра не лукавил. Действительно, у далекого начальства было такое желание. Ради того, чтобы можно было в дальнейшем «подправить» в нужную сторону, сделав из Рэбы не Макиавелли, а более гуманный и просвещенный вариант. А затем использовать в качестве местного эталонного образца для воспитания (а скорее — воодушевления) местной подрастающей поросли элит.

— Почему вы думаете, я не только воздержался от приказа добить вашего отца — все-таки люди Ордена могли, хоть и с большими потерями, это сделать, — но и не стал обвинять его в учиненной им резне и покушении на особу короля и наследного принца?

— Думаю, тут несколько причин.

— Нет, причина всего лишь одна — ждал появления вас. Или кого-то еще из тех, кто стоит за вашим так называемым отцом. Хотя здесь родство действительно не играет роли. Важно — договориться. я могу вам быть полезен, вы — имеется в виду не только лично, хотя тоже не исключается, — мне. И кстати, у меня есть в запасе один хороший сюрприз для вас. Так сказать, козырной туз. И пока мы его обсуждать не будем.

Что же, черт возьми, этот ушлый Рэба раскопал, что надеется с нами поторговаться? Или еще хуже — кого? Только не хватало варианта с заложником, которого трудно будет отыскать без датчика-метки! А какой тут может быть датчик и на ком?

ГЛАВА 3

ТЕ, КТО В ОТВЕТЕ

По крайней мере один сюрприз дон Рэба уже преподнес — самым фактом того, что он действительно помнил об отце Ратры и ждал, когда появится сын «или кто-то еще». При разработке операции учитывалась, конечно, официальная арканарская версия тех давних событий и допускалась вероятность, что она была создана специально. Теперь вероятность превратилась в уверенность.

— У нас есть два варианта твоего внедрения. Сын — третий — и поэтому не наследник одного из приближенных к императорскому величеству. И — сын своего отца.

— А это каким образом?..

— Тогда на его дом напала банда — а не слуги Ордена. Это официальная версия, которую, кстати, до сих пор поддерживает тамошнее руководство.

— Ну а что, согласно этому варианту, с отцом было дальше?

— Тут есть пробелы, которые в том не до конца информатизированном мирке несложно заполнить. Ска-

жем, твой отец был серьезно ранен, долго болел, лечился где-то у заморских лекарей. А может, его выхаживала та сама девушка, которая у него жила. И он, как настоящий рыцарь-романтик — хотя на той планете слов таких не знают, — на ней в благодарность или по любви женился.

— Ясно. Каким будет продолжение?

— Вполне себе ничего, поскольку твой папа, хотя и со странностями, но из благородного рода, значит, такая женитьба на простолюдинке — явный мезальянс. Слухи, гадости за спиной, попытки отравить низкопробную, неаристократическую жену... Поэтому они выбрали уединение. Может, отправились инкогнито в путешествие. А потом умер суровый отец и поскольку он хоть и гневался на беспутного сына, но не отрекался от него по всем правилам, то твой отец, согласно майорату, получил наследство.

— И это дает мне знатное происхождение и почти неисчерпаемые сокровища. Точнее — их легализацию для дальнейшей работы.

— Тут ты абсолютно прав. Кстати, проблему «слишком чистого» золота мы давно решили, все синтезаторы перенастроены соответствующим образом... В общем, такой вариант внедрения представляется оптимальным, потому что к приехавшим в Арканар чужеземцам относятся настороженно. А местным благородным доном ты быть не можешь. Разве что бастардом или еще хуже — жертвой какой-то неприличной истории с родственниками. Там все на виду. А явиться туда простым мастеровым или даже купцом — слишком ограничивать себя в стартовых возможностях. А так ты вдобавок сможешь рассчитывать на помощь уцелевших друзей отца. Надеюсь, рекомендательные письма он тебе сам напишет. Тамошнюю бумагу и чернила дадим. Печатка, насколько я знаю, у него сохранилась.

— Вопрос в том, сохранились ли эти друзья... — вздохнул молодой прогрессор. — Все же у местных даже без

учета орденских репрессий продолжительность жизни короче.

— Ну, к примеру, барон Пампа до сих пор здоровствует. Конечно, его уже величают «старым бароном», и он совсем седой, но все еще крепок... Полный список тех, к кому можно обратиться, сейчас получишь. Кстати, твой отец до сих пор владеет долями в некоторых торговых компаниях. Точнее, поскольку он высокородный, а не торговец, этим занимаются его доверенные лица. Поэтому твой широкий круг общения, в том числе и с приезжими, не будет выглядеть странно. И еще ты мог унаследовать его страсть к меценатству. В том числе, к сбору никому особо не нужных манускриптов и беседам с неблагополучными людьми. Скажут — это у них фамильная черта, тихий бзик благородного семейства...

— А что с властями?

— С Орденом, которым там правит, и проще, и сложнее — ты будешь для них проходить по графе представителя опасных и скорее всего враждебных сил. Но зато держаться они с тобой будут в рамках своих замыслов, отчасти помня непростую историю с твоим отцом, которая, к их изумленью, обернулась для них провалом. Ну и они не дураки, хотя вроде персонажи средневековые. Понимают, что помимо них еще кто-то ведет свою игру. Аккуратную и многоходовую.

— Но и следить будут сразу и плотно...

— Конечно, будут. Зато не поступят как со странным чужаком без роду и племени, которого лучше сразу тащить на дыбу, с нее — если что останется — ты во время учебы видел материалы о том, как это происходит! — то на плаху. А потом в общий ров. Без всякой бумажной и прочей волокиты. А твое прежнее имущество — раздербанить, как у них говорится. Крохи достанутся палачу, который тебя исправно пытал. Он будет счастлив!

На этот раз прогрессор по имени Игорь промолчал. Он действительно видел немало материалов, отснятых

старшими коллегами и непосредственно в Арканаре, и в других местах. После ряда срывов, когда наблюдатели, не выдержав окружающей их дикости и мерзости, поднимали мятежи, устраивали перевороты и пытались внедрить Золотой Век, а потом неминуемо гибли — или их успевали вывезти, но для дальнейшей работы они не годились, — программа подготовки прогрессоров была скорректирована. Кандидатов отбирали не по научным способностям, а по принципу психологической устойчивости. Пришлось даже воспользоваться опытом силовых, прежде всего разведывательных структур далекого темного Прошлого.

Выполняемые задачи тоже претерпели изменения. Сбор фактического материала и спасение тех, кто имел несчастье опередить свой век или прогневать властителей, были дополнены поиском фактов «возможного вмешательства неустановленной стороны». Рассказы о «черных прогрессорах» пока что никакими доказательствами подкреплены не были и проходили по разряду профессиональных баек. Но это не значит, что их, доказательства те самые, не искали...

— И еще, — продолжал тем временем наставник, — не слишком рассчитывай на их пресловутую дикость по сравнению с нашим временем. У них там есть свои преимущества. Да и по сравнению с нами тоже.

— Например?

— У них пока нет ни тестов и детекторов лжи. Но есть хорошие графологи, которые по сделанному тобой рисунку или записке кое-что могут сказать. Ну, понятно, ты-то вроде как знакомый с тестами, знаешь, что нужно рисовать и писать, чтобы правильно считали. Но, ... ИМЯ, проблема в том, что это контролируешь сознательно, но... То, что думаешь, вернее, твое истинное отношение к этому фиксируемому объекту может выдать сила нажима, резкие или плавные линии и даже недописанные описки. Невозможно даже тренированному прогрессору полностью контролировать свое под-

сознание. Особенно если рядом кого-то пытаются — женщину или ребенка, — а ты вынужден за этим с улыбкой наблюдать и не вмешиваться. А тамошние спецслужбисты — хотя они так себя еще пока не называют, — тертые и ушлые калачи, умеющие играть на людских слабостях не только пытками, но всеми аморальными способами.

ГЛАВА 4

ВАРИАНТЫ СМЕРТИ

А вот порт в отличие от города по сравнению со временами отца не изменился совсем. «В порту пахло как нигде в Арканаре. Пахло соленой водой, тухлой тиной, пряностями, смолой, дымом, лежалой солониной, из таверн несло чадом, жареной рыбой, прокисшей брагой. В душном воздухе висела густая разноязыкая ругань. На пирсах, в тесных проходах между складами, вокруг таверн толпились тысячи людей диковинного вида: расхлюстанные матросы, надутые купцы, угрюмые рыбаки, торговцы рабами, торговцы женщинами, раскрашенные девки, пьяные солдаты, какие-то неясные личности, увешанные оружием, фантастические оборванцы с золотыми браслетами на грязных лапах».

По пути Ратра уловил обрывки разговора:

— А времена-то нынче стоят стремные! Не то что при дедах-прадедах было. Арбалеты скорострельные, кольчуги новомодные, почти что не пробиваемые. Телеги какие-то на пару, самодвижущиеся. А зачем тогда лошадей-то разводим?

— И какое тут рыцарское мастерство, если тебя, хоть и в подогнанных по фигуре доспехах и с дедовским мечом — из такой телеги любой холоп походя убьет?

Вот эти самые скорострельные арбалеты и интересовали земное начальство Ратры больше всего. Потому что в Арканаре наблюдался парадокс исторического развития. Прогнозисты предполагали, что после массовых го-

нений на ученых и вообще мало-мальски образованных людей, область, попавшую под власть Ордена, неминуемо постигнет упадок во всех областях. Однако в последнее время там произошел неожиданный всплеск технологического развития. Новое оружие, примитивные, но все же машины... Этого не могло быть! Но оно было.

Возможно, какая-то информация могла быть сохранена в отцовских тайниках. В порт дон Ратра явился как раз на встречу с посланцем одного из отцовских друзей, который должен был передать ключ и указания по поиску одного из таких схронов.

Получив небольшую шкатулку, дон Ратра намеревался поскорее покинуть шумную припортовую территорию, однако через несколько шагов ему преградили дорогу несколько оборванцев.

— Благородный дон не поделится ли с нами?.. — нарочито гнусавым и плаксивым голосом протянул один из них.

Остальные загоготали.

— Слышь ты, чистоплюй... — начал другой.

Дон Ратра рванул было меч из ножен, однако рядом раздался странный свист. Через мгновение он осознал, что все нападавшие, словно бабочки к доске, пригвождены арбалетными стрелами к бревенчатой стене ближайшего склада. Обшитая листами металла узкая колесница, словно специально сконструированная для кривых проулков, подкатила ближе, из нее выскочили несколько стражников.

Один из горе-грабителей, совсем молодой безусый парнишка, практически подросток, был еще жив. Старший патруля мельком глянул на него и подозвал своего, такого же юного, подчиненного.

— Добей его!

— Помилу...

Юнец сноровисто перерезал своему ровеснику горло, да так, что прихваченная за вихры голова осталась

у него в руке. Стражники тем временем деловито повыдергивали из остальных тел стрелы, отсекали и покидали в мешок головы.

— Это для отчета, — пояснил командир, обернувшись к дону Ратре. — Наш благородный господин дон Рэба не только следит за порядком повсюду, но и уделяет внимание каждому. Скоро мы полностью изведем всю эту пакость... Хорошего вам вечера, благородный дон!

Ратра пробормотал в ответ пожелание удачной службы. Стражники запрыгнули в свою колесницу и укатили. Дон Ратра поплелся домой. Да, похоже, тут творится нечто категорически не объяснимое с точки зрения базовой теории феодализма. Ближайшая аналогия — разве что из истории Третьего рейха, когда по приказу Гитлера начали без суда расстреливать всех безбилетников, пойманных в общественном транспорте.

Зря ты, Игорь Антонович, думал, что тебе с твоими знаниями и обновленной специальной подготовкой будет намного легче, чем когда-то пришлось отцу! Нет, не легче ни разу. Хотя ты в этом проклятом городе не один, как когда-то отец, а с надежным напарником. Вернее — напарницей.

Кристина, с которой выпало работать Игорю, была молодой симпатичной брюнеткой с короткой стрижкой под мальчика. Работала в этом феодальном мире уже три года. По легенде — единственная дочь богатого и знатного имперского вельможи, до прибытия в Арканар жила у тетушки-принцессы. Кристина, она же донна Тина, была высококвалифицированным специалистом по оружию и использованию его в бою. Блестяще знала историю, теорию и практику всех боевых искусств и любого из видов вооружения, даже плебейских ножей и боевых кос, бывших в ходу у мастеровых и крестьян.

Она была остра на язык.

— Ну что ты смотришь на меня глазами благородного рыцаря, у которого секса с прекрасной дамой не было

четыре с половиной года?.. Да, эти самострелы, со скоростью почти пулемета, сделаны здесь, а вовсе не завезены на планету тайными врагами.

Игорь допускал истинность гипотезы об антипрогрессорах, чаще называемых «черными прогрессорами». Именно их некоторые представители КОМКОНа обвиняли в том, что, заинтересованные в тайной колонизации планет, те используют для ее разграбления местные суеверия, в первую очередь — тормозя прогресс.

Орудиями для этого становятся различные религиозные ордена и беспринципные странствующие умельцы-организаторы, предлагающие свои услуги как в деле исцеления общества путем наведения нравственного порядка, так и судебно-палаческих услуг по борьбе с инакомыслящими, не верящими духовникам, королю и благородным донам.

Один из профессоров, читавший Игорю лекции, получил записку с каверзным вопросом: «Неужели только мы такие умные, что вмешиваемся и помогаем другим?» И дал развернутый ответ:

— Ну, мы с вами точно не самые могущественные существа во Вселенной. Это научный факт. Даже не акцентируясь на судьбе так до конца и не изученных Предтеч. Ну так вот, в молодости и зрелые годы работая прогрессором, я лично столкнулся, подчеркиваю — среди прочих, вполне банальных ситуаций, с двумя случаями. В них никто из чужаков, мешавших нам, за руку пойман не был, но... как говорится, «осадок остался». Можно списать на непонимание местными жителями необходимости заботиться о своем будущем, можно думать, что нам тогда банально «не повезло». Можно рассчитывать, что мы туда когда-нибудь вернемся и «все исправим». В обоих случаях — уже после завершения операции проводился тщательный анализ с учетом более пяти тысяч факторов, и результат машинного моделирования — вероятность чужого вмешательства — тысячные доли процента, то есть в пределах погрешности

расчетов. Однако утверждать, что вмешательства не было, никто из прогрессоров не возьмется. Может существовать неучтенный сторонний фактор, может...

Сейчас дон Ратра спросил дону Тину:

— А ты как думаешь, что здесь происходит?

— Думаю, что слухи о том, что грамотеев не истребили, а куда-то упрятали, отчасти правдивы. Дон Рэба вполне мог оказаться дальновиднее, чем поначалу казалось нашим наблюдателям, в том числе и твоему папе. Поселили ученых в какой-нибудь дальней крепости, обеспечили возможность работать, свободу и безопасность...

— Свободу?.. — слегка опешив, переспросил Ратра.

— В пределах крепости. Если там хорошая лаборатория, ухоженный сад для прогулок, кормежка и квартира, охрана вежливо кланяется, а материалы для работы доставляются какие надо и вовремя, — очень многим этого будет более чем достаточно. В земной истории тому есть примеры.

Ратра тяжело вздохнул. Когда-то еще в школьные годы они с Тиной вместе учили историю — и после уроков вместе играли в опасные странствия по феодальным мирам. «Ты будешь моим братом, и если понадобится — спасешь меня!..» — говорила Тина. Тогда как раз вышел приключенческий сериал, в котором звучала песня с припевом:

Брат, где мы встретимся с тобой,
В мире, на войне ли?..

— Что тебе передали? — Тина вернула его к современным реалиям опасной работы в феодальном мире.

— Инструкцию, как найти тайник, и ключ к нему. Там заархивированные свитки, которые нельзя сжечь. Высшее достижение местных технологий. На основании этого можно возрождать науку, самое ценное — копии с местными формулировками. Помнишь, как нам рассказывали о людях, которые запрещенные книги печат-

тали сами на тонкой бумаге и прятали? «Эрика берет четыре копии...»

— Высшим достижением технологий свитки были, когда твой отец их прятал. А сейчас здесь... ну ты сам только что видел, что творится.

ГЛАВА 5

НАЕДИНЕ С ПРОШЛЫМ

...Румата успел заслонить собой Киру. Одна арбалетная стрела ударила в грудь, закрытую кольчугой. Вторая впиалась в бедро. Румата покачнулся, но не упал, сжимая оружие. Кровь из ноги стекала на пол, перед глазами плыли круги, но Румата стоял, понимая, что, если рухнет, убьют не только его, но и Киру и всех в доме, до кого еще не успели добраться.

Он знал, что нужно держаться, его вытащат, своих не бросают, но нужно время. И лишь когда в наушнике пискнуло — мы на подходе, он стал заваливаться на пол, в лужу своей же крови, но успел перед тем, как впасть в беспамятство, услышать: «Только, любимый, не умирай! У нас будет ребенок... Ему нужен отец!»

Эти слова Кира повторила и тем, кто пришел спасти их.

Вывозить пришлось обоих — как бы Антон жил дальше, узнав, что его возлюбленная и ребенок погибли в аду неизбежных репрессий на далекой планете?

Малыш появился на свет через полгода. Его называли Игорем. Он рос жизнерадостным крепышом, а повзрослев, решил идти по стопам отца.

— Может, сынок, ты выберешь другое место службы? — Кира по привычке использовала это слово «служба» — хоть и на другом языке.

— Ну что ты, мама? я ведь с детства хотел стать рыцарем. Помнишь, какой «замок» оборудовал себе на чердаке? На лошади научился ездить, занимался в секции

исторического фехтования, в балах под Средние века участвовал. И тут, когда можно пожить настоящим рыцарем, даже князем, — отказаться?

— Но это не игра. Там убивают. Ты о нас с папой подумал?

— А разве вы не рисковали жизнью? Тебе пришлось рисковать даже моей жизнью — до рождения. Ну разве я тебя упрекал? Так, пожалуйста, не упрекай и меня. Не волнуйся, все будет в порядке.

ГЛАВА 6

ХАРАКТЕР МЕСТНОСТИ

Как обнаружил Игорь, новейшая история Арканара после эвакуации его родителей с планеты была во многом переписана. Так, оказывается, никакого переворота и внезапного прихода солдат Ордена не было. Сам старый король, осознав свою немощь в благоустройстве страны и учитывая болезненность и нежелание принца-наследника править, отрекся от престола в пользу Ордена. При регентстве дон Рэбы Лучезарного.

Дальше, как рассказывали в немногочисленных уцелевших школах подрастающему поколению — и просто зевакам на городских площадях, — прежний старый владыка, обняв Рэбу, просил того заботиться о державе и ушел в странствия, позже поселившись где-то далеко в местечке с говорящим названием Разлив. Возле несущей свои мелкие волны и рябь вдаль реки Разливанки, изрядно обмелевшей и потому переставшей быть оживленным торговым путем.

Бывший принц-наследник тоже ушел в народ, но обещал вернуться — когда станет одним из простых заслуженных тружеников. Но он может появиться из неизвестности в роковой час внешней напасти и, следуя древним рыцарским традициям, вступить в смертельный бой с врагом.

— Ну да, прямая параллель с мифом о короле Артуре, — пробормотал Игорь. — Или еще один запасной план Ордена. Рэба же все-таки не вечен...

И никого не волновало, что в момент переворота или, если угодно, отречения принцу не было и десяти лет. Мягко говоря, не тот возраст, когда у ребенка, доселе окруженного всяческой заботой, были бы шансы выжить в гуще простой жизни. Ну разве только кто-то добросердечный возьмет сиротинушку под свою опеку...

А были однажды беспорядки — ну, помните тогда, когда враги народа, узнав о предстоящем отречении короля, и пытались свой путч-мятеж поднять, чтобы народ крестьянский и горожан работающих на цепи посадить и нещадно эксплуатировать. Но на помощь пришел Орден, и злыдни были повержены и сданы в темницы.

На этих схваченных негодяев списали и нападение на дом дона Руматы — верного сподвижника дона Рэбы. Спасли его, согласно этой версии, подоспевшие воины Ордена, разметавшие врагов и погасившие зажженное теми пламя, прежде чем оно охватило дом благородного дона. Тяжело раненный Румата был увезен на лечение. То есть легенда, которой снабдили Игоря-Ратру, была согласована с версией Ордена во всех мелочах. «Но кто же ее разработал, такую удобную для нас версию? И с какой целью? Рэба действительно хочет сотрудничать с нами? Или, судя по технологическому прорыву, он уже законтачил с кем-то...»

Впрочем, в одной из гуляющих в народе утвержденных версий говорилось о какой-то диковинной пещере, в которой Румата заснул надолго... Опять большой привет классической земной мифологии! Все же за более чем двадцать местных лет, прошедших с тех событий, фигура легендарного дона Руматы — вроде как помощника мудрецов, но по вельможной прихоти, — изрядно поблекла и даже большинством позабылась.

Вообще, как выяснилось при анализе доклада прогрессоров, в Арканоре существовала устойчивая тен-

денция превращать павших и исчезнувших противников, вроде как имевших отношение к прежней власти и зафиксированных в местных преданиях и шушуканьях, в верных апологетов нового порядка. Мертвые враги превращались в прочно зафиксированных в памяти служак. Их именами пока не называли улицы и не ставили незатейливых памятников-бюстов, но до этого явно было уже недалеко.

ГЛАВА 7

ОТПРЫСКИ ЛУЧЕЗАРНОГО

В поисках ответа на вопрос, откуда пошел незапланированный расцвет технологий, дон Ратра первым делом посетил Патриотическую школу, когда-то основанную по приказу дона Рэбы. Повод был уважительный — в свое время отец, благородный дон Румата, оказывал финансовую помощь сему учебному заведению, так вот теперь сын намерен продолжить эту добрую традицию. Внешне школа выглядела именно так, как описал ее когда-то отец: «Дом был каменный, современной постройки, без колонн и барельефов, с толстыми стенами, с узкими бойницеобразными окнами, с полукруглыми башнями по сторонам главного входа...»

Сейчас школьное здание было вдобавок обнесено внушительной оградой, охватившей солидный кусок прилегающей территории. Часть окрестных домов, знакомых Ратре по прежней хронике, снесли, на их месте разбили парк и обустроили ристалище. А войдя в саму школу, Игорь-Ратра всерьез насторожился. Отец описывал это заведение как место для подготовки будущих палачей и тупых служак. Но сейчас Игорь отчетливо ощутил некоторые знакомые признаки, которые он не смог бы точно описать, — но уловил безошибочно. Как будто в собственное детство попал. К военизированному устройству школы, растящей пополнение для Ордена, явственно примешивался привкус бесшабашной

и творческой атмосферы, как в земных интернатах, где от детей добиваются всестороннего раскрытия талантов и способностей.

«Похоже, Тина права в своих предположениях...»

Вскоре Игорь получил сведения, которые должны были стать для Центра немалым сюрпризом.

Дон Рэба особенно не был замечен в общении с дамами, тем не менее у него было два сына. От двух разных матерей. Разумеется, в брак ни с одной из упомянутых дам дон Рэба не вступал, однако никто не посмел бы называть юношей бастардами. Их происхождение не афишировалось, но и не скрывалось... и каким же, спрашивается, образом Центр это проморгал?

Итак, думал по пути домой Ратра, было у дона Рэбы два сына...

Один звался дон Рипа, рожден был чуть ли даже не от служанки или еще какой простолюдинки, но уже проявил немалые таланты в вопросах деловых и юридических. За глаза его именовали крючкотвором. А в более позднем времени или другой цивилизации его — в зависимости от применяемых понятий — могли бы называть и рейдером, и корпоративным юристом Ордена.

С ним дон Ратра даже успел познакомиться, хотя и мельком. Посетил штаб-квартиру Ордена с официально провозглашенной целью засвидетельствовать уважение, был представлен дону Рипе, которого сразу счел изрядным мерзавцем. Но, разумеется, никак свое мнение не проявил.

Впрочем, сынуля ведь выполнял волю отца, а уж чью в конце концов волю выполнял изворотливый и хитроумный дон Рэба — Ордена или же кого-то или чего-то, стоящим за ним, — то было неведомо даже Центру. Хотя пара работающих в Арканаре прогрессоров — причем независимо друг от друга — допускали возможность некоего инопланетного вмешательства.

А вот второй, младший, сын дона Рэбы, рожденный от фрейлины прежнего королевского двора, имел с юных

лет тягу к изобретательству. Еще его няньки рассказывали, как малолетний дон Тэвор любил копаться в железках и всяческих механизмах. Потом им нахвалиться не могли учителя в той самой школе — мальчик рос умным, прилежным и вдобавок, говоря по-земному, нестандартно мыслящим. А уж когда дон Тэвор окончил школу и приступил к работе на благо Ордена... Именно с его именем и связывали все удивительные изобретения последних лет.

Жил и работал он за городом, в уединенно расположенном обширном имении — с лабораториями, мастерскими и полигонами.

«И это снова подтверждает версию Кристины! Вот только понять бы, откуда он взялся, этот умник-самородок...»

— А ты узнал, кто его мать? — спросила Кристина, когда Игорь сообщил ей о своих открытиях.

— Думаешь, это имеет большое значение?

— Любая информация важна.

Найти мамашу дона Тэвора оказалось не так уж сложно. Бывшая фрейлина обитала в предместье столицы и славилась там как благонравным образом жизни, так и щедрой раздачей милостыни сирым и убогим. Посетив окрестности ее дома, дон Ратра и дон Тина даже увидели хозяйку, куда-то отправившуюся в паланкине. Ратра не сразу сумел понять, о чем — или о ком — напомнил ему облик этой сейчас вполне почтенной дамы. Как ее синие глаза сверкнули, когда она выглянула из паланкина! Должно быть, красotka была необыкновенная...

— Эй, любезный! — окликнул дон Ратра прохожего. — Это и есть загородный дворец Пица Второго?

И сопровождал вопрос золотой монетой.

— Это дом доны Оканы, добрый господин! А дворец вон там, чуть дальше.

Дворец Пица Второго славился изяществом архитектуры и посмотреть его приезжали многие благородные

господа даже издалека. Игорь сумел не выдать своего изумления, пока они с Кристиной не завернули за угол упомянутого дворца. И тут он не выдержал:

— Дона Окана! Это ж та самая! Но ведь ее...

— По словам твоего отца, ее арестовали и замучили, хотя у него с ней так ничего и не получилось.

— Ну да...

— Тогда кто это?

— Двойник?

— А зачем такие сложности?

— Или тот, кто сказал о ее судьбе моему отцу, соврал. Как там его, дон Рипат, кажется... А возможно, он сам ничего не знал, передал, что ему велели.

— Похоже, в той версии событий, которую мы знаем, очень много нестыковок, ты не находишь?

ГЛАВА 8

ИГРА В ПРЯТКИ: СВОЙ — ЧУЖОЙ

— ...Ну, не надо переоценивать роль знатности и слишком часто сопровождающего его чванства. Благородный дон в Арканаре — лишь тот, с кем я говорю и пока я с ним говорю. И пока не встречал тех, кто желал мне прямо или криво возразить по этому вопросу.

На новую встречу с доном Рэбой прогрессор напросился сам. Дескать, увидев достижения Арканара, дон Ратра стремится понять, чем он может быть полезен Ордену и державе. Разговор, правда, пошел не по плану — его, если честно, и не было. Касались самых разных тем, но внезапно опять речь зашла о доне Румате.

— Вот, гляньте-ка. — И дон Рэба указал на лежащий в соседнем кресле огромный фолиант. — Как вы думаете, что это такое?

— Наверное, записи ваших мудрых мыслей, сделанные для потомков.

— Вы дважды ошиблись. Во-первых, не моих, а вашего отца. Во-вторых, не для потомков, а тех современни-

ков, которым надлежит быть в курсе, что говорят некоторые дома в приватной обстановке.

— Это так важно для вас?

— Лояльность всегда важна. И не только парадная, но и закулисная.

— Ну и что? Значит, что кто-то из слуг моего отца провел большую часть жизни, наполняя этот том трезвыми и пьяными словами благородного дона, описанием его походов и инвентаризацией его хобби. Унылая, однако, жизнь получилась.

— Спешу вас обрадовать — ему не было скучно, поскольку он не был одинок. И вынужден далее вас огорчить — из соображений государственной безопасности Арканара и только по этой причине — я не могу вам открыть имена наших осведомителей, которые находились рядом с отцом. Поверьте мне на слово, это были лучшие его люди. И не отвечу на ваш так и не заданный, но рвущийся из уст вопрос — а была ли среди них ваша мать Кира? И кто сделал так, чтобы ваша матушка однажды встретилась с доном Руматой?

— Не верю...

— Зачем мне объяснять «человеку не отсюда» — а как вас иначе называть? — что мы ведем долгую, очень долгую игру. И только в самом конце партии станет ясно, кто кого переиграл. И в нашей игре в отличие от классических, где все изначально поделено на белые и черные фигуры, которым предстоит быть съеденными — уничтоженными, есть возможность менять масть. Так сказать, есть искусство выхода, которое ценится больше, чем искусство входа. В ту самую партию. Выбрать лучшее, победителя. Вовремя и с пользой не только для здоровья, но и для будущего блага нашей державы. А ведь вы, несмотря на то что играете в циника и любителя хорошей жизни, не сможете разгонять толпу на площади во главе рыцарской конницы. И делать залп из многозарядного арбалета по женщинам и детям. Или сможете?

И тут дон Ратру накрыла волна той ярости, о которой он имел лишь слабое представление по отцовским воспоминаниям. Прогрессор даже вцепился в подлокотники, пытаясь поскорее справиться с собой.

Дон Рэба смотрел на него очень внимательно.

А в левом углу кабинета из-за бархатной шторы слегка высунулся скорострельный арбалет нового образца. Только это и поменялось со времен дон Руматы, если вдуматься. А сама охранная традиция заботиться о себе любимом у дон Рэбы осталась.

У Ратры промелькнула шальная мысль — пройдет еще несколько лет и неувядающий дон Рэба будет так же говорить с его сыном. Так же высунется из-за портьеры арбалет. Только вместо верного стражника дон Рэбу будет охранять боевой робот...

Ратра зажмурился и помотал головой, отгоняя навязание.

ГЛАВА 9

ОТ ПЛАНА А К ПЛАНУ Б

— Кроме уже воплотившейся черной опасности, то есть Ордена, — горячо говорил Ратра, — есть еще одна, назовем ее Красной. Прежде народные восстания — в которых в первую очередь принимало участие беднейшее крестьянство, и городские люмпены не имели никаких шансов выстоять против рыцарской конницы и профессиональных ратников. Восставшие могли захватить несколько селений, развязать партизанскую войну, но как только они захватывали города и наставало время сражений в открытом поле, мятежников разбивали наголову, и начиналась лютая расправа.

— И что, на ваш взгляд, изменилось? — спросил куратор.

— На вооружении Ордена — а значит, неминуемо при следующем мятеже и восставших — появились многоза-

рядные скорострельные арбалеты и те самые бронированные телеги...

— Почему вы думаете, что у восставших они будут?

— Неизбежно у орденских отобьют — в бою с большой кровью, при перевозке или во время ночного налета.

А что еще, продолжал убеждать Ратра, было, так или иначе, воссоздано в тайных лабораториях Ордена? Они ведь загодя готовились к встрече с нами и не начали ли они заранее свою контригру? Если массы восстанут и они захватят броневики и арбалеты-стрелометы, то на чьей стороне нам придется вмешиваться во избежание больших жертв?

Ведь теперь у вожаков очередного восстания появится шанс, которым они не преминут воспользоваться. Гражданская война, резня, вспоротые животы беременных женщин — попеременно крестьянок и благородных дон, разграбленные города и села, виселицы, плахи и прежде плодородные поля, залитые кровью.

На арканарской земле могут появиться коммуны — потому что при наличии оружия, на ступень превосходящего рыцарское, и с учетом численного превосходства повстанцев — разгромить даже Орден с его железной дисциплиной вполне реально. Техника уравнивает шансы. А орденским нужно будет покидать города, и тут-то и их техника переедет в другие натруженные руки.

Дон Ратра, закончив излагать эти невеселые умозаключения, устало посмотрел на куратора. Потом на Кристину. Та деловито спросила:

— И что ты предполагаешь учинить с сыном Рэбы?

— Похитить. Потому что это единственный вариант точно выяснить, кто он и откуда берутся эти новаторские оружейные идеи. Если он не местный — мы имеем полное право вывезти его с планеты и отдать под суд. Будь он действительно представитель черных прогрессоров или просто сбежавший из нашего светлого буду-

щего, чтобы преобразовать чужое. Или захотелось почувствовать себя Геростратом?

— А может, наоборот? Он считает, что помогает местным, а кто-то, например, мы — мешаем.

— Не важно тут, что он считает — важно, что делает, — рубанул рукой воздух куратор. — И кому вредит. А тут он пакостит не только нам. Но возвращаясь к плану, что вам потребуется?

— Устройство для проведения генетического анализа. Компактная установка, позволяющая стопроцентно отличить местного от инопланетника.

— А если сынуля окажется местным? Что тогда? Мы не имеем вообще-то прав наказывать местных за их таланты. Даже такие. И ты понимаешь, что похищение сына — это объявление войны не только самому Рэбе, но и всему Ордену?

— Понимаю, но иного выхода нет.

— А если все же местный?

— Тогда задействуем план Б. Свалим на местных негодяев. Совсем безбашенных на почве жадности.

— Рэба поверит?

— Будет допускать такую возможность.

— Так ставишь на чужое воздействие? Тогда следующий шаг — искать чужие артефакты. Или иначе говоря — замаскированные технологии.

ГЛАВА 10

БУДНИ КОМАНДИРОВАННЫХ

— Надеюсь, вы не из этих... содомитов с песьими головами, — жеманно поведя полуобнаженным плечиком, проворковала Румате дона Окана.

Таким здесь явно было не место. И Румата, стараясь не обращать внимания на запах слегка немытого женского тела (ну а в так называемые Темные века на Земле тоже мылись изредка, ну просто традиция не сформир-

ровалась!), приступил к ритуалу «влюбленного рыцаря, припавшего к своей неопишуемой в наготу прекрасной даме».

Прогрессору полагалось быть выносливым во всех отношениях.

Искушений в процессе длительной командировки на чужую планету всегда было предостаточно. Руководство время от времени пыталось навести хотя бы подобие порядка в этой области работы. Для формализации устойчивых личных отношений в личное дело была введена возможность отметки о «временном браке». Даже без совершения соответствующего местного брачного ритуала.

Случайные связи оставили на совести прогрессора. Или, как в данном случае, приравнивали к выполнению отдельного задания.

В отношении же возможности рождения детей — как при «исполнении служебного долга», так и по «местной любви» с аборигенками — каждый специалист на чужой планете решал сам. Одно время «сверху» ненавязчиво рекомендовались чудо-таблетки от нежелательной беременности. Такая пилюля бесследно и без шипения растворялись в любой жидкости, которой можно было угостить даму перед самым соитием.

Но однажды жена одного очень важного и нужного вельможи заметила, как таблетка оказалась в ее бокале и... благородный рыцарь, обвиненный в чародействе, был в тот же день казнен. Помощь опоздала — тело и отрубленную голову доставили на родную планету безутешным родным и невесте.

Игорь еще раньше задумывался о том, что благородному дону, дабы избежать насмешек и подозрений, придется обзавестись любовницей. И — возможно, не одной, дабы не упрекнули в романтической привязанности и гнилом идеализме, что неминуемо кончалось пыточными подземельями. Но пожалуй, он, наплевав на

инструкции и строжайший запрет, будет в таких случаях снимать обруч. На всякий случай. Зачем шокировать начальство и, возможно, Кристину видеосценами из средневековой эротической жизни?

В общем, попытки регламентировать интимную жизнь и бесконтрольное размножение сотрудников КОМКОНа время от времени возникали, но быстро сходили на нет. Сами сотрудники, кто сразу, кто после некоторого количества моральных терзаний, как правило, перенимали точку зрения местных представителей мужского пола, прекращая заморачиваться мыслями о возможном потомстве.

А зря! Говорили же раньше — ты в ответе за всех, кого наплодил...

ГЛАВА 11

ЗА СПИНОЙ ПРОГРЕССА

— Возможных вариантов появление нехарактерных для данного времени и места относительно передовых технологий, в первую очередь оружейных, только два, — докладывал через несколько дней куратору дон Ратра, он же прогрессор Игорь.

— Подробнее!..

— Первый вариант — это недоработки космослужбы. Банальная контрабанда, причем не самой передовой техники (чтобы не привлекать излишнего внимания), имеющей к тому же вид списанной (но должным образом не утилизированной) и даже отремонтированной. Судя по известным нам попыткам ее использования, которые в отдельных случаях заканчивались гибелью окружающих ее людей, подробных переведенных и скорее даже адаптированных под их уровень инструкций у них нет.

— А второй вариант?

— Он — хуже. Это гипотеза о тех самых черных про-

грессорах, один или даже несколько из которых работают на планете и производят необходимые для их дальнейшего корыстного плана изменения.

— Почему корыстного?

— Они противостоят нам, а мы-то — бескорыстны.

— Ну, мы вроде пока не последняя инстанция во Вселенной. А еще другие варианты ты отбрасываешь?

— Можем, конечно, предположить, что пульс эволюции на планете почему-то ускорился. Или что местным жителям стали приходить в голову идеи предметов, очень похожих на созданные когда-то на Земле. Или вы действительно верите, что местный парень, который по странному совпадению является сыном Рэбы, — технический гений, который все изобрел? На радость папе. И Ордену.

— Ну, насчет на радость — тут еще не факт. На сегодняшнюю радость — да, а вот дальше... Однако у нас теперь на повестке дня вопрос — передается по наследству только способность к технологическим или к социальным реформациям? Вырастают ли у бунтарей дети-бунтари — как у новаторов-оружейников — создатели самого совершенного оружия? Впрочем, это не ваша задача. Вам надлежит выяснить, откуда взялся этот местный или неместный изобретатель.

— Вас понял. Разрешите выполнять?

— Действуйте.

— Такое впечатление, — проговорила Кристина, когда Игорь передал ей слова руководителя, — что мы блуждаем в лабиринте и на ощупь ищем ответы на вопросы.

— А что ты предлагаешь?

— Отправиться к сердцу лабиринта.

— Ну вот, поймаем этого, протестируем и сразу дойдем до сердца.

— Да, это наилучшее решение.

— Я рад, что тебе понравился мой план.

СЕРДЦЕ ЛАБИРИНТА

Перехватить дона Тэвора было решено на пути из поместья в столицу. Конечно, изобретателя сопровождала охрана, но с гипноизлучателями это не проблема. Игорь-Ратра, Кристина и двое сотрудников, присланных для усиления, разместились в выбранной для засады рощице задолго до назначенного часа. Вертолет был замаскирован в ближайшем овраге. Оставалось только ждать.

Игорь думал о том, что прогрессорство, по своей сути, — не столько помощь чужому будущему, сколько оправдание собственного прошлого — вернее, отрицание его. Мы теперь другие и больше к ужасу темных эпох не вернемся. Но сколько раз у него и, как говорили у других, на арканарской земле просыпались те самые чувства — ненависти, хоть бы и к злодеям, чванства, пусть оно и было положено ему по легенде... И какой идеал мы должны в конце концов предложить или отчасти навязать арканарцам? Чем должен стать Арканар? Аграрной территорией, индустриальной державой или чем-то еще?

И — если убрать конкуренцию, то получим застой. Болото. Может быть, внезапно пришла в голову Игоря крамольная мысль, — и черные прогрессоры необходимы. Точнее — их действия, чтобы у нас, белых прогрессоров, был не только стимул, но и реальный противник. Или соперник. Если, конечно, они, черные, на самом деле есть.

...Операция «Сердце лабиринта» прошла точно по плану. Бесчувственный дон Тэвор был погружен в вертолет и вывезен на тайную базу прогрессоров.

Пока специалисты расшифровывали его геном, Игорь извлек сверток, который давно вынул из тайника, вот только разобраться не было времени.

Научные данные там, возможно, и были. Но первое, что попало на глаза Игорю, — связка писем. Письма

доны Оканы к его отцу. Короткие, но откровенные. Из них явственно следовало, что связь прогрессора и фрейлины и впрямь была, а не закончилась фиаско при первой же попытке.

Игорь еще не успел привыкнуть к этой мысли, когда появилась Кристина.

— Мы провели генетический анализ, — сказала она. — Дон Тэвор действительно имеет инопланетные, в смысле нездешние, гены.

— Так! Значит, будем действовать по плану...

— Это еще не все. — Кристина умолкла, но потом упрямо вскинула голову: — Этот геном нам хорошо известен. В смысле половина его...

— То есть? — не понял благородный дон Ратра, он же прогрессор Игорь. — Он из наших, как мы и подозревали?

— Его геном наполовину совпадает с твоим. Должно быть, твой ближайший родственник...

— Брат!..

Рассмотрев искаженное лицо Игоря, Кристина с сочувствием добавила:

— Брат за брата не ответчик...

Брат, где мы встретимся с тобой,
В мире, на войне ли?..

СОДЕРЖАНИЕ

Роман Злотников

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ 5

ПОЛДЕНЬ

Григорий Панченко

О СТРАНСТВУЮЩИХ И ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ —
КАКИМИ ВЫ НЕ БУДЕТЕ 13

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ
НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА 26

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий

«ПОГРУЖЕНИЕ У РИФА ОКТОПУС». 46

Олег Дивов

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ КАНАЛА ИМЕНИ МОСКВЫ . . . 63

Сергей Звонарёв

ТОЧКА БИФУРКАЦИИ 97

Борис Богданов

ПЯТАЯ БЕЗЫМЯННАЯ 111

Сергей Ковешников

ПУШКА ДЛЯ ВОРОБЬЁВ 118

Максим Тихомиров

ПАСТЫРИ 130

Игорь Минаков

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА 140

Елена Клещенко	
ЕЩЕ ВОСЕМЬ ВЕКОВ	232
Майк Гелприн	
КОВЧЕГ-3	245
Владимир Венгловский	
НИ СЛЕЗ, НИ ПЛАМЕННЫХ СТРАСТЕЙ	254
Владимир Марышев	
БЕСПОКОЙНАЯ УЛИТКА	266
Михаил Савеличев	
ГРЕХ ПЕРВОРОДНЫХ	274

МЕЖДУ ПОЛДНЕМ И ПОЛНОЧЬЮ

Игорь Московит	
БДИТЕЛЬНЫЙ КОМСОМОЛЕЦ	305
Григорий Панченко	
ГОРЯЧИЙ ЩЕБЕНЬ	313
Ника Батхан	
СОЛНЕЧНЫЙ ГОРОД	326
Агата Бариста	
КОРХО ЧИХЕЛ?	338
Тимур Алиев	
ВТОРОЙ УХОД МАРСИАН	350
Дарья Зарубина	
ОДИН	358
Евгений Лукин	
ОДНАЖДЫ В БАРЕ	369
Елена Первушина	
ПЕТЕРБУРГСКАЯ КИБЕРРЕАЛЬНОСТЬ	378
О'Рэйн	
ДНО СОВЕСТИ	395
Майк Гелприн	
МОЛЬ	421

ПОЛНОЧЬ

Дмитрий Никитин	
КОПЫТО СМЕРТИ	443
Сергей Удалин	
ПЕРЕД ТЕМ, КАК ЗАХЛОПНЕТСЯ ДВЕРЬ	454
Евгения Халь, Илья Халь	
СЕРДЦЕ СПРУТА	467
Алекс Громов, Ольга Шатохина	
НАСЛЕДИЕ ОТЦОВ	477

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

МИР СТРУГАЦКИХ ПОЛДЕНЬ И ПОЛНОЧЬ

Ответственный редактор *И. Минаков*

Редактор *Е. Михайленко*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *Е. Кумшаева*

Корректор *Е. Сербина*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 25.11.2015.

Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Балтика».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,88.

Тираж 3 000 экз. Заказ 8970

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ВСЁ самое
интересное
О ФАНТАСТИКЕ
И МИСТИКЕ

в группе:

http://vk.com/m_y_f

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

МИР СТРУГАЦКИХ ПОЛДЕНЬ И ПОЛНОЧЬ

Что произошло у рифа Октопус? Откуда взялся на Марсе канал имени Москвы? Чем закончилась история тринадцати подкидышей, которых так опасался Рудольф Сикорски? Что связывает катастрофу на Далекой Радуге и таинственную планету Пандора?

Аркадий и Борис Стругацкие, Олег Дивов, Роман Злотников, Евгений Лукин и другие в сборнике, посвященном миру далекого будущего, легендарного «Полдня, XXII век»!

Произведения братьев Стругацких, включенные в сборник, публикуются впервые!

МИР СТРУГАЦКИХ. ПОЛДЕНЬ И ПОЛНОЧЬ

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ • БОРИС СТРУГАЦКИЙ • ОЛЕГ ДИВОВ • РОМАН ЗЛОТНИКОВ •
ЕВГЕНИЙ ЛУКИН • МАЙК ГЕЛПРИН • ИГОРЬ МИНАКОВ • ДАРЬЯ ЗАРУБИНА

ISBN 978-5-699-84824-9

9 785699 848249 >